This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

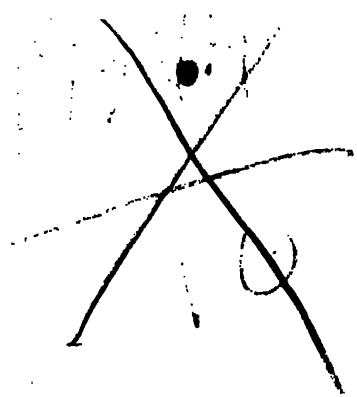
IPB

30140
11

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

30140
4

HH
6392



Markevich, B. M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG3467
M327
1885
v.5

Содержаніе

ПЯТАГО ТОМА:

	стран.
Четверть вѣка назадъ (часть II)	1—359.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Памяти графа Алексѣя Толстаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Графъ уѣхалъ тотчасъ послѣ спектакля, отвѣтивъ на просьбы хозяйки остаться ночевать, что у него на завтра въ Москвѣ назначенъ пріемъ просителей, и что онъ очень любитъ спать въ коляскѣ на чистомъ воздухѣ.

— Прощайте, милое дитя! говорилъ онъ, подойдя къ вошедшей Линѣ и похлопывая рукой по ея рукѣ, — прекрасно играете! даже жалко было смотрѣть, точно правда была... А шалунью въ Москву, пѣть! тѣмъ же акаѳистомъ обратилъ онъ рѣчь къ Ольгѣ Акулиной, взирая очевидно не безъ удовольствія на всякія ея красы.

— Вы ужь такой милый, графъ, такой милый! расписывала въ свою очередь барышня, отпуская ему убійственнѣйшіе изъ своихъ *глазенапов*. Онѣ втроемъ съ Аглаей Константиновной пошли проводить его и простились съ нимъ на лѣстницѣ. У нижней ступеньки ея, вытянувшись въ струнку, стоялъ въ дорожной формѣ исправникъ Акулинъ.

— Исправникъ! Успѣлъ переодѣться? И парикъ снялъ! воскликнулъ, увидѣвъ его, графъ, подымая вверхъ обѣ свои ладони.—Очень хорошо играешь, я много смѣялся!

— Радъ стараться, ваше сіятельство! вскликнулъ въ свою очередь исправникъ, отвѣшивая ему форменный поклонъ одною головой и не отрывая рукъ, прижатыхъ ко швамъ панталонъ.

— Усталъ? милостиво спросилъ его сіятельство.

— Никакъ-нѣтъ, ваше—ство, хоть сейчасъ снова начать прикажите.

— Нѣтъ! Зачѣмъ! протянулъ смѣясь графъ. — А только ты усталъ. Животъ большой, въ перекладной растрясетъ. Оставайся! Дороги хороши, проѣду и безъ тебя.

— Этого не могу-съ! отпустилъ Акулинъ.

— Почему? еще разъ протянуло начальство и еще разъ приподняло ладони.

— Какъ солдатъ отъ казеннаго ящика, такъ и я отъ вашего сіятельства въ границахъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда отлучиться не могу и не дерзаю. А что до живота-съ, промолвилъ онъ уже съ Полоніевскою ужимкой на лицѣ,—то онъ у меня казенный, ваше—ство, какъ разъ въ мѣрку почтовой телѣги укладывается.

— Балагуръ! запѣлъ предовольный такою остротою графъ, закутываясь въ поданную ему теплую шинель.—Твоя граница гдѣ? спросилъ онъ подумавъ.

— Рѣка Нара, ваше—ство.

— Да, гдѣ парѣмъ. Знаю!... Отсюда сколько?

— Двѣнадцать верстъ, ваше с...

— Спать буду, не увижу тебя болѣе... Чтобъ не забыть,— Шашковъ, запиши!—чрезъ недѣлю въ Москву пріѣзжай! Ко мнѣ, лично! примолвилъ онъ особеннымъ тономъ.

— Слушаю, ваше—ство! рявкнулъ въ восторгѣ сердечномъ толстый Елпидифоръ. Успѣхъ Полонія и „глазки“ Ольги Елпидифоровны обезпечивали ему, очевидно, ближайшее повышеніе по службѣ.

— Ну, ѣдемъ! сказалъ графъ.—Прощай, Ларіонъ! обратился онъ къ князю, спустившемуся съ нимъ внизъ и, трижды облобызавъ его, шепнулъ на ухо:—изъ Петербурга ничего не получалъ?

— Нѣтъ! коротко отвѣтилъ тотъ, слегка сморщившись и, видимо недовольный вопросомъ.

Графъ вышелъ на крыльцо. Исправникова тройка уже гремѣла колокольчикомъ подъ сводомъ *льва*.

Графиня Воротынцева съ своей стороны объявила рѣшительно, что остаться ночевать не можетъ, что ее ждутъ въ Дарьинѣ, но согласилась подождать, пока засвѣтлѣетъ, въ виду какого-то не совсѣмъ надежнаго моста по дорогѣ, о которомъ напомнилъ ей князь Лоло, и по которому, увѣрялъ онъ, было бы не безопасно проѣзжать темною ночью... По настоятельной просьбѣ Аглаи Константиновны „ouvrir le bal avec le jeune comte“, она сдѣлала два тура вальса съ графомъ Анисьевымъ, съ тѣмъ, требовала она, чтобы „уже послѣ этого не обращали на нее никакого вниманія“, что она устала и хочетъ до отъѣзда отдохнуть въ какомъ-нибудь уголкѣ. Она ушла подальше отъ грома бальной музыки въ маленькую, полуосвѣщенную гостиную, куда увела и Софью Ивановну Переверзину, и гдѣ онѣ усѣлись вдвоемъ на маленькомъ угловомъ диванѣ.

Ее очень интересовалъ „романъ“ Лины и Гундурова, и она просила Софью Ивановну сообщить ей о „положеніи вещей“ въ настоящую минуту. Въ этой женщинѣ было такъ много обаятельнаго, захватывающаго, симпатичнаго, что Софья Ивановна, завоеванная ея прелестью съ первой минуты ихъ знакомства, забывъ всю обычную свою сдержанность, откровенно разговорилась съ нею, какъ со старымъ многолѣтнимъ другомъ.

— Elle est bête comme chou cette grosse fermière, воскликнула графиня, говоря про Аглаю Константиновну,—и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ она рѣшающаго значенія имѣть не можетъ. L'oncle (то-есть князь Ларіонъ), вотъ отъ кого, сколько я понимаю, должно все зависѣть.

Софья Ивановна закачала головой:

— Чѣмъ глупѣе люди, тѣмъ они несговорчивѣе и упрямѣе. Я опасаюсь, напротивъ, что если князь Ларіонъ вступится въ дѣло искренно, онъ своею рѣзкостью можетъ ско-

рѣе напортить, чѣмъ помочь; если же онъ станетъ говорить для формы, безъ внутренняго убѣжденія...

— А вы этого боитесь, вы не увѣрены въ немъ? живо прервала ее собесѣдница.

— Онъ очень любитъ свою племянницу, сколько мнѣ извѣстно, сказала Софья Ивановна,—и, кажется, обѣщалъ ей стоять за ея выборъ. Но самъ онъ въ то же время, превознося на словахъ моего племянника въ глаза и за глаза, въ сущности, я знаю, нисколько не находитъ его подходящимъ мужемъ для княжны.

— Почему это, почему? воскликнула графиня.

— Онъ находитъ его слишкомъ молодымъ, безъ положенія въ свѣтѣ...

Графиня даже руками всплеснула:

— Молодой мужъ, чистый, вѣрующій въ любовь и въ женщину, не истрепавшійся avec toutes ces créatures, съ которыми они тамъ всѣ проводятъ лучшіе свои годы, да вѣдь это счастіе, самое рѣдкое и желанное счастіе! О, сколько бы женщинъ вышли иными изъ этой battle of life, *) если бы выпалъ имъ на долю un vrai mariage, бракъ съ человѣкомъ, такимъ же непорочнымъ въ своемъ прошедшемъ, какъ и онѣ сами, когда выходили замужъ... А „положеніе“?... Боже мой! Да неужели этотъ Milord Walpole, этотъ умный человѣкъ, который такъ независимъ въ своихъ мнѣніяхъ и такъ не нравился за это en certain lieu, неужели и ему нуженъ для такого прелестнаго существа, какъ его племянница, l'éternel aide de camp à carrière въ родѣ этого Анисьева? Вѣдь онъ же знаетъ, чего стоятъ tous ces ignobles ambitieux d'antichambre, которыми полонъ Петербургъ. Онъ долженъ цѣнить людей, которые иного ищутъ, иное дѣлать хотятъ, чѣмъ то, что тамъ дѣлается! Il est véritablement Européen, lui, какъ же не противно ему все это наше татарство!... Послушайте, прерывая себя, молвила она, быстро подымаясь съ мѣста,—хотите, я сейчасъ переговорю съ нимъ, мы всегда были большіе друзья...

Софья Ивановна удержала ее за обѣ руки:

---

*) Битва жизни.

— Нѣтъ, милая графиня; тысячу разъ благодарю васъ, но въ эту минуту это было бы во всякомъ случаѣ преждевременно. На мнѣ лежитъ обязанность поговорить и съ нею, и съ нимъ ранѣе всѣхъ, сказала она, и судорожное движеніе повело все ея лицо при этомъ.

— Вы правы, молвила графиня, садясь опять,—и я вижу, что вамъ это будетъ не легко, добавила она, пожимая ей руку.

Онѣ на мигъ замолкли.

— Et le jeune homme, вашъ племянникъ amoureux fou, да? начала опять графиня.

Черты Софьи Ивановны омрачились.

— Да... но не такъ, кажется, какъ бы я желала, проговорила она какъ бы нехотя,—не такъ, какъ этого стоитъ эта удивительная дѣвушка.

— Что вы хотите сказать?

— Мнѣ трудно было бы это объяснить вамъ, я сама не могу еще вполнѣ дать себѣ въ этомъ отчетъ, но мнѣ показалось сейчасъ въ театрѣ...

— Онъ былъ удивительно хорошъ! вскликнула графиня Воротынцева: — un vrai désespoir!

— Слишкомъ! отвѣтила сквозь зубы Софья Ивановна. — Ахъ, вотъ онъ! вырвалось у нея въ это же время.

Изъ-за портьеры выглянуло лицо Гундурова: онъ видимо искалъ тетку и не входилъ, видя ее занятою разговоромъ съ незнакомою ему дамой.

— Представьте мнѣ его пожалуйста! съ живостью проговорила графиня.

— Сережа! кликнула Софья Ивановна.

Графиня дружески пожала ему руку, едва названъ онъ былъ ей, и пригласила сѣсть подлѣ себя:

— Не ждите отъ меня комплиментовъ, говорила она, — прежде всего потому, что я никогда не умѣла ихъ дѣлать, а потомъ вы ихъ, я думаю, такъ много уже успѣли наслышаться, что не говорить вамъ ихъ значитъ оказать вамъ услугу, не правда-ли?

— Истинная правда, графиня, сказалъ Сергѣй, — тѣмъ болѣе, что ничего не можетъ быть глупѣе, какъ положеніе

человѣка, которому, заслуженно или незаслуженно, воздаютъ хвалу въ глаза. Я только-что испыталъ это. Одинъ изъ вашихъ петербургскихъ львовъ сдѣлалъ мнѣ честь пожелать познакомиться со мною, — бѣдный герой нашъ видимо старался говорить веселымъ и спокойнымъ тономъ, но Софья Ивановна видѣла, что это стоило ему неимовѣрныхъ усилій,— и насказалъ мнѣ такихъ любезностей, что я не зналъ, куда дѣться. Къ несчастію же моему, это случилось какъ разъ противъ какого-то большаго зеркала, въ которое я нечаянно взглянулъ въ эту минуту и былъ до того пораженъ совершенно идіотскимъ выраженіемъ моей физіономіи, что, не дослушавъ диѳирамба, убѣжалъ отъ него стремглавъ, будто пойманный въ преступленіи.

Графиня громко засмѣялась:

— Это былъ графъ Анисьевъ, cet enthousiaste exagéré?

— Да. Онъ такъ назвался, представляя себя мнѣ, отвѣтилъ Гундуровъ съ худо скрытою ироніей.

— Eh bien, c'est très beau de sa part, я васъ увѣряю, сказала она съ тѣмъ же смѣхомъ, быстро обмѣнявшись взглядомъ съ Софьей Ивановной;—вы должны быть ему не шутя благодарны: онъ можетъ быть гораздо болѣе рыцарь, чѣмъ вы думаете, промолвила она совершенно другимъ тономъ, вспомнивъ вдругъ сказанное ей Анисьевымъ въ театральной залѣ за чаемъ.—Ou beaucoup plus machiavélique encore, чѣмъ какимъ я его знаю, высказала она тутъ же вслухъ пробѣжавшую у нея вслѣдъ за этимъ мысль, и ея сфинксовые глаза съ загадочнымъ выраженіемъ остановились на Гундуровѣ.

Молодой человѣкъ съ недоумѣніемъ и нѣкоторою тревогой ожидалъ объясненія непонятныхъ ему словъ ея...

Но онъ не получилъ этого объясненія.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, сказала нежданно графиня, — что съ вами было въ Петербургѣ? Ваша тетушка мнѣ сказала, что васъ не пустили за границу?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— Une valse de Gungl, n'est-ce pas? спросила она его вдругъ, прислушиваясь къ доносившимся къ нимъ изъ залы звукамъ.

— Не сумѣю, право, вамъ сказать, графиня, отвѣчалъ онъ небрежно,—я не музыкантъ, а тѣмъ менѣе танцоръ.

— Нѣтъ, я это когда-то страстно любила, сказала она, моргнувъ вѣками, съ невыразимымъ оттѣнкомъ въ голосѣ,— и встала.—Мнѣ хочется посмотрѣть на вашу Офелію: donnez moi votre bras! обратилась она къ Сергѣю съ обаятельною улыбкой, отъ которой повѣяло ему на мигъ какимъ-то внезапнымъ облегченіемъ.

— А я съ вами прощусь, милая графиня, сказала ей Софья Ивановна, — для меня поздно, и этотъ день истомилъ меня; мнѣ надо протянуться. Спать я не буду, добавила она по адресу племянника. „Я ждать тебя буду“, перевелъ онъ это мысленно.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ, стала просить графиня Воротынцева, — погодите немножко! Je ferai le tour du salon avec vôtre neveu и вернусь сейчасъ сюда, мы уйдемъ вмѣстѣ. Я скорѣе переодѣнусь и уѣду. J'ai une peur mortelle que cette grosse dondon de princesse не вздумала бы меня провожать со всякими церемоніями. Vite, vite, monsieur Goundourof, вашу руку!

Прелестная женщина не безъ намѣренія дѣлала это. „Романъ“ Гундурова серьезно занималъ ее въ эту минуту. Ей горячо хотѣлось помочь ему, хотѣлось показать этой „grosse dondon de princesse“, всѣмъ этимъ московскимъ ея гостямъ, что она въ этомъ молодомъ человѣкѣ видѣла своего, *quelqu'un*, признавала за нимъ ту степень общественнаго положенія, при которой онъ по всѣмъ правамъ могъ претендовать на руку княжны Шастуновой. И это, по ея мнѣнію, надо было сдѣлать сейчасъ, не упускать случая...

Налегая какъ бы устало своею обнаженною, полною рукой на черный фрачный рукавъ Гундурова, она прошла съ нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ разставлены были ломберные столы, и хозяйка дома, игравшая въ преферансъ съ княгиней Додо, Зяблинымъ и походившимъ на стерлядь Костей Подозеринымъ, только-что осталась безъ двухъ въ червяхъ и недоумѣло спрашивала, какъ могло это такъ случиться, обремизившаго ее „бригадира“.

— Ah, chère comtesse, отрываясь отъ картъ, заголосила тутъ же она, увидѣвъ входящихъ,—vous revoilà! Надѣюсь не съ тѣмъ, чтобъ уѣхать?...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила подходя графиня,—мы съ monsieur Serge отправляемся смотрѣть на танцующихъ.

— И принять самимъ участіе въ танцахъ, j'espère? придавая невѣдомо къ чему своей улыбкѣ лукавое выраженіе, спросила „grosse dondon".

— Если онъ этого непремѣнно захочетъ, отвѣтила „петербургская царица", съ какимъ-то дружескимъ кокетствомъ взглядывая снизу вверхъ на своего кавалера,—я готова съ нимъ сдѣлать туръ вальса.

— О, графиня, проговорилъ смущенно „monsieur Serge",— я не посмѣю никогда, я такъ неловокъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, сказала она съ веселымъ смѣхомъ: — вы не изъ тѣхъ, которые ногами дѣлаютъ себѣ карьеру... А когда пріѣдете вы ко мнѣ въ Дарьино? промолвила она, ударяя его слегка вѣеромъ по рукаву и какъ будто это давно было между ними условлено,—j'y tiens beaucoup, je vous prie de croire.

Онъ только могъ поклониться...

— Oh, si vous voulez monter un spectacle, chère comtesse, я вамъ рекомендую monsieur Гундурова, вы видѣли сами, comme il est bon acteur! Я ужь его такъ за это благодарила! возгласила княгиня Аглая Константиновна, улыбаясь во весь ротъ и ворочая глазами съ такимъ выраженіемъ, что ты видишь, молъ, какъ я умѣю цѣнить твою спеціальность.

Сергѣй вспыхнулъ до самыхъ ушей; глаза его блеснули пламенемъ...

Графиня Воротынцева почувствовала еще живѣе, чѣмъ онъ самъ, быть-можетъ, все, что въ этой глупой фразѣ могло быть оскорбительнаго для ея protégé.

— Je quitte sous peu ce cher pays, проговорила она быстро и рѣзко, остановивъ на говорившей насмѣшливые до презрительности глаза,—и устраивать спектаклей мнѣ некогда. Но если-бъ я была на вашемъ мѣстѣ, княгиня, я точно такъ же, какъ вы, не знала бы, какъ достаточно благодарить mon-

sieur Гундурова за честь—она на мигъ остановилась за этимъ сильно подчеркнутымъ ею словомъ,—и удовольствіе, которыя онъ доставилъ бы мнѣ своимъ участіемъ. Pour être aussi prince qu'il l'a été dans son rôle de Hamlet, il faut être né comme il l'est, et *se sentir* en plus très gentilhomme. Это дано не всякому, а я, признаюсь, цѣню это прежде всего...

Она обернулась, заставивъ при этомъ Гундурова описать кругомъ себя вольтъ, и быстро направилась съ нимъ къ дверямъ танцовальной залы.

— Elle est colossalle, vous savez! съ громкимъ смѣхомъ молвила она вслухъ, еще не доходя до этихъ дверей, совершенно равнодушная къ тому, что слова ея могли быть услышаны всею гостиной.

Растерянное лицо „колоссальной" Аглаи цвѣтомъ своимъ напоминало теперь тотъ толченый кирпичъ, которымъ усыпались дорожки ея сада. Она на половину не поняла смысла *нотаціи*, прочитанной ей петербургскою ея гостьей, но по интонаціи ея рѣчи, еще болѣе по этимъ прямо чрезъ столъ устремленнымъ на нее злымъ глазамъ княгини Додо, — которая, дѣйствительно, тасуя въ эту минуту колоду, кусала себѣ губы до боли, чтобы не расхохотаться на всю комнату отъ пронимавшаго ее злаго смѣха,— она не сомнѣвалась, что ей сказано было нѣчто очень жестокое, нѣчто имѣющее опять отношеніе къ ея несчастному „Раскаталовскому" происхожденію... И она механическимъ и тупымъ движеніемъ автомата подбирала одну за одной сдаваемыя ей карты, не смѣя ни на кого поднять глазъ и тщетно стараясь объяснить себѣ, за что вздумала ее обидѣть cette comtesse Vorotintzef-Dariine, которой она со своей стороны кромѣ des politesses ничего не сдѣлала...

Зяблинъ докончилъ сдачу и испустилъ глубокій вздохъ.

— Ça, c'est un vrai ami! поняла Аглая Константиновна и вздохнула тоже.

— Княгиня, вы въ рукѣ! сказалъ Костя Подозеринъ, метнувъ при этомъ взглядомъ искоса на распущенные вѣеромъ короли и дамы въ ея короткихъ и слегка дрожавшихъ пальцахъ.

II.

Оттанцованы уже были три кадрили, кромѣ полекъ и вальсовъ. Чижевскій, въ своемъ качествѣ обычнаго Vortänzer'а московскихъ баловъ, дирижировавшій и здѣсь, рѣшилъ, въ виду что было уже поздно, начать мазурку. Онъ танцовалъ въ первой парѣ съ Женни Карнауховой.

Рядомъ съ ними сѣли Лина съ Духонинымъ...

Въ самомъ началѣ вечера, танцуя съ княжной кадриль, блестящій флигель-адъютантъ спросилъ ее: „дозволено-ли ему будетъ пригласить ее на мазурку".

— A moins qu' *Ophélie* ne la danse avec *Hamlet*, qui y a incontestablement droit aujourd 'hui, добавилъ онъ къ этому тономъ почтительной шутливости, проводя щегольски рукой по своимъ глянцовитымъ усамъ.

— Гамлетъ, кажется, совсѣмъ не танцуетъ, отвѣтила она съ полуулыбкой,—но я дѣйствительно уже приглашена. Благодарю васъ!...

Ее „дѣйствительно" никто еще не приглашалъ, въ предположеніи именно того, что она вѣроятно танцуетъ съ Гундуровымъ; но она ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы танцовать мазурку съ „этимъ"... Она оглянулась, едва успѣлъ онъ отойти отъ нея, ища глазами „кого-нибудь другаго".

Она увидѣла Духонина, котораго знала искренно расположеннымъ къ ней, и подозвала его:

— У меня къ вамъ просьба.

— Говорите, княжна, я счастливъ, если...

— Вы должны танцовать со мною мазурку, если у васъ нѣтъ другой дамы.

— Никакой, но развѣ вы...

— Нѣтъ, не дала она ему договорить,—я не хочу танцовать съ незнакомымъ.

— Прелестно, сказалъ онъ, понявъ,—но вы знаете, какой я мазуристъ.

— Такой точно, какого мнѣ нужно,—и она улыбнулась такою грустною улыбкой, что у Духонина на мигъ сердце сжалось,—я устала ужасно и насилу говорю... Но, пожалуйста, никому объ этомъ, быстро промолвила она.

Онъ съ упрекомъ поднялъ глаза на нее:

— Нужно-ли вамъ это говорить мнѣ, княжна!...

Флигель-адъютантъ своею красиво-небрежною походкой въ интервалѣ между двумя контрдансами подошелъ къ Женни Карнауховой.

— Васъ и спрашивать, вѣроятно, нечего, лѣниво усмѣхаясь, проговорилъ онъ,—приглашены-ли вы на мазурку и кѣмъ?

— Нечего, подтвердила она, смѣясь и слегка краснѣя;—а вы, avec la demoiselle de la maison?

— Нѣтъ, она уже съ кѣмъ-то танцуетъ, сказалъ Анисьевъ, поводя кругомъ прищуренно равнодушнымъ взглядомъ.

Женни заволновалась:

— Ah, mon Dieu, съ кѣмъ же бы вамъ танцовать! Графиня Воротынцева уѣзжаетъ...

И она завертѣла головой во всѣ стороны, отыскивая глазами подходящую для него даму.

— Да развѣ это непремѣнно нужно? проронилъ онъ сквозь зубы, слегка откидывая кончиками обтянутыхъ свѣжѣйшею замшевою перчаткой пальцевъ свой свисшій на грудь эполетъ (этотъ небрежно изящный жестъ особенно удавался ему, вызывалъ множество подражателей и почитался послѣднимъ словомъ военной граціи по всему тогдашнему гвардейскому корпусу).

— Еще бы! воскликнула Женни:—хозяйка дома просто съ ума сойдетъ, если вы останетесь безъ дамы на ея вечерѣ... Ахъ, знаете что, тутъ никого другаго нѣтъ, вы же находите ее хорошенькою, пригласите ее!

— Кого это? спросилъ Анисьевъ, усмѣхнувшись невольно ея торопливому усердію.

— La fille de l'исправникъ,—она кивнула головой на красивую, низко оголенную спину Ольги Акулиной, оживленно разговаривавшей въ это время у окна съ только-что представившимся ей проѣзжимъ дипломатомъ, котораго графиня Воротынцева прозвала „le perroquet malade“,—au fond она всѣхъ насъ красивѣе здѣсь. Faites lui cet honneur, она будетъ въ восхищеніи.

— L'honneur sera tout pour moi, princesse, молвилъ онъ на это съ галантностью куртизана временъ Lauzun и Richelieu,—и отправился приглашать барышню.

А у барышни голова заходила кругомъ... Ей представляются дипломаты, ее просить на мазурку первый петербургскій кавалеръ... Хорошо, что она „такъ умна и предвидчива“, у нея было какое-то предчувствіе, она сказала этому „бѣлобрысому судейскому“ Маусу, сейчасъ прибѣгавшему приглашать ее, что она не можетъ еще дать ему положительнаго отвѣта, что ее кто-то, кажется, уже ангажировалъ, но она не совсѣмъ помнитъ, кто, и что она скажетъ ему потомъ, потомъ...

— Конечно, графъ, конечно, mercі! говорила она теперь Анисьеву, глядя на него такимъ блаженно-млѣющимъ взглядомъ, что у дипломата даже лицо повело отъ пронявшей его въ эту минуту зависти къ счастливому воину, а осторожный воинъ поспѣшно опустилъ глаза, чтобы невольно загорѣвшійся въ нихъ блескъ не былъ замѣченъ дипломатомъ.

— Мы начинать будемъ? спросила тутъ же Ольга.

— Это ужь никакъ! коротко отвѣтилъ совершенно овладѣвшій собою флигель-адъютантъ:—я никогда баловъ не веду, пояснилъ онъ съ учтиво-холоднымъ, почти строгимъ выраженіемъ голоса и лица.

„Да, для него это слишкомъ низко“, сообразила тотчасъ же барышня;—„все это надо знать, эти ихъ нюансы...“

Мазурка разсаживалась, когда графиня Воротынцева объ руку съ Гундуровымъ вошла въ залу.

Всѣ глаза обернулись на нее, на всѣхъ устахъ заиграла

оживленная улыбка. Все это давно знакомо было ей; давно привычно ея сознанію себя „царицей“. Она улыбалась тоже, сочувственно и благосклонно улыбалась въ отвѣтъ на всѣ эти неотступно направленные на нее взгляды... Но въ легкомъ вздрагиваніи длинныхъ рѣсницъ, въ чуть-чуть опущенныхъ углахъ ея рта внимательный наблюдатель уловилъ бы, быть-можетъ, признаки того душевнаго состоянія, что̀ на живописномъ старомъ языкѣ Франціи выразилось словами,—словами такой же, какъ и она, отходившей отъ обольщеній жизни женщины: *) „plus ne m'est rien, rien ne m'est plus“...

Знакомые ей мущины, танцовавшіе и не танцовавшіе, артиллерійскій полковникъ изъ гвардейцевъ, дипломатъ съ физіономіей „больнаго попугая“, „Сенька“ Водоводовъ, Толя Карнауховъ подбѣжали къ ней съ привѣтствіями, вопросами, приглашеніями на „extra-tour“...

— Non, non, j'ai mon cavalier servant et j'y tiens, отвѣчала она смѣясь,—и громко, въ двухъ шагахъ отъ Лины, сидѣвшей къ ней спиной:—puisque vous n'en avez pas voulu, il paraît, промолвила она, увидавъ, что княжна обернулась на звукъ ея голоса,—и подвела къ ней Сергѣя, пытливо и нѣжно глядя ей прямо въ глаза.

— Monsieur Гундуровъ меня и не приглашалъ вовсе, сказала на это Лина, тихо улыбаясь и чувствуя въ то же время, что у нея опять закололо у сердца.

— Княжна, я не смѣлъ, отозвался онъ, перемогая дрожь въ голосѣ, и робко, виновато взглядывая на нее, — я такъ дурно танцую...

— Все самолюбіе! чуть слышно промолвила она, не поднимая глазъ.

Да, онъ этого заслуживалъ,—и еще виноватѣе, еще смущеннѣе стало его блѣдное лицо. А она... слова эти вырвались у нея противъ воли, подъ вліяніемъ всей муки, испытанной ею въ этотъ день, его жестокости съ нею въ театрѣ, разговора ея съ дядей въ уборной, той физической боли сердца теперь, отъ которой у нея двоилось въ глазахъ. Но

*) Валентина Миланская.

она, Богъ знаетъ что̀, дала бы сейчасъ, чтобы взять эти слова назадъ; онъ могъ быть виноватъ предъ нею,—да и виноватъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ?—но она не имѣла права оскорблять, огорчать его...

Двѣ руки захватили и дружески сжимали ея руки.

— Милая княжна, говорила ей вполголоса графиня Воротынцева, усѣвшись на стулъ Духонина подлѣ нея,—я сейчасъ уѣзжаю и заранѣе прошу васъ не обращать на это никакого вниманія: я терпѣть не могу проводовъ и прощаній, и мнѣ, надѣюсь, дадутъ уѣхать безо всего этого. Но я непремѣнно хочу еще увидѣть васъ до моего отъѣзда за границу. Vôtre mère me doit une visite, и вы пріѣдете съ нею, не правда-ли? или я сама еще разъ пріѣду сюда... Во всякомъ случаѣ знайте, что я понимаю васъ и сочувствую вамъ; les sympathies de mon âme sont toutes à vous, повторила она подчеркивая.—А теперь прощайте, не оборачивайтесь, не провожайте меня взглядомъ, а танцуйте спокойно, и, наклоняясь уже къ самому уху Лины,—и не сердитесь на тѣхъ, кто любитъ васъ болѣе жизни! заключила она.

Она встала, разсѣянно и улыбаясь оглянула длинный овалъ готовящихся къ танцу паръ и кивнула обернувшись безмолвно стоявшему за нею Гундурову подать ей руку.

— А вы не танцуете, chère comtesse! раздался нежданно подлѣ нея голосъ.

Графиня изумленно повернула голову назадъ:

Говорила Ольга Елпидифоровна только-что усѣвшаяся на стулъ подлѣ своего кавалера, и которая подъ обаяніемъ его приглашенія, своего „эффектнаго“ наряда, „искорокъ“, мгновенно зажигавшихся, она видѣла, въ глазахъ каждаго мущины, мимо котораго она проходила, шевеля своими атласными плечами, почитала себя теперь въ полномъ правѣ не признавать ни лѣтъ, ни положеній, и относилась къ петербургской „grande dame“, на которую едва смѣла поднять глаза утромъ, этимъ фамильярнымъ тономъ, съ тою вульгарно-пѣвучею интонаціей, отъ которой часто до конца дней своихъ не могутъ отучиться институтки, губернскія барышни и „артистки“ отечественныхъ театровъ.

„Петербургская grande dame“ пристально взглянула на нее, чуть-чуть иронически улыбнулась и съ коротко учтивымъ отвѣтомъ „non, mademoiselle, je ne danse pas“, повела глазами чрезъ ея голову на графа Анисьева.

Онъ еле замѣтно улыбался изъ-подъ прикрученныхъ усовъ, но эта сдержанная и какъ бы извинявшаяся улыбка, на мигъ приподнявшіяся брови и насмѣшливо моргнувшія вѣки говорили: „que voulez vous, en province, не изъ кого выбирать...“

Барышня прижалась и опунцовѣла ярче своихъ розъ. Это былъ въ ея сознаніи первый стаканъ холодной воды, пролитый на ея высокомѣрныя мечтанія нынѣшняго дня...

— Вы въ Петербургъ скоро? все такъ же чрезъ голову спросила графиня ея кавалера.

Анисьевъ зналъ, что она никогда его не долюбливала; она теперь явно протежировала „этого Гамлета изъ профессоровъ“. Онъ навострилъ уши.

— Хоть сейчасъ же послѣ мазурки, сказалъ онъ громко, смѣясь, — если „это можетъ только быть вамъ на что-нибудь нужнымъ, графиня!

Она поняла.

— Si je vous prenais au mot pourtant, засмѣялась она въ свою очередь, — vous qui êtes si „paladin“, промолвила она, напоминая ему его выраженіе.

„О, о!“ подумалъ Анисьевъ,—„какъ скоро понадобилось!“

— Попробуйте! сказалъ онъ вслухъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, если бы вы ѣхали скоро, я бы вамъ прислала письмо къ моей belle-soeur Marie, которое я не хотѣла бы довѣрить aux indiscrets de la poste! Но я никакъ бы не желала, чтобъ оно дошло къ ней позднѣе двухъ, трехъ дней.

Онъ какъ бы сообразилъ:

— Присылайте, графиня!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Tout ce qui il y a de plus „въ самомъ дѣлѣ“, шутливо повторилъ онъ.

— Когда?

Онъ опять пріостановился на мигъ раздумывая.

— Я буду въ Москвѣ, самое позднее, послѣзавтра къ обѣду, проговорилъ онъ особенно отчетливо, какъ бы съ намѣреніемъ, чтобы слышала это не одна его собесѣдница.

Духонинъ, разговаривавшій съ княжной, поднялъ на нее невольно глаза съ вопрошающимъ выраженіемъ. Она такимъ же невольнымъ движеніемъ чуть-чуть повела плечами въ отвѣтъ.

Барышня въ свою очередь вскинула вопросительно глаза на флигель-адъютанта и тутъ же опустила ихъ.

— Такъ я пришлю вамъ письмо завтра утромъ, сказала спокойно графиня Воротынцева.—Сюда?

— Д-да, графиня, или прямо въ городъ, если вамъ ближе туда изъ Дарьина, къ господину исправнику. Я справлюсь тамъ проѣздомъ.

— Grazie, сказала она, ласково кивнувъ ему. И подъ звуки загремѣвшей въ эту минуту мазурки и общей топотни „grand rond“, которымъ Чижевскій имѣлъ обыкновеніе начинать ее, она направилась обратно въ гостиную объ руку съ нашимъ героемъ, болѣе мрачнымъ и болѣе страдающимъ, чѣмъ когда-нибудь.

III.

Въ глазахъ какъ на небѣ свѣтло,
Въ душѣ ея темно какъ въ морѣ.
Лермонтовъ.

Къ числу игравшихъ въ гостиной присоединились теперь князь Ларіонъ, супругъ княгини Додо, глухой бригадный генералъ и князь Хохолковъ; князь Ларіонъ водилъ ихъ предъ этимъ курить въ свои покои.

Они сѣли вчетверомъ въ вистъ за столикъ, ближайшій къ партіи хозяйки.

Присутствіе ея beau-frère'a наложило бы узду на всякую попытку отмести съ ея стороны за „непріятность", полученную ею отъ ея петербургской гостьи, если бы даже наша княгиня и способна была на нѣчто въ этомъ родѣ. Но она по натурѣ своей принадлежала къ породѣ толстокожихъ: въ нее, какъ въ носорога, можно было стрѣлять и оцарапнуть по большей части только ея поверхность; въ глубь въ состояніи были пронять ее лишь рѣдкія, спеціально заостренныя стрѣлы. А потому первоначальное смущеніе, вызванное въ ней словами графини Воротынцевой, весьма скоро разсѣялось въ силу такого ея разсужденія, что „les dames de Pétersbourg, какъ она всегда слышала, sont toujours très impertinantes avec les Moscovites, но что она съ своей стороны была всегда aimable avec tout le monde, о чемъ даже печатали dans les journaux de Paris, когда она была посланницей въ Ганноверѣ, и что она будетъ все такая же aimable со всѣми malgré tout, потому что c'est la meilleure manière de se faire

des amis". „Témoin monsieur Зяблинъ", промолвила она тутъ же мысленно и, поднявъ голову, взглянула на „бригата" превратившимися уже въ совершенное масло глазами.

„Бригантъ" стыдливо поникъ очами и испустилъ глубокій вздохъ.

Доказавъ себѣ разъ, что ей слѣдовало быть „aimable со всѣми malgré tout", Аглая Константиновна, когда графиня Воротынцева съ своимъ кавалеромъ показались опять въ гостиной, обернулась къ ней все съ тою же своею стереотипною улыбкой на жирныхъ губахъ и пропѣла:

— Déjà, chère comtesse! Vous ne vous êtes pas laissé tenter?

Но вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ послѣдовалъ другой:

— Мазурку начали? спросила княгиня Додо.

— Да, вы слышите, сказала графиня, подходя ближе.

— Не замѣтили вы, съ кѣмъ танцуетъ моя дочь?

— Съ молодымъ человѣкомъ, который игралъ, кажется, брата Офеліи, un grand blond.

— Съ Чижевскимъ? вскликнула княгиня Додо, и все лицо ея задергало.

— Съ нимъ, княгиня, почелъ нужнымъ подтвердить Гундуровъ, на котораго она почему-то уставилась вопрошающимъ взглядомъ.

— Un charmant jeune homme, запѣла опять Аглая Константиновна,—c'est si dommage qu'il n'ait rien!

— Кромѣ фатства и самонадѣянности! злобно прошипѣла княгиня Карнаухова.

— Ахъ, княгиня, какія вы строгія! проговорила, укоризненно покачивая головой, Аглая: — я совсѣмъ не нахожу.... Et puis le comte son chef l'aime beaucoup! промолвила она какъ доводъ, который долженъ былъ окончательно обѣлить Чижевскаго отъ взводимаго на него обвиненія въ самонадѣянности и фатствѣ.

— Et Lina? И она съ новою жирною улыбкой и маслянозаискивающими глазами обратилась къ графинѣ; — она танцуетъ съ...

— Кто-то также изъ вашихъ актеровъ, я его не знаю...

— Духонинъ, назвалъ Гундуровъ.

— Comment, pas avec le... У нея даже дыханіе сперлось.

„Она сейчасъ отпуститъ какую-нибудь невозможную штуку!“ подумалъ князь Ларіонъ, до котораго доходило каждое слово этого разговора. И, упершись въ спинку своего кресла, онъ, закинувъ назадъ голову, выговорилъ тѣмъ изысканно протяжнымъ тономъ, котораго всегда почему-то побаивалась Аглая Константиновна:

— Что же васъ такъ удивляетъ, княгиня, что Hélène танцуетъ съ тѣмъ, а не съ другимъ изъ вашихъ гостей? Право приглашать ее у всѣхъ у нихъ одинаково, кажется!

— Non, c'est que je croyais qu'elle était engagée d'avance!... пробормотала она, отчаянно ворочая своими круглыми глазами,

— Господинъ Духонинъ, вѣроятно, и пригласилъ ее заранѣе, съ обрывистымъ смѣхомъ вывелъ логическое заключеніе князь, побивая козыремъ карту глухаго генерала.

Графиня Воротынцева слегка толкнула локтемъ локоть своего кавалера:

— Видъ мазурки очень красивъ, громко сказала она, — совѣтую маменькамъ пойти на минуту admirer leurs filles.

Аглая Константиновна томно и робко глянула на княкиню Додо:

— Si nous allions vraiment, princesse?...

— Пойдемте! коротко отвѣтила та, кидая свои карты на столъ.

— Вамъ будетъ сдавать, княгиня, торопливо проговорилъ, вставая за ними, Костя Подозеринъ, и распласталъ колоду линейкой предъ ея мѣстомъ.

Княгини рядышкомъ, взволнованныя обѣ, отправились въ танцовальную залу.

— Et maintenant, monsieur Serge, filons! шепнула Гундурову его дама, увлекая его съ собою въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ ожиданіи ихъ въ глубокомъ раздумьи сидѣла въ углу дивана Софья Ивановна.

Графиня разразилась хохотомъ, какъ только вошла туда:

— Ахъ, какая прелесть ces deux mamans, похожія—одна на тощую, другая на толстую корову Фараонова сна,— одна ядовитая какъ скорпіонъ, другая глупая какъ бочка пива, бѣ-

гающія обѣ за однимъ и тѣмъ же человѣкомъ для своихъ дочерей, не умѣющія скрыть, чего имъ хочется, ненавидящія другъ друга и теперь обѣ обманутыя въ своемъ ожиданіи, отправляющіяся бокъ-о-бокъ, comme deux poules vont aux champs... Ah, tenez, rien de plus bête que le monde! заключила она смѣхъ свой весьма серьезною нотой. И, подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ: — Chère madame, я къ вашимъ услугамъ! Пойдемте! Вы ляжете, я уѣду. Куда пройти?

— Сюда, сказала Софья Ивановна, вставая и направляясь къ маленькой, затянутой, какъ и стѣны, стариннымъ штофомъ двери,—наши комнаты рядомъ за этою.

— Да, да, и тутъ же въ корридорѣ маленькая лѣстница, по которой можно спуститься прямо во дворъ, я справлялась... Я чрезъ четверть часа буду готова. Monsieur Serge,— ей почему-то казалось ловче называть его такъ, а не monsieur Гундуровъ, — я давно дала приказаніе, чтобы лошади мои были готовы; распорядитесь, чтобъ онѣ подъѣхали, куда нужно.

— On dirai un enlèvement, говорила она смѣясь, минутъ двадцать послѣ этого, Гундурову, спускаясь съ нимъ, укутанная въ широкій, темный дорожный бурнусъ съ капюшономъ на головѣ, по маленькой лѣстницѣ, къ сѣнямъ которой приказалъ Сергѣй подъѣхать ея колескѣ:—les deux mamans, je suppose, cuvent leur désappointement jusqu'à ce moment, и я такимъ образомъ избавила себя отъ проводовъ и официальныхъ прощаній. Bien joué, n'est-ce pas?

Сергѣй отвѣчалъ только улыбкой черезъ силу. Явное благоволеніе, оказываемое ему нежданно этою блестящею женщиной, обаянія которой онъ не могъ не ощущать, содержало въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ—онъ это испытывалъ все время,— что-то, отзывавшееся горечью въ его сознаніи. Не даромъ Ашанинъ называлъ его „гордецомъ“. Онъ ни у кого никогда не искалъ покровительства, а оно теперь какъ-будто навязывалось ему...

— Прощайте, говорила она между тѣмъ, садясь въ коляску и наклоняясь къ нему изъ нея, между тѣмъ какъ горничная ея, щелкнувъ ключомъ въ замкѣ задняго сундука, за-

ключавшаго „туалеты“ графини, перебѣгала, скрипя ботинками по песку, садиться по другую ея сторону, — и не забывайте меня! Я надѣюсь, мы еще увидимся. Я вашу тетушку видѣла сегодня, какъ и васъ, въ первый разъ въ жизни, но я ее знаю съ дѣтства по разсказамъ одной моей тетки, которую я любила, какъ мать. Прошу васъ обоихъ почитать меня другомъ, une véritable amie. Я бы хотѣла доказать вамъ это на дѣлѣ... Во всякомъ случаѣ courage et *bon espoir*, заключила она, выпрастывая руку изъ-подъ бурнуса и протягивая ему.

— Я глубоко благодаренъ вамъ, графиня, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— A bientôt!...

Она закинула полу плаща на колѣни, и глаза ея съ приподнятыми углами блеснули, какъ двѣ мгновенныя звѣздочки въ предразсвѣтной полутьмѣ, остановившись въ послѣдній разъ на молодомъ человѣкѣ.

Ливрейный слуга ея вскочилъ на козлы. Лошади тронули.

Она ѣхала, вся уйдя въ уголъ просторнаго экипажа, мягко и равномѣрно покачивавшагося на своихъ англійскихъ рессорахъ по гладкой, наѣзжанной лѣтней дорогѣ. Прямо предъ нею, еще низко надъ землей, еще словно стыдясь предъ изнывавшею ночью, алѣлъ далекій край неба. Вѣяло утромъ. Она на половину откинула свой капюшонъ, быстро и широко вдыхая лившуюся ей въ грудь живительную свѣжесть. Изъ придорожныхъ кустовъ не то испуганно, не то радостно вылетали птицы, и пронзительно, и высоко надъ ея коляской уже чувикали жаворонки свою звенящую, словно дѣтскую, пѣснь.

„Какъ хорошо утро“! думала она; „какъ хороша молодость“, сказала она себѣ тутъ же, обращаясь мыслью къ „роману“, занимавшему ее въ теченіе всего этого минувшаго дня,— „хороша и тогда, когда страдаетъ... и болѣе всего можетъ-быть именно *тогда*... Какое кому дѣло до сердечныхъ мукъ зрѣлаго существа, до горькой неудовлетворенности, вынесенной имъ изъ жизни, до его обманутыхъ надеждъ и угрызеній! Но молодое страданіе такъ красиво, такъ влечетъ къ себѣ, такъ вызываетъ желаніе подать ему руку, помочь. Хочется именно сдѣлать для него то, чего не сдѣлали для тебя другіе, когда

сама ты была въ этомъ положеніи и нуждалась въ помощи... Они оба такъ симпатичны! Она — прелесть, une poésie; Танюша С... была въ этомъ родѣ, когда ей было осьмнадцать лѣтъ. А у него какіе хорошіе глаза—строгіе, думающіе! Видно сейчасъ, que c'est *quelqu'un*, совсѣмъ не то, что тѣ *казенные* и куклы Петербурга... Отчего у насъ такъ мало этихъ независимыхъ, самостоятельныхъ, которымъ *тамъ* ничего не нужно, которые не ищутъ, не кланяются?... Les Гундуровъ—вѣдь это старая, хорошая фамилія, и онъ не бѣденъ, c'est un vrai gentilhomme. Еслибъ этотъ милый князь Michel Шастуновъ былъ живъ, онъ ужь конечно предпочелъ бы такого мужа для дочери à ce jésuite d'Анисьевъ..." Князь Michel, она помнитъ его съ того бала, когда она, худенькая, черненькая дѣвочка, появилась въ первый разъ въ свѣтъ и онъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ ее... Какъ это давно, давно, цѣлая вѣчность!... О, сколько съ тѣхъ поръ блеска, успѣховъ, увлеченій... А съ ними, Боже мой, что слезъ, о которыхъ не знаетъ никто!...

Длинная, спѣшная вереница образовъ и картинъ побѣжала внезапно передъ нею. Лина, Гундуровъ исчезли мгновенно изъ ея памяти. Она торопливо, лихорадочно переживала всѣ чары, весь соблазнъ—и весь обманъ собственной жизни; ей было опять тяжко, и жутко, и больно,—больно опять до слезъ за ложь тѣхъ дней очарованія, которые такъ опостылѣли ей теперь.

Да, это минувшее, весь этотъ блескъ, и чадъ, и обольщенія, все это вдругъ, разомъ разлетѣлось и стояло, какъ пѣна и стекло упавшаго со стола бокала... Она никогда, никогда не вернется къ *той* жизни; она извѣдала ее до оскомины, до тошноты. Молодость прошла, она устала, устала,—ей ничего уже болѣе не нужно, какъ забвенія и покоя...

А алое зарево зари захватывало небо все выше и выше. Молочнымъ цвѣтомъ подергивались края сизыхъ ночныхъ тучекъ. Отчетливо и сѣро отдѣлялась уже пыльная даль дороги отъ зеленой щетины набѣгавшихъ на нее озимей. День наступалъ со своимъ теплomъ и горячими красками, со своимъ все воскрешающимъ свѣтомъ...

Графиня Воротынцева велѣла поднять верхъ коляски. Этотъ со всѣхъ сторонъ уже обливавшій ее свѣтъ какъ-будто оскорблялъ ее. Она приткнулась головой къ валику висячей кожаной подушки и закрыла глаза. Но загоравшійся свѣтъ дня билъ и сквозь ея прижмуренныя вѣки, раздражая ее и вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ новыя представленія въ ея мозгу. Она думала о солнцѣ, о солнцѣ другихъ странъ, гдѣ и ее ждетъ иная, свободная жизнь, ждутъ иныя впечатлѣнія, иной смыслъ и содержаніе жизни... Кончено-ли въ самомъ дѣлѣ *все?* спрашивала она себя какъ бы противъ воли,—или тамъ, подъ этимъ новымъ, чужимъ солнцемъ она нежданно должна найти то, чего напрасно такъ долго искала здѣсь, то *настоящее* слово, которымъ еще никто не умѣлъ откликнуться на немолчную жажду ея сердца?...

Увы, ей не суждено было обрѣсти то желанное „слово“. Подъ тѣмъ „новымъ солнцемъ“ ожидала ее одна безвременная могила...

IV.

Гундуровъ медленными шагами поднялся опять по лѣстницѣ и направился въ комнату тетки. Онъ зналъ, что она будетъ ждать его,—не уснетъ, не повидавшись съ нимъ.

Она еще не раздѣвалась и въ своей robe feuille-morte de madame Cottin ходила по комнатѣ, часто и озабоченно понюхивая изъ своей маленькой золотой табакерки.

— А, вотъ ты! Ну, садись!... Не надолго, поспѣшила она примолвить,—надо будетъ тебѣ пойти опять туда, ко всѣмъ...

Онъ сѣлъ—опустился въ большое готическое кресло, въ которомъ утромъ сидѣла Лина, и уронилъ руки на колѣни.

Она внимательно поглядѣла на него сбоку. Ей показалось, что онъ даже похудѣлъ съ этого утра.

— Усталъ?

— Да, немножко, отвѣтилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, послѣ такой роли. Ты прекрасно игралъ, я даже удивилась... И она, въ свою очередь, насилованно улыбнулась.

Сергѣй зналъ тетку и эту ея привычку ходить по комнатѣ и торопливо нюхать, когда она была чѣмъ-нибудь очень взволнована, и то, что вслѣдъ за этими „посторонними словами“ она разомъ приступитъ къ предмету, озабочивавшему ее.

Онъ не ошибался.

— Что у тебя вышло съ княжной? спросила она ex abrupto, оборачиваясь на-ходу и глядя ему прямо въ лицо.

Онъ ожидалъ почему-то этого вопроса и все-таки смутился.

— Кто вамъ сказалъ, что у насъ что-то вышло, и почему вы думаете...

— Никто мнѣ не говорилъ; но я знаю тебя съ пеленъ и ее успѣла узнать достаточно въ это короткое время. Я поняла это изъ выраженія вашихъ лицъ тамъ, на сценѣ... и поняла также, что виноватымъ тутъ никакъ не можетъ быть она, строго промолвила Софья Ивановна.

Ему тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ упрекъ, чѣмъ громче слышался онъ ему въ его собственной совѣсти. Онъ, какъ говорится, повернулъ съ больной головы на здоровую.

— И поэтому, тетя, слегка раздраженнымъ тономъ сказалъ онъ,—вы сочли нужнымъ сообщить о...—онъ не находилъ слова—о... обо всемъ этой свѣтской графинѣ, которую я сейчасъ проводилъ, и по словамъ которой я не могъ не понять, что она знаетъ... Я не говорю, она прелестная, милая женщина и была такъ внимательна ко мнѣ, что я могу быть ей только чрезвычайно благодаренъ, тѣмъ болѣе, что не знаю, чѣмъ могу я заслужить... Но, признаюсь вамъ, мнѣ нисколько не были пріятны намеки на то, что̀, я думалъ, знаете только вы и... и еще одна особа, договорилъ онъ черезъ силу.

— Ты думаешь? съ невеселымъ выраженіемъ шевельнувшихся губъ молвила она на это:—ты думаешь, что ни у кого глазъ нѣтъ, слуха, что никто не въ состояніи видѣть, сообразить и вывести заключеніе?... Эта Аглая развѣ со своею невозможною глупостью ничего не замѣтила, а кто же не видѣлъ, что у васъ тамъ шли не роли, не заученный разговоръ актера съ актрисой, а разыгрывалось что̀-то настоящее, личное между вами!.. Графиня, — она дѣйствительно прелестная женщина, не даромъ весь Петербургъ былъ у ея ногъ,—она съ первыхъ словъ поняла, что въ тебѣ говорило настоящее отчаяніе, „un vrai désespoir“, какъ она выразилась, а что она, княжна, насилу на ногахъ держалась. Какое заключеніе съ умомъ ея, со свѣтскимъ опытомъ, могла она изъ этого вывести? А мнѣ что̀ же лгать ей было, клясться, что ничего подобнаго нѣтъ? Повѣрила бы она мнѣ,—да и къ чему было мнѣ лгать?... Или ты думаешь, что этотъ петербургскій, выписанный Аглаей женихъ ничего не замѣтилъ? Такъ я глядѣла, съ какимъ выраженіемъ лица слѣдилъ онъ за каждымъ словомъ васъ обоихъ... Или князь Ларіонъ? Вотъ его фраза

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

HPB

30140
11

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

— Надо же однако рѣшить, Сережа. У насъ утромъ сегодня положено было, что я завтра должна была говорить съ ея матерью, но если ты отка...

— Боже мой! прокричалъ онъ, отчаяннымъ жестомъ закидывая себѣ обѣ руки за затылокъ,—да скажите же себѣ сами, могу-ли, могу-ли я отъ нея отказаться!...

— Хорошо, сказала Софья Ивановна послѣ новаго, довольно долгаго молчанія, наступившаго за этимъ,—я спрошу княжну, и если она все также согласна будетъ и теперь, я переговорю съ этою Аглаей.

— Она откажетъ! тоскливо выговорилъ Сергѣй.

— Кто?

— Княгиня.

— Лишь бы княжна не отказала... Я бы на ея мѣстѣ навѣрное это сдѣлала послѣ твоей безсмысленной, неделикатной выходки! съ новымъ пыломъ всклинула Софья Ивановна.— Какъ ты хоть чутьемъ не понялъ, ужь если сердца у тебя на это не хватило, какъ много обѣщала *она* тебѣ сегодня утромъ и какъ безконечно счастливъ и благодаренъ долженъ бы ты ей быть за это?

Гундуровъ недоумѣло воззрился на нее.

— Она сказала, тетя, что не пойдетъ противъ воли матери...

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что не пойдетъ за *того*... И не пойдетъ, не такая она дѣвушка! И этого тебѣ мало? И ты не понялъ до сихъ поръ, сколько надеждъ подаетъ она тебѣ этимъ и на какую муку обрекаетъ себя въ предстоящей ей за это борьбѣ съ матерью, со всѣмъ окружающимъ?... А ты про какія-то дурацкія свои „униженія“ толкуешь и плачешься о томъ, что княгиня откажетъ... Ну да, откажетъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь... и отъ этихъ ягодокъ, торопливо промолвила Софья Ивановна, нервно развязывая ленты своего чепца,—отвѣдывать придется мнѣ, а не тебѣ... И что же изъ того „откажетъ“? Или ты, въ самомъ дѣлѣ, до того ужь набалованъ, что вовсе не способенъ терпѣть и ждать? раздраженно добавила она, досадуя всею душой, что онъ самъ

„сердцемъ не понимаетъ“, и она должна „разжевать все это и ему въ ротъ положить“.

— Тетя... могъ только проговорить онъ.

Словно какимъ-то небеснымъ лучомъ озарило его. Его такъ и подмывало кинуться ей на шею, задушить ее въ своихъ объятіяхъ... Но онъ воздержался: онъ и такъ уже достаточно сегодня „показалъ себя ребенкомъ, мальчишкой...“ Чувство стыда и вмѣстѣ съ нимъ какой-то безмѣрной отрады нажимало ему грудь, туманило глаза его. Онъ сѣлъ опять за столъ и, упершись о него локтями, закрылъ себѣ лицо обѣими ладонями...

Софья Ивановна долго, молча и не улыбаясь, глядѣла на него.

— Ну, а теперь ступай туда, покажись, сказала она наконецъ: — да поди вотъ къ зеркалу, волосы пригладь и поправь галстукъ: онъ у тебя совсѣмъ на бокъ съѣхалъ...

V.

— Maman! тревожно вскликнула Женни Карнаухова въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ своего *flirtation* съ Чижевскимъ;—отвернитесь скорѣе отъ меня и не смѣйте оборачиваться, пока она здѣсь будетъ!

Княгиня Додо съ хозяйкой дома входили въ двери танцовальной залы съ конца ея, прямо противоположнаго тому мѣсту, которое, именно въ чаяніи этого, по указанію предвидчивой Женни, и было избрано дирижировавшимъ мазуркою кавалеромъ ея. Какъ ни увлекалась она своею полунѣжною, полунасмѣшливою болтовней съ нимъ, глаза опытной свѣтской дѣвицы то-и-дѣло поглядывали на эту дверь, изъ которой съ минуты на минуту могла выйти зубастая мамаша и „въ случаѣ, если-бъ она, Боже сохрани, что-нибудь замѣтила“, сдѣлать ей тутъ же „сцену“, или даже прямо, до ужина, увезти домой, „если только папа партію кончилъ“. А ей, какъ нарочно, такъ было весело, и никогда еще Чижевскій не былъ „si amusant“, и не казался такъ влюбленъ въ нее, какъ въ этотъ вечеръ. „Ухъ, какъ надо теперь ухо востро держать!“ говорила она себѣ все время..

— Nos mamans! сочла она даже почему-то нужнымъ предварить княжну Лину, торопливо перегинаясь къ ней мимо золотыхъ очковъ маленькаго Духонина, давно давшаго ей за ея развязность прозваніе „Генечки Карнаухова“.

Чуть не испуганный тонъ ея голоса заставилъ Лину невольно оглянуться. Не замѣтивъ ничего необыкновеннаго въ этихъ входившихъ „mamans“, она перевела вопросительно глаза на Женни.

Но Женни, быстро, судорожно обмахивая себя широко раскинутымъ вѣеромъ, глядѣла теперь невиннѣйшимъ образомъ вверхъ, въ потолокъ, середку котораго занимало прекрасно писанное, въ широкой золотой рамѣ, полотно, изображавшее „торжество Амфитриты;“ Чижевскій, съ своей стороны, казался весь поглощенъ разговоромъ съ сосѣдкой своей слѣва, „образованною окружной,“ танцовавшею съ Петей Толбухинымъ, всегда скучавшимъ за танцами, и который, съ легкимъ зѣвкомъ на крупныхъ, добродушныхъ губахъ, думалъ въ это время, глядя на кончикъ своего сапога: „если-бъ я у этого чорта Волжинскаго вчера, вмѣсто туза, поставилъ девятку, рутировавшую мнѣ весь вечеръ, я взялъ бы sept et le va и отыгрался бы!“...

Лина съ тою же вопросительною усмѣшкой перевела глаза на своего кавалера.

Онъ понялъ и засмѣялся:

— Она такъ напугана своею маменькой, сказалъ онъ, наклоняясь къ ней такъ, чтобы Женни не могла слышать его словъ,—что предполагаетъ такой же страхъ въ каждомъ женскомъ существѣ en puissance de maman... Она и права отчасти: маменька ея на старыхъ и малыхъ наводитъ ужасъ.

— Почему такъ?

— Знаете-ли вы, княжна, спросилъ вмѣсто отвѣта Духонинъ,—стихотвореніе Лермонтова *Тучки небесныя*?

— *Тучки небесныя, вѣчные странники*, прочла Лина,—конечно, знаю.

— Такъ позвольте мнѣ, въ видѣ объясненія, сообщить вамъ нѣкое подраженіе этому стихотворенію.

— Пожалуйста!

Духонинъ началъ медленно и отчетливо, видимо смакуя каждое произносимое имъ слово (онъ былъ авторъ „подражанія“):

Дама московская, вѣчная сплетница,
Въ пору ненастную, пору туманную
Мчишься куда ты, поспѣшная вѣстница,
Съ дальней Остоженки вверхъ на Басманную?

Что тебя гонитъ? Души-ли спасеніе,
Помощь-ли тайная, думушка-ль думная,

Или любви молодой увлеченіе,—
Жажда свиданья, иль ревность безумная?

Нѣтъ, ей слова надоѣли безплодныя:
„Время, молъ, время сыграть мнѣ въ открытую!...“
Злобно смѣются черты благородныя,
Шепчутъ уста клевету ядовитую...

— О, какъ это зло! воскликнула Лина,—и неужели...

Она не успѣла договорить... За ея стуломъ очутилась въ эту минуту сама княгиня Додо.

— Poétique Ophélie, я просто молюсь на васъ, съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ кинула она, проходя, Линѣ, словно букетъ на сцену, и поплыла далѣе къ дочери.

Женни все такъ же невинно глядѣла въ потолокъ, широко опахиваясь вѣеромъ.

— Нечего любоваться тамъ всякими nudités, могли бы приличнѣе себя держать! прошипѣла маменька, наклоняясь къ ея уху.

Дочка будто и не слыхала:

— Что, maman, кончилъ папа свою партію? Мы могли бы уѣхать, громко выговорила она.

— Нѣтъ еще! отрѣзала княгиня. „И все лжетъ, все обманъ“, говорила она себѣ удаляясь,—„и, только я уйду, начнется опять кокетство съ этимъ мерзкимъ фатишкой. Никогда замужъ не выйдетъ! А Лоло до ужина и не говори объ отъѣздѣ. Et mon mal de dos qui recommence... Нѣтъ, это не жизнь, а каторга“!...

А другая маменька, хлопая глазами и улыбаясь заискивающею улыбкой, говорила въ это время графу Анисьеву:

— Вы не очень скучаете, mon cher comte?

— Можете-ли вы предполагать, княгиня! живо возразилъ флигель-адъютантъ, любезно и почтительно наклоняя голову предъ своею дамой:—развѣ возможно скучать въ такомъ обществѣ?

— Конечно, sans doute, пропѣла Аглая Константиновна,— Olga a beaucoup d'esprit dans son genre: mais vous êtes habitué aux conversations du grand monde de la capitale...

Она хотѣла что-то прибавить еще въ разъясненіе этого

глубокомысленнаго размышленія, но почему-то воздержалась, уперлась круглыми глазами въ затылокъ не оборачивавшейся на ея голосъ Лины и, въ очевидномъ чаяніи, что дочь услышитъ ея слова, промолвила громко и съ разстановкой:

— Vous avez autant *d'indulgence* que d'esprit, mon cher comte!

На счастіе Анисьева, гоготавшій какъ гусь на болотѣ „Сенька“ Водоводовъ подлетѣлъ къ нему въ эту минуту съ двумя дамами, надрываясь со смѣху отъ провинціальной невинности избранныхъ ими „qualités“:

— Тюльпанъ или гвоздика?

— Тюльпанъ.

И флигель-адъютантъ, откинувъ свой эполетъ, торопливо вскочилъ со стула и полетѣлъ по залѣ съ выпавшею ему на долю „пуляркой“ Eulampe.

— Ольга, ты не знаешь, почему онъ не танцуетъ съ Линой? прошептала ей на ухо Аглая.

— Не знаю, коротко отвѣтила барышня; она сидѣла, вся красная и разобиженная...

Княгиня глянула еще разъ въ затылокъ дочери, вздохнула такъ, что при этомъ лопнула одна изъ петлей ея шнуровки, и направила стопы свои въ гостиную.

VI.

Только что успѣлъ вернуться на свое мѣсто графъ Анисьевъ, какъ къ Ольгѣ подошелъ капитанъ Ранцовъ, держа за руку какую-то уже выбранную имъ блондинку. Онъ глянулъ избока на флигель-адъютанта и, протягивая съ поклономъ руку барышнѣ, проговорилъ скороговоркой:

— *Пермете дангаже пур калите!*

Ольга скорчила ужасную гримасу и съ видимою неохотой поднялась со стула:

— Ignorance! уронила она свысока, не глядя на него и чуть притрогиваясь кончиками перчатки къ его раскрытой рукѣ.

— Connaissance! поспѣшила сказать за нею блондинка, невѣдомо почему хихикнувъ при этомъ.

Бѣдный капитанъ побагровѣлъ, какъ піонъ, и, подавляя вздохъ, повелъ ихъ къ Толѣ Карнаухову, танцовавшему съ прехорошенькою женою уѣзднаго судьи, которую онъ видимо увлекалъ плясаньемъ своимъ на канатѣ напыщеннѣйшихъ романтическихъ фразъ.

— Скажите, пожалуйста, по возвращеніи Ольги на мѣсто, спросилъ ея кавалеръ,—кто это васъ сейчасъ выбиралъ? Я его будто гдѣ-то уже видѣлъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, не правда-ли?

— Да, герой даже, говорятъ. Ранцовъ его фамилія, капитанъ отставной, тѣмъ же пренебрежительнымъ тономъ отвѣчала она,—въ Венгріи отличился.

— Такъ, при Коморнѣ, я его тамъ видѣлъ: онъ съ ротой,

перебитой на половину, первый вошелъ въ городъ. Владиміра съ бантомъ получилъ за это; очень храбрый офицеръ... И теперь во фракѣ! Какая же теперь его position sociale?

Ольга широко засмѣялась:

— Главная его position быть безъ памяти и безъ надежды влюбленнымъ въ меня, объявила она напрямикъ.

Анисьевъ наклонилъ голову и пустилъ въ ходъ свою многозначительную улыбку.

— Я полагаю, что имѣющимъ то же положеніе имя легіонъ, сказалъ онъ, обнимая сдержанно-жаднымъ взглядомъ ея искрившіеся глаза, сверкавшіе зубы, ея матово-бѣлую, низко оголенную спину и говоря себѣ мысленно: „Jour de Dieu, quel morceau de roi!“—И другихъ занятій у него нѣтъ? продолжалъ онъ спрашивать.

— Нѣтъ. Да и что ему дѣлать: онъ богатъ!...

— Богатъ? повторилъ нѣсколько удивленно блестящій воинъ.

— Да. Ему съ неба просто свалилось огромное наслѣдство. Былъ у насъ въ уѣздѣ помѣщикъ одинъ, страшный скупердяй, холостой, бездѣтный; онъ сорокъ лѣтъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, гроша на себя не тратилъ, а все скупалъ земли кругомъ и деньги копилъ. И вдругъ онъ умеръ отъ удара, не оставивъ никакого завѣщанія, и все это богатство досталось этому Ранцову, который приходился ему какимъ-то двоюроднымъ племянникомъ и даже въ глаза его никогда не видалъ.

— И много досталось? заинтересовался ея кавалеръ.

— Очень много, всѣ говорятъ. Онъ самъ какъ-то разъ сказалъ при мнѣ, что въ нынѣшнемъ году надѣется получить тридцать и даже сорокъ тысячъ дохода. У него тамъ всякія винокурни есть, заводы...

— И вы оставляете его „безъ на-деж-ды?“ протянулъ, внимательно глядя ей въ глаза, Анисьевъ.

Она повела плечомъ и тутъ же взглянула на него, въ свою очередь, какъ бы удивляясь его вопросу:

— Вѣдь онъ tout à fait impossible! Вы слышали, какъ онъ говоритъ по-французски?

— Нѣсколько... фантастично, не спорю. Но...

— Что „но?“

— Сорокъ тысячъ дохода на полу не найдешь...

Въ богатой сообразительностью головѣ петербургскаго карьериста мелькалъ уже цѣлый планъ зданія, которое представлялся ему случай соорудить...

Пышныя губы барышни сложились еще разъ въ презрительную усмѣшку:

— Есть жиды еще богаче, но вѣдь не выходятъ же за жидовъ замужъ! Не однѣ деньги на свѣтѣ... У меня совсѣмъ другія мечтанія...

— Можно, sans indiscrétion, спросить у васъ—какія?

Она чуть-чуть пріостановилась отвѣтомъ.

— Вамъ... я скажу, одному вамъ: вѣдь мы съ вами союзники, прошептала она, подмигивая ему обоими глазами:— вотъ видите-ли, у меня очень хорошій голосъ... Ахъ, Боже мой! вдругъ вспомнила барышня,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете ѣхать завтра до спектакля, не услышите меня?

— Услышу въ Петербургѣ, надѣюсь, отвѣчалъ онъ такимъ же шопотомъ.

— Да, конечно; она вся загорѣлась отъ радужныхъ представленій, соединявшихся въ ея мысли со словомъ „Петербургъ“,—но развѣ надо такъ спѣшить?

— „Не откладывай на завтра то, что можешь совершить сегодня“, вѣщаетъ древняя мудрость. Это у васъ вѣроятно въ прописяхъ въ институтѣ даже было? промолвилъ весело графъ Анисьевъ.

— Ахъ, да, поторопилась сообщить Ольга,—вамъ это, можетъ быть, интересно будетъ знать. Я узнала, говорила она, осторожно озираясь,—узнала навѣрное, что l'oncle отговариваетъ ее насчетъ... вы знаете, о комъ я говорю...

— А, а! вырвалось невольно у Анисьева.

— И она сама съ нимъ сегодня на спектаклѣ... у нихъ что-то вышло.

— Querelle d'amoureux, ничего не значитъ! пропустилъ онъ сквозь зубы, откинулъ свой эполетъ и примолкъ...

— Нѣтъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ,—я давно привыкъ

вѣрить женскому инстинкту... Какъ вы изволили приказывать, такъ мы и исполнимъ: перемѣна декораціи—Петербургъ! домолвилъ онъ, шутливо сообщая ей этими словами о безповоротномъ по этому предмету рѣшеніи.

— И вы, спросила она съ нѣкоторою задержкой,—такъ и уѣдете не... не объяснившись ни съ кѣмъ?...

Флигель-адъютантъ нахмурился:

— Позвольте оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта... И при этомъ осмѣлюсь просить васъ, добавилъ онъ почти строго, чуть слышно пропуская слова подъ громъ мазурки и глядя въ сторону, — что̀ бы вамъ обо мнѣ, послѣ моего отъѣзда, ни случилось услышать, отъ княгини-ли, или отъ кого другаго, и виду не показывать, что вамъ извѣстно что-либо еще помимо того, что̀ можетъ быть вамъ сказано... Съ вашимъ умомъ вы, нѐ сомнѣваюсь, пойметѐ, что это въ вашихъ же интересахъ.

Ольга все это скорѣй угадала, чѣмъ разслышала.

— Вы меня еще не знаете, сказала она:—я могила pour les secrets!... Да еще когда отъ этого зависитъ такое счастіе... Я и не знаю, право, что̀ я готова сдѣлать, чтобы наши планы удались!...

Этотъ горячій взрывъ молодаго желанія перенесъ нашего озабоченнаго Петербуржца къ строю помышленій болѣе игриваго свойства. Онъ устремилъ опять загорѣвшіеся глаза въ сіяющее лицо своей дамы:

— А скажите, пожалуйста, заговорилъ онъ прежнимъ шутливымъ тономъ: — что̀ тянетъ васъ такъ страстно въ Петербургъ? Повеселиться хочется?...

— Веселье своимъ чередомъ... Но у меня другое въ виду. Я вамъ начала говорить, что у меня хорошій голосъ... Очень хорошій, всѣ даже говорятъ—замѣчательный, поясняла Ольга:—и я поэтому дѣйствительно страстно желала бы...

— Поступить на сцену? первою мыслью представилось ея собесѣднику.

— Quelle horreur! я, на сцену, Богъ знаетъ съ кѣмъ! вскрикнула барышня, вскинувъ на него полный упрековъ

взглядъ, — можете-ли вы это обо мнѣ думать!... Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Простите великодушно, засмѣялся онъ,—я думалъ, что вы стремитесь сдѣлаться второю Madame Malibran... Ce n'est déjà pas si mal!

Барышня слегка надулась.

— Я вижу, вы надо мной смѣетесь, и я, конечно, послѣ этого ничего уже не могу вамъ сказать.

— Напротивъ, все, бархатнымъ голосомъ, наклоняясь на мигъ почти къ самому ея плечу, пропустилъ Анисьевъ, — я весь слухъ и весь преданность вашимъ желаніямъ.

Его быстрое, горячее дыханіе пробѣжало у нея по кожѣ. Она слегка вздрогнула, вспыхнула и, не глядя на него, протянула руку за вѣеромъ своимъ, которымъ онъ небрежно игралъ все время.

Я совсѣмъ не о сценѣ, начала она, — я думала, что съ моимъ пѣніемъ я могла бы попасть... ко двору, домолвила она скороговоркой.

— Ко двору? повторилъ онъ.—Вы желали бы, чтобы васъ пригласили туда пѣть?

— Нѣтъ, совсѣмъ... словно проглотила барышня.

— Какъ „совсѣмъ"?

— Д-да... Вотъ какъ попала фрейлина Вер...

Она не договорила и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, прежде чѣмъ увидала она выраженіе его лица, поняла, какимъ-то внезапно сказавшимся въ ней теперь чутьемъ, что то, о чемъ она сейчасъ говорила, тотъ планъ, который она съ такою любовью лелѣяла и носила такъ долго въ головѣ своей, что все это представляло собою нѣчто совершенно несбыточное и невозможное.

— Или это глупость, вы думаете? торопливо промолвила она тутъ же, оборачиваясь на него смущенно вопрошающими глазами.

Онъ старательно разглаживалъ свои прекрасные усы, чтобы не дать ей замѣтить улыбки, въ которую невольно складывались его губы.

— Я никогда не посмѣю назвать это такъ, вы, но

смѣю думать, что это принадлежитъ къ міру тѣхъ неожиданныхъ и мгновенныхъ фантазій, которыя часто загораются и проходятъ въ женскихъ головкахъ... Вы позволите мнѣ говорить откровенно? спросилъ онъ уже болѣе серьезнымъ тономъ.

— Je vous prie, сказала Ольга, опуская глаза и усиленно дыша высокою грудью.

— Примѣръ, на который вы ссылаетесь, — de l'histoire ancienne, и именно потому, что онъ былъ, всѣ шансы противъ того, чтобъ онъ повторился. Къ тому же тамъ и условія были другія, промолвилъ какъ бы вскользь флигель-адъютантъ.

Но она поняла.

— Да, тамъ все-таки извѣстная, свѣтская, а я—уѣздная барышня, дочь исправника... „Исправника", со злобнымъ отчаяніемъ повторила мысленно Ольга, быстрымъ переходомъ, какъ это всегда случалось съ нею, чувствовавшая себя въ эту минуту настолько униженною и „презрѣнною", насколько возносилась она надъ остальными смертными тому полчаса.

— На свѣтѣ, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, продолжалъ ея кавалеръ,—но, насколько я могу судить, для того, чтобы вы могли достичь желаемаго, нужна была бы цѣлая комбинація благопріятныхъ обстоятельствъ, на подготовку которыхъ—протянулъ онъ,—требуется много такого, что̀ дается многолѣтнимъ опытомъ и тонкимъ знаніемъ Петербурга... И къ чему, заговорилъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ,—стали бы вы тратить на это лучшіе дни вашей молодости, итти на непріятности, отказы, когда вамъ стоитъ только руку протянуть, чтобы получить положеніе, гораздо болѣе прочное и блестящее, чѣмъ то, которое только издали и въ ваши лѣта можетъ казаться завиднымъ?

— Это про что̀ же вы говорите? спросила недоумѣло Ольга.

Анисьевъ глядѣлъ на нее, какъ-будто отмѣчая въ своей памяти каждую подробность ея соблазнительнаго облика.

— Вы такъ хороши, говорилъ онъ,—въ васъ такъ много огня, вы чувствуете въ себѣ столько законныхъ правъ на наслажденіе жизнью, что вамъ душно, невыносимо въ захолустьи,—я разумѣю подъ этимъ и Москву, вставилъ онъ смѣясь,—васъ

тянетъ туда, гдѣ представляется широкій просторъ для осуществленія вашихъ мечтаній, не такъ-ли?

— О, да, еслибы вы знали! воскликнула она неудержимо:— мнѣ всего, всего хочется!

— Вотъ видите, я угадалъ! Но для того, чтобы достать рукой до этого „всего", нуженъ пьедесталъ, лѣстница... Въ наше время пьедесталъ этотъ прежде всего средства, деньги... А, повидимому, отъ васъ зависитъ...

— Это все опять капиташка? забѣгая впередъ его рѣчи, вскликнула еще разъ барышня.

Воспитанный Петербуржецъ невольно поморщился отъ вульгарности этого выраженія. Ольга тотчасъ же замѣтила это и слегка сконфузилась.

— Я такъ, шутя, называю... monsieur Ранцова, быстро промолвила она.—И вы бы мнѣ совѣтовали?...

Анисьевъ только утвердительно головой повелъ.

— Но онъ, вы видѣли, жалобнымъ тономъ сказала она,— онъ совсѣмъ du простой... И потомъ деньги не все: въ Петербургѣ опять-таки нужно une position. А изъ него что же можно было бы сдѣлать? Тридцать пять лѣтъ—и отставной капитанъ! Куда меня съ нимъ примутъ?

Флигель-адъютантъ засмѣялся:

— А черезъ годъ — почетный членъ дѣтскихъ пріютовъ, на которые онъ пожертвуетъ пять-шесть тысячъ рублей, и камеръ-юнкеръ, а слѣдовательно для молодой красавицы-жены право представиться ко двору и затмить на выходѣ въ Бѣлой Залѣ всѣхъ городскихъ дамъ магнифиценціей своего платья, а всѣхъ ихъ вообще свѣжестью и прелестью своей особы.

У барышни огни въ глазахъ запрыгали. Она никогда объ этомъ не думала, не знала,—и вдругъ цѣлый новый горизонтъ открывается предъ нею.

— И это въ самомъ дѣлѣ? сказала она съ воскресшимъ блескомъ въ глазахъ:—это можно было бы такъ скоро?

— Если бы вамъ въ такомъ случаѣ угодно было поручить мнѣ ваши интересы, отвѣтилъ онъ, проницательно глядя въ эти глаза,—я могъ бы указать вамъ и, надѣюсь, аппланировать всѣ надлежащіе къ тому пути.

Ольга въ первую минуту и не подумала поблагодарить его за предложеніе. Она все еще не могла справиться внутренно съ такимъ неожиданнымъ для нея открытіемъ: то, къ чему она стремилась и чего разсчитывала достигнуть далекимъ и—она никогда не скрывала отъ себя этого,—труднымъ путемъ, это совершенно легко и просто могло быть ей доставлено тѣмъ самымъ, страстно влюбленнымъ въ нее человѣкомъ, котораго она звала „капиташкой“, отвергала самымъ рѣшительнымъ образомъ, всячески оскорбляла и огорчала... „Черезъ годъ она можетъ быть въ Бѣлой Залѣ en robe de cour... Ранцовъ камеръ-юнкеръ... и тогда ужь, разумѣется, далѣе и далѣе, — она ужь тамъ сумѣетъ подвигать его“...

Мысли у барышни прыгали теперь, что̀ альпійскія козы, перескакивая невѣроятныя пространства.

Она вдругъ засмѣялась и обернулась на Анисьева съ сіяющимъ лицомъ.

— У меня ужасное воображеніе, расходится—нѣтъ конца!.. Я чувствую, что могу сдѣлать много глупостей, если у меня не будетъ вѣрный совѣтчикъ, который бы мнѣ все говорилъ, что̀ надо дѣлать, а я бы его ужь такъ слушалась, такая была бы паинька...

— И онъ могъ бы разсчитывать дѣйствительно, что вы были бы ему во всемъ послушны? быстро проговорилъ блестящій Петербуржецъ тѣмъ особымъ, вкрадчивымъ шептаніемъ, которое Нѣмцы выражаютъ весьма удачнымъ звукоподражательнымъ „flüstern“.

Глаза его договорили ей, что̀ разумѣлъ онъ подъ этимъ „послушаніемъ“... Она засмѣялась опять, но не отвѣчала и опустила вѣки... Въ первый еще разъ въ этихъ „искоркахъ“, которыя привыкла она вызывать въ глазахъ каждаго мущины, было, она чувствовала, что-то оскорбительное для нея. Это было не то, что-то неудержимо страстное, захватывающее и сообщающееся, что̀ говорило во всемъ существѣ Ашанина, напримѣръ... „А гдѣ онъ однако скрывается? онъ не танцуетъ? какъ хорошъ онъ былъ въ своемъ костюмѣ!“ прыгали опять мысли Ольги... „А у *этого* точно торгъ какой-то, даже гадко...“

„И съ нимъ опасно", думала она далѣе; „если только дать ему немножко взять себя въ руки, отъ него ужь не вывернешься... И точно-ли все такъ можно сдѣлать, какъ онъ говоритъ, и только чрезъ него?... Главное, не надо спѣшить. Я уѣду съ княгиней въ Петербургъ и все сама тамъ пойму. Капитанъ не уйдетъ: его только поманить, и онъ всегда будетъ *тутъ*, когда только я захочу..."

Чижевскій начиналъ новую, очень сложную какую-то фигуру въ четыре пары разомъ. Каждый кавалеръ долженъ былъ выбрать даму, дама—кавалера.

Ольга медленнымъ шагомъ направилась въ конецъ залы, гдѣ скромно и уныло, рядомъ съ пуляркой Eulampe, сидѣлъ ея будущій камеръ-юнкеръ.

Она не подошла къ нему, а остановилась въ трехъ шагахъ и, какъ намѣревалась мысленно, „поманила" его къ себѣ кончиками двухъ пальцевъ.

Онъ всталъ и приблизился, темный какъ туча.

Она подала ему руку и глянула ему прямо въ глаза:

— Это что за лицо такое? Вы знаете, что я этого не люблю! Я люблю, когда оно у васъ хорошее, веселое, и я могу каждую минуту прочесть на немъ, что вы думаете обо мнѣ.

— Для васъ, Ольга Елпидифоровна, особенное удовольствіе составляетъ конфузить меня при всякомъ случаѣ, пробормоталъ Ранцовъ черезъ силу, чувствуя теперь въ широкой ладони своей *всю* ея горячую и сквозь перчатку руку...

— А вы, отвѣчала она, тихо двигаясь съ нимъ по залѣ и глядя на него избока тѣмъ знакомымъ ему взглядомъ, отъ котораго всѣ волосы топорщились у него на головѣ,—а вы и потерпѣть не можете?... А если я, положимъ, нарочно васъ мучаю, хочу испытать, вѣрно-ли, что вы меня такъ любите... Что тогда?...

— Для васъ все шутки, а для меня каково? едва могъ онъ договорить отъ волненія.

— Кто знаетъ! Поживете, можетъ быть, и увидите... Вы очень хорошо мазурку танцуете, я замѣтила; гдѣ вы это

выучились, въ Польшѣ? заключила она, становясь съ нимъ въ кругъ фигуры.

Если бы нашъ храбрый капитанъ вмѣсто Владиміра получилъ за Коморнъ Георгія, и даже изъ рукъ самаго фельдмаршала, онъ, конечно, не былъ бы такъ безумно счастливъ, какъ въ эту минуту...

VII.

— Messieurs, grande promenade avec vos dames! подхватывая первый свою даму подъ-руку, крикнулъ на всю залу дирижеръ Чижевскій, которому Костя Подозеринъ, по порученію хозяйки, только что передалъ, что партіи окончены и пора ужинать.—Польскій! далъ онъ знакъ оркестру.

И до смерти усталыя, но все такъ же оживленно двигавшіяся молодыя пары съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ потянулись за нимъ къ давно открытымъ для протока воздуха, но завѣшеннымъ отъ свѣта своими тяжелыми штофными портьерами дверямъ залы, выходившимъ на балконъ со стороны сада.

— День, день! словно при видѣ чего-то совершенно неожиданнаго послышались возгласы въ веселомъ роѣ, высыпавшемъ на балконъ.

— И смотрите, какъ высоко ужь солнце! Ужасъ! визжали *пуляpки*.

— А вы думаете, который часъ? гаерничалъ Шигаревъ.

— А который?

— Часъ купаться итти. Пойдемте!

Пуляpки завизжали снова.

— Не смѣйте такъ *моветонничать!* крикнула, обернувшись на него, Eulampe, шедшая предъ нимъ подъ руку съ капитаномъ, и треснула его вѣеромъ по рукаву.

— Сломаете, я вамъ новаго не подарю! засмѣялся Шигаревъ.

— Очень мнѣ нужно! Я бы и не приняла! фыркнула она на это.

— А ты попробуй преподнести! хихикалъ сзади Свищовъ,— примутъ навѣрное!...

Чижевскій съ Женни и ближайше слѣдовавшія за ними пары уже сбѣгали по ступенямъ лѣстницы въ садъ.

— Останемся здѣсь, я не могу, устала, шепнула Лина своему кавалеру, роняя руки на перила балкона и глядя вдаль мигавшими отъ свѣта глазами. — Ахъ, какъ сладокъ этотъ чистый воздухъ!...

— Господа, mesdames, раздался голосъ выбѣжавшаго изъ залы Кости Подозерина,—куда вы? Княгиня проситъ сейчасъ же въ столовую, ужинать!

— Мы сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ снизу Чижевскій,—мы пройдемъ туда садомъ кругомъ дома.

— Графъ Анисьевъ, графъ Анисьевъ!

Подозеринъ поспѣшно сбѣжалъ къ нему.

— Васъ княгиня проситъ...

Флигель-адъютантъ сморщилъ брови.

— Что ей угодно?

— Она желаетъ, чтобы вы повели ее къ столу.

— Но, вы видите, я съ дамой...

— Идите, идите, графъ, сказала вполголоса Ольга,—а то мнѣ за это достанется...

— Въ такомъ случаѣ mille pardons!...

И онъ, посылая мысленно нашу княгиню къ чорту, отправился за Подозеринымъ вверхъ.

Ольга отошла въ сторону. Всѣ остальные пробѣжали мимо нея въ садъ... Она спустилась тоже...

Въ головѣ у нея стояло прежнее: этотъ разговоръ съ Анисьевымъ, открывшій ей то, о чемъ она и не догадывалась: собственный богатый домъ въ Петербургѣ, опера, рысаки, Бѣлая Зала, toilette de cour, мужъ,—этотъ самый „капиташка“, въ золотомъ мундирѣ... „И не будетъ онъ смѣшонъ?“ прыгали ея мысли... „Онъ все же mauvais genre, говоритъ не умѣетъ... И эти усы щеткой, и онъ съ ними цѣловать меня полѣзетъ. Брр...“

— Какъ же это вы однѣ?

Она вздрогнула... Предъ нею стоялъ Ашанинъ.

— Владиміръ Петровичъ! вскрикнула она: — гдѣ это вы скрывались?

— Я никогда не танцую, холодно отвѣтилъ онъ;—игралъ въ карты, потомъ вышелъ пройтись; утро, видите, какое... А гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Его потребовала княгиня... Дайте мнѣ вашу руку, вы будете моимъ кавалеромъ за ужиномъ.

Онъ съ раскрытыми широко глазами взглянулъ на нее... Она чуть-чуть вздрогнула...

И въ то же мгновеніе какимъ-то неожиданно, разомъ закипѣвшимъ въ обоихъ ихъ ощущеніемъ поняли они оба: онъ— что она опять въ его власти, она — что человѣкъ этотъ безконечно ей нравился, и что никто не былъ въ состояніи внушить ей то, что̀ этотъ человѣкъ...

Они были одни въ аллеѣ. Сквозь частую листву низкіе лучи солнца разбивались золотыми брызгами о розы ея вѣнка, о матовую гладь ея плечъ и шеи...

Онъ закинулъ обѣ руки за ея станъ и привлекъ къ себѣ. Она не противилась...

— Ольга, могъ только проговорить онъ, отрываясь отъ ея губъ,—за что̀ промучила ты меня сегодня такъ, за что̀?...

— Намъ пора... тамъ ужинаютъ... пойдемте, говорила она, едва въ свою очередь приходя въ себя... За что̀? повторила она, налегая на его руку и сдвигая его съ мѣста:—знаю-ли я? Я говорила вамъ, я такая капризная, безумная... Нѣтъ, знаю! воскликнула она вдругъ, какъ бы вспомнивъ, и остановилась. — Я, когда васъ вижу... вы видите, совсѣмъ... безсильная. Она нажала свободною рукой грудь, ходившую горой подъ ея корсетомъ,—но этого не нужно болѣе никогда, никогда...

— Опять то же? Ольга, ради Бога! отчаянно вскрикнулъ Ашанинъ.—Ну, хорошо, хорошо, зашепталъ онъ тутъ же, не давая ей времени возразить,—я никогда ужь болѣе, никогда не стану просить... но сегодня, я тебѣ говорилъ, изъ твоей комнаты, по маленькой лѣстницѣ, прямо въ корридоръ, гдѣ уборная... я буду ждать тебя...

— Теперь?... Глядите—день, дрожащими устами пробормотала она,—мало вамъ, что было вчера.

— Лѣстница темная... въ уборныхъ... вездѣ занавѣсы спущены... послѣ этого бала все, и слуги, будетъ спать мертвымъ сномъ... Я буду ждать... да?...

Она вся горѣла... О, этотъ человѣкъ съ его палящими глазами и этимъ голосомъ, проницающимъ, мягкимъ, неотразимымъ!... Тамъ, впереди, что еще будетъ? Тамъ — торгаши Анисьевы, мужъ „съ усами щеткой,“ насильныя ласки, среди блеска неволя... А тутъ, сейчасъ... „Одинъ лишь мигъ!“ пронесся у нея вдругъ какимъ-то страстнымъ откровеніемъ мотивъ Глинкинскаго романса...

— Послушайте... обѣщайтесь... Клянитесь мнѣ, промолвила она вдругъ на низкихъ нотахъ своего густаго контральтоваго голоса,—клянитесь всѣмъ, что вамъ дорого, что это—въ послѣдній разъ, что послѣ этого вы никогда не будете стараться видѣться со мной, будете избѣгать меня даже... Да, я васъ прошу, умоляю, мнѣ это необходимо, чтобы не встрѣчаться съ вами болѣе, не видѣть...

— Я уѣзжаю отсюда совсѣмъ завтра въ ночь, послѣ вашего спектакля: какая еще клятва нужна послѣ этого? шепталъ прерывающимся голосомъ красавецъ,—но ты придешь, придешь?...

Она не отвѣчала и только вся внезапнымъ движеніемъ прижалась къ нему...

— Скорѣе, скорѣе, идемъ, тамъ могутъ замѣтить! вскинулась она разомъ за этимъ, увлекая его съ собою по дорогѣ къ дому...

У дверей столовой, сверкавшей огнями зажженныхъ люстръ и канделябръ, на большихъ и малыхъ столахъ, за которые шумно размѣщалось теперь многочисленное и проголодавшееся общество Сицкаго, ждалъ Ольгу капитанъ Ранцовъ... Онъ весь перемѣнился въ лицѣ, увидѣвъ ее подъ руку съ Ашанинымъ.

Она досадливо и строго подняла на него глаза:

— Что это вы?...

— Вы остались безъ кавалера, Ольга Елпидифоровна, такъ я...

— А вы только теперь замѣтили? прервала она его, смѣясь;—и я такъ бы за ужинъ одна и сѣла, если бы вотъ сейчасъ Владиміръ Петровичъ не встрѣтился... А ваша же дама гдѣ?

— Тамъ-съ, за особымъ столикомъ, ожидаетъ, указалъ капитанъ:—тамъ свободно, я два стула даже пригнулъ къ столу для отмѣтки, что занято.

— Пригните три!... Вамъ все равно, гдѣ ужинать? обернулась она къ Ашанину.

— Гдѣ вамъ угодно! сказалъ тотъ, поводя плечами самымъ равнодушнымъ образомъ.

— Такъ пойдемте; я сяду между васъ двухъ, рѣшила барышня, взглянувъ еще разъ на капитана и при этомъ, замѣтно лишь для него одного, погрозила ему съ улыбкой пальцемъ.

Ранцовъ снова просіялъ душой и побѣжалъ впередъ указывать имъ мѣста.

VIII.

Бѣдный капитанъ, онъ былъ такъ счастливъ за этимъ ужиномъ! Ольга сидѣла подлѣ него, улыбалась... старалась улыбнуться каждый разъ, когда онъ обращалъ къ ней рѣчь, и отвѣчала ему ласково и — разсѣянно... Она какъ-то механически сознавала, что надо было обращаться съ нимъ съ этою ласковостью: надо было „не отталкивать его“. Но она старалась не глядѣть на него, не видѣть этихъ „щетинистыхъ усовъ“... и этихъ честныхъ, добрыхъ глазъ, устремлявшихся на нее съ такою безпредѣльною, простодушною любовью. Въ головѣ ея стоялъ туманъ; сердце билось ускоренно и сладко, все существо ея млѣло неодолимо охватывавшимъ ее предвкушеніемъ нѣги, счастья... „Одинъ лишь мигъ“, пѣлъ въ ней опять внутренній голосъ молодой, торжествующей страсти... Но этотъ „мигъ“,—она не въ силахъ отказаться отъ него, она извѣдаетъ до дна его сладость. Какъ говорила она наканунѣ Ашанину, она „свободная“, она „понимаетъ, что̀ такое жизнь, и хочетъ все, все испробовать въ ней“... А онъ такъ хорошъ, и ни въ чьихъ уже болѣе другихъ мужскихъ глазахъ не прочтетъ она того, что̀ въ состояніи сказать ей эти глаза...

Онъ, онъ думалъ объ одномъ: „какъ только дожить до той минуты!“ Онъ уже теперь, заранѣе переживалъ ее: она придетъ,—вздумалось бы ей не притти, онъ на все готовъ, онъ ворвется къ ней, ухватитъ, унесетъ ее, какъ левъ свою добычу, заглушая крикъ ея своими поцѣлуями,—она придетъ... И среди гула и смѣха трапезовавшей кругомъ толпы, въ этой

залитой огнями столовой, ему слышался въ безмолвіи и тьмѣ робкій, сдержанный скрипъ женской обуви, скользящей внизъ по ступенямъ узенькой лѣстницы, чувствовалось прикосновеніе, и благоуханіе, и трепетъ всей этой женской прелести, идущей къ нему, замирающей въ его объятіяхъ... Онъ не глядѣлъ на нее, боялся обернуться въ ея сторону, чтобы глаза не измѣнили ему, не выдали того безумнаго чувства блаженнаго и нестерпимаго ожиданія, которое владѣло имъ. Онъ не говорилъ съ ней,—только кончикъ его ботинки нажималъ слегка подъ столомъ ея бальный башмачекъ,—и кровь горячечно билась о его виски, и онъ съ трудомъ осиливалъ дрожь, отъ которой то-и-дѣло принимались стучать его зубы... Онъ почти ничего не ѣлъ, какъ и не ѣла Ольга, и только отъ времени до времени отпивалъ глотками изъ стакана холодную воду, въ которую вылилъ налитую ему рюмку шампанскаго.

— Давно-ль въ водѣ ты горе сталъ топить? продекламировалъ ему по этому случаю сидѣвшій насупротивъ его Свищовъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на него и не отвѣчалъ.

Свищовъ перегнулъ голову по направленію Ольги, между которою и имъ стояла большая японская ваза съ цвѣтами:

— Не скажете-ли вы, Ольга Елпидифоровна, какое мрачное дѣло замышляетъ сосѣдъ вашъ съ лѣвой стороны?

Ваза и цвѣты помѣшали ему замѣтить яркую краску, покрывшую мгновенно все лицо барышни...

Ашанинъ на сей разъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Я замышляю освистать первый балетъ, который ты поставишь на сцену.

Кругомъ засмѣялись; засмѣялся даже капитанъ Ранцовъ, крѣпко не долюбливавшій Ашанина за его пассажъ съ Ольгой прошлою ночью, но которому Свищовъ еще болѣе претилъ своимъ нахальствомъ.

— Хорошо сдѣлаешь, отшучивался между тѣмъ со смѣхомъ тотъ,—потому что я намѣренъ изобразить въ этомъ балетѣ всякое твое коварство и безобразіе.

Дѣвица Eulampe, давно втайнѣ таявшая по московскомъ

Донъ-Жуанѣ, почувствовала себя вдругъ ужасно обиженною за него такими словами.

— Можетъ быть, дѣйствительно, и есть такіе, громогласно отпустила она,—которые, въ самомъ дѣлѣ, и коварные, и безобразные, только, ужь конечно, не monsieur Ашанинъ!

Новый дружный смѣхъ отвѣчалъ на выходку пламенной „пулярки". Свищову рѣшительно не везло...

Ашанинъ откинулся въ свое кресло и изъ-за спинъ Ольги и капитана послалъ своей неожиданной защитницѣ глубокій благодарственный поклонъ, приложивъ при этомъ руку къ сердцу. Она вспыхнула до бровей, поспѣшно схватила лежавшій подлѣ ея тарелки букетъ свой и погрузила въ него свое счастливое лицо...

Княгиня Аглая Константиновна, державшаяся того правила, что за ужиномъ не должно быть хозяйскаго мѣста, предоставила гостямъ своимъ разсаживаться по собственному ихъ усмотрѣнію, а сама со своимъ блестящимъ петербургскимъ кавалеромъ, котораго, къ немалой его злости, предварительно долго таскала съ собою, нѣжно налегая на его руку своимъ грузнымъ тѣломъ, по всѣмъ угламъ столовой, какъ-бы на показъ присутствующимъ, направилась къ небольшому столу у окна, за который, не чая грозы, помѣстилась Лина съ Духонинымъ. Чижевскій сидѣлъ по другой рукѣ ея, рядомъ со своею дамой, Женни Карнауховой. Княгиня безцеремонно попросила ихъ передвинуться на два сосѣдніе свободные стула...

— Et nous nous mettrons là, en famille, шепнула она игриво на ухо Анисьеву,—vous serez entre ma fille et moi.

Онъ дорого бы далъ въ эту минуту, чтобъ имѣть право крикнуть ей на всю залу: „Дура, непроходимая, зловредная дура!..." Но дѣлать было нечего,—онъ отставилъ стулъ и скользнулъ, чтобъ усѣсться, мимо Лины, нагибаясь предъ ней съ изысканною учтивостью и извиненіемъ...

Она безмолвно и поспѣшно, не глядя на него, прижала рукой волны газа своей юпки, давая ему мѣсто пройти...

„Я ей внушаю отвращеніе, просто!" заключилъ чуткій Петербуржецъ изъ одного этого торопливаго, нѣмаго, какъ-бы

гадливаго движенія; „je lui fais l'effet d'un cloporte", перевелъ онъ это себѣ по-французски, морщась и закусывая губу.

Онъ не привыкъ внушать такія чувства и серьезно озлился на ту, которую почиталъ ихъ главнымъ источникомъ.

— Какія порученія дадите вы мнѣ въ Петербургъ, княгиня? проговорилъ онъ отчетливо и громко, развертывая свою салфетку.

— Почему въ Петербургъ? тревожно спросила она, держа вилку надъ глазурной поверхностью подносимаго ей въ эту минуту блюда майонеза.

— Потому что я ѣду завтра и буду тамъ черезъ три дня, спокойно отвѣчалъ онъ.

Тяжелая серебряная вилка выскользнула изъ рукъ Аглаи и, ударившись о край блюда, съ грохотомъ упала на ея тарелку, растрескавъ ее на три большіе куска.

— Это, говорятъ, къ счастію, княгиня! невозмутимо улыбнулся графъ Анисьевъ, учтиво спѣша обмѣнить своею обломки ея тарелки и передавая ихъ вмѣстѣ съ виновною вилкой подбѣжавшему съ испуганнымъ лицомъ слугѣ.

Тарелка была саксонская, дорогая, съ рѣдкимъ, вѣнчаннымъ королевскою короной вензелемъ A. R. *) на ея оборотѣ; но сломайся въ эту минуту и весь цѣнный сервизъ, къ которому принадлежала она, наша разсчетливая княгиня осталась бы къ этому равнодушною. Она была совершенно уничтожена.

— Comment, vous nous quittez, mon cher comte? могла она только вымолвить, растерянно воззрясь на него.

— Къ сожалѣнію моему, обязанъ! отвѣчалъ онъ съ соотвѣтствующимъ пожатіемъ плечъ.

— Mais ce n'est pas du tout ce que j'ai cru comprendre dans notre conversation d'hier? вскликнула она, переводя съ весьма недвусмысленнымъ для него и еще болѣе озлившимъ его намѣреніемъ круглые глаза свои съ него на затылокъ до-

*) Augustus Rex, штемпель фарфора Мейсенской фабрики времени основателя ея, Августа 1-го.

чери, спокойно разговаривавшей въ это время со своимъ кавалеромъ.

— Я бы почелъ себя совершенно несчастливымъ, княгиня, отвѣчалъ ей опять по-русски Анисьевъ (въ досадѣ своей онъ какъ-бы наказывалъ ее тѣмъ, что не удостоивалъ ея французскую рѣчь отвѣтомъ на томъ же языкѣ), — если бы вамъ угодно было искать въ моихъ словахъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Я уже потому не могъ говорить вамъ о продолжительномъ пребываніи въ вашемъ прекрасномъ Сицеомъ, что я, какъ вы знаете, принадлежу не себѣ...

Онъ не досказалъ и легкимъ движеніемъ руки указалъ на свои эполеты.

Она почтительно, какъ-бы испуганно взглянула на нихъ:

— Конечно, mon cher comte, если вы нужны à Sa Majesté l'Empereur...

— И къ тому же я жду изъ-за границы матушку на ближайшемъ пароходѣ, сказалъ онъ.

— La comtesse votre mère! вскликнула Аглая;—но въ послѣднемъ письмѣ, которое я получила отъ нея три недѣли назадъ, она обѣщала мнѣ très catégoriquement, что какъ только вернется въ Россію, то пріѣдетъ непремѣнно къ намъ сюда...

— Въ настоящую минуту, къ сожалѣнію, это будетъ для нея очень трудно сдѣлать, сухо возразилъ флигель-адъютантъ,—у нея дѣла, которыя на довольно долгое время задержатъ ее въ Петербургѣ.

„Да это отказъ! Lina l'a degouté avec ses grands airs", съ ужасомъ пронеслось въ головѣ нашей княгини;—„мать найдетъ ему другую невѣсту въ Петербургѣ!..."

— Послушайте, mon cher comte, заговорила она, вся красная и рѣшительнымъ тономъ, — я не довольствуюсь всѣмъ тѣмъ, что вы мнѣ сказали; я желаю знать настоящее... *les vraies raisons*, подчеркнула она,—которыя заставляютъ васъ покидать насъ такъ скоро?

И она при этомъ еще разъ, многозначительно и гнѣвно, повела взглядомъ въ сторону княжны.

Лина все также, обернувшись къ нимъ своею увѣнчанною

длинною гирляндой полевыхъ цвѣтовъ головкой, продолжала разговаривать съ Духонинымъ... Разобиженной княгинѣ нашей рѣшительно было суждено въ этотъ вечеръ видѣть дочь только съ затылка...

Но тотъ, изъ-за котораго она такъ негодовала на эту, равнодушную къ нему, дочь, взглянулъ на нее самое въ это время такимъ холоднымъ, чуть не враждебнымъ взглядомъ, что она разомъ опѣшила и смутилась.

— Вы думаете ѣхать завтра... непремѣнно? молвила она, чуть не плача.

Онъ наклонилъ утвердительно голову.

— Вы зайдете ко мнѣ проститься? уже совсѣмъ робко пролепетала Аглая.

— Помилуйте, княгиня, можете-ли вы въ этомъ сомнѣваться,—это мой долгъ! вскликнулъ онъ на это съ отмѣнною любезностью, кланяясь ей въ полоборота...

— Я васъ буду ждать... одна, потому что намъ непремѣнно нужно объясниться, добавила она съ новымъ взрывомъ рѣшительности.

Онъ взглянулъ на нее загадочными глазами и чуть-чуть усмѣхаясь.

— Если вы этого непремѣнно желаете, промолвилъ онъ скороговоркой и понижая голосъ... И тотчасъ же перемѣняя тонъ:—Матушка въ послѣднемъ письмѣ, началъ онъ,—много говоритъ мнѣ о маркизѣ Кампанари, которую вы, кажется, часто видѣли у нея въ Римѣ...

Онъ говорилъ уже ей объ этомъ наканунѣ,—вспомнилъ и отъ маркизы Кампанари перескочилъ поспѣшно къ какому-то приключенію, случившемуся съ нимъ самимъ съ campagna di Roma четыре года тому назадъ. Онъ разсказывалъ бойко и весело и успѣлъ привлечь самое Лину къ разговору, обратившись къ ней съ какимъ-то вопросомъ объ Италіи, на который она не могла не отвѣтить, послѣ чего уже не представлялось для нея возможности уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды. Она говорила мало, но слушала его съ учтивою внимательностью, тихо улыбаясь, когда случалось ему сказать что-либо остроумное или оригинальное... Онъ былъ гость ея

матери, и она была слишкомъ благовоспитана, чтобы не оказать ему все то, на что̀ онъ въ этомъ качествѣ гостя имѣлъ право. Но это вниманіе и улыбки дочери лили цѣлебный бальзамъ въ растревоженную душу Аглаи Константиновны. Страхи ея стихали... „Je lui expliquerai tout demain!“ говорила она себѣ, возвращаясь мало-по-малу ко врожденному ей оптимизму, хотя весьма затруднена была бы сказать даже себѣ самой, что̀ именно полагала она нужнымъ „expliquer“ этому очаровательному, но мудреному „favori de la cour“, который, вмѣсто ожидавшагося ею на завтра формальнаго предложенія ея дочери, такъ неожиданно объявилъ ей сегодня о своемъ отъѣздѣ... „Онъ уѣдетъ, je le veux bien, но скоро вернется опять, et avec la comtesse sa mère!“ осѣнило вдругъ ея многодумную голову, и она шумно и радостно вздохнула, найдя этотъ ключъ къ недававшейся ей до этой минуты задачѣ...

IX.

Откровеніе это такъ подняло настроеніе нашей княгини, что она возчувствовала какой-то внезапный приливъ необычайнаго благоволенія ко всему ея окружающему и желаніе тутъ же выразить это на дѣлѣ... Гости ея доѣдали сладкое, ужинъ кончался. Трапезные обычаи, видѣнные ею въ незабвенномъ Шипмоунткаслѣ, пронеслись въ ея памяти... Она встала и, широко озираясь кругомъ, громко проговорила:

— Messieurs les hommes, à l'anglaise, можете, когда уйдутъ дамы, оставаться здѣсь курить et boire du champagne, кому угодно!...

Среди грохота отодвигавшихся стульевъ послышались смѣхъ и возгласы одобренія со стороны „господъ мущинъ". Сенька Водоводовъ кинулся съ другаго конца столовой цѣловать ея ручку.

— Вы, княгиня, мать утѣхъ, радостей и всякаго человѣческаго благополучія! вопилъ онъ, надрываясь своимъ дикимъ хриплымъ хохотомъ;—позвольте жженку устроить!

— Je ne sais pas ce que c'est, но позволяю! величественно произнесла она; — если что̀ нужно, adressez vous à Vittorio.

Дамы направлялись къ ней благодарить и прощаться.

— Mercі, mercі, princesse, за восхитительный день, который провели мы у васъ сегодня! чуть не съ умиленіемъ, закатывая глаза и любезно пожимая ей руку, говорила княгиня Додо. И, обращаясь къ стоявшему подлѣ графу Анисьеву (въ первый разъ въ теченіе всего дня): — Я понимаю, что

для этого можно, какъ вы, пріѣхать сюда нарочно съ края свѣта! отпустила она. — Женни, мы сейчасъ ѣдемъ! И она повелительно взглянула на дочь.

— Et vous, ma poétique enfant (это уже относилось къ Линѣ),—вы ужасно устали, n'est-ce pas?

— Да, очень, сказала невольно княжна.

— Ахъ, Боже мой, что же вы тутъ стоите! Послѣ всего, что вы должны были перечувствовать сегодня, вамъ необходимъ покой. Mais renvoyez la donc, princesse, вы видите, какъ она блѣдна!

— C'est vrai, vous êtes très pâle, Lina, проговорила Аглая, только теперь замѣчая изнеможенный видъ дочери.

— Affreusement pâle! жалостливо заголосила опять княгиня Додо,—и при ея деликатномъ сложеніи... Ступайте, ступайте, моя прелестная, не съ нами же вы будете faire des façons...

— Пойдемъ, Лина, я отведу тебя; я тамъ у тебя оставила всякое мое добро! вскликнула Женни, кидаясь страстно обнимать ее; она вся еще была подъ обаяніемъ сладостныхъ вещей, наговоренныхъ ей Чижевскимъ, и ей нуженъ былъ предметъ, на который могла бы она теперь излить всю переполнявшую существо ея нѣжность.

— Вы, надѣюсь, не заставите насъ съ отцомъ дожидаться васъ? тутъ же выговорила ей княгиня Додо тѣмъ кислымъ тономъ, съ которымъ неизмѣнно обращалась она къ дочери.

Лина простилась съ нею, съ матерью и двинулась къ двери столовой рядомъ съ обвившею ее за талію крупною и блаженствовавшею Женни.

Онѣ поднялись на лѣстницу... Надъ ними на площадкѣ, ярко озаренный бившимъ на него свѣтомъ люстры, показался Гундуровъ, выходившій со шляпой въ рукахъ изъ пустынныхъ теперь покоевъ бельэтажа.

Онъ безсознательно остановился, увидѣвъ княжну.

Женни быстро наклонилась къ ея уху:

— Lina dear, вѣдь это онъ, *твой*, правда?...

Лина не отвѣчала, и только рука ея тѣснѣе прижалась къ глади дубовыхъ перилъ, за которыя держалась она, всходя на лѣстницу, чтобы не упасть отъ усталости.

— Принцъ Гамлетъ, откуда вы, изъ Англіи? со смѣхомъ крикнула ему снизу Женни (Чижевскій успѣлъ представить его ей во время бала).

— Я искалъ свою шляпу, которую оставилъ здѣсь въ гостиной...

Обѣ добрались до площадки.

— Вы не ужинали? спросила Лина.

— Д-да... Конечно... ужиналъ, нѣсколько растерянно отвѣтилъ онъ.

— Я васъ не видѣла, робко проговорила она.

— Нѣтъ, я былъ тамъ... Я сидѣлъ далеко отъ васъ... но я васъ видѣлъ, княжна... Слова видимо съ трудомъ выпадали изъ его устъ.

„Ихъ надо оставить однихъ. Имъ уже вѣрно есть, что сказать другъ другу,“ великодушно рѣшила вдругъ въ головѣ своей Женни:

— Лина, ты устала, отдохни здѣсь, а я сейчасъ добуду у тебя мой бурнусъ и перчатки, et je descends!

Она разомъ прыгнула съ мѣста и понеслась вверхъ, въ третій этажъ.

Наши влюбленные остались одни, другъ противъ друга, оба съ опущенными отъ смущенія глазами, оба съ невыносимо трепетавшимъ сердцемъ въ груди.

— Елена Михайловна, простите мнѣ! заговорилъ первый Гундуровъ. Онъ былъ полотна блѣднѣе...

— Я не сержусь на васъ, медленно промолвила она. И ея лазоревые глаза заискрились, какъ двѣ загорающіяся звѣзды, подъ ея поднявшимися на него рѣсницами.

— Вы не сердитесь? повторилъ онъ, погружаясь всѣмъ взглядомъ въ эти глаза, свѣтившіе ему теперь такимъ божественнымъ, всепрощающимъ пламенемъ;—вы забыли тѣ безсмысленныя слова, которыя грѣшный языкъ мой произнесъ предъ вами тамъ, на сценѣ?... Какое-то безуміе охватило меня тамъ, княжна... Не даромъ, видно, дается близкое общеніе съ этимъ опаснымъ типомъ Гамлета, промолвилъ Гундуровъ, чуть-чуть усмѣхнувшись,—невольно заражаешься его нездоровьемъ, его сомнѣніями, его ожесточеніемъ... Вы не

сердитесь, а я въ моемъ явленіи съ вами такъ грубо, дерзко, такъ субъективно передавалъ его жестокія слова... а потомъ... И вы... вы не были въ силахъ продолжать послѣ этого, доиграть роли... Не такъ-ли?...

Она молча повела головой, продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же лучистымъ, всепрощающимъ пламенемъ глазъ.

— О, Елена Михайловна!...

Шляпа выпала у него изъ рукъ, и онъ, горя неодолимою краской стыда, закрылъ себѣ ими глаза.

— Вы были взволнованы... вамъ пришлось слышать такія вещи... Я понимаю, что вы могли оскорбиться ими, сказала она какъ бы въ извиненіе его предъ нимъ самимъ.

— Да, слышалъ, вскликнулъ онъ горячо,—слышалъ и непростительно принялъ ихъ къ сердцу. А теперь готовъ былъ бы, кажется, съ радостію выслушать ихъ опять и казниться ими. Въ этихъ оскорбительныхъ словахъ есть правда, Елена Михайловна, жестокая для меня правда:—я не достоинъ васъ!...

Вѣки ея безпокойно и болѣзненно заморгали...

Онъ замѣтилъ это и продолжалъ съ возрастающею горячностью:

— Не достоинъ вашего милосердія, вашего нравственнаго совершенства... Если бы вы знали, какъ гадокъ я кажусь себѣ предъ вами.

Она улыбнулась... и какою улыбкой!...

— Это мнѣ знать, „гадки“-ли вы, прошептала она, вся зардѣвшись.

— Елена Михайловна, заговорилъ онъ, задыхаясь,—я не знаю, что ожидаетъ насъ, какія испытанія суждены мнѣ... и вамъ, но знайте, что я съумѣю теперь перенести все, все, съумѣю „терпѣть и не роптать“ (это были ея слова ему наканунѣ). Я вашъ, вашъ, вашъ...

— Навсегда? промолвила Лина,—и все лицо ея озарилось выраженіемъ безмѣрнаго счастья.

— До послѣдняго моего вздоха!...

Она протянула ему руку... Онъ страстно прижался къ ней губами...

— Вотъ и я, вотъ и я! на голосъ Гунглевой польки пѣла на возвратномъ пути Женни Карнаухова, спускаясь съ верхняго этажа.

Гундуровъ поспѣшилъ поднять свою шляпу.

„Онъ вѣрно стоялъ сейчасъ передъ нею на колѣняхъ", рѣшила тутъ же мысленно крупная княжна:, „ахъ, какъ жаль, что я этого не видала!..."

— Ну, прощай, Лина, начала она цѣловаться съ нею,— спи хорошо, золотые сны видь! Надѣюсь какъ-нибудь урваться опять къ тебѣ пріѣхать; I have so much interesting to tell you *), прошептала она ей на ухо. — Bon soir, prince Hamlet,—она подала Сергѣю руку,—и съ вами, надѣюсь, до свиданія... Вы куда теперь, внизъ, въ столовую? Тамъ теперь идетъ, должно-быть, un léger кутежъ.

— Я до кутежей не охотникъ, сказалъ онъ.

— Фи, какъ стыдно! вскрикнула Женни,—это очень не хорошо, когда мущина скроменъ, какъ дѣвушка! Если-бъ я не была женщина...

— Вы были бы не хорошій мущина? засмѣялся Гундуровъ.

— Именно, именно!... Да вы презлой,—я это очень люблю... Ну, пойдемте, довольно вамъ любезничать! Good night, Lina dear! Я увожу твоего кавалера до границы нашихъ mamans, а тамъ отпущу его кутить въ мущинское царство. Прикажи ему непремѣнно de se donner une petit pointe въ честь твою и здравіе!...

— Прощайте, Сергѣй Михайловичъ, сказала Лина, счастливо улыбаясь всей этой болтовнѣ,—до завтра!...

Когда она вернулась въ свою комнату, ожидавшая ее Глаша вручила ей запечатанную записку:

— Генеральша приказали отдать вамъ предъ тѣмъ, какъ изволите спать ложиться.

Лина подошла къ столу и прочла:

„Милая княжна,—писала ей Софья Ивановна,—не знаю, какъ увижу васъ завтра утромъ, а нужно мнѣ знать непре-

*) Я имѣю такъ много интереснаго сказать тебѣ.

мѣнно. Ради Бога, отвѣчайте просто, да или нѣтъ: то-ли же все ваше расположеніе, какъ нынче утромъ? Короче, могу-ли я говорить съ вашею матушкой, о чемъ вы знаете? Отвѣтъ, прошу васъ, пришлите сейчасъ же, какъ прочтете, горничная моя будетъ ждать.

„С. П“.

Лина схватила перо и подъ этими „С. П“. начертила крупными буквами: „Да, да и да!“ и подписалась полнымъ именемъ: „Елена Шастунова“.

— Отнеси сейчасъ горничной генеральши, она не спитъ, сказала она, запечатавъ, Глашѣ.

Глаша не успѣла повернуться, какъ княжна внезапно опустилась на стулъ, нажимая, что̀ есть силы, грудь рукой и закусивъ губу, чтобы не крикнуть отъ боли.

„Опять, опять, Боже мой!“ проносилось у нея въ головѣ,— „этотъ докторъ въ Ниццѣ былъ правъ, у меня что-то въ сердцѣ: оно не въ состояніи переносить ни муки, ни счастія“!...

X.

— А, Гундуровъ, гдѣ это вы скрываетесь, батюшка? вскликнулъ Духонинъ, завидѣвъ его въ дверяхъ столовой, — къ намъ сюда, скорѣе!

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, уже слегка возбужденный выпитымъ имъ виномъ, и препирался о чемъ-то со стоявшимъ насупросивъ его съ сигарой въ зубахъ дипломатомъ, прозваннымъ „больнымъ попугаемъ“ (онъ былъ какая-то родня Духонину). Кругомъ ихъ въ волнахъ табачнаго дыма то показывались, то изчезали внимавшія лица Чижевскаго, Факирскаго, Толбухина и Ранцова, безъ фраковъ, со стаканами въ рукахъ...

Дамы и пожилые люди всѣ уже разъѣхались или разошлись по своимъ комнатамъ, вслѣдъ за княгиней Аглаей Константиновной, за которою послѣдовали и Зяблинъ съ Шигаревымъ, хранившіе себя отъ излишествъ. Слуги кончали убирать со столовъ. На среднемъ, уже опростанномъ до-гола досокъ столѣ, уставленномъ стаканами и опорожненными бутылками шампанскаго, въ большой серебряной кострюлѣ варилась жженка. Толя Карнауховъ, взъерошенный и красный, рѣзалъ къ ней тонкими ломтями ананасъ, сопровождая свое занятіе какими-то нецензурными куплетами, которымъ подпѣвалъ вторымъ голосомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Свищовъ. Кругомъ ихъ кучились молоденькіе офицеры артиллерійской батареи, которыхъ командиръ ихъ, красивый полковникъ Шнабельбергъ, представилъ наконецъ послѣ спектакля хозяйкѣ дома, и которые затѣмъ, отработавъ самымъ усерд-

нымъ образомъ ногами въ танцахъ, чувствовали себя въ настоящую минуту, въ виду новой предстоящей имъ „сладости жизни“, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа... Огромный кусокъ сахару, уложенный на лезвіяхъ двухъ перекрещенныхъ сабель, ронялъ съ гулкимъ шипѣніемъ свои золотистыя капли въ пылавшій подъ нимъ ромъ, могильно-фантастическій пламень котораго страннымъ образомъ отсвѣчивался на весело взиравшихъ на него молодыхъ, оживленныхъ лицахъ. Одинъ Костя Подозеринъ со своею стерляжьею физіономіей, безмолвно и внушительно помѣшивавшій въ кострюлѣ большою суповою ложкой, походилъ на какую-то каррикатуру Изидина жреца, совершающаго свои заклинанія при таинственномъ мерцаніи сіяющаго ему съ небесъ божества...

На противоположномъ мѣсту Духонина и друзей его концѣ стола помѣщалась другая группа, центромъ которой состоялъ блестящій петербургскій флигель-адъютантъ... Онъ попытался было послѣ ужина ускользнуть незримо изъ столовой, но его замѣтили. Неугомонный Водоводовъ кинулся за нимъ. „Mon cher, mon cher, куда ты?“ хрипѣлъ и гоготалъ онъ, цѣпляясь за его рукавъ, „за компанію Жидъ удавился; тутъ, братъ, выпивка сейчасъ, и свои гвардейцы, Шнабельбергъ, Подозеринъ, я. Не чванься предъ старыми камрадами!...“

Анисьевъ безпрекословно вернулся назадъ. Онъ съ глубокимъ пренебреженіемъ относился въ душѣ вообще къ „камрадству“ и въ особенности къ этому „Сенькѣ-пустой башкѣ,“ товарищу его по выпуску, но далеко отставшему отъ него теперь по службѣ, и „фамильярство“ котораго давно уже коробило его. Но тутъ былъ намекъ на „чванство“,—а этому, по его понятіямъ, „никакъ не надо было дать распространиться“... По выработанному Анисьевымъ ad usum suum кодексу житейской морали можно было утопить „тонкимъ путемъ“ служебное или общественное положеніе лучшаго друга, если-бъ этотъ другъ какимъ-либо образомъ сталъ тебѣ поперекъ дороги, но слѣдовало, рядомъ съ этимъ, держаться строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ, которыми обезпечивается званіе „добраго малаго“ и „товарища,“

столь цѣнимое въ томъ свѣтско-военномъ кругу, къ которому принадлежалъ Анисьевъ. Анисьевъ почиталъ себя вполнѣ въ правѣ смотрѣть на каждаго изъ сослуживцевъ своихъ, какъ на пѣшку, годную лишь для комбинаціи того или другаго хода собственной его игры, но зазнаваться предъ ничтожнѣйшимъ изъ нихъ онъ не дозволилъ бы себѣ уже потому только, что въ этой чертѣ „ближе всего сказывается un parvenu," а быть почитаемымъ за parvenu онъ боялся пуще грома небеснаго...

А потому, какъ ни мало расположенъ онъ былъ теперь пить въ этой компаніи людей, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды, ниже удовольствія, онъ сидѣлъ тутъ со Шнабельбергомъ, Сенькой и присоединившимися къ нимъ всякими московскими свѣтскими господами и, растегнувъ мундиръ, но сохраняя все то же сдержанное и изящное выраженіе, которымъ неизмѣнно отличалась его придворная особа, попивалъ шампанское изъ большаго стакана, стоявшаго предъ нимъ, и повѣствовалъ, къ величайшей потѣхѣ своихъ собесѣдниковъ, недавнюю пикантную исторію нѣкоей Florence, высланной изъ Петербурга за скандалъ, учиненный ею въ одномъ изъ тамошнихъ театровъ.

— Гундуровъ, говорилъ въ то же время Чижевскій, зацѣпляя кончикомъ ботинки ножку сосѣдняго, не занятаго стула и подвигая его къ подходившему къ нимъ герою нашему,—интересный споръ у насъ идетъ...

— О чемъ?

— О Венгерской кампаніи, промолвилъ Петя Толбухинъ съ лѣниво-насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ, говорившимъ: и чортъ-ли въ ней!..

— Ну, да, да, заговорилъ Духонинъ, кивая на стоявшаго насупротивъ его дипломата,—онъ вотъ доказываетъ... Повтори то, что ты сейчасъ сказалъ: „Политика Россіи"...

Дипломатъ опустился на стулъ, закинулъ ногу за ногу и, глядя на кончикъ своего сапога, снисходительно повторилъ:

— Я говорилъ, что политика Россіи въ концѣ прошлаго вѣка... создала между раздѣлившими Польшу державами традиціонную солидарность, необходимымъ послѣдствіемъ кото-

рой является наше вмѣшательство въ дѣло возстанія Венгріи въ прошломъ году. C'est une nécessité historique.

— Мое почтеніе! Хороша историческая необходимость играть роль пугала, къ которому прибѣгаютъ чужеземныя правительства, когда оказываются сами не въ силахъ подавить исторически-законныя стремленія своихъ народовъ къ свободѣ, къ политической самостоятельности... За то и любятъ же насъ въ Европѣ и—возблагодарятъ насъ за нашу опеку при случаѣ!...

— Австріяковъ, дѣйствительно, не любятъ въ Венгріи, нѣсколько нежданно отозвался на это капитанъ Ранцовъ,—а насъ по всей землѣ ихней, можно сказать, вездѣ отлично-съ принимали, даже съ угощеніемъ.

Духонинъ не могъ не улыбнуться:

— Ну, а если бы вы пришли въ ту землю сражаться не за „Австріяковъ," а противъ нихъ, меньше или больше „угощали" бы васъ тамъ, какъ вы полагаете?

Храбрый капитанъ нѣсколько опѣшилъ:

— Никаноръ Ильичъ, сказалъ ему смѣясь Гундуровъ,—а спросите-ка его въ вашу очередь, какъ онъ полагаетъ: если-бы вы помогли Венгерцамъ отстоять отъ Австріяковъ ихъ „политическую самостоятельность", лучше или хуже стало бы жить тѣмъ не-Венгерскимъ народностямъ, которыя очутились бы подъ ихъ властью?

— Ну, само собою, кто о чемъ, а вы о Славянахъ,—и Духонинъ ножалъ плечами:—vous êtes orfèvre, o monsieur Josse!

Гундуровъ взглянулъ на него ласково улыбающимися глазами:

— О Славянахъ, любезный другъ, все о тѣхъ же достойныхъ всякаго вашего презрѣнія Славянахъ, которые, въ силу, надо думать, своей исторической отсталости, отстояли своего государя-Нѣмца противъ возставшихъ на него Нѣмцевъ-подданныхъ.

— Съ чѣмъ ихъ и поздравляю! возгласилъ, къ общему хохоту Духонинъ, комически разводя руками.

Дипломатъ, страдавшій катарромъ желудка, воспользовал-

ся случаемъ подняться съ мѣста и торопливо, съ позеленѣвшимъ и смущеннымъ лицомъ, выскользнулъ изъ залы...

— А и хорошенькая женщина эта Florence, говорилъ между тѣмъ на другомъ концѣ стола красивый полковникъ Шнабельбергъ,—я разъ съ ней ужиналъ, у Владзи Броницкаго.

— Съ Marcellin Любарскимъ? спросилъ съ улыбкой графъ Анисьевъ.

— Ну да, ну да, расхохотался, словно ужасно обрадовавшись этому вопросу, Шнабельбергъ, очень дорожившій знакомствомъ съ людьми большаго свѣта,—онъ ее безъ себя никуда не пускалъ, Marcellin, съ видимымъ удовольствіемъ повторилъ это имя полковникъ,—влюбленъ былъ, можно сказать, до сумасшествія...

Анисьевъ небрежно качнулъ головой:

— Чего ужь, коли рѣшился удрать за нею за границу безъ позволенія.

— Нну-у! Можетъ-ли это случиться? вскрикнулъ Шнабельбергъ съ выраженіемъ совершеннѣйшаго ужаса на своемъ красивомъ и благочинномъ нѣмецкомъ лицѣ.

— Mon cher, mon cher, загоготалъ, кидаясь къ нему, „Сенька“ Водовозовъ, — неужели ты этого не зналъ?... А, Анисьевъ, до него не дошло, а!... Удралъ, mon cher, въ бочкѣ... именно, именно, въ бочкѣ! Когда Florence посадили въ часть, онъ сейчасъ же за паспартомъ. Ну, само-собою, не получилъ,—заранѣе приказано было. Онъ прямо въ Кронштадтъ, на американскій корабль, который тутъ стоялъ...

— На американскій корабль... эт-то ужасно! повторилъ, разводя руками, Шнабельбергъ.

— Его тамъ, чтобы скрыть, и посадили въ бочку... Я все это знаю подробно, хрипѣлъ, надрываясь хохотомъ, Водовозовъ, — а тамъ прежде скипидаръ былъ, и онъ чуть не задохся отъ вони... А, какъ ты находишь, mon cher, а! Ламуръ-то куда ведетъ, а?...

— Этто... этто даже совсѣмъ вѣрить нельзя, говорилъ все съ тѣмъ же благочиннымъ недоумѣніемъ Нѣмецъ-полковникъ,—чтобъ изъ такого государства, какъ наше оттечество, можно было удррать—онъ сильно наперъ на это слово,—безъ

вида отъ начальства, и даже въ бочка, гдѣ былъ прежде терпентинъ. Пфуй!...

— Господа, готово! громко возгласилъ Подозеринъ, зачерпывая своею ложкой горячую влагу жженки и медленно выливая ее опять въ кострюлю, въ которой послѣдними струйками индѣ еще пробѣгали синеватые огоньки алкоголя.

— Наливай, наливай, я раздавать буду!... отозвался „Сенька“, бросаясь къ нему съ мѣста, — а вы подайте сюда стаканы! крикнулъ онъ Толѣ и Свищову...

Духонинъ не угомонился между тѣмъ. Въ обыкновенное время онъ былъ всегда весьма сдержанъ, но вино возбуждало его къ спору и приставанію... Онъ вызвалъ Гундурова на новое преніе. Какъ ни поглощенъ былъ нашъ герой своимъ личнымъ чувствомъ, но это самое чувство подымало всего его и несло на какихъ-то побѣдныхъ крылахъ. Въ противоположность тому, что̀ дано было ему прочувствовать предъ выступленіемъ его на сцену подъ траурнымъ плащомъ Гамлета, внутри его звучалъ теперь какой-то могучій мажорный аккордъ, возбуждавшій въ немъ никогда еще не испытанное имъ доселѣ въ такой степени сознаніе бодрости и силы... Неотступно стоялъ предъ нимъ обаятельный образъ княжны, шепталъ въ глубинѣ его мозга ея тихій, проницающій голосъ, — и все настойчивѣе просилась наружу, искала внѣшняго мотива эта тайная музыка счастія, переполнявшая его душу... Онъ до сихъ поръ уклонялся отъ серьезнаго препирательства съ Духонинымъ, ограничиваясь, какъ мы видѣли, шутливыми и поверхностными возраженіями. Но антагонистъ его коснулся основныхъ положеній той школы, къ которой принадлежалъ Гундуровъ, называя ихъ „произвольными“ и „не въ мѣру идеальными“, и Гундурову сказалось внезапно, что никогда еще эти положенія и этотъ самый „идеализмъ“, въ которыхъ упрекали ихъ, не были такъ дороги и близки его душѣ... Онъ весь загорѣлся на защиту ихъ. Горячія слова полились красно и свободно изъ его устъ. Онъ заговорилъ о „призваніи“, объ историческихъ и бытовыхъ особливостяхъ русской земли, о блестящемъ періодѣ до-татарской, Кіевской Руси, онъ доказывалъ, что съ перваго момента на-

шей исторіи указанъ былъ Россіи путь, совершенно иной, чѣмъ государствамъ Запада...

— Вы съ этимъ не можете не согласиться, говорилъ Гундуровъ,—не можете отвергать основательности нашихъ положеній...

— Это, то-есть, то, что „Западъ гніетъ“, а мы цвѣтемъ и благоухаемъ, яко кринъ сельный? спросилъ насмѣшливо Духонинъ.

— То, продолжалъ не смущаясь Сергѣй, — что въ основаніи западныхъ государствъ лежатъ — завоеваніе, вѣковая рознь племенъ, побѣдившаго и побѣжденнаго, борьба церкви съ гражданскою властью; въ основаніи государства русскаго—добровольно призванная народомъ власть, единство духа всей „земли“, и надъ „землею“—непричастная дѣламъ мірскимъ церковь, какъ высшая любовь... Любовь, повторилъ онъ съ невольнымъ повышеніемъ голоса и усиленнымъ блескомъ въ глазахъ.

— И застой, и болото, и мертвечина! горячо возражалъ *Западникъ*, Духонинъ;—вся культура, вся цивилизація человѣческая, вышли изъ этой борьбы, отсутствіемъ которой у насъ вы такъ кичитесь. Въ вашемъ „единствѣ“, въ вашей „святости“ нѣтъ мѣста человѣку, развитію человѣческой личности! Ваша „земля“, ваша „община“, ваша „любовь“ засасывали или душили эту человѣческую личность въ продолженіе вѣковъ...

— Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Да возвеличится Россія,
И гибнутъ наши имена! *)

отвѣчалъ на это Гундуровъ цитатой изъ стихотворенія, только что написаннаго тогда и пользовавшагося большимъ сочувствіемъ въ лагерѣ, къ которому принадлежалъ онъ.—Смиреніе—сила, примолвилъ онъ, выражаясь словами, сказанными ему Линой въ первые дни ихъ знакомства, и счастливая улыбка пробѣжала при этомъ по его губамъ;—тотъ не пойметъ

*) *Разговоръ въ Кремлѣ*, стихотвореніе К. К. Павловой.

русской исторіи, кто не разумѣетъ, что сила эта легла въ основаніе жизни русскаго народа, что она составляетъ субстанцію его духа, его историческаго бытія...

Его прервалъ гудящій голосъ „Сеньки“ Водоводова, разносившаго стаканы со жженкой (слуги давно были всѣ отосланы):

— Mon cher, mon cher, господа, вкусите душеспасительнаго напитка!...

Капитанъ Ранцовъ воспользовался этимъ перерывомъ, чтобы подойти къ нашему герою:

— Позвольте пожать вашу руку, молвилъ онъ, восторженно сверкая глазами (у него также, у бѣдняги, пѣли въ этотъ вечеръ райскія птицы на душѣ);—никогда, могу сказать, не слышалъ-съ такихъ умныхъ словъ... а главное-съ, потому все правда... Смиреніе народа, любовь... „Святая Русь“, дѣйствительно-съ! заключилъ онъ, быстро смахивая рукавомъ сорочки слезу, нежданно набѣжавшую ему на глаза.

Гундуровъ пожалъ ему крѣпко руку, поднялъ со стола стаканъ жженки и чокнулся съ нимъ, а затѣмъ съ Духонинымъ...

И снова загорѣлся споръ... Предметомъ его теперь былъ Петръ и „петербургскій періодъ русской исторіи“, безъ чего не могло обойтись въ ту пору никакое подобнаго рода преніе. Кружокъ слушателей тѣснѣе пододвинулся къ нашимъ пріятелямъ. Примолкъ самъ „Сенька“, опустился на стулъ и сталъ слушать, но сидѣвшій въ немъ дьяволъ гама и суеты поднялъ его съ мѣста черезъ пять минутъ и перекинулъ на другой конецъ стола, гдѣ Шнабельбергъ, съ умиленіемъ въ чертахъ, доказывалъ отставному Подозерину, что если-бъ онъ остался во второй гвардейской батареѣ, онъ еще въ прошломъ году произведенъ былъ бы по линіи въ штабсъ-капитаны, а въ нынѣшнемъ, вслѣдствіе открывшихся неожиданно трехъ полковничьихъ вакансій, „снялъ бы звѣздочки съ рогожки эполетъ“, то-есть, попалъ бы въ капитаны.

— Ну, mon cher, захрипѣлъ Водоводовъ, относясь къ Анисьеву:—такія ужъ тамъ умныя рѣчи ведутъ!...

— Кто это?

— А вотъ тамъ этотъ Гамлетъ и другой вотъ съ нимъ... Д-да,—онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, громчайшимъ образомъ вздохнулъ и принялся мрачно ерошить черные и лоснившіеся, какъ смола, волосы, росшіе густымъ лѣсомъ надъ его низколобымъ и узкоглазымъ татарскимъ лицомъ,—это не то, что̀ наше лагерное воспитаніе!

Анисьевъ поморщился:

— О чемъ же они?

— О Петрѣ Великомъ, mon cher, и такъ это, знаешь, à fond, какъ по книгѣ... Когда вдругъ этакъ невзначай натолкнешься на этихъ... университетскихъ, ученыхъ, тутъ и поймешь всю нашу пустоту, ничтожество, невѣжество наше, mon cher... Вѣдь что̀ мы всѣ, по правдѣ сказать?—онъ повелъ руками кругомъ,—de la chair à canon, больше ничего, mon cher...

— Parlez donc pour vous! досадливо тряхнувъ эполетомъ, проговорилъ на это флигель-адъютантъ, подымаясь съ мѣста.—А интересно послушать...

И онъ направился въ сторону Гундурова.

Всѣ такъ были заняты преніемъ, что и не замѣтили, какъ онъ присѣлъ на стулъ подлѣ Пети Толбухина, медленно, глотокъ за глотко̀мъ, опоражнивавшаго свой стаканъ жженки и все шире и шире улыбавшагося блаженною улыбкой, по мѣрѣ того, какъ сладостная влага переливалась изъ этого стакана въ его горло.

Жженка производила свое дѣйствіе и не на одного его. Все звончѣе слышался въ столовой гулъ голосовъ и смѣха. Свищовъ и Толя пили брудершафтъ съ артиллеристами подъ громкій аккомпаниментъ пѣсни: „Наливай, братъ, наливай!“ Шнабельбергъ зычно чмокался съ Подозеринымъ и, перекинувъ ему руку за плечо, хлопалъ его широкою ладонью по спинѣ, приговаривая плачущимъ голосомъ: „Старый камрадъ, старый камрадъ!“ Вальковскій, съ самаго начала попойки забившійся въ уголъ съ пріятелемъ своимъ, режиссеромъ, декламировалъ ему стихи изъ *Бориса Годунова*, и Сенька Водоводовъ, очутившійся теперь подлѣ нихъ и успѣвшій уже откинуть въ сторону всякую заботу о своей дѣйст ной

„пустотѣ и ничтожествѣ“, надрывался оглушительнымъ хохотомъ, глядя, какъ „фанатикъ“, страшно выпучивая налитые кровью глаза и неистово стуча кулачищемъ своимъ по груди, ревѣлъ какъ изъ бочки:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла...

Самый споръ пріятелей нашихъ принималъ болѣе возбужденный, болѣе нетерпѣливый оттѣнокъ. Чаще слышались въ голосахъ ихъ крикливыя ноты, чаще перебивали они себя и не давали другъ другу договаривать...

— Ну да, извольте, восклицалъ Духонинъ,—Кіевская Русь, я согласенъ... когда норманскіе конунги бились на моряхъ во славу русскихъ княженъ, когда Гаральды, Кануты... когда французскіе короли посылали за ними сватовъ въ городъ, гдѣ чуть-ли не болѣе было школъ, чѣмъ въ тогдашнемъ Парижѣ... А не ваши собиратели - кулаки, не ваши московскіе ханы!...

— Безъ нихъ не было бы Россіи, возражалъ Гундуровъ,— не было бы единственно свободнаго, самостоятельнаго славянскаго государства! Вы объ этомъ какъ бы знать не хотите, для васъ русская исторія словно начинается съ минуты основанія русскимъ царемъ нѣмецкаго города на болотахъ Ингріи.

— Именно, именно, вы не ошиблись, съ той минуты, когда этотъ царь, эта вѣнчанная сила генія спаиваетъ опять звенья цѣпи нашего общенія съ Европой, порваннаго четырьмя вѣками настоящей и московской татарщины...

— Какою цѣной, пылко молвилъ Гундуровъ,—какою цѣной? Измѣной землѣ, поруганіемъ народа, оторваннаго имъ отъ исконныхъ источниковъ его жизни... Онъ революціоннымъ путемъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева...

— Выраженіе, быть можетъ, нѣсколько рискованное! послышался голосъ графа Анисьева.

— Чего-съ?...

И Духонинъ, и Сергѣй одновременно обернулись на него, затѣмъ взглянули другъ на друга и сочувственно усмѣхну-

лись... *Этотъ* голосъ разомъ мирилъ ихъ и прекращалъ ихъ разногласіе...

Блестящій флигель-адъютантъ, улыбаясь, въ свою очередь, самымъ кроткимъ и любезнымъ образомъ и слегка помаргивая, глядѣлъ на нашихъ молодыхъ людей, растягивая во всю его длину свой изящный гвардейскій усъ.

— Извините, сказалъ ему Гундуровъ, — я не понялъ... Вамъ, кажется, что-то изъ сказаннаго мною не понравилось... Что̀ именно?

— Ахъ, помилуйте, вскликнулъ Анисьевъ,—я былъ бы совершенно несчастливъ, если бы вы такъ приняли слова мои... Вашъ разговоръ касается предмета, столь интереснаго для всѣхъ насъ... русскихъ людей, подчеркнулъ онъ, — и я позволилъ себѣ вмѣшаться въ него...

— Да. Такъ что̀ же вы именно замѣтили?

— Маленькую неточность, если вы мнѣ дозволите такъ выразиться... Говоря о Петрѣ Великомъ, вы сейчасъ употребили слово „революція“, не такъ-ли? Не находите-ли вы сами это выраженіе, вырвавшееся у васъ, безъ сомнѣнія, нехотя въ пылу разговора, не совсѣмъ идущимъ къ дѣлу?

— Почему такъ? вскликнулъ Духонинъ.

— Les Robespierres дѣлаютъ *революціи*, но геніальный императоръ, каковъ былъ нашъ Великій Петръ, извлекшій свой народъ изъ тьмы невѣжества и, какъ вы прекрасно изволили выразиться, связавшій звенья нашей цѣпи съ Европой... Онъ произвелъ благодѣтельнѣйшую реформу, можно сказать, а не... а не „ре-во-люцію“.

— Реформа, совершенная путемъ насилія, называется „рево-люціей“, отвѣчалъ на это, подчеркивая, въ свою очередь, Гундуровъ.

— Сверху-ли, или снизу совершается она, все равно, прибавилъ Духонинъ.

Флигель-адъютантъ сложилъ губы въ ту же кроткую, но уже съ оттѣнкомъ многозначительности улыбку:

— Все зависитъ отъ того, что̀ мы будемъ разумѣть подъ „насиліемъ“, промолвилъ онъ, подымая глаза на Гундурова.

Сергѣй взглянулъ въ эти моргавшіе, холодные и лживые

глаза и почувствовалъ вновь приливъ неодолимаго отвращенія къ этому человѣку:

— На это, проронилъ онъ, — сторонники Софьи Алексѣевны, стрѣльцы, старовѣры и окончательно закрѣпощенный Петромъ народъ русскій могли бы дать вамъ самый лучшій отвѣтъ.

— Вы, кажется, большой поклонникъ русской старины, замѣтилъ на это съ изысканною учтивостью графъ Анисьевъ,— позвольте вамъ замѣтить, что Іоаннъ Грозный, напримѣръ, со своею опричиной гораздо болѣе жестокостей дѣлалъ, чѣмъ Петръ Первый, не имѣя и половины его генія...

— Табель о рангахъ почище опричины!

— Браво! вырвалось у Факирскаго, жадно слѣдившаго за разговоромъ.

— Это точно-съ! захихикалъ за нимъ и капитанъ Рандовъ.

Анисьевъ поглядѣлъ на нихъ искоса съ тутъ же сдержанною досадой во взглядѣ:

— Позвольте, какое же отношеніе?...

— Есть-то, есть! И Духонинъ, смѣясь, утвердительно закачалъ головой.

— Такое отношеніе, счелъ нужнымъ пояснить Гундуровъ,—что то, что въ художнической *) натурѣ Ивана было дѣломъ страсти, порывомъ страшнымъ, но временнымъ, исходитъ изъ холоднаго ума Петра въ формѣ, совершенно ясно опредѣленной, безпощадной регламентаціи. Регламентація эта нарождаетъ касту, цѣлое сословіе людей, оторванныхъ отъ земли, съ теченіемъ поколѣній все болѣе и болѣе становящихся чуждыми ей, до потери ими наконецъ уже всякаго пониманія, всякаго чутья народности. Создается положеніе безобразное, воскликнулъ Сергѣй (вся одіозность вынесенныхъ имъ изъ Петербурга впечатлѣній заговорила въ немъ въ этотъ мигъ съ новымъ, ноющимъ раздраженіемъ): — сверху эти оторванные отъ почвы, играющіе въ европейство высшіе классы, съ вашимъ петербургскимъ чиновничествомъ всякихъ

*) Извѣстное воззрѣніе К. Аксакова на Грознаго.

наименованій во главѣ, правящіе землей, какъ съ луны, презирающіе ее за вѣрность ея своимъ исконнымъ преданіямъ; внизу—настоящій, крѣпкій отъ корня народъ и за то самое подавленный, безгласный...

— Безправный, ввернулъ Духонинъ.

— Какіе же это „права“ желали бы вы ему предоставить? язвительно вырвалось на это у флигель-адъютанта.

— А самое простое, человѣческое право—не состоять у насъ съ вами на положеніи вещи или скота, отвѣчалъ насмѣшливо московскій Западникъ:

— Д-да-съ, протянулъ петербургскій дѣлецъ, — это, конечно, желаніе весьма... человѣколюбивое, и вы мнѣ можете сказать, что въ Европѣ давно... Но, къ сожалѣнію (онъ вздохнулъ), мы не Европа, и...

— И русскій народъ долженъ вслѣдствіе этого остаться закрѣпощеннымъ на вѣки вѣковъ? вскрикнулъ, весь покраснѣвъ отъ негодованія, Гундуровъ.

— Я этого не говорю-съ; но позволяю себѣ думать, что разсужденіе о такомъ серьезномъ предметѣ можно отложить до того времени, когда мы будемъ... plus civilisés, договорилъ флигель-адъютантъ уже съ нѣсколько строгимъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ну, конечно, горячо зазвучалъ голосъ Сергѣя,—изъ-за чего намъ безпокоиться! Какое намъ дѣло до этихъ милліоновъ нашихъ братій по Христу и крови, какое дѣло, что ихъ рабство позоритъ насъ еще болѣе, чѣмъ ихъ, и что при этомъ рабствѣ ваше „просвѣщеніе“ одинъ лишь звукъ ложный и пустой, — было бы только намъ хорошо, лишь бы на насъ лилась всякая земная благодать...

Онъ вдругъ сдержался, оборвалъ и отвернулся. „Не стоитъ!“ сказалось въ его мысли...

Графъ Анисьевъ обѣжалъ быстрымъ взглядомъ окружающія его лица... На всѣхъ ихъ онъ прочелъ полное одобреніе и сочувствіе къ прослушаннымъ имъ сейчасъ рѣчамъ.

— Да онъ въ самомъ дѣлѣ преопасный, этотъ Гамлетъ изъ профессоришекъ! сказалъ онъ себѣ, хмурясь и закусывая кончикъ уса.

Онъ всталъ, выпрямляясь всѣмъ своимъ высокимъ, стройнымъ станомъ и глядя черезъ голову Гундурова:

— Вы мнѣ позволите уклониться отъ дальнѣйшаго разговора! выговорилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Духонинъ вскочилъ съ мѣста, въ свою очередь, и отвѣсилъ ему учтиво ироническій поклонъ, причемъ не совсѣмъ удачно шаркнулъ слабо уже повиновавшимися ему ногами.

— Мы должны тѣмъ болѣе сожалѣть объ этомъ, сказалъ онъ,—что сами мы вызывать васъ на разговоръ съ нами никогда бы не осмѣлились.

Петя Толбухинъ, ничего уже не слышавшій, но видѣвшій предъ собою подгибающіяся поджарыя колѣнки шаркающаго Духонина, уронилъ голову на свои скрещенныя на спинкѣ стула руки и залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ...

Блестящаго Петербуржца передернуло. Онъ повелъ кругомъ глазами съ невольнымъ смущеніемъ и какъ бы недоумѣвая, какъ слѣдовало отнестись ему къ отвѣту этому и къ этому смѣху...

Выручилъ Сенька Водоводовъ:

— Mon cher, mon cher, хрипѣлъ онъ, уже съ трудомъ шевеля языкомъ, несясь къ Анисьеву, — умора!... Пойдемъ, я тебѣ... покажу... Вотъ этотъ, вотъ (онъ тыкалъ рукой по направленію Вальковскаго, который, обнявъ пріятеля своего, режиссера, за шею, рыдалъ навзрыдъ, икалъ и причитывалъ: „Да, сорокъ тысячъ братьевъ тебя любить не могутъ такъ, какъ я!“) Готовъ, mon cher, совсѣмъ... готовъ! Пойдемъ, я тебѣ...

— Пойдемъ спать, давно пора! громко вымолвилъ флигель-адъютантъ, отстраняя его рукой, и твердою поступью, перекинувшись по пути нѣсколькими словами со Шнабельбергомъ и Подозеринымъ, вышелъ изъ столовой.

Шнабельбергъ, за которымъ поднялись и всѣ его артиллеристы, потянулъ за нимъ... Московскіе господа исчезли тоже... Зала стала пустѣть...

— Да развѣ все, что-ли? завылъ вдругъ Сенька, кидаясь къ кострюлѣ, въ которой варилась жженка, и погружаясь въ нее глазами.

— Все, все, отвѣчалъ ему Подозеринъ, тыкаясь туда-же своимъ стерляжьимъ носомъ, — все, до капли... вызюзили... А ты пріѣзжай обѣдать... къ Шна... къ Шнабельбергу... въ городъ... Анисьева провожаютъ. Можно будетъ у... устроить опять... и бан... чишку...

— Mon cher, mon cher... что жь онъ мнѣ, Нѣмчура проклятая, ничего... не сказалъ? Ѣду... сейчасъ... сейчасъ... За нимъ...

И, цѣпляясь за стулья и столы, онъ побѣжалъ къ дверямъ...

— И меня возьми, и меня! крикнулъ ему вслѣдъ Свищовъ, вскакивая изъ-за стола, у котораго сидѣли они съ Толей Карнауховымъ.

— И я, слабо пискнулъ за нимъ студентъ, у котораго голова совсѣмъ уже моталась на плечахъ.

— А ты спи, телецъ! захохоталъ Свищовъ, толкая его ладонью въ затылокъ.

Толя упалъ носомъ на столъ и тутъ же заснулъ сномъ младенца.

— „Любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы“, читалъ на распѣвъ тѣмъ временемъ Духонинъ, подражая голосу актера Ольгина, игравшаго въ ту пору роль Скалозуба на Московской сценѣ. — А вѣдь хорошъ, Гундуровъ, а? хорошъ? захихикалъ онъ, подмигивая по направленію двери, за которою исчезъ флигель-адъютантъ.

Гундуровъ разсѣянно повелъ плечомъ: его мысли были уже далеко отъ предмета, о которомъ онъ сейчасъ такъ горячо спорилъ...

— А скажите пожалуйста, спросилъ онъ, вспомнивъ вдругъ и озираясь,—что это Ашанина не видно, куда онъ дѣлся?

— А у него страшно голова разболѣлась, отозвался капитанъ Ранцовъ,—мы съ нимъ тутъ вмѣстѣ ужинали, ничего даже ѣсть не могъ: какъ встали, онъ спать ушелъ... Ольга Елпидифоровна Акулина, примолвилъ онъ съ засіявшимъ лицомъ.—„Суркомъ“ его даже прозвали, потому онъ говорилъ, что всѣ болѣзни у него сномъ проходятъ...

— Господа, заголосилъ вдругъ Духонинъ, подымаясь и

тутъ же падая опять на стулъ,—мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу...

— Погибъ на полѣ чести! расхохотался Чижевскій, помогая ему приподняться опять.—Отведите его in Haus, Гундуровъ, а мы съ капитаномъ остальныхъ убитыхъ приберемъ...

— Ничего-съ, отличнѣйшіе дебаты сегодня были! заключилъ Факирскій, подхватывая Духонина подъ другую руку...

Былъ шестой часъ утра; все въ домѣ уже спало мертвымъ сномъ... Только во флигелѣ, гдѣ помѣщался театръ, въ полутемномъ корридорѣ, въ концѣ котораго подымалась узенькая лѣстница въ верхній этажъ, слышался шопотъ двухъ молодыхъ голосовъ:

— Еще одинъ... послѣдній на прощанье...

— Милый, довольно, пусти... Боже мой, что ты сдѣлалъ со мной! И я, безумная...

— О, прости, прости! Ты такъ хороша, я... Ты сердишься?

— Нѣтъ, не знаю, я... я счастлива. Но ты помнишь, ты обѣщалъ... Ты сдержишь?... Не ищи, не соблазняй опять!... Милый, да? Никогда, никогда больше?...

— Обѣщалъ... сдержу!... А ты, ты меня забудешь?...

— „Тебя-ль забыть“, *) изнемогающими отъ нѣги звуками прозвенѣли у самаго уха счастливца очаровательныя ноты груднаго контральто, и горячій, послѣдній поцѣлуй ожегъ его губы.

— Ольга, божество мое!...

Онъ охватилъ ея упругій, трепетавшій сквозь легкія ткани подъ его рукою станъ... Но она вырвалась изъ его объятій,—и легкій шумъ ея торопливыхъ шаговъ замолкъ чрезъ мигъ на поворотѣ лѣстницы...

---

*) Извѣстный цыганскій романсъ.

XI.

На цѣлый часъ позднѣе обыкновеннаго проснулась на другой день аккуратная княгиня Аглая Костантиновна и, послѣ обычныхъ омовеній, облекшись въ широкій утренній пеньюаръ, усѣлась причесываться къ зеркалу и потребовала къ себѣ Витторіо со счетами. Итальянецъ явился съ вытянутымъ и строгимъ лицомъ, заранѣе предчувствуя бурю и готовясь къ ней... Дѣйствительно, княгиня такъ и ахнула, взглянувъ на цифру поданнаго имъ расхода за минувшій день: на одинъ столъ съ винами истрачено было болѣе полуторы тысячи рублей, одного шампанскаго выпито до ста бутылокъ...

— A la campagne! вскликнула Аглая, ужасаясь почему-то, что въ деревнѣ можно было пить столько же, сколько въ городѣ,—il n'y a que les Russes capables de ça!

Прибавляя къ этому издержки на театръ, освѣщеніе и иные второстепенные расходы, вчерашній день обходился ей въ четыре тысячи рублей слишкомъ.

— Seize mille francs! перевела она себѣ громко по-французски, воззрясь укорительно на безмолвно стоявшаго предъ нею Витторіо,—c'est effrayant!

— Tout est cher dans ce pays,-проговорилъ съ достоинствомъ мажордомъ, приподнимая плечи.

Началось слишкомъ знакомое ему и надоѣвшее ему до смерти кропотливое, сопровождаемое всякими взвизгиваніями и придирками перебираніе княгинею каждой копѣйки его счетовъ, кончавшееся обыкновенно тѣмъ, что выведенный изъ терпѣнія Итальянецъ объявлялъ ей, что „если madame la prin-

cesse сомнѣвается въ его безкорыстіи и усердіи, онъ съ своей стороны готовъ сегодня же отойти отъ нея", а madame la princesse, испугавшись этой угрозы, принималась улыбаться и томно упрекать его за его „mauvais caractère", послѣ чего брала перо и, съ неизмѣннымъ вздохомъ, подписывала ордеръ о полученіи имъ уплаты по счетамъ изъ ея конторы.

То же произошло и теперь, съ тою только разницей, что, въ виду значительности суммы, княгиня вздохнула такъ, какъ будто вздохъ этотъ исходилъ уже не изъ груди, а изъ самаго желудка ея и, молча, забывъ упрекнуть Витторіо въ его „дурномъ характерѣ", подписала его счеты и меню повара и отпустила величественнымъ мановеніемъ руки.

Затѣмъ, оставшись одна со своими горничными, Аглая Константиновна, поводя мелкимъ гребнемъ по своимъ густымъ, „en arc de Cupidon" бровямъ, стала разсуждать, что день рожденія Лины обошелся ей такъ дорого, что она затѣяла этотъ театръ и танцы изъ-за того только, чтобъ имѣть предлогъ пригласить въ Сицкое „ce jeune comte", который такъ неожиданно вчера за ужиномъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ... При этомъ воспоминаніи черепаховый гребешокъ тревожнѣе замахалъ по „arc de Cupidon" Аглаиныхъ бровей: ее ужасала вся та экстраобычная умственная работа, которая ожидала ее въ этотъ день... Ей предстояло непремѣнно объясниться съ нимъ, „lui expliquer tout cela"... Но, къ несчастію, она до сихъ поръ никакъ не могла составить себѣ понятіе, что̀ именно это „cela", что̀ должна она объяснить ему, а потому перешла къ соображенію о томъ, почему Лина не танцовала съ нимъ мазурки вчера, и что можетъ-ли въ самомъ дѣлѣ быть, чтобъ этотъ „jeune comte, un si beau parti", ей не нравился?... „Il faut aller au fond des choses", съ нѣкоторою мрачностью говорила себѣ наша княгиня, предвидя, что для этого надо поговорить серьезно съ дочерью,—чего она изъ какой-то инстинктивной боязни избѣгала всегда, когда могла это сдѣлать... Внезапная мысль осѣнила вдругъ многодумную голову ея:

— Прежде всего надо спросить Ольгу. C'est une fine mouche, она навѣрное все знаетъ!...

И, обратившись къ первой камеристкѣ своей „Lucrèce“, закалывавшей ей косу шпильками:

— Сходи сейчасъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ и попроси ихъ ко мнѣ! сказала она.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ, что „Ольга Елпидифоровна еще почиваютъ и не велѣли себя будить къ первому завтраку, потому очень устали отъ танцевъ и должны играть на театрѣ сегодня вечеромъ,—а въ *будуарѣ* Надежда Ѳедоровна и спрашиваютъ, могутъ-ли видѣть ваше сіятельство?“

Княгиня слегка нахмурилась:

— Первый завтракъ я велѣла сервировать сегодня въ двѣнадцать часовъ: могла бы, кажется, подняться къ этому времени... А Надеждѣ Ѳедоровнѣ скажи, чтобы подождала,—я выйду, примолвила Аглая, допускавшая не всѣхъ къ тайнамъ своего туалета.—А мои шлейфы и прочее, что я давала имъ двумъ надѣвать вчера для театра, получила ты въ цѣлости?

— Въ аккуратѣ, ваше сіятельство... И отъ Евгенія Владиміровича Зяблина брилліанты и все прочее сейчасъ все принесли по счету.

— Ну, у этого не пропадетъ ничего... И стоявшее предъ нею зеркало отразило не то счастливую, не то смущенную улыбку, заигравшую при этомъ имени на крупныхъ губахъ Аглаи.

— Первѣющій баринъ насчетъ всего-съ, прошептала на это, даже прижмурившись отъ избытка чувства, насквозь видѣвшая свою барыню, не высокая, съ плутовскимъ выраженіемъ курносаго, не дурнаго лица и непомѣрно развитою грудью, прожженная, что говорится, „Lucrèce“...

— Что вамъ, ma chère? спросила затѣмъ, окончивъ свой туалетъ и входя въ будуаръ, княгиня ожидавшую ее тамъ Надежду Ѳедоровну.—Ah, mon Dieu, что съ вами, вы больны? вскрикнула она даже, внезапно пораженная восковымъ цвѣтомъ губъ, желтизною лица и опухшими вѣками стоявшей предъ нею особы.

— Я двѣ ночи не спала и... извините, princesse... не могу стоять, разбитымъ голосомъ проговорила дѣвица Травкина,

безсильно падая въ кресло, съ котораго только что встала поклониться княгинѣ.

— Ah, mon Dieu, вы совсѣмъ, совсѣмъ больны, испуганно возгласила та,—надо скорѣй за докторомъ... Велите сейчасъ, je vous prie, запречь старую маленькую коляску и послать за нимъ въ городъ. Ему надо непремѣнно посмотрѣть васъ. Vous avez peut-être quelque maladie contagieuse!... И она всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ подалась назадъ, какъ бы собираясь бѣжать...

— Не тревожьтесь, княгиня, съ горько-ироническою улыбкой возразила Надежда Ѳедоровна,—болѣзнь моя не заразитъ никого изъ счастливыхъ вашего дома... Я не тѣломъ, я душой больна, добавила она чуть слышно:—за докторомъ посылать безполезно, но я была бы вамъ очень благодарна, если бы вы мнѣ дозволили велѣть запречь коляску... или какой вамъ угодно экипажъ, для меня собственно...

— Для васъ? Вы хотите ѣхать? Куда?

— До ближайшаго мѣста, гдѣ я могла бы взять почтовыхъ или нанять лошадей въ Москву...

— Въ Москву? Mon Dieu, mais pourquoi? ошеломленно спрашивала Аглая Константиновна.

Компаньонка приложила руку къ груди, вздохнула, низко опустила голову и, вскинувъ ее чрезъ мигъ опять вверхъ, взглянула прямо въ глаза княгини, какъ бы желая не упустить ничего изъ того впечатлѣнія, какое должны были произвести ея слова:

— Я пришла проститься съ вами, княгиня... проститься навсегда, повторила она, подчеркивая.

— Проститься! Vous nous quittez!

— Да, я не могу... я должна, я обязана! торопливо повторяла дѣвица Травкина, какъ-бы заранѣе протестуя противу всякаго уговариванія ея остаться.

— Я не понимаю ce que vous entendez par là, ma chère Надежда Ѳедоровна, промолвила, надувъ губы, княгиня:—j'ai toujours été très polie съ вами, жалованье ваше вы получали даже всегда впередъ, et deux fois l'an de très beaux cadeaux toujours...

— Я вамъ очень благодарна, очень благодарна вамъ и всѣмъ вашимъ, прервала ее та,—и повѣрьте, что рѣшеніе мое оставить васъ нисколько не происходитъ отъ того, чтобы мнѣ было дурно здѣсь... Мнѣ многое здѣсь дорого было,—искреннее чувство зазвучало рыданіемъ въ голосѣ бѣдной дѣвы,—я любила Лину, какъ сестру... и никогда, никогда ея не забуду... А ваши подарки, какъ бы припомнила она съ новымъ взрывомъ горечи,—я ихъ оставлю, раздамъ въ вашемъ же домѣ... Тамъ, куда я иду, тамъ этого ничего не нужно...

— Не нужно? Княгиня даже вспыхнула вся.—Вы надѣетесь, что вамъ будутъ давать тамъ больше, чѣмъ я, et que vous pouvez faire fi de mes cadeaux?

Надежда Ѳедоровна не то печально, не то презрительно пожала плечами:

— Богъ даетъ то, чего не въ состояніи дать никто изъ живущихъ, проговорила она, подымая съ нѣкоторою театральностью глаза въ потолокъ:—онъ даетъ страждущей душѣ успокоеніе и миръ.. Я иду въ монастырь, княгиня! заключила она какъ-бы черезъ силу...

Круглые зрачки Аглаи Константиновны непомѣрно расширились:

— Въ монастырь! повторила она:—vous voulez entrer au couvent?...

Надежда Ѳедоровна, молча, повела головой сверху внизъ.

Та поглядѣла на нее, поглядѣла и вдругъ сообразила:

— C'est encore ce Hamlet, je suis sûre, который посылаетъ всѣхъ въ монастырь! вскликнула она, всплеснувъ руками.—Надежда Ѳедоровна, ma chère, я васъ считала всегда такою умною!... Я даже не понимаю, какъ слова d'un personnage какой-нибудь драмы,—des conseils très bêtes qu'il donne, я нахожу, quoique la pièce soit de Shakespeare, какъ это можетъ сводить васъ съ ума и заставляетъ дѣлать une bêtise comme cela!...

Какъ ни была мало расположена къ веселости Надежда Ѳедоровна, но эта комическая рѣчь вызвала невольную усмѣшку на ея поблеклыя губы.

— Гамлетъ никакого вліянія на меня не имѣлъ, княгиня, тихо промолвила она тономъ горестной шутки:—въ немъ нѣтъ той любви, которая заставляетъ принимать тѣ или другія слова человѣка на вѣру.

— „Ah, mon Dieu", произнеслось теперь въ головѣ Аглаи новое умозаключеніе,—„elle est amoureuse de ce monsieur Gonndourof!"... Она воззрилась участливыми глазами на сидѣвшую предъ ней перезрѣлую дѣвицу и заговорила тѣмъ мягкимъ, увѣщевательнымъ голосомъ, какимъ говорятъ съ больными или съ дѣтьми.

— Mais aussi, ma chère Надежда Ѳедоровна, зачѣмъ же требовать невозможнаго!... Il faut être raisonnable! Вы хотите, чтобы человѣкъ васъ любилъ. Mais songez donc, онъ гораздо моложе васъ, et puis malheureusement у васъ гроша нѣтъ, ma chère...

Болѣзненнымъ, лихорадочнымъ румянцемъ покрылось все лицо бѣдной дѣвы. „Это объ Ашанинѣ; княгиня все знаетъ, Ольга передала ей все!" поняла она...

Она поднялась на ноги:

— Пощадите меня, княгиня!... Упреки ваши безполезны... Я покидаю вашъ домъ!...

— Mais, ma chère, я васъ ни въ чемъ не упрекаю! растерянно возразила Аглая,—les sentiments sont permis à tout le monde... Если вы желаете впрочемъ непремѣнно оставить меня, перебила себя она, принимая снова обиженный видъ,—я васъ не могу удерживать насильно. Я только надѣюсь, что вы останетесь, пока я найду кого-нибудь замѣнить васъ?

— Ни одного дня, ни одного часа долѣе! пылко вскрикнула Надежда Ѳедоровна:—если вамъ не угодно будетъ приказать дать мнѣ сейчасъ лошадей, я пѣшкомъ убѣгу отсюда...

И, шатаясь, невѣрными, но быстрыми шагами она вышла изъ будуара... Добравшись до лѣстницы, она отъ изнеможенія должна была присѣсть на ступеньку:

— Смиренія, Господи, о смиреніи молю тебя, Отецъ небесный! прошептала она, сознавая, что этого „смиренія", которое такъ красиво рисовалось предъ нею предъ входомъ въ

будуаръ княгини, не хватило у нея на все теченіе предыдущаго разговора и чувствуя вслѣдствіе того смертельную охоту заплакать... Но слезы не пришли на этотъ разъ:—она словно всѣ ихъ выплакала за эти два дня... Она встала и, тяжело опираясь рукой на перила, поднялась въ верхній этажъ. Она шла къ Линѣ—прощаться...

— L'amour lui a complètement tourné la cervelle! разсудила княгиня, проводивъ глазами бѣдное созданіе, уходившее во мракъ кельи отъ жизни, отъ которой ждала она дѣйствительно только „невозможнаго“ романа... — Mais quelle indélicatesse! сказала себѣ затѣмъ Аглая, — оставить меня такъ, вдругъ, когда у меня еще никого нѣтъ въ виду на ея мѣсто... Надо будетъ сказать Ольгѣ, чтобъ она теперь разливала чай et tout le reste... Но эта Ольга est une dormeuse et une étourdie: она никогда не будетъ такъ аккуратна... Только что встала я сегодня—и уже двѣ такія непріятности: ce gros compte de Vittorio и вотъ это опять...

И Аглая Константиновна, раздумчиво сжавъ брови, закачала своею жирною, лоснившеюся головой... Несчастная, она и не догадывалась, что это все были одни цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, которыя ожидали ее въ этотъ день...

На низенькомъ столѣ у низенькаго дивана, обычнаго мѣста ея сидѣнья, вошедшій съ подносомъ личный камердинеръ ея сіятельства, имѣвшій одинъ изъ слугъ право проникать въ святилище ея внутреннихъ аппартаментовъ, уставлялъ въ это время чайный приборъ со всѣми его принадлежностями. Княгиня машинально повела взглядомъ въ эту сторону, и набѣжавшія морщины на половину сгладились съ ея чела. Этотъ объемистый, круглый, сверкающій своею серебряною гладью tea kettle, *) съ весело пылавшимъ подъ нимъ въ канфоркѣ спиртовымъ огнемъ, вызвалъ въ ней мысль о Зяблинѣ, съ которымъ неизмѣнно пила она чай въ эти часы.

— Il n'est pas encore là, подумала она и только-что собралась приказать камердинеру „сходить за Евгеніемъ Вла-

*) Чайный котелъ.

дміровичемъ", какъ дверь изъ будуара въ „ситцевый кабинетъ" полуотворилась и кто-то выглянулъ изъ-за нея...

— Entrez, entrez! громко возгласила княгиня.

— Можно? спросилъ чей-то голосъ,—но это не былъ голосъ Зяблина.

Княгиня прищурилась—и привстала...

XII.

Вошла Софья Ивановна Переверзина.

Легкая досада, а еще болѣе удивленіе сказались въ первую минуту на лицѣ Аглаи Константиновны. Но она тотчасъ же приняла радостно-любезный видъ и пошла на встрѣчу своей гостьѣ.

— Chère madame, какъ я рада васъ видѣть! Vous venez prendre le thé avec moi, n'est-ce pas?

— Я сейчасъ пила у себя, благодарю васъ, молвила въ отвѣтъ Софья Ивановна. Она была блѣдна, и руки ея были холодны...

— J'espère que vous allez bien? замѣтивъ это, подавая ей руку, спросила тономъ участія и безпокойства хозяйка.

— Я здорова, спасибо вамъ!... Извините, что обезпокоила васъ такъ рано, но я... Мнѣ необходимо было видѣть васъ, выговорила съ видимымъ усиліемъ надъ собою госпожа Переверзина.

— Mais asseyez vous donc, chère madame, приглашала ее княгиня, усаживаясь сама за чайный столикъ:—мы, кажется, съ вами только однѣ въ домѣ на ногахъ въ этотъ часъ. Уже девять скоро, а всѣ, les dames et les messieurs, послѣ нашихъ вчерашнихъ удовольствій всѣ еще въ постеляхъ. N'est-ce pas que cela a bien réussi hier?... Le messieurs ont fait une жженка après souper... Вы впрочемъ ушли къ себѣ сейчасъ послѣ спектакля, — я такъ жалѣла! Le bal a été vraiment charmant. И графиня Воротынцева такъ рано уѣхала... Quelle femme charmante, n'est-ce pas?

— Очень мила, коротко подтвердила Софья Ивановна.

— „La bonne femme a décidément oublié son français", сказала себѣ Аглая, видя, что ея гостья настойчиво отвѣчала русскою рѣчью на ея французскую болтовню.

Тѣмъ болѣе изумлена была она, когда въ это же время гостья эта, взглянувъ на стоявшаго въ ожиданіи приказаній въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ нихъ слуги, обратилась къ ней на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ со слѣдующими неожиданными словами:

— Я пришла, княгиня, переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, а потому буду просить васъ подарить мнѣ полчаса бесѣды *наединѣ*, подчеркнула она. — Я была бы вамъ очень благодарна, если бы на это время вы дали приказаніе, чтобы намъ никто не помѣшалъ.

— C'est donc bien sérieux? съ нѣкоторымъ испугомъ спросила Аглая.

— Въ противномъ случаѣ я бы васъ не безпокоила, отвѣтила гостья.

Хозяйка со вздохомъ обратилась къ камердинеру:

— Ты можешь итти, Ѳиногенъ, и, пока я не позвоню, никого сюда не принимать!...

— Слушаю-съ, почтительно склонивъ голову, проговорилъ слуга, двинулся нерѣшительнымъ шагомъ по направленію двери и, не доходя до нея, обернулся, въ видимомъ намѣреніи сдѣлать какой-то вопросъ.

Аглая поняла:

— Никого! повторила она, торопливо махнувъ ему рукой и слегка краснѣя... Ей показалось почему-то неудобнымъ, чтобы предъ Софьею Ивановной произнесено было теперь имя Зяблина.

Онѣ остались вдвоемъ.

— Eh bien, chère madame? начала первая хозяйка, прерывая наставшее молчаніе.

Софьѣ Ивановнѣ, очевидно, было трудно приступить къ разговору... Она медленно вытащила табакерку изъ-подъ своей шведской перчатки и дрожащими пальцами ущипнула въ ней щепоть...

— Я пришла переговорить съ вами о моемъ племянникѣ, выговорила она внезапно съ рѣшимостью человѣка, кидающагося въ студеную воду, выпуская табакъ изъ этихъ пальцевъ и судорожно захлопывая крышку табакерки.

„Ah, mon Dieu, c'est pour ce sot amour de Надежда Ѳедоровна, sans doute!“ тотчасъ же сообразила многодумная Аглая Константиновна. И, принявъ игривый видъ:

— Она только что предъ вами ушла отъ меня, прошептала она, подмигивая и нагибаясь черезъ столъ къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Кто, княжна? недоумѣло воскликнула та.

— Ma fille? не менѣе недоумѣло воскликнула и Аглая.

— Mais non, я говорю о Надеждѣ Ѳедоровнѣ, ma demoiselle de compagnie, вы ее знаете...

— Что же общаго между вашею компаніонкой и моимъ племянникомъ? недовольнымъ тономъ быстро проговорила госпожа Переверзина.

— Vous ne savez pas? Она совсѣмъ съ ума сошла, cette pauvre Надежда Ѳедоровна... Сейчасъ пришла мнѣ сказать, qu'elle me quitte и идетъ въ монастырь, и когда я ее спросила, что заставляетъ ее faire cette bêtise, она мнѣ отвѣчала, что le prince Hamlet никогда ее не любилъ... Вы понимаете, c'etait monsieur Serge qui jouait le rôle?...

— Княгиня, прервала ее Софья Ивановна, — все это похоже на дурную шутку, и если компаніонка ваша, дѣйствительно, говорила вамъ то, что вы мнѣ передаете, она въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая... или ужь черезчуръ лукава, примолвила тетка Сергѣя, вспоминая разговоръ свой съ Ашанинымъ о его жертвѣ. — Во всякомъ случаѣ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, что племянникъ мой здѣсь ни при чемъ...

— Ah, mon Dieu, je sais bien, что тутъ ничего не можетъ быть, закивала Аглая:—она его гораздо старше, et puis elle n'a pas le sou, la malheureuse.

Какъ ни хотѣлось Софьѣ Ивановнѣ приступить скорѣе къ „дѣлу“, она сочла нужнымъ возразить противъ этой послѣдней фразы.

— Я позволю себѣ замѣтить вамъ, княгиня, что

женіе о деньгахъ не существуетъ для моего племянника; онъ въ нихъ, во-первыхъ, не нуждается, а во-вторыхъ...

Она оборвала вдругъ, поглядѣла на княгиню, погрузила еще разъ пальцы въ табатерку и, еще разъ выпустивъ изъ нихъ табакъ:

— Я пришла вамъ сказать, быстро проговорила она, — что онъ... что Сергѣй любитъ вашу дочь...

— Votre neveu? Il aime Lina, ma fille! съ ужасомъ пролепетала Аглая, отчаянно хлопая глазами.

— Да, и я имѣю честь просить у васъ руки ея для него, заключила Софья Ивановна торопливо и рѣшительно, какъ бы говоря себѣ: перчатка брошена, а теперь посмотримъ!...

Аглая Константиновна поражена была до того, что долго не могла собраться съ мыслями. Она уперлась глазами въ лицо своей собесѣдницы съ такимъ выраженіемъ, будто старалась допытаться въ немъ, не въ шутку-ли было сказано то, что̀ дано ей было сейчасъ услышать... И вдругъ, къ немалому изумленію Софьи Ивановны, поднесла платокъ къ собственному лицу и громко всхлипнула:

— Madame Pereverzine, тономъ глубокой обиды промолвила она,—j'ai été toujours si polie envers vous, что̀ я вамъ сдѣлала pour que vous m'offensiez comme cela?

Софья Ивановна такъ и привскочила:

— Я оскорбляю васъ? Предложеніе мое вы принимаете за оскорбленіе!... Не потрудитесь-ли вы объяснить мнѣ, что̀ вы понимаете подъ этимъ, княгиня? добавила она спокойнѣе, сдерживаясь, насколько позволялъ ей только ея пылкій характеръ, между тѣмъ какъ багровыя пятна, обычные признаки внутренняго волненія въ ней, выступали на ея лицѣ.

— Вы должны сами знать, madame Pereverzine, отвѣчала Аглая тѣмъ же плачущимъ голосомъ,—что дочь моя, une princesse Schastounof, которой я даю пятьсотъ тысячъ—deux millions de francs, перевела она сквозь слезы, — въ приданое, кромѣ ея законной части въ имѣніи отца, что такая невѣста peut faire un parti plus beau, чѣмъ выходить за monsieur Гундурова.

— Этотъ „monsieur Гундуровъ“, обидчиво въ свою очередь

воскликнула теперь его тетка,—ведетъ свой родъ отъ того же корня, что и князья Шастуновы, и не уступаетъ слѣдовательно дочери вашей по рожденію. Что же касается ея богатства, то я уже вамъ сказала, что Сергѣй равнодушенъ къ деньгамъ и, повѣрьте, что онъ и я мы были бы счастливы, если-бъ онъ могъ получить княжну Лину безо всякаго приданаго.

Княгиня иронически усмѣхнулась на это заявленіе и многозначительно затѣмъ повела головой:

— Permettez, chère madame Pereverzine, замѣтить вамъ, что ma fille и monsieur Гундуровъ совсѣмъ не одно и то же. Elle est titrée et lui est un *simple* (она хотѣла сказать *простой*, то есть не титулованный дворянинъ; не смотря на свой неизмѣнный французскій языкъ, у нашей княгини прорывались иной разъ такіе невѣроятные руссизмы)... Et puis у него никакого position dans le monde... Потому что вы понимаете, chère madame, фыркнула она уже совсѣмъ высокомѣрно,— что я никогда не позволю, чтобы дочь моя, la princesse Lina, сдѣлалась какою-нибудь Frau Professorin, comme en dit en Allemagne!...

„Я всего этого ожидала, и потому сердиться было бы смѣшно, тѣмъ болѣе, что ужь очень она забавна въ своей глупости“, молвила себѣ, между тѣмъ, Софья Ивановна, глядя на окончательно расходившуюся Аглаю и смиряя такимъ разсужденіемъ клокотавшее въ ней самой чувство негодованія противъ этой агрессивной, оскорблявшей ее глупости... И громко:

— Все это очень можетъ быть, Аглая Константиновна, выговорила она это имя и отчество съ такимъ оттѣнкомъ интонаціи, что та ёрзнула на своемъ диванѣ, словно уколотая вылѣзшею оттуда булавкой,—но мы съ вами дожили до того вѣка, когда рѣшать судьбу дѣтей безъ ихъ спроса родителямъ уже не приходится... Увѣрены-ли вы, что княжна Елена Михайловна раздѣляетъ ваше презрительное мнѣніе о профессорскомъ званіи?'

— О, съ этой стороны я совершенно спокойна, воскликнула, раздувъ ноздри, княгиня: — Lina se sent trop bien née pour descendre à une mésalliance!...

Софья Ивановна помолчала... То, что̀ приходилось ей сказать сейчасъ, должно было, она знала, отозваться для княжны Лины, которая такъ дорога была ей, дѣлымъ рядомъ мучительныхъ дней борьбы, оскорбленій, слезъ... Ея губы внезапно побѣлѣли и дрогнули.

— Вы, повидимому, княгиня, не совсѣмъ точно знакомы съ понятіями и желаніями вашей дочери, сказала она съ невеселою усмѣшкой:—я должна вамъ сказать, что я съ дозволенія княжны Елены Михайловны прошу у васъ ея руки для племянника моего, Сергѣя Михайловича Гундурова.

Аглая и перепугалась, и разгнѣвалась въ одно и то же время:

— Mais c'est affreux, что̀ вы мнѣ говорите!... Je n'aurais jamais crû cela de vous, madame Pereverzine! чуть не кричала она, вся красная...—По тому, что я позволила моей дочери играть на сценѣ съ вашимъ племянникомъ, il s'est imaginé, и вы тоже, какъ я вижу, qu'il pouvait prétendre à sa main... Вы воспользовались неопытностью, de l'inexpérience et de la trop grande bonté de ma pauvre enfant, всплакнула она еще разъ при этомъ,—чтобы выманить у нея какое-то согласіе...

— Княгиня, довольно! остановила ее Софья Ивановна, сама вся дрожа отъ несдержаннаго гнѣва:—вы забываете, что вы у себя и что я ваша гостья... Оправдываться я предъ вами не стану,—вы бы не поняли меня, полагаю, проронила она съ вырвавшимся у нея помимо воли оттѣнкомъ презрѣнія,—а способна-ли я „выманивать“ и пользоваться чьею-либо „неопытностью“, можетъ вамъ сказать beau-frère вашъ, князь Ларіонъ Васильевичъ, къ которому я и пойду сейчасъ переговорить окончательно объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ дальнѣйшій разговоръ съ вами, княгиня, былъ бы, я вижу, по меньшей мѣрѣ, безполезенъ, докончила тетка Гундурова, вставая съ мѣста, и, поклонившись хозяйкѣ, направилась къ двери.

Та вдругъ струхнула... Тонъ Софьи Ивановны, переписка ея „avec feu l'Impératrice mère“, вчерашняя крайняя любезность съ нею графини Воротынцевой и наконецъ перспектива „d'une scène affreuse avec Larion“ изъ-за нея,—все это нагрянуло въ многодумную голову нашей княгини и

поразило ее нѣкіимъ ужасомъ... Она кинулась за своею гостьей:

— Mais ma chère madame Pereverzine, pourquoi est ce que vous vous fâchez? Я ничего обиднаго для васъ и вашего племянника не думала сказать... Je vous respecte beaucoup tous les deux; но у меня для Лины совсѣмъ другая партія en vue.?.

Софья Ивановна остановилась:

— Я это знала, сказала она,—и если, не смотря на это, я пришла говорить съ вами сегодня, то это потому, что мнѣ также извѣстно, какъ смотритъ Елена Михайловна на эту „партію", которую вы „имѣете для нея въ виду".

Аглая Константиновна надулась вдругъ опять:

— Я вижу, что ma fille vous dit tout et à moi rien! вскликнула Софья Ивановна.

Княгиня наша опѣшила и, не найдя отвѣта, захлопала растерянно глазами.

Госпожа Переверзина еще разъ поклонилась ей и вышла изъ комнаты.

Княгиня, тяжело и усиленно дыша, опустилась снова на диванъ и, захвативъ съ близъ стоявшаго столика въ одну руку вѣеръ, а въ другую колокольчикъ, принялась одновременно и съ равною долей энергіи опахиваться и звонить:

— Спроси у Lucrèce, приказала она вбѣжавшему камердинеру,—мои капли для нервовъ и попроси сейчасъ сюда Евгенія Владиміровича!...

XIII.

Князь Ларіонъ только что вернулся со своей обычной утренней прогулки, когда Софья Ивановна вошла въ его кабинетъ.

Онъ увидалъ ее изъ глубины покоя и пошелъ ей учтиво на встрѣчу.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь моему визиту? сказала она ему съ насилованною улыбкой.

— Очень радъ ему во всякомъ случаѣ, съ холодною любезностью промолвилъ онъ, провожая ее къ креслу у своего письменнаго стола.

Софья Ивановна опустилась въ него... Онъ сѣлъ насупротивъ.

Она была „на полномъ ходу“, какъ выражала она сама возбужденное состояніе своего духа въ рѣшительныя минуты жизни, и начала прямо:

— Я сейчасъ отъ Аглаи Константиновны...

— Отъ умной женщины, протянулъ князь въ видѣ вводнаго предложенія, глядя на свои ногти.

— Умъ—Богъ съ нимъ! А вотъ побольше сердца можно было бы, дѣйствительно, кажется, ей пожелать, не могла не сказать на это Софья Ивановна.

Князь Ларіонъ чуть-чуть шевельнулъ плечьми, поднялъ на нее на мигъ свои словно какъ-бы отяжелѣвшія вѣки и снова сталъ глядѣть на свои пальцы.

— Я была у нея просить руки княжны Елены Михайловны для моего племянника, отчетливо выговорила вслѣдъ его собесѣдница.

— А! пропустилъ онъ только на это сквозь зубы, не перемѣняя положенія,—но все тѣло его, показалось ей, дрогнуло за этимъ восклицаніемъ.—И она... началъ онъ вопросительно и—не договорилъ.

— Отказала мнѣ, досказала Софья Ивановна, — и при этомъ разгнѣвалась до слезъ и до того, что позволила себѣ упрекнуть меня, будто-бы я „воспользовалась неопытностью и добрымъ сердцемъ“ княжны, чтобы „выманить“ у нея согласіе на это предложеніе... Я сказала ей на это, что попрошу васъ, человѣка, знающаго меня издавна, объяснить ей, способна-ли я на что-нибудь подобное.

Князь откинулъ голову отъ спинки своего кресла и перегнулъ ее съ низкимъ поклономъ въ сторону Софьи Ивановны, какъ бы говоря: порученіе ваше будетъ въ точности исполнено.

И ни слова при этомъ... Онъ продолжалъ все также не глядѣть на нее...

Это показалось ей страннымъ:

— Я поэтому пришла переговорить съ вами, князь, чуть-чуть нетерпѣливо сказала она:—вѣдь вы все знаете!...

— Что именно? И онъ нахмурился.

— Все! Княжна мнѣ говорила: вы обѣщали ей ваше содѣйствіе, рѣзко вымолвила тетка Гундурова.

Онъ помолчалъ:

— Когда говорила она это вамъ, можно полюбопытствовать? спросилъ онъ затѣмъ:

— Вчера утромъ.

— Да, сказалъ князь, — но со вчерашняго утра могли возникнуть обстоятельства, за которыми сама Hélène, быть можетъ... одумалась?...

— Я знаю, на что вы намекаете, торопливо воскликнула Софья Ивановна: — то, что было между ними въ театрѣ?... Сергѣй былъ виноватъ, и я такъ хорошо понимала, что его безумство могло измѣнить все расположеніе къ нему княжны, что вчера же ночью послала ей вотъ эту записку, примолвила госпожа Переверзина, шаря въ карманѣ своей „robe feuille-morte“...—Вотъ она! Прочтите! Вы увидите, что я прямо

ставила ей этотъ вопросъ о ея намѣреніяхъ на да или нѣтъ,—и ея отвѣтъ. Мнѣ принесли его въ четвертомъ часу утра, послѣ бала... *Они* успѣли объясниться тамъ: все осталось попрежнему...

Князь Ларіонъ дрожавшею рукой взялъ протягиваемую ему записку, поднялся и отошелъ къ окну... „Да, да и да. Елена Шастунова", начертанное крупнымъ почеркомъ Линою, словно молніей ослѣпило ему глаза. Потухалъ послѣдній лучъ надежды,—онъ всю ночь напролетъ лелѣялъ себя ею,—это было полное „примиреніе между ними"... Безмолвно опустилъ онъ руки...

Онъ долго оставался такъ, недвижный и нѣмой, погруженный въ глубокое, мучительное размышленіе.

— Что же, князь? спросила наконецъ Софья Ивановна.

— Иди, значитъ, и дѣйствуй! иронически проговорилъ онъ вдругъ, какъ будто пробужденный этимъ голосомъ и воззрясь на нее загорѣвшимися зрачками:—вы *этого* хотите?

— А вы не хотите? живо возразила она,—и лицо ея все покраснѣло опять.

Онъ, не отвѣчая, прошелся мимо оконъ, разсѣянно глядя на дальнія вершины дубовой рощи за рѣкой, облитыя горячимъ золотомъ лѣтняго солнца...

— Она простила, она хочетъ, началъ онъ наконецъ, возвращаясь къ Софьѣ Ивановнѣ:—я бы не простилъ...

— Вы никогда, значитъ, молоды не были! вскликнула она,—или забыли... Вы забыли, какъ чутко молодое сердце, какъ способно оно воспринимать самыя разнообразныя впечатлѣнія и страдать, и мучиться ими...

— Молодое сердце не умѣетъ любить! почти злобно прервалъ ее князь Ларіонъ:—оно только ищетъ себя въ предметѣ любимомъ, ищетъ въ немъ только своего отраженія и тупо, и жестоко-безжалостно угнетаетъ по капризу своихъ личныхъ ощущеній нравственную волю чужой души, отдающейся ему...

— Вы правы, я не спорю, заволновалась Софья Ивановна,—и не то еще я говорила Сережѣ... Но молодыя души

понимаютъ лучше другъ друга и снисходительнѣе другъ къ другу, чѣмъ мы съ вами къ нимъ.

— А чѣмъ платится за это снисхожденіе, знаете-ли вы? крикнулъ онъ;—я бы вамъ показалъ ее тамъ вчера, въ уборной... Она изнемогала... Я не спрашивалъ,—я знать не хочу, примолвилъ князь съ быстрымъ и презрительнымъ движеніемъ руки,—чѣмъ довелъ онъ ее до такого состоянія, но позвольте же мнѣ думать послѣ этого, что онъ не тотъ именно идеалъ... супруга—и новая злобно-ироническая усмѣшка пробѣжала по губамъ князя,—который можно было бы призывать въ мечтаніяхъ для такого существа, какъ Hélène...

— Сергѣй... начала было Софья Ивановна... Но онъ не далъ ей продолжать. Глаза его засверкали, голосъ зазвучалъ неудержимою страстностью:

— Понимаетъ-ли онъ, *что такое* Hélène, чувствуетъ-ли, какъ слѣдуетъ это чувствовать, каждымъ фибромъ своего существа, что она одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій, предъ душевнымъ совершенствомъ которыхъ преклоняться, благоговѣть надо!... Заслуживаетъ-ли онъ любовь такого созданія, способенъ-ли заслужить ее?

Софья Ивановна разсердилась:

— Что же, князь, если всего этого не понимаетъ и не заслуживаетъ мой племянникъ, то заслуживаетъ, какъ видно, этотъ флигель-адъютантъ, выписанный вашею невѣсткой изъ Петербурга. Не онъ-ли, и по-вашему, тотъ „идеалъ супруга“, о которомъ вы мечтаете для Елены Михайловны?

Страстрое возбужденіе князя Ларіона какъ-бы сразу соскочило съ него отъ этихъ словъ:

— Я не Аглая Константиновна, вы знаете, сказалъ онъ, слегка поморщившись и поникая взглядомъ, и, примолкнувъ на мигъ, заговорилъ опять:

— Я всегда видѣлъ въ васъ умную женщину, Софья Ивановна, и потому дозволилъ себѣ говорить съ вами сейчасъ совершенно прямо и откровенно... Я надѣялся, что вы не разсердитесь и поймете, что руководитъ меня при этомъ... Дѣло идетъ о всемъ будущемъ Hélène, моей племянницы. Вы знаете точно также, какъ я, насколько въ этомъ

можно ожидать здраваго сужденія со стороны ея матери. Я поэтому стараюсь взвѣсить и обсудить все, до этого касающееся, такъ, какъ сдѣлалъ бы это отецъ ея, покойный братъ мой, если-бъ онъ живъ былъ въ эту минуту.

— Я знала князя Михайлу, какимъ-то строгимъ тономъ сказала на это Софья Ивановна:—онъ поступилъ бы не такъ, какъ вы,—онъ судилъ бы спокойнѣе и безпристрастнѣе.

Угадала-ли она, почему не „безпристрастенъ“ онъ, князь сказать себѣ не могъ, но вся кровь прилила ему мгновенно въ голову. Онъ отвернулся и быстрыми шагами заходилъ снова по комнатѣ.

Глаза Софьи Ивановны машинально слѣдили за нимъ...

— Я прошу васъ не томить меня долѣе! вскликнула она наконецъ.—Какъ думаете вы поступить, князь?

— Какъ поступить? повторилъ онъ на-ходу и, вернувшись къ своему креслу, сѣлъ, уперся локтями въ колѣни и глянулъ ей прямо въ глаза:—какъ поступили бы вы? Рѣшайте!

Въ его голосѣ было теперь что-то такое страдальчески-недоумѣвающее, что Софья Ивановна почувствовала себя глубоко тронутою: она дѣйствительно начинала догадываться...

— Если вы требуете моего мнѣнія, начала она тихимъ, ласковымъ голосомъ,—такъ вотъ оно. Я на вашемъ мѣстѣ постаралась бы отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ впечатлѣній, забыть о всякихъ „взвѣшиваніяхъ“ и „обсужденіяхъ“... Вы говорите съ восторгомъ о вашей племянницѣ, о ея душевномъ совершенствѣ,—и вы тысячу разъ правы, и никто не въ состояніи болѣе меня сочувствовать вамъ въ этомъ отношеніи. Повѣрьте же ей, этой душѣ, повѣрьте тому высшему чутью, которое говоритъ ей, что чувство ея право, что тотъ, кого она полюбила, заслуживаетъ ея любовь! Эти „избранныя созданія“— вы это прекрасно сказали,—не ошибаются: они не въ состояніи любить дурное,—божественный смыслъ говоритъ въ нихъ сильнѣе, проницательнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ натуръ. Отдайтесь же, не разсуждая, ея инстинкту, поступите такъ, какъ она желаетъ, чтобы вы поступили!... И вы увидите, князь,

молвила какъ-бы невольно Софья Ивановна, участливо

остановившись на немъ взглядомъ,—вы увидите, какъ у самихъ у васъ станетъ легко на душѣ!...

Все лицо его повело; онъ поспѣшно всталъ и отошелъ опять къ окну, чтобъ она не замѣтила, какъ покраснѣли его глаза отъ охватившаго его внезапно умиленія...

— Аглая Константиновна, спросилъ онъ съ мѣста, осиливъ себя, своимъ обыкновеннымъ, ровнымъ голосомъ:—говорила вамъ объ этомъ Анисьевѣ?

— Да, она мнѣ говорила, что имѣетъ въ виду „партію“ для княжны,—разумѣется *его*, я поняла.

— Само собою... Одного поля ягодки, пропустилъ онъ, презрительно усмѣхнувшись.

— Но Елена Михайловна прямо сказала мнѣ, что не пойдетъ за него.

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее и повелъ одобрительно головой:

— Онъ это, кажется, чувствуетъ самъ и отказывается отъ своихъ плановъ... или по крайней мѣрѣ откладываетъ ихъ на время. Я сейчасъ на прогулкѣ узналъ, что онъ къ двумъ часамъ заказалъ себѣ лошадей.

— Онъ уѣзжаетъ! съ невольнымъ взрывомъ радости вскрикнула тетка Гундурова.

— Да... Но я или очень ошибаюсь, сказалъ раздумчиво князь,—или съ этимъ отъѣздомъ послѣднее слово его еще не сказано. Я эту породу людей знаю!...

— Но, какъ старый дипломатъ, возразила она со слабою улыбкой,—знаете также, надѣюсь, какъ и вести съ ними борьбу?

Онъ повелъ губами:

— Отобьемся отъ одного, развѣ она не найдетъ другаго, по той же мѣркѣ скроеннаго!... Она въ конецъ измучаетъ ими Hélène!

— Но этого нельзя допустить... Вы должны вмѣшаться: у васъ же все авторитетъ есть... Но вы, кажется, вовсе говорить съ нею не умѣете, Ларіонъ Васильевичъ, съ какимъ-то отчаяніемъ промолвила Софья Ивановна.

— А вы умѣете? живо возразилъ онъ съ безсознательно-

комическимъ оттѣнкомъ:—вѣдь надо быть господиномъ Зяблинымъ, чтобы стать на уровень ея пониманія и находить соотвѣтствующія ему слова. И какой прокъ отъ того, что̀ ей скажешь? Вѣдь у нея натура раба, натура той кабацкой расы, изъ которой она вышла—струситъ и смолчитъ, и тутъ же солжетъ и обманетъ...

Онъ прервалъ себя вдругъ, провелъ рукой по лицу,—и, къ нѣкоторому удивленію Софьи Ивановны, взялъ, подойдя, ея руку и поцѣловалъ ее:

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ онъ, — что скажу все, что̀ только можетъ, по моимъ понятіямъ, содѣйствовать желаніямъ Hélène и вашимъ, — и даже постараюсь „сумѣть говорить“ такъ, чтобы меня послушали. Не взыщите, если потерплю крушеніе... Во всякомъ случаѣ, налаживаясь на шутливый тонъ и какъ-бы обрывая, примолвилъ онъ, — ваша маленькая сейчасъ проповѣдь безслѣдно не пройдетъ. Спасибо вамъ за нее!...

— Спасибо и вамъ за доброе обѣщаніе, сказала Софья Ивановна,—я не сомнѣваюсь, что вы его исполните. Но, признаюсь вамъ, я болѣе надѣюсь на время и на самое Елену Михайловну, чѣмъ на то, что̀ можетъ выйти изъ вашего разговора съ ея маменькой.

Онъ какъ-бы сообразилъ что-то, о чемъ не думалъ до сихъ поръ,—и наклонилъ утвердительно голову:

— Конечно... если только здоровье ея выдержитъ.

— Здоровье княжны?

— Да. У нея сердце не здорово... Я говорю въ буквальномъ, а не въ условномъ значеніи этого слова, пояснилъ онъ съ улыбкой, но въ этой улыбкѣ было столько муки и за *нее*, и своей собственной, что у Софьи Ивановны дыханіе сперлось...

— Что̀ это? вскликнулъ вдругъ князь Ларіонъ, устремляя глаза на отворившуюся дверь кабинета:—Hélène и еще кто-то съ нею!

Это были, дѣйствительно, Лина и тяжело опиравшаяся на ея руку, блѣдная, въ дорожной шляпѣ съ полуопущенною вуалью, Надежда Ѳедоровна.

XIV.

But who, alas, can love and then be wise?
Byron.

Князь Ларіонъ поспѣшно подошелъ къ племянницѣ.

— Что случилось? Ты плакала? тревожно спросилъ онъ, замѣтивъ сразу влажные еще отъ слезъ глаза ея.

— Надежда Ѳедоровна насъ покидаетъ, отвѣтила она, — она пришла съ вами проститься, дядя.

Онъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на компаніонку...

— Да, князь, проститься, глухо повторила та, откидывая вуаль свою на шляпку, какъ бы для того, чтобъ онъ могъ свободно разсмотрѣть ея „страданіемъ измятыя черты".

— У васъ семейное несчастіе? было его первою мыслью.

— У меня нѣтъ семьи, нѣтъ близкихъ: я одна на землѣ, проговорила она пѣвучимъ голосомъ, поднося платокъ къ глазамъ.

— Но что же побуждаетъ васъ?...

— Не спрашивайте, князь, не спрашивайте! словно только и ждала этого вопроса, прервала его дѣвица Травкина, простирая руки впередъ:—это мое личное, никому неизвѣстное горе... которое я унесу съ собою... въ пустыню, договорила она уже съ рыданіемъ.

Князь недоумѣло повелъ глазами кругомъ; на лицѣ Софьи Ивановны, изъ глубины своего кресла пристально слѣдившей за этою сценой, онъ прочелъ какую-то странную смѣсь жалости и недовѣрія...

— Она идетъ въ монастырь, отвѣтила съ своей стороны шопотомъ на взглядъ его Лина.

— Но неужели,—онъ, сморщивъ лобъ, внимательно поглядѣлъ на „страдалицу“, — все это необходимо такъ скоро?... Вы, кажется, совсѣмъ собрались?

— Да, да, князь, сейчасъ!... Тутъ одна дама (она назвала „образованную окружную,“) ѣдетъ въ городъ и беретъ меня съ собой... Я тамъ найду лошадей въ Москву... Позвольте сказать вамъ прости... „ein ew'ges Lebewohl“, невѣдомо къ чему примолвила она изъ Шиллера...

Князь Ларіонъ еще разъ пристально поглядѣлъ на нее:

— У меня правило уважать личную волю каждаго и не допытываться причинъ чужихъ поступковъ, какъ бы они мнѣ собственно иной разъ и ни казались странными или неосновательными. Вслѣдствіе того я въ настоящемъ случаѣ могу вамъ только выразить искреннее сожалѣніе, что намъ приходится разстаться.

Будто ушатомъ холодной воды окатилъ онъ ее: она ждала (какъ сейчасъ было у нея съ княжной,) допрашиваній, „увѣщаній дружбы“, возможности еще разъ порисоваться своимъ „неисходнымъ горемъ“,—а тутъ такъ просто, холодно, „безжалостно“!...

— Конечно, князь, я понимаю, еще разъ забывая о необходимомъ „смиреніи“, колко проговорила она, — сожалѣніе съ вашей стороны можетъ простираться лишь до той минуты, когда вы найдете кого нибудь вмѣсто меня читать вамъ газеты.

Уколъ пропалъ даромъ: князь Ларіонъ слегка усмѣхнулся и отвѣчалъ съ учтивымъ наклономъ головы:

— Замѣнить васъ въ этомъ отношеніи такъ трудно, что я и искать не буду.

Лина между тѣмъ, замѣтивъ Софью Ивановну, побѣжала къ ея креслу. Онѣ нѣжно поцѣловались.

Мнѣ такъ жаль ее, бѣдную, прошептала княжна: — она идетъ съ отчаянія въ монастырь—отъ любви къ человѣку, который ея не любитъ.

— Къ Сергѣю Михайловичу Гундурову, не такъ-ли? досадливо договорила Софья Ивановна.

— Да совсѣмъ нѣтъ! Кто это могъ вамъ сказать? И жи-

вой румянецъ заалѣлъ мгновенно на изумленномъ лицѣ княжны.

— Она увѣрила въ этомъ вашу матушку, или та не такъ поняла, но я отъ нея слышала.

— Отъ maman? Вся краска такъ же мгновенно сбѣжала теперь съ ея щекъ. Вы уже были у нея?... Не говорите! тутъ же спѣшно промолвила Лина,—я знаю... я вижу по вашимъ глазамъ, какой данъ былъ вамъ отвѣтъ... И вы для этого теперь у дяди?...

— Я говорила съ нимъ, предупреждая дальнѣйшіе вопросы, спѣшила, въ свою очередь, сообщить Софья Ивановна, крѣпко пожимая въ обѣихъ своихъ похолодѣвшую руку княжны и любовно глядя въ самую глубь ея отуманенныхъ васильковыхъ глазъ, — онъ за насъ, я имъ довольна... Но, милая, я не скрываю отъ васъ, я боюсь... все это если должно быть, то не скоро... А до того терпѣть сколько?...

Лина только головой качнула, но въ движеніи этомъ Софья Ивановна прочла непоколебимое рѣшеніе...

— А здоровье, милая? тревожно зазвучалъ ея голосъ.

Черная тѣнь какъ бы легла на мигъ на черты дѣвушки... Она подавила вздохъ, подняла глаза на окно, въ которое горячею синью отливало высокое небо; и прошептала, улыбаясь:

— Богъ его дастъ, если нужно...

— Лина, прощайте, я ухожу! послышался голосъ Надежды Ѳедоровны, подходившей къ нимъ съ почтительнымъ издали поклономъ Софьѣ Ивановнѣ.

— Сейчасъ, Надежда Ѳедоровна, я васъ провожу, отозвалась княжна. И, наклоняясь къ Софьѣ Ивановнѣ, проговорила ей на ухо: — мнѣ еще хочется поговорить съ вами; пожалуйста, зайдите въ первую гостиную,—я ее сейчасъ провожу и приду туда.

Проходя мимо дяди, вслѣдъ за Надеждой Ѳедоровной, она пріостановилась и подала ему руку:

— Mercі, oncle, сказала она только, но князь Ларіонъ безсознательно прижмурилъ глаза, какъ бы не выдержавъ сіянія взгляда, сопровождавшаго эти два слова...

На лѣстницѣ ждала Надежду Ѳедоровну готовая

ѣзду „образованная окружная“ съ двумя сынишками своими, изображавшими пажей во вчерашнемъ спектаклѣ (она отвозила ихъ въ городъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться самой къ представленію *Льва Гурыча Синичкина*). Завидѣвъ свою спутницу, сопровождаемую княжной, она сочла своимъ долгомъ завздыхать и закачать головой самымъ трогательнымъ образомъ, протягивая ей съ мѣста руки, какъ бы готовясь поглотить ее въ своихъ обширныхъ объятіяхъ. Но дѣвица Травкина, какъ это часто случается, весьма склонная, какъ мы видѣли, къ утрировкѣ своихъ собственныхъ чувствъ, особенно чутко замѣчала и ненавидѣла ее въ другихъ, а потому на жестикуляцію образованной дамы отвѣчала лишь короткимъ „ѣдемте!“ и первая спустилась съ лѣстницы.

Не успѣла дойти она, однако, до послѣдней ступеньки, какъ неожиданное обстоятельство наладило ее вдругъ опять на тотъ романическій строй понятій, который составлялъ какъ бы субстратъ всего ея существа. Къ ней кинулась толпа женскихъ прислужницъ Сицкаго, между которыми, какъ заявила она заранѣе княгинѣ, раздѣлила она на прощанье всякое свое добро, и принялась со всякими возгласами и причитаніями благодарности подходить къ ней къ ручкѣ... Въ воображеніи начитанной дѣвицы тотчасъ же зарисовалась сцена прощанья Маріи Стюартъ со своими женщинами. Рябая „Lucrèce“, стоявшая впереди всѣхъ, должна была натурально изображать собою вѣрную Анну Кенеди, и она съ новымъ водопадомъ слезъ упала шляпкой на ея двухбашенную грудь...

Но это было еще не все. Покончивъ съ Кеннеди и К° и расцѣловавшись окончательно съ княжной, она выходила на крыльцо, у котораго въ ожиданіи ея сидѣла уже въ своей бричкѣ „образованная“ окружная, какъ вдругъ между этою бричкой и ею какъ изъ земли выросъ стройный, чернокудрый, слишкомъ хорошо знакомый ей мужской обликъ...

Онъ стоялъ спиной къ ней и своимъ свѣжимъ, беззаботнымъ голосомъ громко спрашивалъ:

— Куда это вы собрались, Катерина Ивановна?

Окружная быстро нагнулась къ нему изъ экипажа и что-

. Онъ такъ же быстро обернулся на дверь.

Надежда Ѳедоровна ухватилась за ея ручку, чтобы не упасть... Они стояли въ двухъ шагахъ другъ отъ друга...

Онъ сдѣлалъ еще шагъ къ ней, заслоняя ее высокимъ станомъ своимъ отъ любопытныхъ глазъ сидѣвшей въ бричкѣ:

— Правда это? Вы хотите поступить въ мо... Онъ не договорилъ; голосъ его дрожалъ слегка.

О, какъ заскребло на сердцѣ у нея въ эту минуту, какія жестокія слова запросились у нея на языкъ!... Къ счастію, она на этотъ разъ во-время вспомнила о „смиреніи“... Къ тому же за ея спиной, тѣснясь, стояла цѣлая женская арава, норовившая, какъ-бы скорѣе вылиться вслѣдъ за нею на крыльцо... Она наклонила предъ нимъ голову, какъ дѣлаютъ это инокини съ тарелочками на церковь, и разбитымъ голосомъ проговорила:

— Простите, какъ и я вамъ прощаю!...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но она поспѣшнымъ движеніемъ, опустивъ со шляпки вуаль и нажавъ его рукой къ лицу, скользнула мимо него и вскочила въ бричку. Арава горничныхъ повалила изъ дверей, чуть не сбивъ съ ногъ молодаго человѣка въ усердіи провожанія „милой барышни“... Экипажъ тронулъ...

Ашанинъ, прищурившись, довольно долго глядѣлъ ему вслѣдъ:

„Эхъ, вретъ!“ разсмѣялся онъ вдругъ, какъ-бы выводя мораль этой басни: „искренняго тутъ ни фунта, а „хвантазія“ одна, какъ разсказываетъ Акулинъ про своихъ Хохловъ“...

XV.

Alles Edle ist von stiller Natur und scheint zu schlafen, bis es durch Widerspruch herausgefordert ist.
Göthe.

— Милая моя, хорошая, говорила Софья Ивановна Перевзина въ пустой гостиной, держа обнявъ княжну Лину, склонившуюся къ ней головой на плечо,—что же дѣлать! Намъ съ нимъ придется уѣхать сегодня же, если Ларіонъ Васильевичъ не успѣетъ склонить ее.

— А гдѣ онъ? тихо спросила Лина:—спитъ еще послѣ вчерашняго?

— Спитъ? Онъ всю ночь не спалъ и, послѣ этой ихъ жженки проходилъ по полямъ. Не успѣла я одѣться, какъ онъ уже сидѣлъ у меня и погонялъ къ княгинѣ... Ждетъ—умираетъ тамъ, должно-быть... Удивляюсь, какъ не вздумалось ему притти сюда, узнать отъ меня скорѣе...

Въ послѣдней залѣ послышались приближавшіеся къ нимъ шаги.

— Вотъ онъ! вскликнула дѣвушка.

Но это былъ не онъ, а Өиногенъ, камердинеръ Аглаи Константиновны.

— Я васъ повсюду ищу-съ, ваше сіятельство, обратился онъ съ внушительнымъ видомъ къ княжнѣ:—ихъ сіятельство княгиня просятъ васъ къ себѣ.

Лина поблѣднѣла чуть-чуть.

— Хорошо, скажи—я сейчасъ буду.

Слуга вышелъ.

Софья Ивановна потянула ее за обѣ руки:

— Голубка моя, дай перекрещу тебя!...

Онѣ пали въ объятія другъ другу... Въ то же время портьера надъ дверью второй гостиной слегка колыхнулась, и изъ-за нея выглянуло блѣдное лицо Гундурова.

— Ну вотъ и хорошо, что пришли, обратилась къ нему Лина съ насилованною веселостью,—легче будетъ... Меня требуютъ къ допросу, Сергѣй Михайловичъ! И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Довольно! тихо сказала она, вся заалѣвъ и высвобождая пальцы свои изъ его рукъ.

— Елена Михайловна, что же значатъ ваши слова?

— Тетя вамъ все разскажетъ... А я пойду!... промолвила она, вставая.

— Если найдете время до завтрака, торопливо сказала ей Софья Ивановна,—приходите ко мнѣ...

Гундуровъ растерянно сдѣлалъ за нею нѣсколько шаговъ... Дойдя до двери залы, она остановилась, обернулась къ нему и, глядя на него глаза въ глаза, нѣжно и твердо проговорила серебрянымъ голосомъ своимъ и съ какою-то восторженною улыбкой на устахъ:

— Я вамъ вѣрю, вѣрьте и мнѣ...

У княгини была компанія: Зяблинъ, князекъ, ея сынъ, и Англичанинъ-гувернеръ его. Еще изъ ситцеваго кабинета услыхала Лина говоръ ихъ голосовъ... „Не сейчасъ, значитъ, начнется“, промелькнуло въ головѣ ея... Она ошибалась.

Едва успѣла она войти въ будуаръ, какъ на нее такъ и кинулся братишка ея. На странно уже опредѣлившихся для его лѣтъ чертахъ мальчика читалась настоящая злость,— ноздри его раздувались, глазенки неестественно расширились и сверкали...

— O, naughty, naughty Lina, восклицалъ онъ, топая ногою.—I'll n't allow you to marry a rogue of teacher! You must n't forget you are a princess. For shame! *) Онъ оче-

*) О, дурная, дурная Лина, я не позволяю тебѣ выходить за дрянь учителишку; ты должна помнить, что ты княжна! Стыдно тебѣ!

видно повторялъ по-своему нѣчто сейчасъ имъ слышанное...

Княжна съ измѣнившимся лицомъ взглянула на него, на мать...

Аглая Константиновна сидѣла въ подушкахъ своего дивана, развязавъ, въ знакъ скорби душевной, ленты своего утренняго чепца, и терла глаза кружевнымъ платкомъ.

Англичанинъ, весь покраснѣвъ отъ досады, схватилъ воспитанника своего за локоть.

— Will you hold your tongue, bad fellow! *) крикнулъ онъ на него.

— Order him not to touch me **), онъ хочетъ бить меня, мама, заревѣлъ мальчикъ, отбиваясь и руками, и ногами отъ желѣзной руки гувернера.

— Monsieur Knox, laissez le, je vous prie! залопотала маменька, махая ему съ мѣста словно развинченною рукой.

Но англичанинъ, не взирая на его визгъ и ляганья, потащилъ своего князька изъ комнаты.

— Ахъ, finissez, Basile, ne cricz pas!... Я просто умру отъ всего этого сегодня! захныкала княгиня, покосившись на безмолвно стоявшую еще у дверей дочь, и какъ бы въ подтвержденіе такого рѣшенія скинула окончательно чепчикъ съ головы и схватила вѣеръ со столика.

Зяблинъ, сидѣвшій противъ нея на низенькомъ креслѣ, взглянулъ на нее, потомъ на княжну и испустилъ глубокій вздохъ.

Лина подошла къ матери:

— Bonjour, maman, проговорила она еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, склоняясь надъ ея рукой.

Та отдернула ее...

— Asseyez vous! величественно промолвила она.

Княжна сѣла неподалеку отъ Зяблина.

„Бригантъ“ еще разъ повелъ на нее своими воловьими глазами, откатилъ почему-то свое кресло нѣсколько назадъ и еще разъ вздохнулъ.

---

*) Замолчите-ли вы, скверный мальчишка!

**) Прикажи ему не трогать меня!

— Même votre jeune frère, начала сразу княгиня, нервно обмахиваясь своимъ вѣеромъ,— и тотъ понимаетъ l'inconvenance вашего поведенія.

Лина холодно и вопросительно подняла глаза на нее.

— Вы знаете, о чемъ я говорю, фыркнула Аглая: — эта madame Pereverzine была у меня сейчасъ просить вашей руки pour monsieur son neveu и сказала, что это съ вашего согласія... J'en ai été si saisie, что до сихъ поръ не могу притти въ себя.

Княжна молчала.

— C'est donc vrai? Что же вы не отвѣчаете?

— Мы не однѣ, maman, такъ же холодно и не поворачивая головы, промолвила она.

— Ça, c'est un ami, un vrai, указывая кивкомъ нъ Зяблина, возразила на это умная маменька, — можете говорить при немъ, je ne lui cache rien.

Но самъ „бригантъ“ почувствовалъ, какъ была глупа роль, которую заставляла она его играть. Онъ поспѣшно всталъ и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Между матерью и дочерью третій всегда лишній; позвольте же мнѣ удалиться!

Княгиня проводила его нѣсколько растерянным взглядомъ и заерзала на своемъ диванѣ: — въ присутствіи „vrai ami“, отъ котораго она, повидимому, ждала поддержки въ данныя минуты предстоявшаго ей объясненія съ дочерью, она чувствовала себя какъ бы болѣе въ ударѣ, чѣмъ наединѣ съ нею теперь.

Лина сама теперь начала это объясненіе:

— Вы меня спрашивали, maman, съ моего-ли согласія Софья Ивановна Переверзина просила у васъ моей руки для своего племянника? Да, maman, я сказала ей „да“ и прошу васъ съ своей стороны позволить мнѣ выйти за него замужъ.

— Mais vous êtes folle, complètement folle! завизжала Аглая Константиновна не хуже сынка своего сейчасъ, — я этого не хочу, не хочу даже слышать! Si vous avez oublié ce que vous devez à votre nom, величественно возгласила она,—я этого не забываю, я, ваша мать, votre mère qui vous

a mis au monde; я знаю, какая прилична для васъ партія... И когда вы сами знаете, что тотъ, кого я для васъ выбрала, здѣсь, и ждетъ, vous m'arrivez avec ce galopin de professeur manqué!

Княжна слабо усмѣхнулась.

— Я бы вамъ могла сказать, maman, что ничего этого мнѣ не извѣстно, потому что вы мнѣ до этой минуты еще ни одного слова не сказали про этого... господина. Но я не лгу никогда и скажу вамъ, что дѣйствительно знаю, что вы его выписали сватать меня... Но онъ мнѣ не по сердцу, и я не могу итти за него...

Княгиня въ первую минуту опѣшила и отъ силы аргумента, и отъ того крайне спокойнаго тона, съ которымъ говорила дочь. Она захлопала своими круглыми глазами, глядя на нее не то гнѣвно, не то недоумѣло.

— Я вамъ ничего не говорила, попробовала она вдругъ иронизировать,—потому что не знала, что у меня дочь—une républicaine. Я думала, что вы... que vous avez les goûts qui conviennent à une demoiselle de votre rang, и выбрала такого и жениха для васъ... Я вижу, что ошиблась!... Вамъ другое надобно, извините, mademoiselle la princesse, я этого не знала. Je vous offre ce jeune comte qui a tout pour lui... вы, можетъ быть, не знаете, что онъ un des plus brillants cavaliers et des plus en vue de Pétersbourg, и его дядя premier favori, и самъ онъ intime à la Cour, карьера, bientôt général, и непремѣнно долженъ быть министромъ un jour, какъ мнѣ говорила la comtesse sa mère à Rome... Cette princesse Dodo qui est si méchante, увѣряетъ, что будто у него trois cent mille de dettes, но это неправда, elle ment, она это все изъ зависти, потому что сама она хочетъ l'attraper для своей Женни, une fille évaporée et qui n'a pas le sou... И вы, une princesse Schastounof, такому jeune homme distingué предпочитаете un petit monsieur de rien, sans position и которому, вы слышали, даже не позволили за границу ѣхать, потому что онъ, j'en suis sûre, un sans-culotte, хотя madame sa tante и увѣряетъ, qu'il descend du même roi Rurik, какъ и наша фамилія...

Лина терпѣливо, не моргнувъ бровью, выслушала всю эту невѣроятную рацею.

— Что же дѣлать, тихо сказала она только, когда мать кончила,—когда я его люблю, maman, а того нѣтъ?

Иронія не вывезла; Аглая принялась за драму:

— Вы любите! заголосила она, уже рыдая,—противъ желанія матери, contre son gré! Вамъ все равно de me rendre malheureuse! У васъ, я вижу теперь, такой же характеръ, какъ у вашего отца, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie... Я его любила, j'avais cette bêtise d'être amoureuse de lui, когда выходила за него замужъ, et après, и даже всегда... Я его спасла de la misère, потому что все ихъ имѣніе продавалось съ аукціона, и я все выкупила на свое имя, чтобъ онъ не могъ se ruiner во второй разъ... А онъ сейчасъ же après notre mariage началъ съ этой lady Blackdale à Londres... и она мнѣ разъ dans le monde кинула даже апельсинною коркой въ лицо, — а онъ все-таки ея не оставилъ, а потомъ, когда она сама его кинула pour épouser son ténor, онъ нашелъ une actrice française qui avait de fausses dents, а потомъ была Венгерка, et puis la marquise Ruffo, une Italienne, et puis...

— Maman, ради Бога!... воскликнула, пытаясь остановить ее, княжна.

Но та не слушала: плотина была прорвана, вода уже неудержимо падала на колесо мельницы...

— А я сама была молода, fraîche et bien portante...et de l'imagination... J'avais besoin d'amour!... А онъ со мною ужасы дѣлалъ, il me dédaignait, онъ отъ меня запирался, не ночевалъ дома et d'autres horreurs comme cela... И это—когда я ему принесла два милліона, huit millions en assignats, de fortune... Bien de fois il m'a mis dans un tel désespoir, что я даже два раза писала письмо à Sa Majesté l'Fmpereur—j'en ai encore les brouillons, — pour me plaindre de son aversion pour sa femme légitime, но мнѣ тогда сказали, что онъ могъ чрезъ это мѣсто свое потерять, и я par noblesse de coeur ихъ не послала... Вотъ что ваша бѣдная мать вытерпѣла pendant quinze ans de sa vie!... Il m'est revenu quand il ne valait plus

rien, больной грудью, épuisé,—и вы сами видѣли, какъ я за нимъ ходила, le soignant, точно какъ будто онъ всегда былъ хорошій мужъ...

Все это лилось безъ остановки, сопровождаемое слезами, возгласами, драматическою икотой, сморканіемъ, утираніемъ глазъ и стукомъ вѣера по косточкѣ корсета, обнимавшаго дебелыя красы княгини... Лина закрыла ладонью глаза,—эти упреки, эти грубыя разоблаченія рѣзали ее по самому нѣжному, самому чувствительному мѣсту ея нравственнаго существа. Грязью закидывала циническая рука тотъ идеальный, изящный и скорбящій образъ отца, который она такъ любовно, такъ свято хранила въ сердцѣ своемъ,—и рука эта была ея матери... Это ей было невыносимо больно!..

А та продолжала стонать и причитывать:

— Я ему все простила, il s'est repenti, pauvre Michel, que le bon Dieu ait son âme!.. Умирая, онъ просилъ у меня прощенія, comme un vrai pénitent... И при этомъ вы забыли, вы, sa fille bien-aimée,—потому что онъ, не знаю почему, il n'a jamais aimé Basile,—забыли, что онъ говорилъ вамъ, какъ вы не должны огорчать меня и... и... и... должны ста-араться expier ses torts en-vers... envers... moi? договорила чувствительная вдова сквозь новое, истерическое рыданіе. Оченъ ужь сильно завела она машину...

Лина невольнымъ движеніемъ поднялась съ мѣста:

— Богъ видитъ, со внезапною восторженностью выраженія во всемъ ея обликѣ проговорила она,—что не прошло дня съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, чтобъ я не вспоминала этихъ словъ его и не старалась сообразовать съ ними мои поступки! Я прошу сказать васъ, maman, подавала-ли я вамъ когда-нибудь поводъ къ огорченію?

— Parceque je ne vous ai jamais rien demandé, оставляла васъ до сихъ поръ дѣлать, что вы хотѣли, заголосила Аглая Константиновна:—а теперь, quand il s'agit de votre bonheur, вы позволяете себѣ отвергать того, котораго выбрала ваша мать, votre mère qui vous a mis au monde (фраза эта была особенно любима княгиней,)... и даже вчера не танцовали съ

нимъ мазурку (вдругъ вспомнила она),.когда вы были къ этому обязаны уже изъ одной учтивости, comme fille de la maison... Это вы называете исполнять волю de ce pauvre Michel и не огорчать меня?

— Maman, сказала княжна, почти строго глядя ей въ глаза,— я не ребенокъ болѣе, я понимаю, что могъ требовать мой отецъ и чего онъ никогда не потребовалъ бы отъ меня. Онъ вѣровалъ, какъ и я... Онъ не потребовалъ бы отъ меня грѣха... Если — голосъ ея задрожалъ, — вы не хотите согласиться на выборъ моего сердца, въ которомъ единственно я могу найти счастіе, какъ я его понимаю, я склоню голову и покорюсь, и вы никогда не услышите отъ меня упрека, не увидите слезъ моихъ... Но я, maman, я поступила бы противъ Христа и совѣсти, если бы рѣшилась обмануть человѣка, выходя за него замужъ безъ любви... и даже съ отвращеніемъ...

Раскаталовская натура Аглаи — она почувствовала себя вдругъ глубоко оскорбленною словами дочери,—вылилась тутъ же на полный просторъ:

— И склоняйтесь. и покоряйтесь, и плачьте, и убивайтесь, потому что я умру, а не соглашусь, чтобы вы выходили за этого monsieur de rien du tout!... И вы отъ меня ни гроша не получите, если не пойдете за графа Анисьева, предваряю васъ... Базилю больше достанется, cela sera un vrai prince lui!..

— Князь Ларіонъ Васильевичъ прислали сказать, что желаютъ повидаться съ вашимъ сіятельствомъ, доложилъ у дверей Ѳиногенъ,—такъ будете-ли однѣ, спрашиваютъ.

Какъ ни возбуждена была наша княгиня, но имя ея деверя прозвучало для нея въ родѣ Нептуновскаго Quos ego! расходившимся не въ мѣру волнамъ. Она заметалась на своемъ диванѣ, будто ища чего-то, потомъ вдругъ разомъ притихла и съежилась (искала она чепчикъ, который тутъ же и вздѣла себѣ на голову).

— Скажи, что прошу, отвѣтила она слугѣ на свой уже обычный, пѣвучій ладъ, приведя себя такимъ образомъ во внѣшній и внутренній порядокъ. — Сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку, сказала она въ полоборота блѣдной и

недвижной Линѣ,—я васъ прошу сойти et présider à ma place. Вы скажете всѣмъ, что у меня голова болитъ, и что я къ завтраку не буду.

Княжня поняла: ея мать боялась, чтобы дядя не засталъ ея тутъ, не угадалъ по ея лицу выдержанной ею бури... Она поклонилась и вышла.

XVI.

Было-ли то нервное возбужденіе, или сила воли, возобладавшая надъ ея физическою слабостью, но Лина шла твердо, болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, но съ тѣмъ же спокойно сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое, быть можетъ, болѣе всего остальнаго раздражало княгиню Аглаю Константиновну въ теченіи переданнаго нами сейчасъ разговора ея съ дочерью... „Нести надо“, какъ бы машинально шептала внутри себя Лина слово Писанія, давно обычное ея мысли. „И бороться“, припоминала она тутъ же отвѣтъ Сергѣя на это слово въ одну изъ первыхъ ихъ бесѣдъ... „Да, бороться,— и она началась теперь, эта борьба“...

Она направлялась въ комнату Софьи Ивановны Переверзиной, разсчитывая, что успѣетъ до минуты, когда позвонятъ къ завтраку, передать ей и Гундурову о результатахъ объясненія съ матерью, — откинула полуспущенный портьеръ надъ дверью, отдѣлявшею первую гостиную отъ внутреннихъ комнатъ княгини... и безсознательно остановилась...

Прямо на встрѣчу ей шелъ графъ Анисьевъ, изящный, расчесанный и продушенный отборно-тонкими духами, со своими свисшими à la grognard эполетами и приподнятыми крючкомъ усами, щеголевато скользя по паркету сапогами, лоснившимися какъ зеркало, на небольшихъ, съ высокимъ подъемомъ, „аристократическихъ“ ногахъ.

Онъ чуть-чуть прищурился, узналъ ее въ просвѣтѣ двери и скользнулъ уже какъ по льду—тѣмъ разбѣгомъ, съ какимъ кидаются за стуломъ своей дамы иные усердные юноши на первыхъ порахъ своихъ дебютовъ въ свѣтѣ,—какъ бы съ тѣмъ,

чтобы не дать тяжелому штофному занавѣсу смять, опускаясь, легкія складки ея кисейнаго платья.

Она, въ свою очередь, поспѣшила инстинктивно опустить за собою этотъ занавѣсъ, чтобы не имѣть, за что̀ благодарить его.

Они глянули въ лицо другъ другу... Онъ низко поклонился. Она отвѣчала такимъ же учтивымъ и холоднымъ поклономъ и хотѣла пройти мимо... Онъ остановилъ ее вопросомъ:

— Pardon, mademoiselle, puis-je vous demander si madame la princesse votre mère est visible? J'allais chez elle.

— Она ждетъ сейчасъ дядю, князя Ларіона, отвѣтила княжна по-русски,—и жалуется на головную боль. Она мнѣ даже поручила просить за нее извиненія у всѣхъ за то, что не сойдетъ къ завтраку.

Онъ тотчасъ же перешелъ на русскій языкъ:

— Надѣюсь, однако, что въ этомъ нездоровьѣ нѣтъ ничего серіознаго?

— Я не думаю, и она, по всей вѣроятности, приметъ васъ съ удовольствіемъ послѣ завтрака.

Лина еще разъ поклонилась ему съ тѣмъ, чтобъ уйти... Онъ еще разъ остановилъ ее.

— Княжна, заговорилъ онъ голосомъ почтительнымъ до робости, — дозволите-ли вы мнѣ воспользоваться неожиданнымъ случаемъ, который даетъ мнѣ въ эту минуту судьба, чтобы попросить у васъ пять минутъ аудіенціи?

„Боже мой, еще объясненіе съ нимъ!“ подумала съ ужасомъ Лина.—Я право не знаю, графъ, что̀ вамъ можетъ быть угодно отъ меня, пробормотала она смущенно и досадливо.

— Пять минутъ, не болѣе! сказалъ онъ, простирая къ ней руку умоляющимъ жестомъ:—и по истеченіи ихъ я надѣюсь, добавилъ онъ какимъ-то нѣжно-меланхолическимъ тономъ, — что вы не будете глядѣть на меня такъ враждебно, какъ теперь!...

— Враждебно? повторила она невольно, съ невольнымъ пожатіемъ плечъ,—я ни къ кому вражды не чувствую, а къ вамъ...

— Le mot est mbitieux, я знаю, живо возразилъ онъ и чуть-чуть вздохнулъ: — внушать вамъ вражду была бы своего рода честь, на которую я никоимъ образомъ не имѣю права... Я долженъ былъ сказать: „не благосклонно“,—и съ глубокою скорбію долженъ сознаться, что вы имѣете поводы смотрѣть именно такъ на меня.

— Я васъ не понимаю! молвила Лина, дѣйствительно не понимая, куда онъ велъ...

— Если бы вамъ угодно было присѣсть, княжна,—разговаривать стоя такъ неудобно,—я бы позволилъ себѣ вамъ это объяснить...

Онъ съ тѣмъ же почтительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и движеніяхъ указалъ ей на диванъ у стѣны, подлѣ двери... Она опустилась на него, рѣшившись выслушать его терпѣливо, такъ какъ другаго ничего не оставалось ей дѣлать.

Онъ сѣлъ на стулъ, сбоку, живописно провѣлъ по лицу красивою бѣлою рукой, съ крупнымъ сафиромъ en cabochon на мизинцѣ, и началъ:

— Княгиня, матушка ваша, и моя мать, какъ вамъ это извѣстно, княжна, встрѣтившись въ позапрошломъ году въ Римѣ, сошлись и очень подружились другъ съ другомъ... и, какъ это часто случается съ матерями взрослыхъ дѣтей... de deux sexes différents, прибавилъ онъ, позволяя себѣ слегка усмѣхнуться,—стали строить насчетъ ихъ будущности всякіе заманчивые планы.

— О которыхъ мнѣ ничего не говорили, и къ которымъ я никакъ не причастна, холодно и рѣшительно прервала его этими словами Лина.

Онъ вздохнулъ уже громче:

— Вамъ не надо было давать себѣ труда говорить мнѣ это, княжна:—съ первой встрѣчи нашей въ Сицкомъ я въ глазахъ вашихъ прочелъ, какъ эфемерны были эти планы и какъ... (онъ искалъ и не находилъ слова по-русски,)—la réalité des choses,—сказалъ онъ наконецъ,—давала мало надеждъ на ихъ осуществленіе... Я лично впрочемъ никогда и не давалъ имъ никакой цѣны!

Она взглянула на него полуудивленно, полунедовѣрчиво...

Онъ какъ бы не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, склонивъ голову на грудь, съ выраженіемъ красивой печали на чертахъ:

— Но я былъ бы истинно несчастливъ, если-бъ, уѣзжая отсюда,—я уѣзжаю сегодня же, княжна,—я долженъ былъ увезти убѣжденіе, что съ именемъ моимъ соединяется для васъ понятіе о чемъ-то... (онъ опять искалъ слова и не находилъ его,)—que je vous fais l'effet d'un objet repoussant, досказалъ онъ и заговорилъ затѣмъ уже сплошь по-французски, рѣшивъ мысленно, что „отечественный языкъ est décidement trop rebelle à l'expression des choses délicates“:—Я ни за что не хотѣлъ бы оставить въ васъ это впечатлѣніе, княжна,—и это дало мнѣ смѣлость просить васъ выслушать меня... Я не хотѣлъ бы, чтобы вы могли хотя одну минуту думать, что пріѣздъ мой сюда былъ послѣдствіемъ... уговора нашихъ матерей. Нѣтъ, княжна, я точно такъ же, какъ и вы, „не причастенъ“ тому, что предположено было другими безъ моего вѣдома... Я только улыбался всегда сладкимъ мечтаніямъ моей бѣдной матери (aux doux rêves de ma pauvre mère) въ тѣхъ ея письмахъ изъ Рима, въ которыхъ съ такими восторгами говорила она мнѣ о васъ... Но эти письма, я сознаюсь вамъ въ этомъ, возбудили во мнѣ горячее желаніе увидѣть васъ... И я увидѣлъ, понялъ... Это было прошлою зимой въ Москвѣ, если угодно вамъ будетъ вспомнить... Я унесъ изъ этого перваго знакомства съ вами впечатлѣніе, о которомъ не стану вамъ говорить, поспѣшилъ прибавить флигель-адъютантъ, и голосъ его весьма эффектно задрожалъ, произнося эти слова,—но при которомъ уже трудно было мнѣ отвѣчать отказомъ на любезное приглашеніе княгини, матушки вашей, пріѣхать сюда ко дню вашего рожденія...

Онъ передохнулъ тяжело, какъ бы подавленный избыткомъ нѣжныхъ чувствованій, и повелъ все такимъ же робкимъ взглядомъ на безмолвно-внимавшую ему княжну. Она сидѣла, сложивъ руки, и глядѣла на него своими лазуревыми глазами съ невольнымъ, какъ могъ онъ замѣтить, любопытствомъ.

— Никакихъ предвзятыхъ намѣреній, никакихъ разсчетовъ, заговорилъ онъ опять,—не везъ я съ собою сюда, княж-

на. Я ѣхалъ съ мыслью... Я претендовалъ никакъ не болѣе какъ на то, чѣмъ вы дарите каждаго изъ окружающихъ васъ... малѣйшаго изъ тѣхъ, напримѣръ, кто вчера участвовалъ съ вами въ представленіи *Гамлета*... Никакого дальнѣйшаго притязанія у меня не было въ мысли, точно такъ же, какъ въ убѣжденіи моемъ не было за мною никакихъ исключительныхъ правъ на ваше вниманіе... Къ несчастію моему,—голосъ его звучалъ теперь чуть уже не отчаяніемъ,—я долженъ былъ убѣдиться, что съ первой же минуты моего появленія въ Сицкомъ вы составили себѣ самое невыгодное... самое оскорбительное для меня, смѣю сказать, понятіе обо мнѣ... Я вамъ представился, не правда-ли, княжна,—онъ какъ бы сквозь слезы улыбнулся,—чѣмъ-то въ родѣ того невѣдомаго и ненавистнаго жениха, котораго жестокій братъ навязываетъ Лучіи ди Ламмермуръ, когда ея сердце занято совершенно другимъ человѣкомъ,—вставилъ совершенно невиннымъ тономъ Анисьевъ,—и который такъ слѣпо и самодовольно улыбается на сценѣ въ своемъ бѣломъ атласѣ и кружевахъ?....

Она хотѣла отвѣтить какимъ-нибудь учтивымъ возраженіемъ—и не нашла: она именно видѣла въ немъ до сей минуты этого щеголя-жениха Лучіи „невѣдомаго и навязываемаго“ ей...

Онъ горячо заговорилъ опять, сопровождая слова свои движеніями рукъ соотвѣтственнаго, благороднаго характера:

— Я это понялъ, княжна, и уѣзжаю сегодня, чтобы не оставить въ васъ и тѣни сомнѣнія насчетъ неосновательности того, что въ вашей мысли соединялось тяжелаго и непріятнаго съ моею личностью... уѣзжаю, чтобы вамъ опять было жить совершенно легко и свободно... Я сейчасъ шелъ къ княгинѣ проститься, сказалъ онъ, помолчавъ и многозначительно отчеканивая каждое свое слово;—позвольте просить васъ отвѣтить мнѣ совершенно откровенно: полагаете-ли вы что, сообщивъ ей все то, что я сейчасъ имѣлъ честь передать вамъ, я могу этимъ послужить тому полному душевному успокоенію вашему, которое въ настоящую минуту составляетъ предметъ самаго горячаго моего желанія?

Лина почувствовала себя тронутою этимъ „рыцарствомъ“.

— „Послужите-ли“—не знаю, отвѣчала она съ невеселою улыбкой, — но скажите во всякомъ случаѣ и—примите мою искреннюю благодарность за доброе намѣреніе... и за прямоту вашихъ словъ... Но, графъ, промолвила она ласково,— зачѣмъ же послѣ этого уѣзжать вамъ такъ скоро, если вамъ нуженъ отдыхъ, и Сицкое кажется вамъ пригоднымъ для этого мѣстомъ?

Блестящій Петербуржецъ глянулъ на нее страстнымъ взглядомъ и тотчасъ затѣмъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, княжна, проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—это было бы свыше силъ моихъ: уйти—можно; видѣть и молчать нельзя!

Лина заалѣла:

— На это я ничего сказать вамъ не могу, тихо промолвила она и встала съ мѣста.

Онъ поспѣшно всталъ тоже и съ глубокимъ поклономъ и тѣмъ же, какъ бы разбитымъ отъ сдержаннаго чувства, голосомъ сказалъ:

— Мнѣ остается одно послѣднее слово, княжна: если приведетъ судьба встрѣтиться намъ опять, смѣю просить васъ видѣть во мнѣ человѣка, для котораго ваше счастіе будетъ всегда дороже его собственнаго, и который ничего такъ не желаетъ, какъ имѣть случай доказать это вамъ на дѣлѣ!...

— Вы уже многое доказали сегодня, чего я не въ правѣ забыть! сказала въ мгновенномъ порывѣ благодарности Лина.

Онъ вздохнулъ уже теперь слышно, во всю грудь:

— Княжна, прошепталъ онъ, — я уѣзжаю отсюда съ сокрушеннымъ сердцемъ, но уношу съ собою слова ваши, какъ высшее утѣшеніе... и лучшую награду за все, что я... Онъ не договорилъ, какъ-бы уже безсильный побороть свое волненіе, низко наклонился еще разъ предъ нею и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной по направленію лѣстницы... Онъ уходилъ, довольный собою такъ, какъ еще рѣдко случалось ему въ жизни...

— Неужели все это искренно? спрашивала себя въ свою очередь Лина,—и тихо закачала головой...

XVII.

Сцена другаго рода шла въ это время въ будуарѣ княгини Аглаи Константиновны между ею и ея деверемъ... Князь Ларіонъ начиналъ терять терпѣніе:

— Вотъ уже битыхъ полчаса, говорилъ онъ,—какъ я вамъ объясняю, что Hélène, что дочь ваша не безсловесное существо, не кукла, которую вы могли бы заставить садиться, пищать, ложиться или вѣнчаться съ такою же куклой, какъ дѣлаютъ это дѣти, по вашему произволу.

Аглая сидѣла, вся багровая и злая донельзя. Какъ ни рѣшительно намѣренъ былъ князь Ларіонъ, по обѣщанію своему Софьѣ Ивановнѣ, „постараться сумѣть“ въ разговорѣ съ любезною невѣсткой говорить съ ней такъ, чтобъ она „поняла“ и послушала,—но онъ былъ, дѣйствительно, не Зяблинъ: онъ не умѣлъ находить *подходящихъ* подъ ея пониманіе словъ, способныхъ произвести на нее впечатлѣніе и заставить ее уклониться отъ прямаго предмета ея хотѣнія, къ которому она, какъ рогатыя животныя, неслась неизмѣнно головой внизъ, не видя ничего по сторонамъ и топча подъ ногами съ безжалостною тупостью четвероногаго все, что ни попадалось ей при этомъ на пути. Въ каждомъ его даже самомъ спокойномъ, самомъ миролюбивомъ словѣ она инстинктивно чуяла нерасположеніе его, его глубокое пренебреженіе къ ней, къ ея понятіямъ, къ ея „породѣ“,— и чувствовала себя глубоко оскорбленною имъ. Она его боялась и ненавидѣла въ одно и то же время во глубинѣ своей, какъ выражался онъ, „рабской“ натуры, и цѣплялась тѣмъ упорнѣе за рѣшеніе свое

выдать дочь за графа Анисьева, что (какъ далъ это понять ей однажды „бригантъ“,) общественное положеніе этого предполагаемаго будущаго зятя ея должно было быть настолько же блестящимъ, насколько и положеніе ея beau frére, и что это давало ей возможность не нуждаться въ немъ болѣе, уйти отъ его гнета, отъ того, что, говоря о князѣ Ларіонѣ графинѣ Анисьевой въ Римѣ, она называла „l'insupportable tyrannie de son grand air“...

— Моя дочь упряма, отвѣчала она, хныча, на его слова,— et volantaire, comme l'était feu votre frère Michel, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie!...

— Ну, это еще не извѣстно, кто былъ несчастнѣе, вы или мой братъ, такъ и вырвалось на это у князя Ларіона.

— Я, я, j'ai rendu Michel malheureux? возопила, въ свою очередь, Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своихъ подушкахъ; — докажите это, докажите!...'

— Ничего я доказывать не стану, сказалъ онъ, сдерживаясь,—и готовъ даже признать, что вы были несчастнѣйшею женщиной въ свѣтѣ и заслуживаете поэтому всякой жалости и слезъ, участія, если вамъ угодно... Но, признавъ это въ ваше удовольствіе, я осмѣлюсь спросить васъ далѣе: то именно, что вы были несчастны сами, не должно-ли оно внушать вамъ самое горячее желаніе уберечь отъ такого же несчастія дочь вашу?

Аглая не поняла и захлопала глазами:

— Но о чемъ же я думаю, какъ не о ея счастіи, Larion?

— По-вашему, счастіе для нея—этотъ флигель-адъютантъ, а по ней — это смерть и гибель; какъ не хотите вы это понять?

— Mais ce n'est qu'un caprice de sa part, Larion. Почему бы ей было не любить ce charmant jeune homme qui a tout pour lui?

— „Tout“, презрительно сказалъ онъ, — кромѣ того, что нужно, чтобы заговорило сердце такого созданія, какъ Hélène... Впрочемъ, дѣйствительно, вамъ это не понять! проговорилъ онъ сквозь зубы, поспѣшно вставая съ мѣста и принимаясь

шагать по комнатѣ, какъ дѣлалъ онъ это всегда, когда одолѣвало его волненіе.

— И какъ она можетъ предпочитать ему ce petit monsieur de rien du tout, продолжала, не слушая, Аглая,—qui n'a aucune position pans le monde, и за котораго она теперь вздумала вдругъ выходить замужъ!... Развѣ можно позволить ей faire une mésalliance comme cela, Larion?

Онъ быстро повернулъ на нее изъ противоположнаго конца комнаты съ какимъ-то внезапнымъ нервнымъ порывомъ:

— Ну, да, ну, да, отрывисто, черезъ силу пропускалъ онъ слово за словомъ на-ходу,—предпочитаетъ, любитъ, обожаетъ!... И что же мы съ вами противъ этого сдѣлать можемъ!... Что про-тивъ э-то-го сдѣлать можно? съ какою-то злобой отчеканивалъ онъ. — Никакого тутъ „méssalliance“ нѣтъ, все это вздоръ и пустяки ваши, — онъ и по рожденію своему, и по воспитанію развѣ только въ вашихъ понятіяхъ не пара Hélène. Онъ молодъ, не *жилъ*,—вотъ единственное, что можно развѣ сказать противъ него... Но будь онъ и не то, что онъ есть, будь онъ негодяй, бездѣльникъ, отъявленный мерзавецъ, что же вы сдѣлаете, что сдѣлаете, повторилъ князь Ларіонъ неестественнымъ, крикливымъ голосомъ, — когда она его любитъ... любитъ... понимаете-ли вы, лю-битъ!

— Elle ne doit pas l'aimer, Larion! упершись какъ волъ въ стѣну, возглашала на это Аглая.

— „Ne doit pas“! повторилъ онъ ея интонаціей, совершенно выходя изъ себя; — ну, подите, помѣшайте, упросите или заставьте ее не любить, не думать, не страдать по немъ!... Ну, какъ, какъ, хотѣлъ бы я посмотрѣть, взялись бы вы за это?... Я знаю, вы способны на многое... но что же изъ этого? Ну, вы ее убьете, въ гробъ положите, а все же она за вашего селадона-іезуита въ аксельбантахъ не выйдетъ, а умретъ съ именемъ этого Гундурова на устахъ и въ сердцѣ... Господи, какъ бы вдругъ осиливъ себя, заговорилъ онъ другимъ, почти спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ, — да неужели все это не дается понять собственному вашему разсудку?... Ну, вы бы хоть на себѣ когда-нибудь испытали,

легко-ли сердце заставить отказаться отъ того, что его влечетъ... Не велика сравнительно жертва, а попробуйте, напримѣръ, отказаться отъ удовольствія пить съ утра до вечера чай съ господиномъ Зяблинымъ вдвоемъ, какъ вы это дѣлаете каждый день!...

Этого Аглая не ожидала и—не въ силахъ была вытерпѣть; слова деверя били ее по самому, чтобы не сказать единственному, чувствительному мѣсту ея толстокожаго существа: они задѣвали ея чувство къ „бриганту“, — а „бригантъ“ не на шутку состоялъ уже теперь на положеніи кумира въ сердечномъ храмѣ нашей княгини. Князь Ларіонъ и не думалъ, чтобы былъ такъ мѣтокъ нанесенный имъ ударъ... Она вся вдругъ облилась оцтомъ и желчью:

— Я не позволяю вамъ говорить со мною такъ, князь Ларіонъ! Michel умеръ, и никто не имѣетъ права говорить мнѣ des impertinences... Je suis veuve и я могу дѣлать, что хочу, pourvu qu'il n'y ait rien de scabreux... Я еще не старая женщина и, если захочу, je puis me remarier à monsieur Ziabline et avoir d'autres enfants, и тогда дѣтямъ вашего брата достанется только половина моего состоянія. Но я этого не хочу, parceque je ne veux pas changer de nom... Monsieur Зяблинъ est un vrai ami, и это правда, что онъ всегда пьетъ чай со мною, parce qu'il aime le чай comme moi, но между нами il n'y a pas du tout ce que vous croyez, и вы это нарочно говорите, чтобъ обижать меня, потому что сами вы, я знаю, amoureux fou de votre nièce, и не хотите, чтобъ она выходила замужъ...

Она не успѣла договорить... и вдругъ вскрикнула и съ ужасомъ на лицѣ откинулась въ спинку своего дивана...

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, наклонившись до уровня ея глазъ, и, блѣдный какъ смерть, съ исковерканными отъ гнѣва чертами шипѣлъ сквозь стиснутые зубы обрывающимся, бѣшенымъ голосомъ:

— Какъ смѣете это вы говорить! Кто сказалъ вамъ?... Это не ваше... Кто вамъ сказалъ?...

Она перепугана былъ такъ, какъ никогда еще въ жизни:

— Au nom du ciel, Larion, забормотала она, вся расте-

рянная,—не сердитесь!... Я ничего не хотѣла сказать вамъ... de désobligeant... Я только такъ, Larion...

— Кто вамъ сказалъ... Говорите! съ безумнымъ гнѣвомъ повторилъ онъ.

— Mon Dieu, Larion, за что̀ вы такъ сердитесь!... Vous aimez beaucoup Lina, это всѣ знаютъ... и если я даже сказала, что вы немножко... il n'y a pas de mal... потому что уже мущины не могутъ, ils font toujours du sentiment... Это Ольга мнѣ сказала, Larion, вдругъ такъ и выпустила она, сама не вѣдая какъ, подъ вліяніемъ неодолимаго страха, который внушалъ онъ ей въ эту минуту.

— А! сказалъ онъ, только выпрямляясь во весь ростъ,— эта дѣвчонка!...

Онъ нѣсколько минутъ затѣмъ, тяжело дыша и не спуская съ нея своихъ, полныхъ отвращенія и какой-то безконечной тоски, глазъ, оставался безмолвнымъ, какъ бы соображая что-то... Аглая подъ тяжестью этого взгляда не знала со своей стороны, куда дѣвать глаза, и металась грузнымъ тѣломъ своимъ по мягкому дивану, не находя себѣ на немъ мѣста.

— Послѣ того, что̀ вы сказали, молвилъ онъ наконецъ,— мнѣ слѣдовало бы немедленно выѣхать изъ вашего дома и никогда болѣе въ жизни не видать васъ... Я этого не сдѣлаю, не могу сдѣлать, потому я что нуженъ Hélène, *дочери брата моего*, подчеркнулъ онъ: — безъ меня вы ее дѣйствительно въ гробъ вгоните. А этого я вамъ не дозволю, пока живъ!... Но, оставаясь здѣсь, вы понимаете, что я не желаю встрѣчаться съ вашею... наушницей, съ этою презрѣнною дѣвчонкой... Вы попро̀сите ее сегодня же выбраться отсюда,— а не то я самъ ей скажу!...

— Mon Dieu, Larion, залопотала отчаяннымъ голосомъ Аглая,—но какъ же это сдѣлать?... Vous savez, что она сегодня вечеромъ должна играть на театрѣ... nôtre second spectacle... и у насъ гости...

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было,—дѣлайте, какъ знаете, а не то я самъ объ этомъ постараюсь, — хуже бу-

детъ... А Hélène, разъ она этого не желаетъ, за вашего Анисьева не выйдетъ,—знайте это разъ навсегда!

Онъ выговорилъ это медленно, отчетливо, спокойно, тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, который какъ бы и не предполагаетъ возможности возраженія — Аглаѣ и въ голову не пришло возражать,—и, не глядя на нее, обернулся и вышелъ изъ комнаты.

XVIII.

Никогда еще такъ угрюмо не проходилъ завтракъ въ Сицкомъ, какъ въ этотъ день. Отыгранный *Гамлетъ* словно унесъ съ собою и весь тотъ духъ оживленія и веселости, которымъ дышало до сихъ поръ молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Всѣ они какъ бы попріуныли, какъ бы поопустились. Слѣды вчерашней усталости читались на ихъ лицахъ, вмѣстѣ съ ощущеніемъ какой-то пустоты и того необъяснимаго, но неизбѣжнаго безпокойства, которое овладѣваетъ каждымъ изъ постороннихъ лицъ въ домѣ, гдѣ между хозяевами происходитъ что-то неладное, какъ бы ни скрыто оно было отъ чужихъ глазъ... А этимъ чѣмъ-то неладнымъ такъ и пахло теперь въ Сицкомъ. Непонятный отъѣздъ Надежды Ѳедоровны, о конечной цѣли котораго стало тотчасъ же извѣстнымъ во всѣхъ углахъ дома, отсутствіе княгини за завтракомъ, тоскливое настроеніе княжны Лины и ея дяди, сквозившее сквозь ихъ обычную привѣтливость и спокойный видъ, пустыя наконецъ мѣста за столомъ (многія изъ пріѣзжихъ дамъ еще обрѣтались въ объятіяхъ сна, а московскіе жёнпремьеры, какъ оказывалось, уѣхали съ ранняго утра въ городъ, пировать къ Шнабельбергу, съ тѣмъ, чтобы вернуться вечеромъ къ театру),—все это вмѣстѣ взятое претворялось въ нѣчто тяжелое, гнетущее, впечатлѣніе чего каждый чувствовалъ на себѣ, и чего никто какъ бы не имѣлъ силы стряхнуть и сбросить съ себя... Разговоръ не клеился, начинаемыя рѣчи тутъ же обрывались и смолкали... Одинъ, неизмѣнно все тотъ же, „фанатикъ“, ничего никогда не видѣвшій и въ умѣ не державшій, кромѣ „театрика“ и участія своего въ немъ, жадно пожиралъ блюдо за блюдомъ и мысленно улыбался

чаемому успѣху своему въ роли Синичкина, да успѣвшій проспаться послѣ попойки Толя Карнауховъ усердно опохмѣлялся портвейномъ, тараторя въ интервалахъ съ полусоннымъ еще дипломатомъ, промаявшимся все утро со своимъ катарромъ желудка.

Софья Ивановна Переверзина и Гундуровъ не сходили къ завтраку. Ашанинъ, явившійся къ нему ранѣе всѣхъ, въ надеждѣ поймать пріятеля и переговорить съ нимъ (онъ упрекалъ себя за то, что какъ бы позабылъ со вчерашняго вечера о его сердечныхъ интересахъ), сидѣлъ теперь между Духонинымъ и Факирскимъ, внимательно наблюдая за всѣмъ, что происходило кругомъ него. Онъ съ особымъ прилежаніемъ слѣдилъ за игрой физіономій княжны Лины и блестящаго флигель-адъютанта и, ничего не зная, разумѣется, о происшедшемъ у нихъ объясненіи, замѣчалъ не съ малымъ удивленіемъ, что между ними какъ бы вдругъ перемѣнились отношенія: она глядѣла на Анисьева почти ласково каждый разъ, когда онъ обращалъ къ ней рѣчь (ихъ отдѣляла тридцатилѣтняя московская княжна, занимавшая почетное мѣсто одесную хозяйки, представительницей которой была теперь Лина), сама нѣсколько разъ первая заговаривала съ нимъ... „Что же это значитъ?“ спрашивалъ себя Ашанинъ, съ невольною тревогой за Сергѣя, отсутствіе котораго здѣсь еще болѣе увеличивало его безпокойство...

Уже всѣ сидѣли за столомъ, когда въ комнату влетѣла Ольга Акулина, громко извиняясь... Капитанъ Ранцовъ, сидѣвшій какъ на иголкахъ въ ожиданіи ея, распустилъ все лицо свое въ широкую улыбку, повернувъ его къ ней, будто подсолнечникъ къ дневному свѣтилу... Ашанинъ поспѣшно опустилъ глаза въ тарелку.

Проходя мимо князя Ларіона, Ольга, по обыкновенію, почтительно присѣла предъ нимъ. Онъ отвѣтилъ ей такимъ холодно короткимъ поклономъ, что у нея и у Ашанина одновременно захолонуло сердце... „Боже мой, неужели онъ какъ-нибудь узналъ!“ пробѣжала у обоихъ та же мысль, и оба они мгновенно покраснѣли до ушей.

Ранцовъ покраснѣлъ тоже отъ негодованія за даму своего

сердца. Онъ повелъ злобнымъ взглядомъ по направленію князя и, перекинувъ его тотчасъ на барышню:

— Не прикажете-ли, Ольга Елпидифоровна? промолвилъ онъ своимъ густымъ басомъ, двинувъ порожній подлѣ него стулъ.

Предложеніе оказалось неудачнымъ: точно, показалось ей, хотѣлъ онъ заявить о своемъ покровительствѣ ей послѣ этого обиднаго отвѣта князя Ларіона на ея учтивость, и ей пуще отъ того стало обидно.

— Не каждый день праздникъ! проговорила она, высокомѣрно скользнувъ по немъ сердитымъ взглядомъ, и, пройдя мимо, опустилась на свободный стулъ по другой сторонѣ графа Анисьева.

— Можно? спросила она его, сопровождая вопросъ соотвѣтствующимъ „глазенапомъ“.

— Помилуйте!... вскинулся онъ, учтиво кланяясь и улыбаясь.

Бѣдный капитанъ такъ и захолодѣлъ отъ тоски и ревности...

— А гдѣ же maman, Лина? громкимъ голосомъ произнесла барышня, обращаясь къ княжнѣ (у нея скребли кошки на душѣ, и тѣмъ болѣе старалась она скрыть это подъ своимъ самоувѣреннымъ тономъ).

— У нея голова болитъ, она не сойдетъ.

— Я такъ заспалась сегодня, послѣ бала, не успѣла зайти къ ней предъ завтракомъ... А вы рѣшительно таки ѣдете сегодня, или перемѣнили? полушопотомъ спросила своего сосѣда Ольга, развертывая салфетку.

— Ѣду, въ два часа, сказалъ флигель-адъютантъ.

— Какъ вамъ писать, если-бъ это потребовалось? еще тише пропустила она.

— Потомъ! чуть слышно и торопливо отвѣтилъ онъ, приглашая ее взглядомъ къ молчанію.

Она замолчала, прищурившись оглянула столъ кругомъ и обратясь къ сидѣвшему по другой ея сторонѣ Шигареву:

— Что это насъ такъ мало сегодня? Куда вся вчерашняя компанія дѣвалась?

— Кто у Сопикова, а кто у Храповицкаго, а кто въ Отъѣзжій полкъ, въ Удиральскую роту записался, отвѣчалъ шутъ.

— Ахъ, какъ это старо! уронила свысока барышня, поморщившись,—вы бы что-нибудь новое придумали!

— Нельзя, отвѣтилъ онъ, вытягивая неестественно-длинное лицо,—постъ насталъ, послѣ кутежа—кутья.

Она засмѣялась:

— Вотъ это правда; такія у всѣхъ лица сегодня, будто за поминальнымъ обѣдомъ... Надѣюсь, что не такія они будутъ сегодня вечеромъ, на нашемъ торжествѣ съ вами, а?... Иванъ Ильичъ, крикнула она черезъ столъ Вальковскому,—будетъ у насъ утромъ репетиція?

— Непреложно сварганимъ! отпустилъ въ отвѣтъ тотъ, отваливая себѣ полную тарелку грибовъ.

У самаго уха барышни зашепталъ въ эту минуту таинственно докладывавшій голосъ:

— Ихъ сіятельство княгиня Аглая Константиновна приказали просить васъ, какъ изволите откушать, немедленно пожаловать къ нимъ.

Ольга невольно вздрогнула и отъ неожиданности, и отъ новой тревоги; та же мысль, что о ея свиданіи съ Ашаниным могло быть кѣмъ-нибудь доведено до хозяевъ дома, ходуномъ заходила теперь въ ея головѣ... Но она никому не дала замѣтить своего смущенія, улыбнулась, сказала черезъ плечо слугѣ: „хорошо, сейчасъ буду“,—и, повернувъ голову къ флигель-адъютанту сказала ему, шутливо:

— Княгиня рѣшительно безъ меня жить не можетъ,—сейчасъ прислала просить къ себѣ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, живо сказалъ тотъ,—позвольте мнѣ просить васъ узнать отъ княгини, когда дозволитъ она притти къ ней проститься.

— Непремѣнно, графъ, и приду съ отвѣтомъ... Лина, pardon, я ухожу къ вашей maman, сказала она, подымаясь тутъ же.

Аша[illegible] едва кончился завтракъ, побѣжалъ на верхъ, къ

XIX.

— Милочка моя, княгинюшка, прелесть моя, вбѣгая въ будуаръ княгини, щебетала Ольга Елпидифоровна обычные ей ласкательные эпитеты по адресу своей покровительницы, стараясь придать голосу своему и наружности выраженіе полной беззаботности и веселости,—вы за мной посылали! Какъ вамъ не стыдно! Неужели вы думаете, что я бы сама... Но я ужасно заспалась сегодня, не успѣла еще... Княгинюшка моя, голубушка!...

И она съ разбѣга кинулась обнимать и лобызать ее.

Цѣлованья эти приходились повидимому по вкусу Аглаѣ Константиновнѣ: она только подставляла подъ свѣжія губы барышни то одну щеку, то другую, прищуривая при этомъ одинъ за другимъ круглые глаза свои и отвѣчая на каждый получаемый ею звонкій поцѣлуй не менѣе звонкимъ вздохомъ.

— Голубушка моя, княгинюшка, вскликнула Ольга,—вы рѣшительно не здоровы! У васъ голова болитъ,—да?... Вы такъ вздыхаете... Что съ вами?...

— Ты меня спроси, какъ я еще на ногахъ держусь послѣ всего, что я вынесла! забывая даже сказать это по-французски,—такъ глубоко сидѣло въ ней огорченіе,—отвѣтила на это княгиня.

— Боже мой, что же такое случилось?

— Lina et mon cher beau-frère ont décidé de me faire mourir de chagrin!... И Аглая разразилась слезами...

Послѣдовало объясненіе,—объясненіе подробное, безтолко-

вое, нестерпимое, со вставкой въ него всякихъ аховъ, возгласовъ и посторонних подробностей, въ которомъ на одномъ и томъ же планѣ стояли, какъ величины равномѣрныя, и „désobéissance“ Лины, которую „эта madame Pereverzine et son neveu qui est un sant-culotte“ совсѣмъ съ ума свели, и огромный счетъ въ douze mille francs за вчерашній день, и воспоминанія объ „infidélités“ князя Михайлы, и „trois cent mille de dettes“ (то-есть, trois cent mille roubles)“, приписываемые „au jeune comte par cette princesse Dodo qui est si méchante“, и „cette folle de Надежда Ѳедоровна, влюбившаяся на старости лѣтъ въ Гундурова, и на мѣсто которой Аглая теперь не знаетъ, кого взять, и наконецъ „Larion“, который наговорилъ ей такихъ „impertinences“ за то, что она любитъ „prendre le thé avec monsieur Зяблинъ“, какихъ она въ жизнь свою никогда еще не слыхала, и даже „il y avait un moment“, когда она „совсѣмъ думала, что онъ прибьетъ ее“...

Ольга слушала, старательно изображая на лицѣ своемъ вниманіе самаго сочувственнаго свойства, и говоря себѣ мысленно въ то же время, что на мѣстѣ князя Ларіона она дѣйствительно „поколотила бы эту несносную дуру“, отъ разсказовъ и жалобъ которой у нея начинало уже нестерпимо ныть подъ ложечкой... Но во всемъ этомъ было то хорошо, что о ней и объ Ашанинѣ не было рѣчи, что опасенія ея такимъ образомъ оказывались неосновательными...

Какъ же выразить изумленіе и ужасъ нашей барышни, когда въ заключеніе слезнаго повѣствованія Аглаи Константиновны о ея горестяхъ услыхала она слѣдующія слова:

— И онъ (то-есть князь Ларіонъ) прямо, en toutes lettres, объявилъ мнѣ, уходя, что онъ не хочетъ, чтобы Лина épouse le jeune comte, что онъ этого мнѣ не позволитъ... понимаешь ты это? не позволитъ à moi, sa mère, qui l'ai mise au monde!.. и также то, что ты должна уѣхать отсюда.

Ольга въ первую минуту не повѣрила ушамъ своимъ:

— Что вы сказали? Я... уѣхать?...

— Да, сегодня же, il l'éxige, ma chère! повторила, утирая глаза, княгиня.

„Все знаютъ!“ громовымъ ударомъ отозвалось у барышни въ самой глубинѣ ея существа...

Но она не склонила головы подъ этимъ ударомъ, она надменно подняла ее, напротивъ, и, глядя на хозяйку во всѣ глаза:

— За что же наносится мнѣ это оскорбленіе? твердо проговорила она;—чѣмъ я провинилась, можно узнать?

— Это онъ за то возненавидѣлъ тебя, ma chère, захныкала та ей въ отвѣтъ,—что ты говоришь про него, что онъ amoureux fou de sa nièce...

Ольга такъ и вскочила, всплескивая руками:

— Но кому же, кому же я когда-нибудь это говорила?... Вѣдь никому на свѣтѣ, кромѣ васъ одной... изъ моей преданности къ вамъ... Кто же могъ сказать это ему?

Аглая захлопала глазами, какъ бы удивляясь такому вопросу:

— Я, Ольга, c'est moi qui le lui ai dit; онъ требовалъ непремѣнно, чтобъ я сказала ему, кто мнѣ сказалъ про это, я и сказала...

— Вы! вы рѣшились!... Такъ вы забыли, что я умоляла васъ не говорить... что это можетъ повредить мнѣ, отцу моему... и вы клялись, божились на образа, что никто не узнаетъ... И вы теперь...

— Mon Dieu, Olga, comme tu es drôle, перебила ее недовольнымъ тономъ Аглая Константиновна,—конечно, je t'ai juré, что я ему не скажу, но я тебѣ говорю, что онъ былъ такой злой, что я думала un moment qu'il allait me battre; я ему и сказала.

Ольгѣ стало вдругъ такъ гадко, что потокъ упрековъ, готовый сорваться съ ея языка, мгновенно стихъ и замеръ на ея устахъ. Она пристально и враждебно взглянула еще разъ на эту тупую и безсердечную женщину и засмѣялась язвительнымъ, не добрымъ смѣхомъ:

— Я, конечно, не останусь ни часу долѣе въ вашемъ домѣ, княгиня, но вы знаете, что я должна была играть вечеромъ на театрѣ, что изъ-за этого у васъ до сихъ поръ здѣсь гости, публика. Какъ же вы велите мнѣ отвѣчать,—вѣдь всѣ

спрашивать станутъ,—почему этого спектакля не будетъ, и отчего я уѣзжаю? Можетъ быть, такъ и говорить всѣмъ прикажете, что князь Ларіонъ Васильевичъ выгоняетъ меня отсюда потому, что онъ влюбленъ въ свою племянницу, и употребляетъ всѣ средства, чтобъ она не выходила замужъ, что я это замѣтила и предварила васъ объ этомъ изъ дружбы, а вы поспѣшили выдать меня ему, испугавшись, что онъ васъ прибьетъ за то, что вы любите пить чай съ господиномъ Заблинымъ? Вѣдь изъ того, что вы мнѣ сказали, такъ, кажется, выходитъ?...

Не одинъ „Калабрскій бригантъ“ умѣлъ, какъ видно, говорить съ нашею княгиней: слова барышни доняли ее, что называется, доживья. Ей сразу представилось, что изо всего этого можетъ выйти „une histoire affreuse“, сплетня, говоръ, скандалъ, который можетъ дойти „jusqu'à Pétersbourg“, что князь Ларіонъ „qui n'est plus en faveur, mais qui a toujours une grande position dans le monde“, захочетъ тогда оправдаться и отомстить ей, и можетъ въ такомъ случаѣ написать „une lettre confidentielle à Sa Majesté l'Empereur“ про отношенія ея къ Зяблину,—словомъ, ужасы неописанные!...

Она отчаянно замахала обѣими руками:

— Что ты, что ты, Ольга, mais tu es tout à fait folle!... Ты, ты хочешь всѣмъ разсказывать! Развѣ ты не знаешь, что dévoiler des secrets de famille—c'est un crime, Olga!

Злое чувство засверкало въ глазахъ барышни: ей любо было потѣшиться этимъ испугомъ, который внушала она своей „предательницѣ“...

— Это ваши тайны, а не мои, хихикнула она, — мнѣ-то изъ-за чего ихъ хранить? Меня выгоняютъ отсюда; какъ же мнѣ отвѣчать, когда спросятъ меня, за что? Солгать что-ли на себя самое, поклепъ какой-нибудь взвести, сказать, что я въ вашемъ домѣ неприличное что-нибудь сдѣлала, не это-ли еще прикажете? дерзко промолвила она, совершенно успокоенная теперь насчетъ собственной тайны, и почерпая въ этомъ необыкновенную смѣлость: — ужь не пожертвовать-ли вамъ, въ благодарность за поступокъ вашъ со мною, моею репутаціей de jeune personne comme il faut?

Аглая захныкала въ десятый разъ съ утра:

— Mais, mon Dieu, Olga, ты очень хорошо знаешь, что это не я, а Larion, что я тебя, au contraire, всегда любила, потому что ты une fille d'esprit et aimable... И я ему говорила, что ты сегодня должна играть et qu'on ne peut pas te renvoyer aujourd'hiu, но онъ ничего слышать не хочетъ!

— Очень вамъ благодарна за такое предстательство, отвѣтила тѣмъ же язвительнымъ тономъ барышня,—и очень жалѣю, что оно ни къ чему не повело; вы видите поэтому, что мнѣ ничего не остается, какъ разсказывать все, какъ есть.

— Mais c'est impossible, Olga, tout à fait impossible! вскрикнула Аглая Константиновна;—что будутъ говорить про меня... и про всѣхъ... et puis Larion мнѣ бы этого никогда не простилъ... Послушай, Ольга, вдругъ осѣнилась она блестящею мыслью,—я знаю, что ты une pauvre fille, и что, когда ты не будешь жить у меня, ты много потеряешь... pour la toilette et le reste, что я тебѣ давала. Но я тебя не оставлю... я готова даже сейчасъ... j'irai jusqu'à mille roubles, ma chère; съ внезапнымъ азартомъ выговорила Аглая,—только найти средство d'éviter le scandale?...

— Деньги! вскрикнула Ольга, вся задрожавъ отъ негодованія,—вы предлагаете мнѣ деньги, „mille roubles!...“ Да скажите пожалуйста, княгиня, за кого же вы меня почитаете?... Я могла принимать отъ васъ все, когда я была у васъ въ домѣ своя, un enfant de la maison,—я себя, по крайней мѣрѣ, почитала такою. А вы меня предали и гоните теперь вонъ, какъ собаченку какую-нибудь, и чтобъ я не говорила, за что вы мнѣ сулите деньги... Знаете, княгиня, это мнѣ просто смѣшно,—и она, дѣйствительно, захохотала нервнымъ, пронзительнымъ смѣхомъ,—у меня черезъ мѣсяцъ у самой будетъ сорокъ тысячъ дохода, такъ вотъ мнѣ что ваши „mille roubles!“ Можете ихъ отдать, кому угодно... хоть тому самому, съ кѣмъ вы пьете чай съ утра до вечера; ему, можетъ-быть, они нужны, а мнѣ не надо!...

Аглая Константиновна была до того поражена этою нежданною выходкой, что ничего даже сообразить не могла. Это

было нѣчто совершенно невѣроятное для нея и по смыслу рѣчей, и по дерзости ихъ. „La fille de l'исправникъ!“ неслышно бормоталъ только языкъ ея...

А у нея, у этой „fille de l'исправникъ“ были козыри въ рукѣ,—и она это понимала. Изгнаніе ея изъ Сицкаго рѣшало ея судьбу... Она могла колебаться, откладывать до этой минуты; теперь же все было кончено и рѣшено въ ея живой и сообразительной головѣ, планъ начертанъ, исполненіе въ ея волѣ... Она заговорила коротко, рѣзко, чуть не повелительно:

— Вы, княгиня Шастунова, насплетничали на бѣдную дѣвушку и теперь боитесь, чтобъ она вамъ не надѣлала скандала,.. „mille roubles“ готовы дать, чтобъ его не было... Извольте, скандала не будетъ... и рубли ваши въ карманѣ у васъ останутся, презрительно промолвила Ольга. — И не для васъ я это дѣлаю, прямо говорю, а для отца моего, на службѣ котораго это могло бы отозваться... Да и то!—И она высокомѣрно качнула головой.—Однимъ словомъ, скандала не будетъ, потому что *я* не хочу. Но для этого вы должны сдѣлать то, что̀ я вамъ скажу.

Аглая Константиновна продолжала глядѣть на нее, непомѣрно расширивъ зрачки и рѣшительно не чувствуя себя въ состояніи понять, какъ эта „дѣвчонка“, состоявшая у нея на побѣгушкахъ, „une autre Надежда Ѳедоровна comme position“,—какими чудесами преобразилась она вдругъ въ эту дерзкую, рѣшительную, „командующую ей“ особу... И эти „сорокъ тысячъ дохода“, о которыхъ она говоритъ... откуда это, что̀?... „Во снѣ это или на яву я слышу?“ проносилось въ головѣ Аглаи.

А въ то же время она чувствовала себя въ полной власти этой особы.... Ей бы слѣдовало окрыситься, протестовать противъ этой „insolence“, смутно сказывалось въ ея сознаніи, слѣдовало remettre cette donzelle à sa place“... А она, безпомощно ворочая зрачками и не отводя ихъ отъ барышни, могла только выговорить робко и покорно:

— Что̀ же я должна сдѣлать, Ольга?..

— Скажитесь больной не на шутку, лягте въ постель, „закомандовала“ тотчасъ та,—прикажите даже, чтобы посла-

ли за докторомъ въ городъ, — онъ самъ въ постели второй мѣсяцъ и не будетъ, — все равно, всѣ будутъ знать... Вы скажете, что вамъ очень хочется видѣть нашъ спектакль, но такъ какъ вы не можете на немъ быть, то вы просите отложить его на нѣсколько дней... Съ гостями вашими жениро-ваться вамъ очень не для чего: изъ важныхъ ужь никого нѣтъ, нѣкоторые мущины только... вашъ молодой графъ уѣз-жаетъ сегодня утромъ, я знаю... Я съ своей стороны скажу, что охрипла, и что мнѣ нужно съ отцомъ въ городъ дня на два. А въ это время и остальные отсюда разъѣдутся... да и мнѣ самой будетъ уже не до спектакля, многозначительно протянула Ольга;—такимъ образомъ никто ничего не будетъ знать, и мы разойдемся съ вами, какъ порядочные люди.

— Mais, Olga, ma chère, жалобнымъ голосомъ пискнула вдругъ Аглая Константиновна, — мнѣ очень скучно будетъ лежать въ постели, si je t'écoute!...

— Вы предпочитаете „скандалъ"? коротко отрѣзала на это барышня.

Аглая испуганно заерзала на своемъ диванѣ.

— C'est vrai, что я сегодня въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ, со-всѣмъ больна отъ всѣхъ этихъ сценъ, заговорила она, какъ бы вспомнивъ вдругъ, и тутъ же взялась за платокъ — ути-рать чаемыя слезы, — le repos me fera du bien... Mais, Olga, ma chère, я не могу никого не принимать, мнѣ нужно... Le jeune comte, par exemple, долженъ быть ко мнѣ проститься.

— Да, сказала Ольга, — онъ меня даже просилъ сказать вамъ и ждетъ, когда я приду съ отвѣтомъ... Этому я сама скажу, что̀ нужно... А если monsieur Зяблинъ будетъ при-ходить къ вамъ чай пить,—она взглянула на княгиню и свы-сока улыбнулась,—такъ это тѣмъ лучше: онъ, выходя отсюда, будетъ такъ усердно испускать вздохи, что напугаетъ каждаго насчетъ вашего здоровья.

Аглая опустила глаза не то стыдливо, не то самодоволь-но. Страхъ „скандала" нисколько не мѣшалъ тому сюсюкаю-щему чувству нѣжнаго томленія, которое неуклонно испыты-вала сорокалѣтняя барыня при одной мысли о страсти къ ней „бригата"...

— А теперь прощайте, княгиня, молвила вставая Ольга,— примите мою благодарность за всѣ ваши ко мнѣ милости, прошедшія и *настоящія*, подчеркнула она съ короткимъ, ироническимъ смѣхомъ.—Лину поцѣлуйте, если я ея не увижу... ей теперь не до меня, я знаю!... А князю Ларіону Васильевичу посовѣтуйте поостыть немножко, — въ его годы юношескій жаръ никуда не годится...

— Olga, ma chère, воскликнула на эти слова, какъ бы внезапно проснувшись, Аглая Константиновна,—il doit t'être arrivé quelque chose de très heureux, что ты вдругъ стала говорить теперь avec tant d'assurance?

— Можетъ-быть... Не увидите, такъ услышите! громко засмѣялась на это барышня, поклонилась и вышла.

XX.

Въ первой гостиной застала она графа Анисьева; онъ, опустивъ голову и крутя усы, въ раздумьи ходилъ, въ ожиданіи ея, по комнатѣ.

— Княгиня одна, можете итти къ ней, графъ, сказала Ольга съ порога.

— Какой сеансъ у васъ былъ продолжительный! молвилъ онъ, подходя и улыбаясь.

— Да, отвѣтила она, улыбаясь тоже,—продолжительный... и рѣшительный,—для меня, по крайней мѣрѣ.

— А что?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Уѣзжаете!...

— Съ тѣмъ, чтобы никогда сюда не возвращаться.

На лицѣ флигель-адъютанта изобразилось изумленіе и какое-то безпокойство.

— Что же это... ссора? проговорилъ онъ уже шопотомъ.

Ольга помолчала чуть-чуть, глянула ему въ лицо...

— Я вамъ скажу, потому что это вамъ, я думаю, пригодиться можетъ, начала она, озираясь затѣмъ;—моего отъѣзда требуетъ этотъ противный старикашка, князь, дядя Лины... Онъ, надо вамъ сказать, препламенный... онъ и за мною одно время ухаживалъ... Только главная его страсть—княжна... вы можете вообразить, родная племянница!... И онъ теперь рветъ и мечетъ, и всякія средства употребляетъ, чтобъ она ни за кого не вышла замужъ, ни за васъ, ни за этого Гундурова... Я это давно замѣтила, и когда княгиня

мнѣ говорить о васъ,—еще далеко до вашего пріѣзда сюда,—я ее предварила объ этомъ, и что онъ навѣрное будетъ отсовѣтывать и возбуждать Лину противъ васъ. Все это, разумѣется, я говорила ей подъ величайшимъ секретомъ, и она клялась и божилась не выдавать меня... И вдругъ по своей непроходимой глупости и трусости,—вы, я думаю, сами поняли, что̀ это за женщина!—она возьми, да и бухни все это прямо въ лицо князю, который сказалъ ей что̀-то насчетъ этого ея *protégé*, Зяблина, лукаво подчеркнула барышня, — и тутъ же испугалась и выдала меня руками и ногами... Онъ само собою разсвирѣпѣлъ... И вотъ я, какъ Агарь,—кажется ее Агарью звали, эту, которую прогнали, вы знаете, въ Священномъ Писаніи?—удаляюсь теперь въ пустыню...—И Ольга Елпидифоровна весело засмѣялась.—Да, вотъ еще: Гундуровъ этотъ чрезъ свою тетку просилъ сегодня руки княжны, но ему самымъ рѣшительнымъ образомъ отказали... Впрочемъ, старуха вамъ это, навѣрное, все сама подробно разскажетъ... А я передаю вамъ главное, для того, чтобы вы на всякій случай взяли къ свѣдѣнію...

— Возьмемъ-съ, возьмемъ-съ... какъ бы про себя проговорилъ петербургскій воинъ, прослушавшій весь этотъ разсказъ, то сжимая, то разжимая брови, согласно съ тѣми соображеніями, какія вызывалъ онъ въ его хитродумной мысли;—а теперь... началъ было онъ, подымая на барышню вопросительный и какъ бы вдругъ просвѣтлѣвшій взглядъ...

— А теперь, подхватила она налету, — вашъ адресъ въ Петербургѣ?

— Моховая, домъ Слатвинскаго...

— Вы позволите мнѣ, когда я буду въ Петербургѣ, прислать вамъ сказать, что я пріѣхала?

— Помилуйте, я буду счастливъ... Но развѣ вы думаете?..

Она взглянула еще разъ ему въ глаза своимъ долгимъ, возбудительнымъ взглядомъ:

— Я думаю поступить по вашему совѣту, медленно выговорила она.

Онъ въ первую минуту не вспомнилъ...

въ мазуркѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ!...—Глаза его внезапно загорѣлись.— Что же, это прелестно, Ольга Елпидифоровна, умно...

— „Прелестно“ — не знаю... „умно“ — вѣроятно... когда другаго пути нѣтъ, проронила она, подавляя вздохъ. — Во всякомъ случаѣ, за совѣтъ спасибо! И она ему протянула руку.

Онъ, какъ вчера, быстро и осторожно оглянулся, схватилъ обѣими своими эту полную, свѣжую, красивую руку и приникъ къ ней выше кисти горячими и жадными губами...

— Совѣтникъ всегда къ вашимъ услугамъ, прошепталъ онъ, — можетъ-ли разсчитывать онъ и впередъ на подобныя награды?

— Какъ знать, чего не знаешь! смѣясь, отвѣтила Ольга довольно вульгарною фразой, отъ которой изящнаго флигель-адъютанта чуть-чуть покоробило опять.—А вотъ что, графъ, сказала она, отымая у него свою руку и кивая головой черезъ плечо на аппартаментъ княгини, — эта умная женщина ужасно боится, чтобъ я не разсказала всѣмъ этихъ ея „secrets de famille“; такъ мы положили такъ, что она скажется больною, ляжетъ даже въ постель, сегодняшній спектакль будетъ отмѣненъ, и я подъ этимъ предлогомъ уѣду домой безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ... Вы поняли?

— Совершенно! многозначительно улыбнулся на это смѣтливый Петербуржецъ: — вернувшись отъ княгини, я скажу всѣмъ, что нахожу ее весьма серіозно занемогшею и что не дурно было бы послать за докторомъ...

— Ахъ, какой вы умный, право, прелесть! воскликнула барышня, — я только-что объ этомъ именно хотѣла просить васъ сейчасъ... Ну, прощайте, графъ, мы съ вами вѣроятно здѣсь болѣе не увидимся,—я ранѣе васъ отсюда уѣду.

— Но въ Петербургѣ? спросилъ онъ тихо, не отрываясь глазами отъ ея соблазнительнаго облика.

— Тамъ непремѣнно.

— Скоро?

— Осенью, къ открытію италіянской оперы, сказала она, какъ вещь порѣшенную.

— Надо бы вамъ пораньше... устроиться... Напишите, ког-

да соберетесь,—мы постараемся соорудить вамъ un petit coin de paradis terrestre...

Онъ наклонился было еще разъ къ ея рукѣ, но она быстро откинула ее отъ него за спину, присѣла передъ нимъ большимъ, оффиціальнымъ, институтскимъ реверансомъ,—и со словами: „хорошенькаго понемножку!“ выбѣжала, не оглядываясь на него, изъ гостиной.

Она спускалась съ лѣстницы, когда снизу раздался грубый голосъ „фанатика“.

— Что это вы тамъ балуетесь пусто, ждать васъ только приходится всегда! На репетиціи ужь всѣ!...

— Репетиція тю-тю! засмѣялась на это Ольга, прыгнувъ чрезъ ступеньку.

— Что-ѳ?!...

— И спектакль—фюить! свистнула она, прыгая чрезъ другую.

Вальковскій однимъ прыжкомъ очутился на ступени рядомъ съ барышней.

— Вы меня морочить, аль что! Говорите толкомъ! забормоталъ онъ шипящимъ голосомъ.

— Безъ шутокъ, княгиня заболѣла, въ постели, сойти не можетъ, спектакль отмѣняется.

— До коихъ поръ?

— А когда выздоровѣетъ, должно быть.

— Такъ она, можетъ, въ постели-то, и Богъ знаетъ сколько, проваландаться вздумаетъ! рявкнулъ „фанатикъ“.

— А этого ужь я не знаю, равнодушно проговорила Ольга Елпидифоровна, сходя въ сѣни.

Онъ очутился опять рядомъ съ нею.

— Такъ вѣдь до того разъѣдутся всѣ... Безъ публики играть что-ли будемъ!...

Она только плечами пожала и вышла на крыльцо.

Онъ звѣрски глянулъ кругомъ себя, какъ бы ища предмета, на которомъ могъ бы сорвать свою злость, и не найдя ничего, повидимому, швырнулъ на полъ фуражку, которую держалъ въ рукѣ, и бѣшено, съ какимъ-то дикимъ, волчьимъ рычаніемъ принялся топтать ее ногами...

— Бабы—куриный народъ! можно было только разслышать.

— Что тамъ такое? быстро обернулись на этотъ вой Духонинъ и Факирскій, стоявшіе на крыльцѣ, любуясь только что въѣхавшею во дворъ лихою, подобранною стать ко стати тройкой гнѣдыхъ въ золоченыхъ и звенящихъ бляхахъ поямщицки, запряженною въ щегольской съ иголочки небольшой тарантасъ, съ молодымъ русобородымъ кучеромъ въ грешневикѣ набекрень, убранномъ павлиньими перьями, и черной плисовой безрукавкѣ на красной шелковой рубахѣ навыпускъ...

— А это Левъ Гурычь Синичкинъ собственною особой панихиду себѣ поетъ, отвѣтила на вопросъ, расхохотавшись, Ольга, между тѣмъ какъ Вальковскій, ни на кого не глядя, проносился мимо ихъ съ лихорадочно блуждавшими глазами, направляясь къ театральному флигелю...

Барышня передала двумъ пріятелямъ о болѣзни княгини, объ отмѣнѣ спектакля.

— Я очень рада этому, что меня касается, промолвила она:—вообразите, выходя отъ княгини сейчасъ, я попробовала сдѣлать руладу, и ни-ни, совсѣмъ голоса нѣтъ.... Это Чижевскій вчера, послѣ мазурки, вздумалъ въ садъ всѣхъ повести, въ сырость,—не трудно простудиться... Хорошо бы я пѣла сегодня вечеромъ!... Я хочу воспользоваться этимъ и къ себѣ въ городъ съѣздить... Что, отецъ мой здѣсь?

— Нѣтъ, не видать, сказалъ Духонинъ;—вѣдь онъ графа провожать поѣхалъ.

— И говорилъ мнѣ, что вернется сегодня къ завтраку, сказалъ въ свою очередь Факирскій;—задержали, видно...

— А это чьи лошади? спросила Ольга, прищурившись на гремѣвшую бубенцами своими и бляхами тройку на дворѣ:—пріѣхалъ кто или уѣзжаетъ?

— Это Ранцова тройка, отвѣтилъ студентъ, продолжая любоваться;—прелесть запряжка, не правда-ли, Ольга Елпидифоровна?

— Капитана? протянула она,—куда же это онъ?

— Къ себѣ, въ Рай-Никольское.

— Для чего такъ?

— Не знаю. Послѣ завтрака разомъ собрался и велѣлъ запрягать.

Барышня громко разсмѣялась опять.

— Это онъ съ досады на меня за то, что я не хотѣла сѣсть подлѣ него за столомъ. Уморительный!... А онъ мнѣ именно теперь нуженъ, сказала она тутъ же серьезнымъ тономъ.—Семенъ Петровичъ, будьте такъ добры, сходите за нимъ и скажите ему, чтобъ онъ сейчасъ же приходилъ въ садъ; я буду ждать его тамъ у фонтана.

— А если онъ спроситъ, для чего, засмѣялся Факирскій,— какъ отвѣтить: для головомойки, или для поощренія?

Ольга засмѣялась тоже:

— Скажите только, что раскаиваться не будетъ!

XXI.

Какъ будто чуетъ жизнь двойную,
И ей обвѣяна она.

Фетъ.

Хорошо было въ саду, подъ развѣсистымъ кленомъ, на той каменной скамьѣ у фонтана, на которой, глубоко задумавшись, сидѣла теперь наша барышня въ ожиданіи капитана... Капризными, перебѣгающими узорами ложились кругомъ нея свѣтъ и тѣни на красный песокъ дорожекъ, на густую зелень нескошенныхъ травъ; полуденные лучи, будто играя и радуясь, разбивались радужными брызгами въ пыли высоко бившаго предъ нею водомета. По горячей лазури неба бѣжали веселыя бѣлыя облачка, съ опаловыми отливами краевъ... Природа ласкала, нѣжила, убаюкивала, словно звала она все живущее уйти въ безбрежную ширь божественной красы своей и покоя...

Ольга сидѣла, охваченная неожиданно этою таинственною, обаяющею силой... Мысль какъ-бы замерла въ ней. Она знала, что ей надо было думать о чемъ-то очень для нея рѣшительномъ и важномъ, — и не могла... Нервы ея, крайне возбужденные чрезмѣрнымъ расходомъ энергіи, только что потраченной ею, какъ-бы распускались теперь въ ощущеніи какого-то страннаго самоотчужденія. Предъ нею бѣжали картины, воспоминанія едва пережитой ею дѣйствительности, и это была для нея теперь будто чья-то посторонняя дѣйствительность, чей-то давно прочтенный, не интересный для нея романъ. Сцена съ княгиней, минувшая ночь съ извѣданными ею впервые безумными ласками, погромъ надеждъ, которыми долго жила она, новая, возникающя

будущность, — все это сливалось во что-то, чего значеніе было какъ-бы чуждо и не нужно ей, и проносилось мимо нея, какъ случайная пѣна струи, уносимой теченіемъ... И ново, и жутко, и сладко было для нея это внезапное ощущеніе безучастія, оцѣпенѣнія личной жизни, и будто цѣлая вѣчность, казалось ей, уже успѣла пройти между этимъ и тѣмъ чѣмъ-то мимо-бѣгущимъ и „ненужнымъ“...

Заскрипѣвшіе по песку шаги пробудили ее на половину... Она медленно, неохотно, повернула голову...

Капитанъ Ранцовъ робко приближался къ ней, облеченный въ свѣтлыя лѣтнія ткани и голубой галстукъ, и въ фуражкѣ съ краснымъ военнымъ околышемъ надъ гладко причесанными висками.

Все разомъ вернулось въ голову Ольги... „Вотъ она опять жизнь!...“ Она глубоко вздохнула и провела по лицу рукой.

Но помириться съ такимъ пробужденіемъ она въ первую минуту была не въ силахъ. Не благосклоненъ былъ взглядъ, которымъ взглянула она на своего пламеннаго обожателя.

— Вы опять въ этой фуражкѣ! встрѣтила она его этими словами;—сколько разъ говорила я вамъ, что одно изъ двухъ, или военное, или штатское, а что при партикулярномъ платьѣ носить эту штуку на головѣ — въ высшей степени mauvais genre!

— И не ношу никогда-съ, окромя въ вояжъ, если ѣхать куда-нибудь, конфузливо и печально отвѣтилъ на это онъ, стоя предъ нею съ опущенными глазами.

— А вы хотите ѣхать?... Да, я слышала... И это изъ-за меня? насмѣшливымъ голосомъ спросила она, помолчавъ.

Онъ помолчалъ тоже и проговорилъ затѣмъ какъ бы со внезапною рѣшимостью:

— Такъ что-жь, Ольга Елпидифоровна, ужь лучше совсѣмъ не видѣть, чѣмъ такія муки терпѣть!

Она засмѣялась:

— Это потому, что я сказала вамъ, что не каждый день праздникъ?

— Это-съ... и прочее, одно къ одному... Потому съ вами, Ольга Елпидифоровна, не знаешь никакъ, когда милость, когда

гнѣвъ, и угодить вамъ чѣмъ можно... То-есть, просто, подойти какъ къ вамъ, не знаешь, ей Богу... А ужь что бы далъ, кажется, дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ капитанъ,—чтобъ успокоить васъ, чтобы не гнѣвались вы и не рѣзали понапрасну! Каждое слово ваше для меня безцѣнно, малѣйшій то-есть капризъ вашъ былъ бы счастливъ исполнить, лишь бы настоящее съ вашей стороны поощреніе...

Ольга взглянула на него опять и какъ будто въ первый разъ увидѣла глаза его, темные, глубокіе, съ мужественнымъ очеркомъ бровей и выраженіемъ почти дѣтскаго простодушія и доброты...

— Вы меня очень любите, Никаноръ Ильичъ? проговорила она съ медленною улыбкой.

Онъ весь вспыхнулъ:

— Отвѣчать даже на это безполезно, вскрикнулъ онъ,— потому сами, кажется, довольно должны это видѣть! Въ воду сейчасъ по первому вашему знаку кинусь и за счастье почту!

— Это такъ и слѣдуетъ, когда любишь, одобрила Ольга.— А помните-ли, что я сказала вчера вамъ въ мазуркѣ?

— Это, то-есть, что я выучился ее въ Польшѣ танцовать? спросилъ онъ наивно...

— Нѣтъ, а что я испытываю васъ, хочу знать навѣрное, насколько я могу разсчитывать на вашу любовь?

— Какъ не помнить! И онъ вздохнулъ всею грудью.

Она еще разъ примолкла на минуту:

— Испытаніе кончено, выговорила она затѣмъ,—я вамъ вѣрю. Берите!... И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее, недоумѣло, испуганно глянулъ ей въ лицо...

— Берите, повторила она, слабо усмѣхаясь,—совсѣмъ!...

Онъ вскрикнулъ, зашатался, схватился за розовый кустъ, у котораго стоялъ, накололъ себѣ имъ пальцы и упалъ на скамью подлѣ Ольги, зарыдавъ рыданіемъ безмѣрнаго, невыносимаго счастія...

— Совсѣмъ? Это навѣрное, не перемѣните? могъ только произнести онъ, судорожно прижимая руку ея къ своимъ губамъ.

Ольга была тронута... И вдругъ все лицо ея запылало нежданною краской: ей вспомнились огненные глаза Ашанина, его жгучіе поцѣлуи...

— А вы держите врѣпко!... надо мною воля нужна! почти безсознательно вырвалось у нея... Но она тотчасъ же вернулась къ иному:—Слушайте, Никоноръ Ильичъ, поспѣшно заговорила она, — я не люблю ничего откладывать: свадьбу... Ахъ, я и забыла, въ этомъ мѣсяцѣ ужь нельзя,—Петровскій постъ...

— Двадцать девятаго числа кончается... Чрезъ три недѣли ровно можно... Онъ глядѣлъ на нее между тѣмъ и говорилъ себѣ мысленно: „Господи, дай только, чтобъ это не былъ сонъ!...“

— Я согласна, сказала Ольга;—и на свадьбѣ никого, никакого парада, и прямо изъ церкви къ вамъ въ Рай-Никольское. У васъ вѣдь тамъ хорошо, вы говорили?

— Хоть сейчасъ вамъ въѣхать! Потому я, какъ по вашему обѣщанію, все ожидалъ, что вы пріѣдете ко мнѣ съ Елпидифоръ Павлычемъ на денекъ, на два, такъ у меня все заново отдѣлано; кабинетъ для васъ даже особый и фортепіянъ новый, прямо изъ Петербурга, даже никто еще пальцемъ не притрогивался...

— И садъ, не правда-ли, большой, тѣнистый? спросила она со внезапнымъ возвратомъ задумчивости.

— На десяти десятинахъ, старѣющій, дубы въ два обхвата человѣческіе; еще съ прошлаго года выпланировалъ я его вновь и въ порядокъ приведъ, потому у покойнаго владѣльца въ полномъ запущеніи оставленъ былъ...

— И я буду уходить туда, когда мнѣ вздумается, и мнѣ никто мѣшать не будетъ, промолвила какъ бы про себя Ольга;—я вотъ тутъ сидѣла сейчасъ совсѣмъ одна... и такъ хорошо было, точно уносило куда-то... Со мною это бывало иной разъ, когда я пою... точно собою перестаешь быть... Только это опять еще другое чувство...

Капитанъ глядѣлъ на нее, безконечно любуясь ею и откликаясь всею душой на произнесенныя ею слова. Онъ не подозрѣвалъ въ нихъ тайнаго смысла; онъ съ радостнымъ біені-

емъ сердца говорилъ себѣ, что *она, она* будетъ ходить по этому его старому саду въ Никольскомъ, куда, бывало, уязвленный или осмѣянный ею, уѣзжалъ онъ отъ нея и тоже „переставалъ быть собою", лежа въ травѣ по цѣлымъ часамъ, вздыхая, плача и мечтая о ней до одурѣнія...

Но инымъ вѣтромъ опять тянуло уже въ подвижномъ воображеніи его возлюбленной:

— А на зиму въ Петербургъ! выговорила она коротко и рѣшительно.

— Въ Петербургъ? изумленно повторилъ онъ.

— Да, непремѣнно! Нечего намъ съ вами гнить въ провинціи, ничего не дѣлая. Вы еще молодой человѣкъ, имѣете состояніе... Я хочу, чтобы вы служили, придворнымъ сдѣлались...

— Я придворнымъ! даже перепугался капитанъ;—гдѣ же мнѣ, помилуйте!

— Ничего не „гдѣ же мнѣ"! передразнила она его,—будете, какъ всѣ. Только слушайтесь меня всегда, во всемъ; я дурнаго вамъ не посовѣтую. Вѣдь у насъ теперь все общее должно быть, одни интересы... Какъ это говоритъ пословица? Мужъ, жена—одна сатана! Она расхохоталась и какъ бы обняла его всего при этомъ мгновеннымъ взглядомъ, ласковымъ чуть не до нѣжности...

— Ольга Елпидифоровна... Ольга! вскрикнулъ онъ, загораясь весь, — мы теперь перво-наперво женихъ и невѣста, такъ ужъ позвольте!...

Онъ протянулся къ ней.

Она отклонила голову на сторону и уперлась рукой въ его губы:

— Послѣ, послѣ, современемъ!... А теперь слушайте! Я ни часу больше не хочу оставаться здѣсь. Княгиня заболѣла, вы слышали; спектакль отложенъ... да и врядъ-ли когда будетъ. Дѣлать здѣсь нечего, надоѣло!... Я хочу сейчасъ домой. Отца нѣтъ, да если онъ и пріѣдетъ, я съ нимъ въ его скверномъ тарантасѣ не поѣду. А у васъ лошади готовы... Это у васъ новая тройка? Вы все на сѣрыхъ ѣздили прежде!...

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Она вскочила съ мѣста:

— Погодите меня здѣсь десять минутъ! Я сбѣгаю къ се-

бѣ въ комнату взять свое главное необходимое, — за остальнымъ всѣмъ пришлю потомъ, — и вернусь сейчасъ. Вы повезете меня на своихъ гнѣдыхъ въ городъ... Сами мы господа теперь, не уступимъ всякимъ князьямъ здѣшнимъ! вскликнула она во мгновенномъ порывѣ,—такъ что-ли, mon capitaine?

— Ни единой царицѣ не уступить вамъ, красавица моя неописанная! отвѣтилъ онъ на это, пожирая ее страстными глазами.

Она вскинулась и побѣжала:

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“ зазвенѣла она на-ходу громкимъ смѣхомъ, передразнивая похоронный голосъ, которымъ Ранцовъ произносилъ эти слова въ тѣ первые дни, когда навязана ему была ею роль *Тѣни* въ *Гамлетѣ*...

Она давно уже исчезла за дверями дома, а капитанъ все еще улыбался ей какою-то словно пьяною отъ блаженства улыбкой... Онъ всталъ со скамьи, поднялъ глаза къ небу, повелъ ими затѣмъ кругомъ себя, улыбнулся еще разъ, уже съ видомъ человѣка, которому цѣлый міръ теперь обязанъ завидовать и поклоняться, и, разставивъ свои длинныя пѣхотныя ноги въ формѣ буквы А, а руки стремительно опустивъ въ карманы брюкъ, внезапно запѣлъ фальшивымъ, но внушительнымъ басомъ:

Спаливъ бригантину султана.
Я въ морѣ врага утопилъ,
И къ милой съ турецкою раной
Какъ съ лучшимъ подаркомъ приплылъ.

Это былъ куплетъ изъ „Молодаго Грека“, не то чувствительнаго, не то бравурнаго романса, пользовавшагося большою популярностью въ средѣ тогдашей арміи и принадлежавшаго, какъ видитъ читатель, къ тому спеціальному репертуару вокальной музыки, который, сохраняясь и понынѣ, можетъ по преимуществу быть названъ офицерскимъ...

XXII.

Quibuscumque vils...

— Ah, cher compte! заметалась, вскрикивая, Аглая Константиновна на своемъ диванѣ, завидѣвъ входящаго Анисьева,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ пришли проститься?...

— Непремѣнно, княгиня...

Онъ сѣлъ, поглядѣлъ на нее съ учтивою улыбкой и примѣсью къ ней извѣстной доли печали во взглядѣ и—промолвилъ:

— Я слышалъ, что вы себя не хорошо чувствуете (разговоръ само собою шелъ теперь сплошь по-французски, и мы будемъ стараться передать его въ наиболѣе близкомъ къ оригиналу переводѣ). — Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокое соболѣзнованіе мое по этому поводу.

Она растерянно воззрилась на него, вспомнила, что ей нужно было „expliquer“ что-то ему, не нашла что̀ именно, и вмѣсто „explication“ откинулась въ свои подушки и всхлипнула, закрывая глаза себѣ платкомъ:

— Дорогой графъ (cher comte), я ужасно несчастна!

Онъ холодно поглядѣлъ на нее, не проговорилъ, къ нѣкоторому ея удивленію, ни единаго слова въ утѣшеніе ея и, какъ бы, напротивъ, не желая дать ей распространяться на тему ея „несчастья“, поспѣшилъ заговорить самъ:

— Я имѣлъ честь видѣть княжну, дочь вашу, и разговаривать съ нею, добавилъ онъ, напирая на это слово.

Тонъ рѣчи, выраженіе его лица словно хлѣстнули нашу княгиню. Она перекинулась изъ глубины дивана къ столу,

раздѣлявшему ихъ, и, глядя на него, какъ будто намѣревалась вскочить ему въ самые глаза:

— О чемъ же былъ разговоръ этотъ, графъ? спросила она встревоженно.

Онъ передалъ ей подробно, отчетливо, кругло, въ однихъ почти и тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣми же благородными жестами и оттѣнками голоса.

Аглая не смѣла прерывать его, но всю ее дергало и подмывало въ теченіе его разсказа. Она *этого* никакъ не ожидала.

„Рыцарство“ его, произведшее въ нѣкоторой мѣрѣ впечатлѣніе на дочь, прошло для маменьки незамѣченнымъ. Она во всемъ этомъ видѣла предъ собою одинъ голый, ужасающій ее фактъ—отказъ его отъ руки Лины...

— Но, Боже мой, испуганно вдрогнула она, когда онъ кончилъ,—для чего же сказали вы ей все это, дорогой графъ! Развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите съ вашей стороны того, о чемъ мы такъ дружно и горячо мечтали и хлопотали съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ?

— Не хочу? вскрикнулъ онъ въ отвѣтъ, самымъ эффектнымъ образомъ вскидывая при этомъ глаза къ потолку; — да я почелъ бы себя избраннымъ между избранными (élu entre les élus), если бы могъ надѣяться... Но для этого, къ несчастію, перебилъ онъ себя съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи,—недостаточно моего желанія... ни даже вашего, княгиня... Я счелъ нужнымъ сказать княжнѣ то, что я сказалъ ей, потому что всякое иное мое слово внушило бы ей окончательно отвращеніе ко мнѣ, оскорбивъ ее въ чувствѣ, которое другой, болѣе счастливый, чѣмъ я, умѣлъ внушить ей... Уѣзжая отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ (голосъ его послушно задрожалъ на этомъ мѣстѣ), я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, увезти съ собою уваженіе княжны, вашей дочери...

Аглая захныкала:

— Я вижу, графъ, что вы все узнали...

— Я понялъ это съ первой минуты моего пріѣзда въ Сицкое, сказалъ онъ, приподнявъ плечи.

— Нѣтъ, я, признаюсь вамъ, я ничего не знала объ этомъ и не повѣрила бы этому никогда, если бы госпожа Перевер-

зина,—эта ужасная женщина! добавила Аглая, вздымая въ свою очередь глаза въ потолокъ,—не имѣла дерзости явиться ко мнѣ сегодня просить руки Лины для этого своего племянника... И вы повѣрьте, графъ, все это она надѣлала!... Моя дочь, княжна Шастунова, не можетъ серіозно любить этого ничтожнаго господинчика (ce petit monsieur de rien) и желать сдѣлаться какою-нибудь Frau Professorin! Ее сбили съ толку дурные совѣты, и когда она придетъ въ себя, разсудитъ, ей станетъ стыдно за свое увлеченіе и глупость (son entraînement et sa bêtise): она пойметъ, что ея мать (sa mère qui l'a mise au monde) не могла согласиться на ея вздоры... Я, разумѣется, отказала этой барынѣ на отрѣзъ. Линѣ это теперь можетъ быть непріятно, но, повѣрьте, она очень скоро образумится, оцѣнитъ меня и васъ оцѣнитъ, милый графъ, я вамъ ручаюсь...

Онъ глубоко вздохнулъ и недовѣрчиво закачалъ головой.

— Легко сказать, трудно ожидать на самомъ дѣлѣ! Княжна полюбила...

— Она разлюбитъ, дорогой графъ, клянусь вамъ! перебила его Аглая слезнымъ голосомъ и умоляющимъ жестомъ простерла къ нему руки.

— Не вижу почему, княгиня! сказалъ флигель-адъютантъ съ новымъ ироническимъ оттѣнкомъ, — особенно, примолвилъ онъ какъ бы про себя,—при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится здѣсь.

— Вы хотите сказать, пока эта змѣя и ея племянникъ тутъ?... Но я надѣюсь, что они выберутся отсюда (qu'ils déguerpiront d'ici) сегодня же!...

— Разлука такъ же мало можетъ помѣшать княжнѣ думать о нихъ... о немъ, какъ не помѣшаетъ она мнѣ скорбѣть о ней и о моихъ потерянныхъ надеждахъ, театрально вздохнувъ еще разъ, возразилъ на это Анисьевъ.

— Не теряйте ихъ, милый графъ, не теряйте, ради Бога! Я приму всѣ мѣры, чтобы прекратить между ними какого бы ни было рода сношенія! заявляла княгиня, грозно [illegible] брови.

Но онъ словно задалъ себѣ задачей разбивать одну за другою иллюзіи чувствительной маменьки:

— Другими словами, княгиня, подвергнете дочь вашу надзору, контролю... шпіонству, наконецъ,—извините меня за выраженіе! Но этимъ вы лишь достигнете результатовъ, совершенно противоположныхъ вашему желанію, вы оскорбите княжну и, сколько я могъ понять ея характеръ, укрѣпите только этимъ преслѣдованіемъ тѣ чувства, которыя влекутъ ее... къ этому молодому человѣку...

— Но какъ же быть, графъ! вскрикнула Аглая, багровѣя отъ досады:—я не желаю, я не хочу дозволить ей выходить за этого господина!... Я ей это сказала и—сдержу мое слово... Вы, милый графъ, избранникъ мой для нея (l'homme de mon choix pour elle), и если-бъ она продолжала не желать выйти за васъ, она отъ меня ничего не получитъ...

Флигель-адъютантъ невозмутимо слушалъ, скрестивъ руки на груди и слегка моргая пристально направленными на нее глазами.

— Я столько же польщенъ, сколько и тронутъ вашимъ милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, княгиня, сказалъ онъ, наклоняя голову въ знакъ благодарности,—но смѣю продолжать думать, что избранный вами путь не приведетъ къ желанной вами цѣли... Въ какой мѣрѣ права княжна, сдѣлавъ выборъ, не соотвѣтствующій видамъ вашимъ, насколько, съ другой стороны, вы, ея мать, правы, отказывая утвердить согласіемъ вашимъ этотъ выборъ ея сердца,—объ этомъ я говорить не буду... Въ этомъ случаѣ я въ нѣкоторой мѣрѣ сторона, примолвилъ онъ съ грустною улыбкой,—и потому не могъ бы здѣсь быть, вѣроятно, вполнѣ безпристрастнымъ судьей. Я позволю себѣ поэтому указать вамъ только на положеніе вещей, каково оно есть въ настоящую минуту. Княжна желаетъ выйти замужъ... за господина Гундурова; вы не согласны на это. Чѣмъ болѣе будете вы употреблять усилій, чтобы заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ упорнѣе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, будетъ она, по всей вѣроятности, укрѣпляться въ немъ... Такъ можетъ продолжаться до безконечности...

— Я не уступлю! взвигнула Аглая,—она будетъ вашею женой, или ничьею!...

Лицо Анисьева приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства:

— Позвольте замѣтить вамъ, княгиня, промолвилъ онъ холодно и строго,—что, не смотря на все то глубокое чувство, которое внушаетъ мнѣ княжна, я не согласился бы никогда получить ея руку путемъ насилія!

Княгиня перепуганно запрыгала въ своихъ подушкахъ:

— Боже мой, вы не понимаете меня, милый графъ!... Я говорю, что она должна васъ полюбить, непремѣнно должна! И почему бы она не полюбила васъ? Вы соединяете въ себѣ все, что̀ должно нравиться порядочной дѣвушкѣ (à une jeune fille bien née)!

Онъ скромно опустилъ глаза и качнулъ головой.

— Я почелъ бы себя счастливымъ и тѣмъ, вздохнулъ онъ,—если бы княжна могла убѣдиться въ моей безкорыстной и безпредѣльной преданности ей, могла бы увидѣть ближе, какимъ пламеннымъ чувствомъ можетъ исполнить она сердце даже отверженнаго ею... Но для этого, примолвилъ онъ опять какъ бы про себя,—нужны были бы другія обстоятельства, другая обстановка... Онъ пріостановился вдругъ, какъ бы не желая договаривать.

Аглая недоумѣло захлопала глазами.

— Что̀ хотите вы сказать, графъ?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ, будто нехотя,—въ той рамкѣ жизни, которая окружаетъ княжну, мысли ея трудно оторвать отъ предметовъ, занимающихъ ее теперь, и мысль эта должна роковымъ образомъ (fatalement) обращаться все въ томъ же неизбѣжномъ кругу...

Онъ взглянулъ на свою собесѣдницу и, какъ бы вдругъ вспомнивъ, что никакой превыспренности рѣчи она одолѣть не въ состояніи, заключилъ просто:

— Пока вы въ Сицкомъ, княгиня, вамъ нечего надѣяться на перемѣну въ чувствахъ и намѣреніяхъ княжны.

Она сразу поняла, завздыхала и таинственно замигала ему своими круглыми глазами:

— Повѣрьте, милый графъ, я бы завтра же въ Петербургъ переѣхала, если бы не любезный мой деверь, который объ этомъ слышать не хочетъ...—Она оглянулась невольнымъ движеніемъ и примолвила шопотомъ:—я должна вамъ сказать, что онъ же главнымъ образомъ и поддерживаетъ Лину въ ея упрямствѣ.

Анисьевъ чуть-чуть повелъ углами губъ, какъ бы желая выразить, что онъ объ этомъ знаетъ, и медленно проговорилъ въ отвѣтъ:

— Могутъ случиться обстоятельства, которыя заставятъ князя перемѣнить образъ его мыслей.

Аглая вопросительно уставилась на него.

— Какія же это обстоятельства, графъ? Ларіонъ ненавидитъ Петербургъ и согласился бы жить тамъ только по нуждѣ, если бы поступилъ опять на службу... Но онъ ужасно гордъ и ни за что не станетъ просить объ этомъ!

— Можетъ сдѣлаться и безъ его просьбы, словно уронилъ флигель-адъютантъ, пуская въ ходъ свою многозначительную улыбку.

Фарфоръ, хрусталь и серебро стоявшаго еще на столѣ чайнаго сервиза внезапно затряслись и зазвенѣли отъ напора дебелыхъ прелестей княгини, нажавшейся всѣмъ тѣломъ на подносъ, въ избыткѣ охватившаго ея волненія. Она вся съѣхала съ дивана и, протягивая черезъ столъ руку къ своему собесѣднику, залопотала прерывающимся отъ радости и нетерпѣнія голосомъ.

— Ради Бога, дорогой графъ, не томите меня,—вы вѣрно знаете что-нибудь! Его хотятъ опять пригласить на службу, да?...

Улыбка мгновенно сбѣжала съ его губъ, лицо приняло обычное ему, холодное, сдержанное выраженіе.

— Я ровно ничего не знаю, княгиня, сказалъ онъ офиціальнымъ тономъ:—я выразилъ одно мое, лично мнѣ принадлежащее предположеніе, основывающееся единственно на блестящей репутаціи князя, деверя вашего, какъ государственнаго человѣка, которую оставилъ онъ по себѣ въ Петербургѣ... и о которой, не было бы ничего удивительнаго, если бы

вдругъ вспомнили въ высшихъ сферахъ сегодня или завтра... Я осмѣлюсь покорнѣйше просить васъ ничего далѣе этого простаго соображенія не искать въ моихъ словахъ.

Она закачала недовѣрчиво головой.

— О нѣтъ, милый графъ, я увѣрена, что вы знаете что-нибудь болѣе положительное, — вы такъ хорошо поставлены при дворѣ (vous êtes si bien en cour)!

— Повторяю вамъ, княгиня, что я ничего не знаю, досадливо, почти рѣзко отвѣчалъ онъ на это, — и мнѣ приходится очень сожалѣть, что вамъ угодно непремѣнно давать словамъ моимъ произвольное... и—позвольте мнѣ прибавить,— непріятное для меня толкованіе.

Но Аглая уже неслась головой внизъ и никакихъ отговорокъ принимать не хотѣла.

— Я вижу, милый графъ, что вы не хотите мнѣ сказать, потому что я женщина, и вы боитесь моего язычка. Но вы меня еще не знаете, я умѣю молчать, какъ могила, когда нужно, и вотъ вамъ самое лучшее, кажется, доказательство: то, о чемъ мы сговорились съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ, я съумѣла сохранить въ тайнѣ цѣлые полтора года и не сказала ни Линѣ, ни Ларіону, и онъ даже теперь узналъ объ этомъ не чрезъ меня, а чрезъ пріятеля своего, графа, которому писалъ вашъ дядя.

Анисьевъ пристально глядѣлъ на нее все время... Осторожность его сдалась на убѣдительность этого аргумента:

— И все-таки я ничего не скажу вамъ, княгиня! засмѣялся онъ... По принципу, по принципу! добавилъ онъ такъ же весело,—я никогда ничего не говорю ненужнаго. А это пока не нужно! Вамъ будетъ достаточно пока знать, что „перемѣна жизни“, какъ говорятъ гадальщицы (онъ сказалъ это, смѣясь, по-русски,)—вещь, для васъ возможная въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени.... Но знать это должны вы только про себя, молвилъ онъ, принимая опять видъ озабоченный и строгій; — если бы князь Ларіонъ провѣдалъ какъ-нибудь, что вамъ что-либо извѣстно, онъ бы тотчасъ же заподозрилъ насъ съ вами въ заговорѣ, принялъ бы, пожалуй, съ своей стороны какое-нибудь неожиданное

ніе... а это могло бы скомпрометировать и не меня одного! досказалъ флигель-адъютантъ, сопровождая эти слова такимъ мрачно-значительнымъ взглядомъ, что Аглая Константиновна отъ испуга прижалась къ сидѣнью своему, какъ будто намѣревалась продавить его до самаго дна.

Она уже не смѣла ничего дальше спрашивать и глухо повторила только:

— Я могила для секретовъ, графъ, могила, могила...

Онъ учтиво наклонилъ голову и продолжалъ опять:

— Смѣю думать, что, въ виду того, что̀ можетъ случиться, вамъ можно было бы, княгиня, принять по отношенію ко княжнѣ, дочери вашей, образъ дѣйствій выжидательный, такъ-сказать, и примирительный; другими словами, какъ бы забыть о ея... забыть о причинахъ вашего недовольства ею, не напоминать ей о нихъ и не вызывать ее такимъ образомъ на новыя... пренія съ вами. Княжна слишкомъ благовоспитана, чтобы предпринять что-либо серьезное противъ вашей воли, и вамъ поэтому особенно безпокоиться нечего... Если бы однако, поспѣшилъ онъ прибавить, чуть-чуть сморщивъ брови, — вы замѣтили какіе-нибудь угрожающіе симптомы (quelques symptômes alarmants), то вы всегда найдете хорошій совѣтъ у моей матушки... Вѣдь вы, надѣюсь, будете продолжать переписываться съ нею?

— О, непремѣнно!... А что̀ лучше было бы, милый графъ,— это, разъ она уже въ Петербургѣ, если-бъ она могла сама пріѣхать теперь сюда?

— Я объ этомъ думалъ одну минуту, возразилъ онъ раздумчиво,—но нахожу это положительно непрактичнымъ. Матушка, кажется, никогда не сходилась съ княземъ, деверемъ вашимъ, и пріѣздъ ея сюда тотчасъ же возбудилъ бы его подозрѣнія. А этого надо положительно избѣгать... Нѣтъ, княгиня, будемъ ждать лучшаго отъ времени и перемѣны мѣста... Быть можетъ—и ждать долго не придется! примолвилъ онъ со мгновенно блеснувшимъ взглядомъ. — А затѣмъ позвольте проститься съ вами, сказалъ онъ, вставая и обходя столъ, чтобы поцѣловать ей руку.

Она вскочила съ мѣста.

— Милый графъ, позвольте обнять васъ... какъ сына, шепнула она ему на ухо, закидывая ему руку за шею и припадая къ его плечу.

Онъ приложился раздушенными усами къ жирной ея длани, изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкое подобіе сердечнаго умиленія и направился къ двери.

— Я провожу васъ до лѣстницы, объявила Аглая, идя за нимъ.

— Что вы, что вы, княгиня! вскликнулъ онъ, оборачиваясь и вспоминая рекомендацію Ольги Елпидифоровны:—вы забыли, что вы больны; вамъ не на лѣстницу, а въ постель надо... Непремѣнно въ постель, я вамъ совѣтую...

И онъ исчезъ за портьерой.

Она закивала головой ему вслѣдъ, вернулась къ своему дивану и торопливо зазвонила. Явившемуся Финогену она отдала приказаніе принести новый чайникъ съ кипяткомъ и „сейчасъ, сейчасъ отыскать и просить къ ней Евгенія Владиміровича“...

XXIII.

Ольга Елпидифоровна объ руку съ блаженствовавшимъ капитаномъ выходила изъ сада въ большія сѣни дома, когда увидѣла предъ собою вваливавшееся изъ противоположныхъ дверей, со стороны двора, громоздкое туловище почтеннаго своего родителя. Елпидифоръ Павловичъ, покрытый пылью, съ загорѣвшимъ докрасна отъ солнца и вѣтра лицомъ, несъ впередъ свой огромный животъ съ какимъ-то необыкновенно торжественнымъ и радостнымъ видомъ... Завидѣвъ дочь, онъ заковылялъ къ ней поспѣшно своими коротенькими ножками, махая ей еще издали руками...

— Что вы такъ поздно? крикнула она ему.

— Сто двадцать верстъ безъ малаго отмахалъ со вчерашняго вечера, отвѣтилъ онъ, отдуваясь все съ тѣмъ же торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ и подходя къ ней

— Это для чего же сто двадцать верстъ? спросила съ изумленіемъ Ольга.

— Въ чужой уѣздъ заѣхалъ, до самаго Подольска проводилъ его сіятельство, пояснилъ онъ со смѣхомъ, вопросительнымъ и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ обнимая дочь и ея кавалера и протягивая послѣднему руку. Ранцовъ съ радости пожалъ ее такъ, что Акулинъ чуть не крикнулъ отъ боли.

— Ну, дочурка, сказалъ онъ, тряхнувъ пальцами, выдернутыми имъ изъ этой медвѣжьей лапы,—въ Бѣлокаменную собирайся!

— Это какъ?

— Назначеніе получаю.

— Полицмейстеромъ въ Москву? вскрикнула Ольга.

— Пониже маленечко, да посытнѣе пожалуй! И жирная улыбка раздула еще разъ необъятныя ланиты Елпидифора.

— Что же это такое: „пониже“? спросила она хмурясь и надувая губы.

— А что пониже полицмейстера бываетъ, и не слыхивали, можетъ, никогда? спросилъ онъ въ свою очередь, передразнивая голосъ ея и мину.

— Частный приставъ есть, сердито отвѣчала она;—такъ развѣ вы согласитесь пойти въ частные пристава?

Онъ разсмѣялся во всю мочь, уткнувъ руки въ бока и насмѣшливо глядя ей въ лицо своими лукаво подмигивавшими глазками.

— Въ Городскую-то часть? Да какой же, съ позволенія вашего сказать, пентюхъ и оселъ не пойдетъ на этакое мѣсто!

— Частный приставъ, протянула брезгливо и свысока Ольга,—какая гадость!

— А исправникъ не гадость? протянулъ и онъ, передразнивая ее еще разъ.—Имѣлъ уже я честь, матушка моя, Ольга Елпидифоровна, докладывать вамъ не разъ, что званіе—звукъ пустой, и что ни къ чему человѣку честь, коли нечего ему ѣсть... Спроси-ка вотъ Никанора Ильича, какъ онъ про это скажетъ?...

— Извѣстно, Ольга Елпидифоровна, поспѣшилъ подтвердить тотъ,—званіе безъ средствъ тягость одна-съ...

— Колибъ я продолжалъ по военной лямку тянуть, заговорилъ опять Акулинъ,—я, по товарищамъ судя, въ настоящую пору въ роли превосходительнаго пѣтуха глотку бы далъ предъ бригадой, а за усердіе мое получалъ бы содержанія столько, что на одну вотъ на статью на эту (онъ треснулъ себя рукой по животу,) доходовъ бы не хватало, не говоря о другомъ прочемъ... А тутъ и не казиста съ виду должность, а какъ ежели, бѣдно, бѣдно, пятнадцать тысячъ цѣлковенькихъ получать съ нея ежегодно, такъ, пожалуй, съ ни-

зостью-то званія помириться можно,—какъ вы полагаете Никаноръ Ильичъ?

Капитанъ промычалъ что-то, не то сконфуженно, не то нѣжно поглядѣлъ на будущаго тестя и, слегка покраснѣвъ и ухмыльнувшись, опустилъ глаза.

— Это, то-есть, съ купцовъ взятки брать, громко и откровенно хватила за то Ольга.

Елпидифоръ Павловичъ и не подумалъ разсердиться; онъ только плечами пожалъ.

— И безо всякихъ взятокъ, и даже отцомъ-благодѣтелемъ всякій называть станетъ... потому матерію эту мы насквозь прошли, не сомнѣвайтесь, дочка моя достолюбезная... И какая вы тамъ ни на есть *грандамъ*, а какъ ежели захотите въ Благородное Собраніе, или къ самому графу на балъ туалетомъ блеснуть, такъ къ тому же отцу—частному приставу за презрѣннымъ металломъ отъявитесь,—и *мерси боку* скажете, что есть у него таковаго достаточно, чтобы никогда вамъ въ немъ отказу не знать...

— Будьте покойны, возгласила на это Ольга,—никогда я за деньгами къ вамъ приходить не буду, и не вы, а мужъ мой будетъ платить за мои туалеты... Не правда-ли, mon capitaine? И она, улыбнувшись, подняла на Ранцова свои зажигательные глаза...

Онъ не успѣлъ отвѣтить... Все огромное тѣло Елпидифора Павловича всколыхнуло вдругъ, словно двѣнадцативесельный баркасъ подъ внезапнымъ набѣгомъ вала морскаго, маленькіе глазки запрыгали, отвислыя щеки раздулись мгновенно и также мгновенно опали...

— Да что же это такое? едва былъ онъ въ состояніи произнести,—что же вы не говорите?.. Кончено у васъ что-ли?..

— Рѣшено и подписано! расхохоталась на это Ольга, между тѣмъ какъ капитанъ безъ словъ, но весь мокрый отъ слезъ, хлынувшихъ тутъ же у него изъ глазъ, кидался на шею дебелаго ея родителя.

— Голубчикъ... зятекъ ты мой любезный... Никанорушка! въ избыткѣ радости шепелявилъ тотъ, чмокая капитана влажными губами во всякое мѣсто воинственной его физіономіи.

— Вотъ видите, продолжала хохотать барышня, — и спѣшить вамъ не къ чему было мѣсто принимать... И надѣюсь, что вы не поступите раньше, чѣмъ насъ обвѣнчаютъ... Мы уже порѣшили:—тридцатаго, безо всякаго парада, и сейчасъ же къ нему, въ Рай-Никольское...

Она оборвала вдругъ... Кто-то быстрыми шагами спускался съ лѣстницы... Она обернулась—и увидала Анисьева.

— Ахъ, графъ, это вы... Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, повторилъ онъ, смѣясь и сбѣгая къ ней, — сейчасъ заходилъ къ князю проститься...

Онъ еле замѣтно поморщился, замѣтивъ ея собесѣдниковъ, но принялъ тотчасъ же любезный видъ и учтиво поклонился имъ общимъ поклономъ.

Ольга сочла нужнымъ представить ихъ ему—и при этомъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ, коротко, словно проглатывая слова, назвала Акулина: „Отецъ мой“, и тутъ же отвернулась отъ него.

— А капитана, сказала она, — вы мнѣ говорили вчера, графъ, что знаете его еще съ прошлаго года, въ Венгріи?... Никаноръ Ильичъ Ранцовъ, отчетливо прибавила она.

Флигель-адъютантъ протянулъ ему руку, изобразивъ на лицѣ любезнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

— Не знаю, помните-ли вы меня, но мы съ вами встрѣтились въ Коморнѣ, куда я привозилъ награды за дѣло, въ которомъ вы приняли такое блестящее участіе...

— Я что же-съ... исполнять долженъ, конфузливо пробормоталъ на это капитанъ,—а рота у меня, дѣйствительно, отличная была-съ... Покорнѣйше благодарю за вниманіе! промолвилъ онъ коротко, какъ бы не желая продолжать разговора на эту тему.

— Скроменъ, какъ всѣ герои! расхохоталась Ольга.

— Совершенно справедливо! поспѣшилъ примолвить Анисьевъ, наклоняя утвердительно голову.

Никаноръ Ильичъ растерянно повелъ на нихъ глазами.

— Не смущайтесь, cher capitaine, возгласила съ новымъ смѣхомъ барышня,—а просите лучше графа не оставить васъ своимъ знакомствомъ, когда вы будете въ Пет

— Помилуйте, очень радъ, если только позволите, поспѣшилъ сказать петербургскій воинъ, протягивая ему снова руку.

Онъ при этомъ взглянулъ на Ольгу, какъ бы спрашивая ее глазами, слѣдуетъ-ли ему поздравить ее съ предстоящимъ бракомъ.

Она чуть-чуть приподняла плечи въ отвѣтъ, будто говоря: „не стоитъ труда"! и обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Когда же вы ѣдете? Сейчасъ?

— Сейчасъ, подтвердилъ онъ.

— И мы тоже... Ѣдемте, mon capitaine!...

— Куда это, куда? вскрикнулъ изумленный Акулинъ.

— Домой, въ городъ... Вѣдь и вы туда же, графъ? Вмѣстѣ и выѣдемъ...

— Такъ какъ же это? продолжалъ недоумѣвать родитель,— а спектакль сегодняшній?

Она разсмѣялась.

— Никакаго спектакля нѣтъ, княгиня больна... Собирайтесь во-свояси!

— Да у меня и лошадей нѣтъ, озадаченно молвилъ онъ,— пріѣхалъ я на почтовыхъ, а своимъ велѣлъ только къ завтрашнему утру прибыть...

— Я могу, если прикажете, довезти васъ до города, обязательно предложилъ Анисьевъ, побуждаемый къ такой любезности тѣмъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ впечатлѣніемъ, которое производила на него Ольга.

Исправникъ былъ чрезвычайно польщенъ предложеніемъ.

— Почту себя счастливымъ, пробормоталъ онъ, — если только не обезпокою васъ, графъ...

— Нисколько, засмѣялся тотъ,—коляска у меня просторная, мѣшать другъ другу не будемъ...

Всѣ они вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Уже вся уложенная, запряженная почтовою четверкой коляска флигель-адъютанта, съ камердинеромъ его въ военной ливреѣ у дверцы, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, готовая подать. За нею, на козлахъ капитанскаго тарантаса виднѣлось румяное лицо его молодаго кучера, сер-

дито подергивавшаго вожжами отъ скуки ожиданія и самолюбія, оскорбленнаго надменнымъ тономъ, которымъ слуга Анисьева приказалъ ему осадить, чтобы дать проѣхать впередъ экипажу своего барина.

Онъ крайне возликовалъ поэтому, когда самъ этотъ „чужой баринъ“ отдалъ первымъ дѣломъ приказаніе колескѣ своей отъѣхать назадъ и дать мѣсто тарантасу, въ которомъ должна была занять мѣсто хорошо знакомая капитанскому возницѣ „исправникова дочка“. Онъ подобралъ разомъ вожжи, натянулъ, тряхнулъ головой такъ, что гречневикъ съѣхалъ ему прямо на правый глазъ, и ухорски, будто едва сдерживая рвущихся коней, подкатилъ къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Образцовая упряжка! возгласилъ одобрительно флигель-адъютантъ, глядя на нее знатокомъ и цѣнителемъ.

— Ольга Елпидифоровна, что же это такое, вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете, и никому не сказавъ! раздались голоса съ одной изъ висячихъ галлерей, огибавшихъ домъ съ обѣихъ сторонъ, и на которыхъ любила во всякое время собираться молодежь Сицкаго курить и болтать, лежа на расположенныхъ тамъ широкихъ турецкихъ диванахъ.

Толя Карнауховъ мигомъ перекинулъ оттуда ноги за перила, ухватился за водосточную трубу и, спустившись по ней благополучно внизъ, кинулся къ тарантасу, въ который только что подсадилъ капитанъ Ольгу.

— Розалинда безумной мечты, зашепталъ онъ ей, подбѣгая со стороны, противоположной крыльцу, пока она усаживалась, а капитанъ дрожащими отъ счастія руками подкладывалъ ей подъ ноги какую-то подушку,—вы взаправду такъ и укатите въ тетатетѣ съ христолюбивымъ воинствомъ?

— Не правда-ли какъ жалко, что не съ вами! громко фыркнула она въ отвѣтъ, повернувшись къ нему спиной, уткнулась въ уголъ экипажа и подняла голову.

Всѣ они были тамъ и глядѣли на нее жадно и удивленно,—и Чижевскій, и Шигаревъ, и Духонинъ съ Факирскимъ, и „стряпчій“ Маусъ, и... и Ашанинъ, нѣсколько поблѣднѣвшій, показалось ей, — Ашанинъ, съ его искристыми, „на-

сквозь прожигающими“ глазами и не то злою, не то насмѣшливою улыбкой на устахъ...

Что-то въ родѣ сожалѣнія или раскаянія промелькнуло у нея въ душѣ... О чемъ, къ кому, — она сказать бы себѣ не могла... да и не такова она была, чтобъ останавливаться долго на разборѣ своихъ ощущеній. Она на мигъ прижмурилась, открыла опять глаза, остановила ихъ на капитанѣ, робко заносившемъ ногу на подножку экипажа, и проговорила нетерпѣливымъ тономъ:

— Да садитесь же скорѣе, наконецъ!...

Онъ заторопился, сѣлъ... Она еще разъ подняла голову, обвела взиравшихъ на нее съ галлереи какимъ-то вызывающимъ взглядомъ и звонко, своимъ густымъ контральтовымъ голосомъ, крикнула имъ, кивнувъ на Ранцова:

— Господа, честь имѣю представить вамъ моего жениха!... И тутъ же, обернувшись къ кучеру, закомандовала уже полною госпожой и хозяйкой:—А ты трогай и пошибче!...

Тройка дружно рванула, загремѣла, понеслась...

Флигель-адъютантъ многозначительно улыбнулся изъ-подъ прикрученныхъ усовъ, степенно усѣлся съ исправникомъ Акулинымъ въ поданную ему коляску и коротко отдалъ ямщику свое приказаніе: „не отставать“.

— О, капитане, капитане, загаерничалъ имъ вслѣдъ Шигаревъ,—о герой Венгерскій, ходить тебѣ на четверенькахъ, быть тебѣ въ ярмѣ!...

— А я тебѣ вотъ что скажу, съ засверкавшими глазами обернулся на него Ашанинъ,—это единственная женщина изо всѣхъ, какихъ я знаю, которая способна не надоѣсть тебѣ до конца жизни!

— Еще бы! засмѣялся Чижевскій,—она тебя до этого десять разъ успѣетъ разжевать и выплюнуть...

— Въ этомъ-то и прелесть, живо возразилъ московскій Донъ-Жуанъ,—въ этомъ-то и прелесть, какъ ты этого не понимаешь!...

Бѣдный Маусъ ничего не сказалъ. Онъ съ высоты своихъ правовѣдскихъ правъ и нѣмецкой крови такъ долго привыкъ презирать своего русскаго и непривилегированнаго ривала,

что неожиданное объявленіе побѣды Ранцова надъ ними кинуло его въ жаръ и подкосило ноги... Онъ повалился на диванъ безпомощно и безсильно, и надменные его воротнички, смоченные выступившимъ у него лихорадочнымъ потомъ, повисли внезапно жалкою тряпкой кругомъ его длинной, худой, съ большимъ напереди желвакомъ, нѣмецкой шеи...

XXIV.

Черезъ нѣсколько минутъ Ашанинъ всталъ и ушелъ съ галлереи.

„Что дѣлать теперь здѣсь?“ думалъ онъ. Для него лично все уже было кончено; съ отъѣздомъ Ольги и этою „забавною помолвкой“ ея съ однимъ изъ „ея фофановъ“ изсякалъ для него всякій интересъ, всякій поводъ дальнѣйшаго пребыванія въ Сицкомъ. Онъ сегодня же уѣхалъ бы въ Москву съ Чижевскимъ, который уже послалъ за лошадьми и предлагалъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ, если бы не Гундуровъ. Нашъ Донъ-Жуанъ сердечно интересовался романомъ пріятеля, но, занятый самъ любовными похожденіями своими, не имѣлъ случая говорить съ нимъ со вчерашняго вечера, и послѣднія страницы этого романа были ему невѣдомы. Онъ, какъ мы видѣли, тотчасъ послѣ завтрака отправился къ Софьѣ Ивановнѣ, которую засталъ вдвоемъ съ Сергѣемъ, но немедленно вслѣдъ за нимъ вошла княжна Лина, и по первому взгляду, кинутому ею на Гундурова, на его тетку, Ашанинъ понялъ, что въ теченіе утра произошло для нихъ нѣчто важное и рѣшительное, о чемъ должно было итти между ними совѣщаніе, при которомъ онъ оказывался лишнимъ. Онъ поспѣшилъ уйти...

Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе часа. „Они вѣроятно успѣли ужь теперь передать другъ другу все нужное“, разсуждалъ Ашанинъ, направляясь опять къ покоямъ, занимаемымъ госпожей Переверзиной. „Дѣло идетъ у нихъ очевидно о послѣднемъ шагѣ,—просить руки княжны у ея матери... И почти

несомнѣнно, что она откажетъ, и тогда придется имъ сегодня же уѣхать въ Сашино... Сережа будетъ съ ума сходить, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это можетъ кончиться... Его оставить нельзя, бѣдной Софьѣ Ивановнѣ съ нимъ одной не справиться... Я уѣду съ ними во всякомъ случаѣ", рѣшилъ онъ.

Проходя черезъ первую гостиную, онъ услышалъ шаги за собой и машинально обернулъ голову.

Это былъ князь Ларіонъ. Ашанинъ остановился.

— Вы не къ Софьѣ-ли Ивановнѣ Переверзиной? спросилъ его тотъ.

— Такъ точно-съ...

Князь замедлилъ шаги, и на лицѣ его какъ бы пробѣжало легкое выраженіе досады.

— Не знаете, у себя она... и одна-ли? промолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Теперь не знаю, а съ часъ тому назадъ, когда я былъ тамъ, у нея былъ Гундуровъ и...

Онъ какъ-то безсознательно пріостановился.

— И кто же еще, развѣ это секретъ? нетерпѣливо вырвалось у князя, и онъ строгими глазами глянулъ на молодаго человѣка.

— Нисколько, отвѣтилъ, нѣсколько смущенно улыбаясь, Ашанинъ:—была княжна Елена Михайловна...

— А!...

Князь Ларіонъ остановился—какъ бы въ раздумьи.

— Вы мнѣ можете оказать услугу, сказалъ онъ, помолчавъ.

— Какую прикажете, князь?

— Я бы хотѣлъ поговорить съ пріятелемъ вашимъ... Сергѣемъ Михайловичемъ Гундуровымъ. Если увидите его, благоволите передать это ему и сказать, что я буду ждать его у себя въ кабинетѣ.

— Сію же минуту, князь!

Они разошлись.

Лина была еще у Софьи Ивановны...

Гундуровъ сидѣлъ блѣдный, какъ и она, и, какъ она, стараясь казаться спокойнымъ. Софья Ивановна ходила по ком-

натѣ, судорожно погружая то-и-дѣло пальцы свои въ табакерку и каждый разъ просыпая табакъ прежде, чѣмъ донести его до ноздрей...

Они дѣйствительно давно уже успѣли передать другъ другу все, что представляло для нихъ взаимный интересъ: княжна—разговоръ свой съ матерью и встрѣчу съ графомъ Анисьевымъ, Софья Ивановна — объясненіе съ княземъ Ларіономъ... На фактѣ подтвердилось то, что заранѣе предвидѣлъ, предчувствовалъ каждый изъ нихъ: княгиня отказывала наотрѣзъ, впереди стояла разлука, неизбѣжная, непереносимая разлука... Правда, нельзя еще было назвать все потеряннымъ; князь Ларіонъ самымъ формальнымъ образомъ обѣщалъ вступиться, поговорить... Но никто изъ нихъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ этого предстательства...

А между тѣмъ всѣ трое они, невольно прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сосѣднемъ корридорѣ, безмолвствовали въ тревожномъ ожиданіи вѣсти объ исходѣ этого обѣщаннаго княземъ рѣшительнаго разговора съ невѣсткой, и чѣмъ долѣе тянулось время, тѣмъ мучительнѣе становилось это ожиданіе...

Въ эту минуту послышались спѣшные шаги въ корридорѣ, и кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите! вскрикнула Софья Ивановна.

Вошелъ Ашанинъ.

— Сережа, тебя князь Ларіонъ Васильевичъ желаетъ видѣть, сказалъ онъ.

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Тетка его и Лина съ измѣнившимися лицами глянули другъ на друга. У всѣхъ на минуту сперлось дыханіе.

— Не знаешь для чего? вырвалось безсознательно у Сергѣя.

— Не знаю.

Ашанинъ передалъ разговоръ свой съ княземъ.

— Ступай скорѣе, Сергѣй! заторопила его Софья Ивановна.

Лина подошла къ нему.

— И что бы ни было, прошептала она, вся заалѣвъ,—не теряйте спокойствія духа!

Она протянула ему руку.

— Можно? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и насилованно улыбаясь:—на счастіе!

Она чуть-чуть кивнула печальною головкой. Онъ прикоснулся губами къ ея нѣжнымъ пальцамъ и вышелъ, сопровождаемый Ашанинымъ.

— Послушай, Сережа, молвилъ ему тотъ, шагая съ нимъ рядомъ по пустыннымъ парадным комнатамъ, — ты понимаешь, что не изъ пустаго любопытства спрашиваю я тебя: скажи, на чемъ стоитъ въ эту минуту дѣло у васъ съ княжной?

— Тетѣ княгиня отказала... Вся надежда теперь на то, что могъ сдѣлать тамъ князь, проговорилъ отрывисто Гундуровъ.

У Ашанина болѣзненно защемило на сердцѣ.

— Ну, Сережа, голубчикъ, вскликнулъ онъ,—ты знаешь, денегъ у меня никогда не бываетъ, а только вотъ мое клятвенное обѣщаніе: если ты теперь отъ князя выйдешь женихомъ, я прямо же отсюда въ Москву, и хотъ послѣднее пальто заложу, а за тебя пудовую свѣчу Спасу у Воротъ поставлю!

Онъ довелъ пріятеля до покоевъ князя Ларіона, а самъ усѣлся на лавкѣ въ передней, въ ожиданіи его возвращенія.

XXV.

Гундуровъ входилъ въ кабинетъ князя Ларіона въ первый разъ со дня того разговора съ нимъ, внутренній смыслъ котораго заключался въ желаніи князя удалить молодаго человѣка отъ княжны. Видъ покоя съ его величавыми свидѣтельствами минувшаго и чѣмъ-то внушительнымъ и строгимъ, вѣявшимъ отъ его поблекло-роскошнаго убранства, сразу напомнилъ этотъ разговоръ нашему герою и вызвалъ въ немъ тяжелое ощущеніе. Въ этихъ стѣнахъ, сказалось ему, не суждено тебѣ услышать слова надежды и радости.

Онъ былъ правъ... на половину.

Князь разбиралъ какія-то бумаги за столомъ и такъ погруженъ былъ, казалось, въ это занятіе, что замѣтилъ Гундурова, лишь когда тотъ стоялъ уже въ двухъ шагахъ отъ него.

— А, Сергѣй Михайловичъ, проговорилъ онъ, поспѣшно вставая и закрывая папку съ бумагами, — милости просимъ!

Онъ отошелъ отъ стола къ дивану у противоположной стѣны, сѣлъ и указалъ молодому человѣку кресло подлѣ себя...

Прошло долгое молчаніе.

— Вы знаете, вѣроятно, чрезъ тетушку вашу, началъ наконецъ съ видимымъ усиліемъ князь, — что я долженъ былъ переговорить съ Аглаей Константиновной... относительно сдѣланнаго ей сегодня утромъ Софьей Ивановной... предложенія?

— Знаю, князь, глухо промолвилъ Сергѣй.

— Сломить я ее не могъ, заговорилъ тотъ опять послѣ новаго молчанія;—есть стѣны, которыхъ ничѣмъ, никакимъ тараномъ не прошибешь, добавилъ онъ съ презрительною усмѣшкой.

Гундуровъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, не смотря на всю приготовленность его къ принятію такого удара.

Князь внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Ничѣмъ, повторилъ онъ, — кромѣ какъ терпѣніемъ... Способны-ли вы на него?

— Князь, вскрикнулъ Гундуровъ,—долженъ-ли я понимать изъ этого, что надежда еще для меня не потеряна?

— На это, сказалъ князь Ларіонъ со страннымъ движеніемъ губъ, — можно было бы отвѣтить вамъ вопросомъ: насколько сами вы надѣетесь на себя... и на особу—онъ какъ бы не находилъ соотвѣтствующаго выраженія, — отвѣчающую вамъ взаимностью? досказалъ онъ наконецъ, хмурясь и глядя въ сторону.

— Не знаю, пылко выговорилъ на это молодой человѣкъ,— насколько заслуживаю я вѣры въ вашихъ глазахъ, но знаю, что княжна не сомнѣвается во мнѣ... А я, я какъ въ Богѣ увѣренъ въ ней!

— Да, какъ бы про себя, тихо и печально сказалъ дядя Лины,—ей вѣрить можно, она не измѣнитъ... не измѣнится... Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, началъ онъ вдругъ, откидываясь отъ стѣнки дивана и облокачиваясь о стоявшій передъ нимъ столъ,—я буду говорить съ вами откровенно... Я не Аглая Константиновна, и вы должны понять, что я не признаю ни одного изъ тѣхъ основаній, въ силу которыхъ она отказываетъ вамъ... Напротивъ, то, какъ вы были воспитаны и какъ смотрите на задачи жизни, отвѣчаетъ вполнѣ моему мнѣнію о томъ, какой человѣкъ можетъ быть желателенъ для такой дѣвушки, какъ... моя племянница... Князь пріостановился на мигъ—и продолжалъ:

— Но, признаюсь, мнѣ все же не хотѣлось этого брака... Я не довѣрялъ вамъ, — не довѣрялъ вашей молодости... Вы увлечены Hélène, околдованы, влюблены... вы ее любите, не

сомнѣваюсь, поспѣшилъ добавить онъ въ отвѣтъ на движеніе Гундурова, собиравшагося, показалось ему, протестовать противъ недостаточности первыхъ его выраженій, — но въ ваши годы кто же не любитъ? Весь вопросъ въ томъ: кого и какъ любятъ!... Вы провели теперь три недѣли въ ея обществѣ, могли оцѣнить ея наружную и душевную прелесть. Но вы ея еще всю не знаете, не знаете всей цѣны этой чуткой, нѣжной, глубокой души... Полюбитъ она — до могилы, отдастъ себя безъ остатка, for better and worse, какъ говорятъ Англичане... Такую душу—я говорилъ это вашей тетушкѣ,—заслужить надо, всю жизнь заслуживать, Сергѣй Михайловичъ! протянулъ дрожавшимъ голосомъ князь Ларіонъ. — Заслуживать—и беречь, промолвилъ онъ, еще разъ не давая нашему герою возможности вставить слова,—не такъ, какъ поступили вы съ нею вчера...

— Князь, вскликнулъ Гундуровъ со мгновенно проступившими на глазахъ слезами,—я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы вычеркнуть эти минуты безумія!.. Повѣрьте...

Невольная горечь послышалась въ голосѣ его собесѣдника:

— Извиняться безполезно, она вамъ простила... и я напомнилъ вамъ это для очистки совѣсти, такъ сказать... Ваша тетушка права, примолвилъ онъ, проводя рукой по лицу и какъ бы остановившись на окончательномъ рѣшеніи, — такія существа, какъ Hélène, прозрѣваютъ внутреннимъ чутьемъ и дальше, и глубже, чѣмъ наша старая мудрость и опытность... Она васъ избрала: мнѣ остается отложить въ сторону всякія мои личныя сужденія и... протянуть вамъ руку. Да будетъ ея воля!...

Слова замирали въ горлѣ Гундурова; онъ схватилъ эту протягиваемую ему руку и горячо пожалъ ее обѣими руками.

— И вамъ, и ей предстоитъ тяжелый и долгій, быть можетъ, искусъ, заговорилъ снова князь Ларіонъ,—его надо будетъ имѣть силу выдержать. Съ княгиней Аглаей Константиновной справиться не легко... а безъ материнскаго согласія ни Hélène, ни вы, я полагаю, не допустите возможности брака?... Останется поэтому—ждать. Годъ, два, быть можетъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, которое все

измѣнить можетъ... Въ настоящую минуту выиграно, по крайней мѣрѣ, то, что этотъ графъ Анисьевъ отложилъ, повидимому, намѣренія свои на время, а въ настоящую минуту, должно быть, уже и уѣхалъ отсюда...

— Онъ положительно отказывается отъ всякихъ притязаній, поспѣшно молвилъ Сергѣй,—онъ это сказалъ княжнѣ.

— Вотъ какъ! Онъ объяснялся съ нею?

Гундуровъ передалъ сообщенное ему Линой.

— За этимъ цѣлый échafaudage интриги! внимательно прослушавъ, пропустилъ сквозь зубы его собесѣдникъ.—Вы понимаете, что если-бъ онъ дѣйствительно хотѣлъ отказаться, онъ этихъ чувствительныхъ словъ не далъ бы себѣ труда говорить, а уѣхалъ бы, какъ уѣзжаютъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ разговоровъ и безъ рисовки... Все равно (глаза князя блеснули), что бы они тамъ ни затѣвали, пока я живъ,—я это объявилъ Аглаѣ Константиновнѣ,—Hélène насильно замужъ не выдадутъ!... А когда меня не будетъ, съ загадочною улыбкой договорилъ князь Ларіонъ,—вы, я надѣюсь, будете уже́ ея мужемъ...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста.

— Князь, у меня нѣтъ словъ сказать вамъ все, что я чувствую, выразить вамъ мою благодарность, мое благоговѣніе къ вамъ... Я сознаю, вы имѣли право почитать меня недостойнымъ того счастія, на которое указываете вы теперь мнѣ... Вы говорите вѣрно: счастіе это слѣдуетъ заслужить... заслужить годами терпѣнія, покорности, мукъ. И я вынесу, выдержу, заслужу, клянусь вамъ Богомъ... Что всѣ эти искусы и муки предъ тѣмъ, что можетъ ждать меня!...

„О, молодость!“ слушая его, безысходною тоской сжималось сердце князя Ларіона. Онъ опустилъ глаза, чтобы не видѣть выраженія этихъ молодыхъ надеждъ на этомъ счастливомъ молодомъ лицѣ...

Сергѣй оборвалъ вдругъ:

— А теперь, князь, что же, проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ,—намъ надо уѣзжать съ тетушкой.

— Я полагаю, что самимъ вамъ въ настоящую минуту

было бы не ловко оставаться... послѣ отвѣта Аглаи Константиновны тетушкѣ вашей... Она все же хозяйка дома...

— И не видать болѣе княжны, не встрѣчаться съ нею... До какихъ же поръ? еле слышно прошепталъ молодой человѣкъ.

— Пока я въ Сицкомъ, не сразу отвѣчалъ князь,—я буду очень радъ, если вамъ отъ времени до времени вздумается навѣщать меня... Вы можете встрѣтиться съ Hélène... „Чтобы гусей не раздразнить", добавилъ онъ, усмѣхаясь черезъ силу,—спѣшить не надо! Положимъ, напримѣръ, срокъ первому визиту въ концѣ этого мѣсяца.

— И за то великое спасибо, князь! вздохнулъ, подумавъ, Гундуровъ.

Послѣдовало новое, продолжительное молчаніе.

Сергѣй остановилъ глаза на князѣ. Его поразилъ его разстроенный, лихорадочный видъ.

— Вамъ какъ будто нездоровится, князь?

Тотъ поднялъ глаза какъ будто съ просонковъ.

— Усталъ, сплю плохо... Года, что же дѣлать! примолвилъ онъ, пытаясь еще разъ вызвать улыбку на лицо, но молодому человѣку стало вдругъ жутко отъ вида этой улыбки.

— Надо будетъ пойти проститься съ княгиней, сказалъ онъ, возвращаясь къ предмету личной своей заботы;—не знаю, приметъ-ли она насъ?

— Она сказывается больною, не выходила къ завтраку, отвѣтилъ князь Ларіонъ,—вѣроятно, не приметъ... и избавитъ васъ такимъ образомъ отъ личной непріятности... Пошлите ее спросить во всякомъ случаѣ.

— А теперь, князь, молвилъ черезъ мигъ Гундуровъ,—мнѣ остается только выразить вамъ еще разъ мое глубокое сердечное спасибо и проститься съ вами... до послѣднихъ чиселъ іюня, не такъ-ли?...

Хозяинъ всталъ въ свою очередь.

— Да, да!... До свиданія, Сергѣй Михайловичъ!... А къ тетушкѣ вашей я самъ сейчасъ зайду пожелать ей добраго пути.

Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ.

„Что же“, оставшись одинъ, спросилъ себя князь Ларіонъ,—„легче-ли мнѣ стало теперь, какъ обѣщала эта добрая женщина?... Нѣтъ, все то-же!“ глухо вырвалось у него изъ груди, и онъ откинулся опять въ глубь дивана, нажимая глаза себѣ рукой.

XXV.

Les myrtes sont flétris, les roses mortes.
Nadaud.

На небо взглянулъ я, и тучи
Увидѣлъ я черныя тамъ.
Плещеевъ.

Читатель, если не даромъ прошла ваша молодость, и на разсвѣтѣ ея выпало вамъ на долю счастіе любви, — первой, чистой, благословенной любви, съ ея волшебною дѣйствительностью и золотыми снами, если вы подъ сѣдинами сохранили память о свѣтломъ существѣ, въ которомъ въ тѣ дни соединялись для васъ вся прелесть, все добро, весь свѣтъ и красота человѣческой жизни,—для васъ понятно будетъ все, что происходило въ душѣ Гундурова въ минуту разставанія съ княжной... Онъ походилъ на человѣка, ошеломленнаго ударомъ грозы: хотѣлъ говорить — и не могъ, искалъ собрать мысли—и пуще терялся... Тутъ были Софья Ивановна, князь Ларіонъ, Ашанинъ,—но онъ не видѣлъ никого, не отвѣчалъ ни на чьи рѣчи, не слыхалъ ихъ! Онъ только растерянно глядѣлъ на Лину и чувствовалъ въ груди, въ сердцѣ, словно тысячу иголокъ разомъ коловшихъ его и не дозволявшихъ ему сознавать никакого иного ощущенія, кромѣ этой острой, нестерпимой боли. Онъ пробормоталъ что-то въ послѣднюю минуту и ушелъ вслѣдъ за теткой, спотыкаясь на каждой ступенькѣ лѣстницы... Уже въ колескѣ, у крыльца, вспомнилъ онъ, что не сказалъ и сотой доли того, что готовился сказать ей, внезапно, къ ужасу тетки, выскочилъ стремглавъ

изъ экипажа, кинулся обратно въ домъ, догналъ княжну въ гостиной, куда она, проводивъ отъѣзжавшихъ до лѣстницы (Софья Ивановна упросила ее не итти далѣе), побѣжала взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ изъ окна, схватилъ ея руку, попытался что-то выговорить... и не могъ, а судорожно приникъ губами къ этой рукѣ,—и такъ и замеръ... Ашанинъ прибѣжалъ за нимъ, весь въ тревогѣ.

— Сережа, что ты дѣлаешь! Увидятъ люди, узнаетъ весь домъ, княгиня...

— Что-жь такое, пусть знаютъ! неожиданно для него выговорила Лина, блѣднѣя, какъ мраморное изваяніе, и сіяя такимъ блескомъ широко раскрытыхъ глазъ, какого въ нихъ еще никогда не видывалъ никто.

— Ради Бога, уходите, княжна! вскликнулъ испуганно пріятель Гундурова, — иначе его не увѣдешь, не избѣжишь скандала... И сами вы, глядите, едва на ногахъ стоите!...

— Сейчасъ уйду, погодите минуту! сказала она... И тихо отнявъ руку отъ прильнувшихъ къ ней устъ Сергѣя, она скинула съ шеи возвращенную имъ послѣ вчерашняго представленія старинную крупнокольчатую золотую цѣпочку съ портретомъ отца ея, отомкнула, сняла съ нея медальонъ и протянула ему ее.

— Возьмите и носите на рукѣ: пусть всѣ знаютъ, что это отъ меня, и что вы мой навсегда...

Ашанинъ чуть не силой увелъ нашего героя.

— Ну, слава Богу! перекрестилась даже Софья Ивановна подъ своимъ бурнусомъ, когда выѣхали они изъ Сицкаго.

Ѣхали они втроемъ съ Ашанинымъ, на котораго тетка Гундурова глядѣла теперь глубоко признательными глазами; она безконечно рада была предложенію его ѣхать съ ними въ Сашино и „остаться тамъ, пока его не прогонятъ“. Его присутствіе крайне облегчало тяжесть предстоявшей ей задачи „возиться съ этимъ сумасшедшимъ“, говорила она себѣ, поглядывая искоса на сидѣвшаго противъ нея съ опущенною головой племянника: „изныла бы я совсѣмъ одна-то съ нимъ“... И тутъ же съ просящимися на глаза слезами вспоминалось Софьѣ Ивановнѣ, какъ, въ минуту прощанія, нѣжно [illegible] изъ

ей шею рукой и крѣпко прижавшись золотистою головкой своею къ ея плечу, прошептала ей на ухо Лина: „тетя, берегите его!“

Быстро мчали ихъ добрыя караковыя лошадки. Сицкое скрылось за пригоркомъ; потянули поля съ желтоватою зеленью ржи, словно легкимъ туманомъ подернутою золотистою пылью цвѣтенія... Вотъ и лѣсъ за границей Шастуновскихъ владѣній... О, такимъ-ли видѣлъ его Гундуровъ въ тотъ незабвенный полдень, послѣ первой встрѣчи съ княжной? Онъ не узналъ его: гдѣ тѣ краски, гдѣ тѣ волшебные переливы свѣта и тѣней? Погода съ утра успѣла измѣниться, надъ вершинами березъ низко проносились темнолиловыя тучи. Непривѣтно смотрѣла лѣсная чаща, птицы замолкли, весенніе ландыши отцвѣли давно... Безцвѣтно и уныло, какъ и въ его душѣ, было теперь подъ густою сѣтью нависавшихъ надъ ними вѣтвей, и лишь шумъ плюскавшихъ по листьямъ капель засѣявшаго дождя, да индѣ гулкій стукъ дрозда о стволъ древесный доносились до его слуха, вмѣсто тѣхъ неисчислимыхъ голосовъ, что̀ привѣтствовали его здѣсь на зарѣ его счастія.

Счастія... Да развѣ закрылось оно для него навсегда, развѣ не ждетъ оно его впереди, развѣ все это не временная мука, не „искусъ“, о которомъ говорилъ ему князь Ларіонъ, и который самъ онъ такъ торжественно обѣщалъ „выдержать, вынести“?... Гундуровъ внезапно поднялъ голову, оглянулъ своихъ спутниковъ, ощупалъ на лѣвой рукѣ обмотанную о кисть ея цѣпь Лины и улыбнулся мгновенною безсознательною улыбкой.

— Дождь пошелъ, сказала ему Софья Ивановна, не покидавшая его взглядомъ,—садись съ нами подъ верхъ, усядемся всѣ трое.

— Спасибо, тетя, отвѣчалъ онъ, скидывая шляпу,—пусть капаетъ, головѣ свѣжѣе.

— Дождь—къ счастію! проговорилъ на это Ашанинъ съ такою комическою серьезностью, что Софья Ивановна засмѣялась.

Но Сергѣй уже снова впалъ въ свою задумчивость...

И много дней должно было пройти, прежде чѣмъ сталъ

онъ въ состояніи перемочь себя и внести извѣстную ровность въ душевный свой обиходъ,—много дней, въ теченіе которыхъ онъ то проводилъ по цѣлымъ часамъ, запершись въ своей комнатѣ, уткнувъ голову въ руки, недвижный и безмолвный, то пропадалъ до поздней ночи въ поляхъ и оврагахъ, возвращался истомленный домой, будилъ Ашанина и заставлялъ его до зари выслушивать страстныя рѣчи о княжнѣ, объ обѣщаніяхъ князя Ларіона, о „случайностяхъ", которыя могли бы заставить Аглаю Константиновну измѣнить свое рѣшеніе... Ашанинъ терпѣливо выслушивалъ его, утѣшалъ, напоминалъ о терпѣніи и не разъ при этомъ посылалъ внутренно къ чорту пріятеля, прерывавшаго сонъ, въ которомъ онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ Ольгу Акулину,—Ольгу Акулину, надолго, если не навсегда, потерянную для него теперь, но о которой каждый день думалъ московскій Донъ-Жуанъ.

— Мнѣ просто не въ мочь ждать до конца этого мѣсяца, говорилъ ему съ отчаяніемъ Гундуровъ черезъ недѣлю послѣ отъѣзда ихъ изъ Сицкаго,—хотя бы на мигъ, издалека взглянуть на нее!

— Только раздразнить себя больше, возражалъ Ашанинъ;—и гдѣ же это такъ взглянуть на нее, чтобы не увидѣли другіе, не пошли толки, сплетни?

— Но какъ же жить такъ, безо всякихъ извѣстій! Она не здорова, можетъ быть, заболѣла отъ непріятностей, отъ преслѣдованій матери...

— Объ этомъ узнать можно, сказалъ подумавъ красавецъ:—я поѣду въ Сицкое.

— Ты?...

— А что же? Я—сторона, никакой у меня размолвки съ княгиней не было, и благоволила она ко мнѣ всегда. Поѣду къ ней съ визитомъ, навезу ей скоромныхъ анекдотцевъ коробъ цѣлый. Она предовольная останется.

— Но она узнаетъ, что ты отъ насъ, изъ Сашина...

— И не полюбопытствуетъ! А узнаетъ, такъ что же такое! Если она заговоритъ о тебѣ, я тебя ругать стану! засмѣялся Ашанинъ:—скажу, что ты ужасно гордишься и важничаешь своею Рюриковскою кровью, и почитаешь поэтому,

что чортъ тебѣ не братъ. Это на ея Раскаталовщину произведетъ самое внушительное впечатлѣніе... А княжну я тѣмъ временемъ увижу, переговорю, узнаю все...

— Володя, я напишу, передай ей! вскрикнулъ, блеснувъ взглядомъ, Гундуровъ.

— Хорошо... Нѣтъ пусть лучше напишетъ Софья Ивановна: и мнѣ передавать, и княжнѣ получать будетъ этакъ ловчѣе...

Гундуровъ кинулся ему на шею.

XXVI.

Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды недавнихъ слезъ.
Жуковскій.

А въ Сицкомъ... Какое безмолвіе, какая тоска свила себѣ въ немъ теперь гнѣздо послѣ недавняго гама, смѣха, праздничнаго сіянія! Какъ пустынно и угрюмо глядѣли эти пышныя хоромы, по лощенымъ паркетамъ которыхъ кое-когда лишь развѣ безшумно проходилъ теперь полусонный дежурный офиціантъ, посланный бдительнымъ Витторіо спустить занавѣсы отъ солнца или смести насѣвшую на мебель пыль... Изъ гостей оставался одинъ лишь Зяблинъ, каждый день, впрочемъ, заявлявшій о своемъ ближайшемъ отъѣздѣ, но изо дня въ день продолжавшій все также пить чай съ очарованною имъ хозяйкой. Сама она выходила изъ своихъ внутреннихъ аппартаментовъ лишь въ часы завтрака и обѣда; въ одни лишь эти часы видѣлась она съ деверемъ и дочерью. Не веселы и тяжелы для всѣхъ были эти трапезы, за которыми каждый сидѣлъ, глядя въ свою тарелку, часто ни единымъ словомъ во все продолженіе ихъ не обмѣнявшись со своими сосѣдями, и прислушивался, отъ нечего дѣлать, къ пустой болтовнѣ князька „Базиля“ съ его невозмутимымъ Англичаниномъ. Аглая Константиновна не то дулась, не то конфузилась, не смѣя поднять глазъ на князя Ларіона и отворачивая ихъ отъ Лины. Изъ-за стола вставали всѣ поспѣшно, какъ бы отбывъ обременительный долгъ, и тотчасъ же расходились, каждый въ свою сторону. Князь Ларіонъ усиленно ходилъ, читалъ

верхомъ. Лина гуляла до устали и заигрывалась по вечерамъ Бахомъ и Марчелло, строгія вдохновенія которыхъ ладились съ невеселымъ настроеніемъ ея духа... Между дядей и племянницей отношенія какъ бы вдругъ совершенно порвались: они не сходились, не видались, кромѣ какъ въ часы общихъ трапезъ, тяжелыхъ и безмолвныхъ. Какое-то взаимное недоразумѣніе лежало между ними. Онъ, послѣ того разговора съ ея матерью, наружно какъ бы столько же боялся возобновленія прежней интимности своей съ Линой, сколько внутренно жаждалъ и томился по ней. Онъ ждалъ, что она „подойдетъ“ сама, сама почувствуетъ потребность тѣхъ прежнихъ, близкихъ, дружескихъ отношеній, „заставитъ его“ возобновить ихъ. „Не пожертвовалъ-ли онъ себя весь“, не подарилъ-ли себя, не обѣщалъ-ли „избранному ею“ полное содѣйствіе и покровительство?... Княжна, въ свою очередь, чувствовала себя исполненною къ нему искреннѣйшей благодарности и томилась желаніемъ выразить ее ему. Но какъ? Онъ казался ей мраченъ до суровости, онъ удалялся, не искалъ случая разговора съ нею. Она боялась сказать ему слишкомъ мало, или слишкомъ много,—все то же внутреннее чутье подсказывало ей, что горячее выраженіе этой благодарности ея способно было бы только растравить ту рану, которую, она знала, носилъ онъ въ себѣ съ первой почти минуты появленія Гундурова въ Сицкомъ... Она не старалась углубиться въ разгадку двигавшихъ его побужденій, она останавливалась на тѣхъ объясненіяхъ, которыя самъ онъ далъ ей по этому поводу: онъ одинокъ, привыкъ, привязанъ къ ней, онъ видѣлъ въ ней свой „bâton de vieillesse“, ему тяжела мысль потерять ее, разстаться съ существомъ близкимъ ему по крови, по чувствамъ, по симпатіямъ... „Онъ добръ, дядя, благороденъ, онъ это доказалъ намъ теперь“, разсуждала Лина,—„но въ немъ, какъ во всѣхъ старыхъ людяхъ, есть своя доля эгоизма: онъ рѣшился теперь стать прямо на нашу сторону, но все же простить мнѣ это онъ сразу не можетъ“...

И такъ шли дни, и какъ бы все далѣе и далѣе расходились они, „и какъ враги избѣгали свиданія и встрѣчи.

[е]весело, но и не мятежно было на душѣ Лины. Она вѣри-

ла,—она умѣла вѣрить. Тяжко было для нея отсутствіе любимаго человѣка, и слезы невольно текли о немъ изъ ея глазъ, но она знала, что онъ думалъ ежечасно о ней, какъ и она ежечасно думала и молилась о немъ, знала, что она его увидитъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, и терпѣливо считала дни, отдѣлявшіе ее отъ этой минуты. О болѣе дальнемъ будущемъ она загадывать не смѣла, но и не отчаявалась въ немъ,—она была увѣрена и въ себѣ, и въ Сергѣѣ,—„да и не грѣхъ-ли отчаяніе?...“ Забвеніе, въ которомъ она была какъ бы оставлена окружавшими ее, не тяготило ея; въ настоящую минуту оно было дорого ей, напротивъ: ей были дороги это царствовавшее кругомъ ея людское безмолвіе, и ничѣмъ не стѣсняемая свобода долгихъ размышленій, и одинокія прогулки по межамъ засѣянныхъ полей, куда обыкновенно направляла она шаги, исчезая какъ птичка среди высокихъ хлѣбовъ, и эта тишь, и ширь, и простота волнующихся линій русской, еще новой для нея, природы, о которой съ дѣтства мечтала она на чужбинѣ и которая такъ близка, такъ родна была ея тихой душѣ. Ей слаще всего было среди этой природы думать о Гундуровѣ, вспоминать его восторженныя рѣчи, его страстную любовь къ этой дорогой имъ обоимъ родинѣ, „безбрежной“, какъ и то чувство, которое соединяло ихъ „на вѣки“ другъ съ другомъ...

Она возвращалась какъ-то домой съ одной изъ такихъ своихъ прогулокъ (былъ третій часъ пополудни), какъ вдругъ увидѣла на дворѣ предъ крыльцомъ знакомую ей четверку караковыхъ. Сердце забилось у нея. „Неужели онъ“?..

— Кто это пріѣхалъ? спросила она, насколько ей было возможно спокойнѣе, входя въ сѣни.

— Господинъ Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣчалъ слуга.

— Къ кому?

— Къ ея сіятельству княгинѣ.

Лина поднялась въ первый этажъ...

А Донъ-Жуанъ нашъ сидѣлъ тѣмъ временемъ въ ситцевомъ кабинетѣ княгини и потѣшалъ ее, какъ обѣщался Гундурову, всякими разсказами легкаго содержанія. „Il est vrai-

ment charmant, ce monsieur Ашанинъ!“ повторяла она, покатываясь и одобрительно относясь съ этими словами къ неизбѣжному Зяблину, сидѣвшему тутъ же, и на обычно оживленномъ лицѣ котораго изображалось не менѣе одобренія, а удовольствія вдвое, за то неожиданное развлеченіе, которое пріѣздъ Ашанина вносилъ въ его безконечный tête-a-tête съ этою умною женщиной.

Ашанинъ сообразилъ совершенно вѣрно. Аглая Константиновна даже не „полюбопытствовала“ узнать, кто тѣ „друзья въ ея сосѣдствѣ“, у которыхъ, на ея вопросъ при его появленіи „откуда вы?“ онъ отвѣчалъ, что „поселился на время“. Какое было ей до этого дѣло? Ее интересовало въ жизни единственно то, что̀ касалось ея лично, да и въ этомъ лично касающемся ея она никакими дальнозоркими вопросами не задавалась. Ей и въ голову не пришло, что визитъ молодаго человѣка могъ имѣть какое-либо отношеніе къ тому, что̀ она на своемъ живописномъ французскомъ діалектѣ называла „ce bête d'amour de ma fille pour un monsieur de rien du tout“.

— А княжны я не увижу? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Ашанинъ, исчерпавъ до дна свой запасъ анекдотовъ.

— Она гуляетъ, должно быть; это ея обыкновенный часъ, отвѣчалъ Зяблинъ.

— Вы увидите ее за обѣдомъ, промолвила хозяйка;—вѣдь вы съ нами обѣдаете?

— Извините, княгиня, не могу!..

— Pourquoi donc? Вы, можетъ быть, боитесь que le dîner sera mauvais, потому что мы одни, безъ гостей, полуигриво, полуобидчиво отпустила Аглая.

— Помилуйте! засмѣялся Ашанинъ, — я знаю, что вы съ гостями и безъ гостей обѣдаете, какъ обѣдалъ одинъ только покойный Лукуллъ.

Она недоумѣло вперила въ него свои круглыя очи:

— Ah, oui, Lucullus, ce général de Rome qui avait un si bon cuisinier, вдругъ вспомнила она былые уроки madame Crébillon и расхохоталась, несказанно обрадованная. — Il a

toujours le mot pour rire! примолвила она, подмигивая все тому же Зяблину.—Такъ отчего же вы не хотите manger un bon dîner? допытывалась она опять у своего молодаго гостя.

— Мнѣ надобно еще въ городъ отъ васъ, объяснилъ онъ:— мнѣ поручено привести оттуда ящикъ книгъ, присланный... моимъ друзьямъ...

— И ужь вѣрно не книги, съ новою игривостью закачала головою Аглая, — a quelque affaire de femme?... Ахъ, я знаю, вскрикнула она, — вамъ хочется, je suis sûre, увидѣть Olga Akouline; вы, кажется, были немножко amoureux d'elle?... Только опоздали, она выходитъ за мужъ за monsieur Ранцова.

— Это не новость, княгиня. Она это намъ всѣмъ громогласно объявила, уѣзжая съ нимъ отсюда въ одинъ день, что̀ и всѣ мы, когда разстроился *Левъ Гурычъ Синичкинъ*.

— Нѣтъ, я это узнала недавно вотъ чрезъ него! — И Аглая опять кивнула на „бригата“. — C'est une joule fille, et de l'esprit, mais très impertinente, n'est-ce pas? спросила она его.

Зяблинъ нѣжно покосился на нее и испустилъ глубокій вздохъ.

— И какое ей счастіе! Il se trouve, что этотъ monsieur Ранцовъ очень богатъ, говорятъ...

Ашанинъ поспѣшно всталъ со своего кресла. Произнесенное имя Ольги внезапно пробудило въ немъ съ новою силой помыслъ о ней, желаніе увидѣться съ нею. Онъ, дѣйствительно, по просьбѣ Гундурова, взялся заѣхать въ городъ за ящикомъ книгъ, высланныхъ по почтѣ изъ Москвы его пріятелю, и говорилъ себѣ теперь, что вѣдь „Ольга тамъ, и что кто чего сильно хочетъ, того непремѣнно достигаетъ“...

— Позвольте поцѣловать вамъ ручку, княгиня, проговорилъ онъ,—мнѣ пора!

— Vous avez voulu voir Lina? молвила она, не безъ извѣстнаго внутренняго удовольствія касаясь жирными губами своими наклонившагося къ ней горячаго лба красавца.

— Я постараюсь найти ее на прогулкѣ...

— Надѣюсь, до свиданія, если вы останетесь въ нашихъ странахъ?

— Надоѣмъ еще вамъ моими посѣщеніями, княгиня, будьте покойны! смѣялся онъ, прощаясь.

Онъ вышелъ. Зяблинъ пошелъ проводить его.

Внезапная мысль блеснула по пути въ сообразительной головѣ Ашанина.

— Евгеній Владиміровичъ, спросилъ онъ, когда очутились они вдвоемъ въ пустой и полутемной отъ спущенныхъ занавѣсъ гостиной, глядя во всѣ глаза на своего спутника: —скажите пожалуйста, долго-ли будетъ упорствовать княгиня въ намѣреніи выдать дочь противъ ея воли за этого петербургскаго флигель-адъютанта?

„Бригантъ“ никакъ не ожидалъ этого и пришелъ въ первую минуту въ конфузъ.

— Я, право, не знаю... и почему вы это меня спрашиваете? пробормоталъ онъ своимъ глухимъ, сдобнымъ голосомъ.

— Ахъ, полноте, засмѣялся красавецъ,—будто я не знаю, какъ вы дружны со здѣшней хозяйкой!

— Что же... дружень... пролепеталъ, еще болѣе смущаясь и хмуря брови, Зяблинъ.

— Ну, да, невиннѣйшимъ тономъ пояснилъ тотъ, — у всѣхъ бываютъ друзья, и несомнѣнно, что вы болѣе близки съ княгиней, чѣмъ всѣ мы вотъ, жившіе здѣсь такъ долго... И я совершенно понимаю васъ: она премилѣйшая женщина... Упряма немножко, — что дѣлать, у всѣхъ свои недостатки... Но вотъ я именно и думаю, что обязанность настоящихъ друзей употреблять свое вліяніе на тѣхъ, кого они любятъ и кто вѣритъ имъ, чтобы предотвращать ихъ отъ ложныхъ поступковъ... особенно же, когда съ этимъ соединяется и ихъ *собственная невыгода*, подчеркнулъ Ашанинъ.

Зяблинъ насторожилъ уши.

— Это, то-есть, чья же невыгода?...

— Невыгода друзей, поспѣшилъ объяснить Ашанинъ.

— Какъ же это вы понимаете?

— Очень просто! Согласись княжна выйти замужъ за того, кого желаетъ мать, она уѣдетъ съ мужемъ въ Петербургъ, а за нею и сама княгиня, и мы такимъ образомъ лишимся дома, въ которомъ, и въ Москвѣ, и здѣсь, всѣ мы, а

вы первый, находили столько удовольствія бывать... Объ этомъ стóитъ подумать!

— Княгиня не обязана ѣхать за дочерью, промямлилъ Зяблинъ, искоса поглядывая на своего собесѣдника,—она можетъ и въ Москвѣ остаться.

— Съ кѣмъ это и для кого? вскликнулъ недовѣрчиво Ашанинъ;—чтò ее здѣсь можетъ удержать?

„Я“, могъ бы себѣ, пожалуй, сказать „бригантъ“... Но онъ не сказалъ этого себѣ,—много уже воды успѣло примѣшаться въ послѣднее время къ вину его первоначальныхъ иллюзій. Онъ въ глубинѣ души своей долженъ былъ сознаться, что эта „тупая тетёха“, которую онъ въ первую пору ихъ отношеній думалъ, въ силу своихъ прежнихъ Печоринскихъ успѣховъ, держать „подъ ногами“, держала его въ дѣйствительности „при себѣ“ и нисколько не расположена была пока отдать ему верховенство надъ собою. Онъ мирился, скрѣпя сердце, съ этимъ положеніемъ, надѣясь добиться все-таки своего со временемъ, но понималъ, насколько положеніе это было до сей минуты шатко, и какъ не возможно было бы ему и вовсе сохранить его въ случаѣ переселенія княгини въ Петербургъ. Въ качествѣ чего послѣдовалъ бы онъ за нею туда? (Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ дорожилъ наружнымъ своимъ гоноромъ). Слова Ашанина заставили его призадуматься.

— Вы, конечно, таинственно пропустилъ онъ,—все это на пользу пріятеля вашего, Сергѣя Михайловича Гундурова говорите?

— Непремѣнно, засмѣялся еще разъ Ашанинъ;—прежде всего въ виду его, а потомъ „на пользу“ и насъ съ вами.

Зяблинъ помолчалъ.

— У этого Анисьева, все такъ же таинственно прошепталъ онъ затѣмъ,—большое количество долговъ, говорятъ... Но княгиня до сихъ поръ не хочетъ этому вѣрить.

— А на тò, вотъ я и говорю, друзья, живо молвилъ на это красавецъ,—чтобъ умѣть убѣдить ее въ томъ... а при томъ и намъ не мѣшать, примолвилъ онъ, многозначительно устремляя взглядъ на „бригантa“.

— Это само собою, будьте увѣрены! отвѣтилъ, осторожно озираясь кругомъ, тотъ и протянулъ ему руку.—Ахъ, да вотъ и княжна; я ретируюсь! поспѣшно выговорилъ онъ, исчезая тутъ же за портьерой двери, отдѣлявшей парадные покои отъ интимныхъ аппартаментовъ княгини.

Ашанинъ устремился навстрѣчу дѣйствительно показавшейся въ дверяхъ слѣдующей комнаты княжны.

— Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ, какъ я рада васъ видѣть! молвила она:—откуда вы, изъ Сашина?...

— Изъ Сашина, княжна... Я имѣю къ вамъ письмо, сказалъ онъ, засовыя руку въ боковой карманъ.

— Письмо? повторила она, невольно вся заалѣвъ.

— Отъ Софьи Ивановны Переверзиной...

— Ахъ, давайте, давайте!...

Оно заключалось лишь въ нѣсколькихъ задушевныхъ строкахъ. Софья Ивановна поручала Ашанину передать княжнѣ все, что могло бы интересовать ее въ „Сашинскомъ ихъ житьѣ-бытьѣ“, а ее просила „писать о себѣ, о своемъ здоровьѣ какъ можно подробнѣе...“ „Вы съ *нами* мысленно и душевно, и днемъ и ночью. Услышитъ-ли Богъ наши молитвы, чтобы въ явѣ совершилось то, что такъ пламенно призываемъ въ мечтаньяхъ?“ говорилось въ концѣ записки.

Лина усадила подателя ея около себя на диванъ, жадно и умиленно глядя ему въ глаза, засыпая его вопросами. Онъ отвѣчалъ горячо и пространно, съ нѣжнымъ, братскимъ какимъ-то чувствомъ любуясь на нее, любуясь сердечною прелестью, сквозившею сквозь каждое слово, каждый взглядъ ея, вызывая не разъ смѣхъ на ея уста намѣреннымъ комизмомъ передачи иныхъ разговоровъ своихъ о ней съ Гундуровымъ и тѣхъ якобы пытокъ, которыя заставляетъ его переносить пріятель, рѣшившій-де окончательно уморить его посредствомъ лишенія сна...

— А теперь все, княжна, хоть выжмите, ни капельки не осталось! закончилъ онъ.—Мнѣ остается только дождаться теперь отвѣта вашего на это письмо и затѣмъ уѣхать...

— Я пойду, напишу сейчасъ, сказала подымаясь Лина.

— Отлично, а когда кончите, пошлите за мною къ Факирскому. Я у него ждать буду.

— Его нѣтъ здѣсь, вскликнула княжна:—у него въ Москвѣ заболѣла опасно мать, и онъ третьяго дня уѣхалъ къ ней.

— Жаль! сказалъ раздумчиво Ашанинъ.—Я, признаюсь вамъ, княжна, думалъ было устроить чрезъ него постоянныя сношенія съ Сицкимъ. Намъ въ Сашинѣ всего мало, промолвилъ онъ, смѣясь:—мы бы желали имѣть тамъ о васъ ежедневныя, ежечасныя свѣдѣнія, и Факирскій съ этой стороны могъ служить для насъ живымъ дневникомъ... Нечего дѣлать, какъ-нибудь иначе устроимъ! договорилъ онъ какъ бы про себя.—Пойду прогуляться въ садъ въ ожиданіи вашего отвѣта... Вы скоро пишете, княжна?

— Да! А что?

— Часа вамъ будетъ довольно на письмо? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Постараюсь, отвѣчала она тѣмъ же.

— Такъ я черезъ часъ приду сюда за нимъ.

Онъ довелъ ее до лѣстницы. Она поднялась къ себѣ. Онъ собирался спуститься, когда услыхалъ шумъ шаговъ бѣжавшихъ за нимъ по парадным комнатамъ и чей-то звавшій его голосъ:

— Господинъ... Мусью... Мусью Ашанинъ!...

Онъ повернулъ назадъ.

Къ нему неслась, вся запыхавшись, первая камеристка княгини, обильногрудая и неимовѣрно перетянутая въ таліи „Lucrèce“, держа въ рукахъ плетеную корзиночку, укрытую широкими кленовыми листьями.

— Это вамъ-съ ихъ сіятельство, княгиня, изволили вишни прислать на дорогу, чтобы ѣхать вамъ было не скучно-съ, доложила она сюсюкая и устремляя на него свои живые мышиные глазки.

Ашанинъ воззрился на нее.

„Какія монументальныя красы!“ подумалъ онъ: — „ничего подобнаго, кажется, и не было до сихъ поръ въ моей коллекціи“. И новое соображеніе мелькнуло тутъ же въ головѣ его.

— Искреннѣйше поблагодарите отъ меня княгиню за вни-

маніе, сказалъ онъ громко, помаргивая владѣлицѣ этихъ „монументальныхъ красотъ“ своимъ искусительнымъ донъ-жуанскимъ взглядомъ,—только у меня такая привычка, что я фруктовъ никакъ въ одиночествѣ ѣсть не могу, а чтобъ была у меня при этомъ пріятная компанія.

— Это, то-есть, какже-съ понимать надо-съ? принялась тотчасъ же поджиматься и скалить крупные бѣлые зубы опытная „Lucrèce“.

— А я вотъ сейчасъ въ садъ иду, такъ мы можемъ съ вами тамъ въ укромномъ уголку опорожнить эту корзинку вдвоемъ.

„Lucrèce“ сочла нужнымъ на первый разъ выразить извѣстнаго рода оппозицію.

— Извините, мусью, я такой променажъ не слишкомъ предпочитаю. Потому далеко иттить. Можно и совсѣмъ свое спокойствіе духа потерять.

— Напрасно! сказалъ невозмутимо Ашанинъ, приподымая двумя пальцами покрывавшіе корзину листья: — вишни преспѣлыя и превкусныя, надо быть.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Что же мнѣ съ ними дѣлать-то? молвила она ему вслѣдъ:—взять ихъ не желаете?

— Въ саду, не иначе! отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь.

— Такъ гдѣ же васъ тамъ найтить? уже шопоткомъ промолвила на это дебелая красавица.

— Въ гротѣ, надъ рѣкой. Знаете мѣсто?

— Бывала-съ...

XXVII.

Черезъ полчаса послѣ этого, подъ темнымъ и низкимъ сводомъ таинственно заросшаго кустами грота, въ корзинѣ, стоявшей на широкой дерновой скамьѣ, между „монументальною Lucrèce“ и московскимъ Донъ-Жуаномъ оставались отъ вишень однѣ косточки, а разговоръ отзывался характеромъ нѣкоей трогательной интимности.

— И ужь доподлинно можно сказать, говорила жирная Церлина, — что на нашу сестру вы самый какъ ни на есть ловкій, самый жестокій господинъ.

— Да, я ужасно жестокъ на женщинъ! пресерьезно молвилъ шалунъ, чиркая спичкой о скамью и закуривая папиросу.

— Потому, главное, ужасный вы насмѣшникъ, продолжала она, примазывая рукой свои жесткіе, значительно растрепавшіеся волосы,—а которая себя чувствуетъ, очень для нея это обидно бываетъ, и даже иной разъ лучше совсѣмъ со свѣта сойтить... Вотъ, хошь-бы сказать Надежда Ѳедоровна наша, въ монашенки теперича пошла, примолвила Lucrèce, усмѣхаясь съ самымъ рѣшительнымъ лукавствомъ, — чьихъ это рукъ дѣло, не знаете?

— Я чужими дѣлами не интересуюсь, хладнокровнѣйшимъ тономъ отвѣчалъ онъ.

Она фыркнула во весь ротъ.

— Не интересуетесь? Безсовѣстный вы, прямо сказать!... А исправникова-то барышня въ садъ сюда ночью на свиданье къ кому ходила,—можетъ тоже не знаете?

„О, всевидящее око переднихъ, кто уйдетъ отъ тебя“! съ нѣкоторымъ ужасомъ произнесъ мысленно Ашанинъ.

— И все это вы вздоръ несете, милая моя, воскликнулъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, — ничего подобнаго не бывало никогда!

— Ска-а-жите по-о-жалуйста! медленно и гнусливо выговорила она, насмѣшливо закачавъ головой направо и налѣво.— Ну, а если васъ спросить теперича, для чего вы сегодня къ намъ пріѣхали? молвила она, чуточку помолчавъ предъ этимъ.

— Какъ для чего? Съ визитомъ пріѣхалъ къ княгинѣ...

— Та-акъ! И больше ничего?

— Чего же еще больше?

— Съ княжной нашею, съ Еленой Михайловной, не видались?

— Видѣлся...

Lucrèce осторожно потянулась головой ко входу грота и вполголоса спросила:

— Письмо ей привозили?

Онъ тотчасъ же сообразилъ, что отрицаніе было бы совершенно безполезно.

— Привозилъ, отъ генеральши Переверзиной.

Lucrèce сочувственно повела головой сверху внизъ.

— Солидная, такъ надо сказать, барыня эта генеральша! внушительно произнесла она.

— Вы одобряете? не могъ не засмѣяться Ашанинъ.

— А вы такъ полагаете, нѣсколько обидчиво всклинула на это его новая жертва, — что мы, люди, всю эту коммерцію про господъ распознать не въ состояніи, кто *настоящій* есть, а кто только-что, тяпъ-ляпъ, по-французскому обученъ, а самъ, или сама изъ того же хамства произошли? Оченно вы ошибаетесь, потому мы, можетъ, лучше васъ самихъ до тонкости насчетъ этого самаго понимаемъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на нее.

— Я вижу, красавица моя, проговорилъ онъ, — что щедрая природа надѣлила васъ такимъ же умственнымъ, какъ и тѣлеснымъ обиліемъ, а потому прямо васъ спрошу такъ: какъ вы насчетъ княжны полагаете?

Она подняла на него глаза.

— Что̀ про княжну говорить? Святая барышня: всему дому и даже каждому чужому извѣстно.

— Ну-съ, а маменька ея, повелительница ваша?...

Lucrèce такъ и прыснула (очень ужь понравилось ей это выраженіе).

— „Повелительница“, повторила она, — это ужь точно!... Ишь вѣдь вы бѣдовый какой, а еще меня спрашиваете! Что̀ же это вамъ про нихъ знать нужно?

Тонкій Ашанинъ сообразилъ тотчасъ же изъ этихъ отвѣтовъ, что могъ смѣло приступить къ дѣлу.

— А вотъ что̀, достопрекрасная...

— Лукерья...

— По батюшкѣ какъ?

— Ильинична-съ.

— Такъ вотъ что̀, восхитительная Лукерья Ильинична: во-первыхъ, я желалъ бы продолжать съ вами столь пріятно начатое знакомство...

— Что̀ же, это можно-съ, прошептала она, признавъ при этомъ необходимымъ стыдливо опустить рѣсницы.

— А, во-вторыхъ, я очень любопытенъ, а потому весьма желательно было бы мнѣ знать всякую штуку, какая у васъ здѣсь можетъ происходить.

Церлина лукаво подмигнула ему.

— Сами-то вы, мусью Ашанинъ, штука, у, какая тонкая! Это вамъ, значитъ, нужно знать все и прочее?

— Вы сказали, моя прелесть! расхохотался онъ,—именно такъ: „все и прочее!“

— И это можно, рѣшила она,—потому я у Француженки въ Москвѣ шесть лѣтъ въ обученіи находилась, и все, даже до послѣдняго почти слова, понять могу, и даже съ мусью Витторіо всегда по-ихнему говорю, и, кромѣ того, все знаю насчетъ этого петербургскаго графа, что за него княжна не хочетъ иттить, а онъ все надѣется, потому княгиня имъ очень протежируетъ, и даже съ ихнею матушкой у нихъ переписка постоянно идетъ...

— Ну вотъ, ну вотъ, все это намъ знать и нужно! вос-

кликнулъ радостно Ашанинъ:—если какое-нибудь новое письмо получится, и что они затѣвать будутъ...

— Читать я сама по-французскому не обучена, возразила Lucrèce,—а что княгиня безпремѣнно станутъ объ этомъ съ мусью Зяблинымъ разговаривать, и я всегда это услышать могу.

— Прелестно! А вотъ еще что, моя красавица, если бы нужно было, напримѣръ, княжнѣ опять письмо доставить, или отъ нея получить?

Красавица подумала.

— Отчего же, вновь рѣшила она затѣмъ,—и доставить, и получить опять-таки въ нашихъ рукахъ.

— Только при этомъ такъ надо было-бы устроить, чтобы княжна не знала, что это вы.

— И не будутъ знать. Глаша ихняя безграмотная, а я всегда вхожа въ ихъ комнаты, и могу имъ письмо на столъ положить, или взять ихнее, если напишутъ.

— Вы просто богъ Меркурій въ юпкѣ, очаровательная Лукерья! еще разъ вскликнулъ Ашанинъ:—ну, а теперь какъ же намъ собственно съ вами-то сообщеніе устроить, если увидаться или послать, что нужно?

И на этотъ предметъ нашлось въ умственномъ запасѣ бывалой Lucrèce подходящее рѣшеніе:

— А у меня тутъ на селѣ родной братъ живетъ, Ѳедоръ Ильинъ прозывается, потому я сама здѣшняя, Сицковская; третья его изба справа, если изъ города примѣрно ѣхать. Такъ если что нужно, только къ нему пошлите, велите Ваську спросить: шустрый этто у него мальчикъ есть, племянникъ мой. Онъ это все сорудуетъ, если мнѣ что отъ васъ, или къ вамъ отъ меня послать... Къ вамъ въ Сашино, въ Гундуровское посылать?

— Да, я тамъ, у Гундурова...

— Ахъ, какъ этотъ самый вашъ господинъ Гундуровъ прекрасно Гамлета представляетъ! нежданно воскликнула она:—очень даже, могу сказать, обожаю ихъ за это, скажите имъ! Когда онъ этто про мать свою говорилъ, что она башмаковъ еще не износила, а за другаго вышла, а самъ въ слезы,

я даже убѣжала, потому у самой-то такъ и текутъ у меня, такъ и текутъ, а лакеишки-дурачье смотрятъ и смѣются... Ужь потомъ пришла смотрѣть опять, когда это они съ нашей княжной: „въ монастырь, говоритъ, ступай, въ монастырь!“ А пошла-то не она, а Надежда Ѳедоровна наша, безмозглая. Стоитъ! И Lucrèce, поведя насмѣшливо взглядомъ въ сторону нашего Донъ-Жуана, прыснула еще разъ со смѣху. — А что они, пріятель-то вашъ, въ княжну нашу очень врѣзамшись? спросила она тутъ же:—какъ вы скажете, мусью?

— Есть таки, Лукерья Ильинична, есть!..

— И сейчасъ видать, что настоящее это у нихъ, а не изъза приданаго, какъ у того, у петербургскаго-то. Хоть и холопка я, а понимать могу... Такъ вы имъ, такъ и скажите, разсмѣялась она,—что отъ сердца даже желаю, чтобы высватали они себѣ нашу княжну, потому ужь оченно они чувствительно этого самаго Гамлета умѣютъ играть.

„Господи“, сказалъ себѣ мысленно Ашанинъ,—„даже любовью къ искусству пылаютъ „сіи огромные сфинксы!“

— Восхитительная Лукерья, возгласилъ онъ, обнимая ея колѣноподобныя плечи,—добродѣтели ваши достойны всякихъ наградъ!..

— Баловникъ вы, баловникъ! залепетала она, зажмуривая отъ удовольствія свои плутоватые и сластолюбивые глазки...

XXVIII.

Княжна встрѣтила Ашанина въ гостиной съ письмомъ въ рукѣ.

— Не поручите-ли вы мнѣ передать *имъ* еще что-нибудь на словахъ? спросилъ онъ, принимая письмо и опуская его въ карманъ.

— Я написала, молвила она съ тихою улыбкой, — но вы скажите имъ, какою вы нашли меня сами... Я спокойна, здорова пока, какъ видите; думаю и не отчаяваюсь, примолвила она, опуская вѣки.—Да скажите *имъ*, что я получила вчера письмо отъ графини Воротынцевой... Мы должны были ѣхать къ ней съ maman, но она вдругъ очень скоро собралась за границу и написала мнѣ очень милое, симпатичное письмо на прощанье, въ которомъ также проситъ *меня* передать много очень дружескаго Софьѣ Ивановнѣ... и Гамлету... Она не знала, что мы уже... не видимся... заключила Лина слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Княжна, сказалъ Ашанинъ,—княгиня Аглая Константиновна весьма любезно пригласила меня посѣщать ее въ Сицкомъ, пока я „въ здѣшнихъ странахъ“, какъ выразилась она (о томъ, гдѣ эти „страны“, она не справлялась, и едвали, кажется, знаетъ, что живу я именно въ Сашинѣ). Приглашеніемъ ея я, само собою, не премину воспользоваться и на будущей недѣлѣ пріѣду сюда опять. Но до этого, и вообще въ интервалахъ между моими пріѣздами сюда, могутъ случиться какія-нибудь обстоятельства, о которыхъ вы сочтете, быть можетъ, нужнымъ извѣстить немедленно... Софью Ивановну. Какъ думаете вы это сдѣлать?

— Какъ сдѣлать? повторила, нѣсколько удивляясь вопросу, Лина:—если бы что-нибудь такое нужное случилось, я напишу и пришлю.

— Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ-нибудь изъ слугъ.

— Это можетъ быть доведено до свѣдѣнія княгини.

— Такъ что-жь такое? съ гордою интонаціей въ голосѣ проговорила княжна: — я не скрываю своихъ поступковъ; никто не можетъ находить дурнымъ, что я пишу такой высокопочтенной женщинѣ, какъ Софья Ивановна Переверзина.

— Да, молвилъ Ашанинъ,—но увѣрены-ли вы, что не подвергнете гнѣву княгини того, кого вы пошлете съ письмомъ?... Увѣрены-ли вы, примолвилъ онъ, понижая голосъ,— что не дано какого-нибудь приказанія по дому насчетъ такихъ *возможныхъ* писемъ вашихъ въ Сашино?...

Лина не отвѣчала, и все лицо ея покрылось краской стыда отъ мысли, что ея мать, дѣйствительно, была способна отдать „по дому“ подобныя приказанія...

— Я нашелъ средство, княжна, продолжалъ между тѣмъ уже нѣсколько таинственно Ашанинъ,—избавить васъ отъ всякой заботы относительно доставки вашихъ писемъ, если понадобится вамъ писать.

— Что такое? Она внимательно глянула на него.

— Очень просто: напишите, положите письмо въ конвертъ съ адресомъ и оставьте на вашемъ столѣ. Оно будетъ доставлено по назначенію въ тотъ же день.

— Какимъ же образомъ? недоумѣло спросила княжна.

Онъ засмѣялся.

— Это мой секретъ, — секретъ романа, примолвилъ онъ весело.

Она слегка нахмурилась и закачала головой.

— Я романовъ и всѣ эти таинственныя средства не люблю, сказала она,—и надѣюсь, что не буду въ необходимости прибѣгать къ нимъ.

— Но не забудьте ихъ въ случаѣ надобности, отвѣтилъ на это Ашанинъ, кланяясь и протягивая руку проститься съ нею.

— Прощайте, Владиміръ Петровичъ... Вы дядю не видали? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, мнѣ говорили, онъ уѣхалъ верхомъ...

— Я его совсѣмъ не вижу, кромѣ какъ за столомъ, словно вырвалось у нея. Она тутъ же умолкла и слабо улыбнулась...

Ашанинъ поклонился еще разъ и вышелъ.

— А теперь въ городъ! сказалъ онъ кучеру, садясь въ Гундуровскую коляску, предовольный тѣмъ, какъ успѣлъ онъ „устроить почту“ между Сицкимъ и Сашинымъ и отвлечь „бригантa“ отъ союза съ „противною стороной“. Все это великолѣпно устроилось, говорилъ онъ себѣ, и мысли его обратились теперь опять къ предмету личной его заботы— Ольгѣ Акулиной и къ шансамъ увидаться съ нею въ городѣ.

Доѣхавъ туда, онъ прежде всего велѣлъ себя везти въ почтовую контору, гдѣ долженъ былъ получить по довѣренности посылку съ книгами на имя Гундурова, и первое лицо, съ которымъ встрѣтился онъ тамъ на крыльцѣ, былъ Вальковскій.

— Ты какъ сюда попалъ? вскрикнулъ онъ въ изумленіи.— И что съ тобой? спросилъ онъ тутъ же, замѣтивъ блѣдное, сильно разстроенное лицо „фанатика“.

— Маргоренька къ гусару ушла, сейчасъ отъ Васи Тимоѳеева письмо получилъ! могильнымъ голосомъ проговорилъ тотъ, звѣрски поводя глазами и показывая грязно-исписанный листокъ почтовой бумаги, который держалъ въ рукѣ.

Ашанинъ померъ со смѣху (Маргоренька была та рябая швея, которую Вальковскій готовилъ на сцену, на роли Селименъ).

— „Маргоренька къ гусару ушла!“ повторилъ онъ, передразнивая его:—плачь, русскій театръ, плачь!

— Дуракъ! фыркнулъ ему на это „фанатикъ“.

— Само собою! продолжалъ хохотать Ашанинъ: — а ты все же объясни мнѣ, какъ ты очутился здѣсь?

— А такъ очутился, сердито молвилъ Вальковскій,—что уѣхали вы оттуда, изъ Сицкаго-то, съ Сережей, ничего мнѣ не сказавъ...

— Не до тебя было, братъ, не взыщи!

— *Льва-то Гурыча* къ тому же похоронили... Золъ я былъ, какъ чортъ; въ виду ничего, а въ карманѣ ни гроша, въ Москву не съ чѣмъ вернуться... Ну и вспомнилъ я, что туша эта, Елпидифоръ, звалъ меня къ себѣ сюда, говорилъ какъ-то, что *театрикъ* можно будетъ здѣсь сварганить. А тутъ, вечеркомъ, подвода отъ него пришла за всякимъ тамъ скарбомъ, что̀ оставила Ольга Елпидифоровна. Ну, я, не долго думавъ, въ телѣгу,—и съ юпками ея и прикатилъ къ нимъ.

— Ты у нихъ и живешь? вскрикнулъ радостно московскій Донъ-Жуанъ.

— У нихъ... Славнымъ виномъ поитъ онъ меня, толстопузый этотъ,—и Вальковскій облизнулся,—только надулъ подлецъ, никакого *театрика*...

— Вотъ что̀, Ваня, прервалъ его Ашанинъ,—я тутъ сейчасъ сбѣгаю въ контору посылку получить, а ты погоди минуточку, отсюда пойдемъ вмѣстѣ.

— Куда это?

— Къ нимъ, къ Акулинымъ.

— Да его нѣту. Съ утра уѣхалъ. Свадьба вѣдь эта у нихъ затѣялась...

— Такъ что̀ же?

— Ну, вотъ тамъ всякіе у нихъ сборы. Къ зятю будущему уѣхалъ, въ Рай-Никольское.

— Съ дочерью?

— Нѣтъ, она дома.

— Одна?

— Стало быть одна, коли ни отца, ни жениха нѣтъ.

У Донъ-Жуана отъ радости въ глазахъ задвоилось.

— Сейчасъ, Ваня, сейчасъ!...

Минутъ черезъ двадцать полученная имъ тяжелая посылка уложена была на козлахъ коляски, и Ашанинъ, сидя въ ней съ „фанатикомъ“, диктовалъ ему свои инструкціи.

— Ты, говоришь, застрялъ здѣсь, потому что денегъ нѣтъ?

— Не было, хихикнулъ вдругъ Вальковскій,—а теперь будутъ; ты дашь.

— У самого въ обрѣзъ, а у Сережи найдемъ.

— Я и то думалъ завтра у Елпидифора лошадей просить, къ нему ѣхать.

— Сегодня же поѣдемъ... Только ты слушай, Ваня: придемъ мы теперь къ Акулинымъ, ты сейчасъ же войди и скажи ей, что вотъ я нарочно за тобою сюда пріѣхалъ увезти къ Гундурову, и что ты сейчасъ же пойдешь укладываться, а когда войду я,—ты тутъ же убирайся къ себѣ и собирай свои пожитки, а меня оставь одного съ нею.

— На что это тебѣ? угрюмо отвѣтилъ, помолчавъ, „фанатикъ“:—вѣдь она невѣста, чортъ ты этакой!

— А это не твоего ума дѣло! Не разсуждай, а дѣлай, что тебѣ говорятъ! Есть тутъ гостиница какая-нибудь?

— Есть, на почтовой станціи, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— Ну вотъ и прекрасно! Уложишь ты свой чемоданъ и тутъ же—къ намъ не заходя, смотри!—велишь его вынести въ коляску, самъ въ нее сядешь и прикажешь ѣхать на станцію. Тамъ скажи кучеру отпречь и лошадямъ корму дать, а намъ на двухъ закажи обѣдъ. Далеко отъ Акулинскаго-то дома до станціи?

— Недалеко, черезъ улицу...

— Такъ я приду къ тебѣ туда пѣшкомъ,—а ты меня жди тамъ.

Вальковскій помолчалъ опять, глянулъ сбоку на товарища:

— Володька!...

— Чего тебѣ?

— Большой руки ты пакостникъ!

— Совершенно справедливое сужденіе имѣете вы въ мысляхъ, Иванъ Ильичъ! невозмутимо молвилъ на это красавецъ, смѣясь:—а ты все-таки дѣлай то, что тебѣ сказываютъ!

Коляска ихъ между тѣмъ подъѣзжала къ одноэтажному, чистенькому, веселаго сѣраго цвѣта домику, съ необыкновенно свѣтлыми, широкими и раскрытыми въ эту минуту окнами, выходившими по улицѣ въ палисадникъ, обнесенный низенькою, свѣжеокрашенною зеленою рѣшеткой, и въ которомъ пышно распускавшіеся кусты лилей и столиственныхъ розъ несомнѣнно свидѣтельствовали о развитости вкуса къ изящ-

ному у обитавшихъ здѣсь лицъ. (Толстый Елпидифоръ называлъ себя не даромъ „артистомъ“).

— Тутъ! притрогиваясь къ спинѣ кучера, указалъ Вальковскій.

Изъ оконъ домика лились волной звуки свѣжаго женскаго голоса...

— Стой! остановилъ Ашанинъ лошадей, шагахъ въ десяти не доѣзжая до крыльца:—стой и не трогайся!...

Онъ выскочилъ изъ коляски, побѣжалъ къ калиткѣ, замѣченной имъ въ углу палисадника, отворилъ ее, вошелъ и, подкравшись къ одному изъ оконъ, жадно погрузился въ него глазами.

Вальковскій съ сумрачнымъ лицомъ прошелъ въ домъ въ ворота чернымъ ходомъ.

Ольга была одна и пѣла, аккомпанируя себѣ на „новомъ“ выписанномъ Ранцевымъ фортепіано, о которомъ говорилъ онъ ей въ Сицкомъ и которое теперь, до свадьбы ихъ, велѣлъ перевезти къ ней изъ Рай-Никольскаго.

— Я помню чудное мгновенье,—
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты!

пѣла она опять волшебный Глинкинскій романсъ, поднявшій въ душѣ Ашанина все обаяніе первыхъ встрѣчъ его съ нею, и самое ее всю пронимало ея пѣніе, сама она словно вся выливалась въ тѣ горячіе звуки, что̀ излетали изъ ея груди. Въ сильныхъ мѣстахъ она приподымала свои великолѣпныя, сквозившія сквозь кисею платья плечи, длинныя рѣсницы прикрывали на половину блестящіе зрачки карихъ глазъ, губы пылали, какъ тѣ алыя розы, что̀ цвѣли тутъ подъ ея окномъ,— и вся она сама была и страсть, и нѣга, и вдохновенье...

Она ничего не слышала, не видѣла, — ни шума колесъ подъѣхавшей коляски, ни этой чернокудрой головы красавца, подымавшейся надъ уровнемъ открытаго окна прямо насупротивъ табурета, на которомъ сидѣла она, ни вошедшаго Вальковскаго, который, въ ожиданіи, когда она кончитъ, стоялъ теперь въ дверяхъ комнаты, глядя себѣ подъ ноги съ

видомъ звѣря, которому непремѣнно хочется укусить кого-нибудь.

Она кончила и какъ бы устало уронила руки на колѣни. „Фанатикъ“ передвинулъ ступнями. Она подняла глаза.

— А, Иванъ Ильичъ, лѣниво проговорила она,—что скажете?

— А я пришелъ сказать вамъ, пропустилъ онъ въ отвѣтъ своимъ грубымъ тономъ,—что за мною Володька пріѣхалъ.

— Кто такой?

— Володька Ашанинъ, къ Гундурову съ нимъ ѣхать...

— Гдѣ онъ? громко вскрикнула Ольга.

— А во, въ окно глядитъ! И онъ ткнулъ пальцемъ по тому направленію. — А я ужь пойду собираться. Прощайте, за̀ хлѣбъ, за̀ соль вашу спасибо, вамъ и батькѣ вашему! промычалъ онъ, трогаясь съ мѣста и уходя, пока она съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и засверкавшими глазами оборачивалась на то окно.

— Вы! Здѣсь? могла она только вымолвить отъ волненія.

— Я, Ольга, я! Можно войти? отвѣтилъ Ашанинъ торопливо и страстно...

— Къ чему? Чего вы хотите?...

Онъ оторопѣлъ весь.

— Ольга, что̀ съ тобою? Ольга! пробормоталъ онъ.

— Зовите меня Ольга Елпидифоровна, зовите, какъ слѣдуетъ! Какъ вы смѣете! подбѣгая къ окну, крикнула она на него такъ, что онъ съ невольнымъ страхомъ обернулся на улицу, по которой, къ счастію, никто не проходилъ въ эту минуту.

— Я хотѣлъ... началъ было онъ.

— А я не хочу! взвизгнула она, топая ногой:—не хочу, не хочу васъ видѣть!

— Извольте, Ольга Елпидифоровна, извольте! молвилъ озадаченный Ловеласъ, тщетно стараясь прикрыть видомъ иронiи то неодолимое смущеніе, которое овладѣло имъ въ эту минуту: — благоволите только объяснить мнѣ, за что̀ вы такъ разгнѣвались?...

— Вы безчестный, скверный человѣкъ! говорила она, по-

низивъ голосъ и свѣшиваясь къ нему слегка изъ окна: — вы клялись не искать меня, избѣгать со мною встрѣчи... А вы теперь дерзко, нахально смѣете являться сюда!... Зачѣмъ? Вы знаете, что я невѣста... Женихъ мой добрый, честный, благородный человѣкъ... Что же вы думаете про меня, на что надѣетесь?...

— Глаза ея, показалось ему, становились все злѣе, все безпощаднѣе... И тѣмъ соблазнительнѣе, тѣмъ желаннѣе была она для него въ эту минуту...

— Ольга Елпидифоровна, позвольте... попытался онъ было уговорить ее,—но она не дала ему на это времени.

— Вы мнѣ противны, отвратительны! Уходите, а не то я погублю себя и васъ, скандалъ надѣлаю, разскажу все капитану, отцу!... Этого-ли вы хотите?...

— Я удаляюсь, сударыня, проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, съ желчною улыбкой на побѣлѣвшихъ губахъ: — ни чьей гибели я не желаю. Успокойте ваши нервы, сдѣлайте милость!...

И онъ быстрыми и невѣрными шагами вышелъ изъ палисадника.

Она вскинулась съ мѣста, пробѣжала черезъ весь домъ въ свою комнату и, бросившись тамъ на постель, разрыдалась въ подушки неудержимыми слезами:

— Противный, мерзкій, говорила она себѣ сквозь эти слезы,—хорошо, что онъ стоялъ тамъ, за окномъ!... Будь онъ въ комнатѣ, я бы, пожалуй, дура, подъ конецъ не выдержала, на шею ему кинулась...

Ашанинъ прошелъ изъ палисадника во дворъ дома, встрѣтилъ тамъ какого-то мальчика-слугу въ куцомъ фрачкѣ, метавшаго камешками въ сосѣдній заборъ, прервалъ его полезное занятіе,ославъ его сказать Вальковскому собираться скорѣе, а самъ, отдавъ кучеру приказаніе пріѣхать съ Иваномъ Ильичемъ на станцію, направился туда или, вѣрнѣе, направился, самъ не зная куда, по улицамъ незнакомаго ему города, пытаясь заглушить усиленнымъ движеніемъ клокотавшее въ душѣ его бѣшенство... О, что бы онъ далъ теперь, чтобы сломить, смять, задушить это „своенравное, злое... и

очаровательное созданіе", задушить эту злость безконечными, безумными поцѣлуями...

„Фанатикъ" давнымъ-давно уже поджидалъ его на каменномъ крыльцѣ большой двухъэтажной станціи, изучая тѣмъ временемъ „подходцы и складку" сидѣвшаго съ нимъ рядомъ какого-то ямщика-ухоря съ наглымъ и пьянымъ лицомъ („типъ" этого ухоря онъ тутъ же порѣшилъ „воспроизвести" въ пьесѣ *Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ*, которую давно уже жаждалъ поставить на „благородномъ театрикѣ"), когда нашъ Донъ-Жуанъ, все такъ же злой, но успѣвшій уже порядочно устать, появился предъ нимъ.

— Гдѣ это ты шатался? Обѣдъ давно готовъ, пробурчалъ онъ,—у меня въ животѣ барабанщики съ часъ ужъ времени зорю бьютъ.

— Тебѣ бы жрать все! злобно отрѣзалъ въ отвѣтъ Ашанинъ, подымаясь къ нему по ступенямъ крыльца.

— Ну, а что у тебя тамъ? подмигнулъ ему Вальковскій съ нескрываемымъ злорадствомъ въ тонѣ и усмѣшкѣ, сопровождавшей эти слова: — сорвалось, видно? И въ комнату то-есть не пустили даже?...

— Молчи, болванъ! прошипѣлъ на него красавецъ, сверкая загорѣвшимися новымъ бѣшенствомъ глазами.

— Работа! крикнулъ въ то же время сидѣвшій подлѣ „фанатика" ямщикъ, кидаясь съ мѣста внизъ подъ шумъ колесъ подъѣзжавшей къ станціи дорожной кареты, и, огибая крыльцо, побѣжалъ къ лошадямъ своимъ въ конюшню.

Городъ стоялъ на большомъ московско-курскомъ шоссе: проѣздъ былъ огромный; къ станціи съ громомъ колокольчиковъ и гикомъ ямщиковъ то-и-дѣло подъѣзжали и отъѣзжали отъ нея экипажи всякихъ родовъ и видовъ.

Изъ подкатившей теперь къ ея крыльцу кареты вышла молодая, маленькая и худенькая барыня съ полуболѣзненнымъ, полупикантнымъ выраженіемъ блѣднаго и капризнаго лица. Она держала въ одной рукѣ дорожный мѣшокъ и, чуть-чуть приподнявъ другою спереди платье, брезгливо принялась всходить по пыльнымъ ступенямъ на самыхъ кончи-

кахъ крохотныхъ ножекъ, обутыхъ въ ботинки бронзовой кожи.

— Зинаида Васильевна! всклинкулъ, уставясь глазами на эти ножки, отверженный искуситель Ольги Акулиной.

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ! отвѣтила она такимъ же восклицаніемъ, моргнула съ видимо радостнымъ видомъ недурными, быстрыми, темными глазами, — здравствуйте! Какъ вы здѣсь?

— Проѣздомъ. А вы куда и откуда?

— Изъ Москвы, въ деревню къ maman, которая должна прислать сюда за мною лошадей. И, вообразите (личико ея при этомъ все сморщилось какою-то очень милою жалобною гримаской), горничная моя, какъ нарочно, заболѣла вчера горячкой, я должна была отправить ее въ больницу, а сама уѣхала fine seule и, если теперь лошади отъ maman не пришли, я принуждена буду ожидать одна здѣсь, въ этой отвратительной гостинницѣ,—я ее давно знаю...

— Можно сейчасъ провѣдать, сказалъ Ашанинъ:—Ваня, сходи тутъ, спроси, нѣтъ-ли лошадей и посланнаго изъ деревни Маріи Николаевны Кошанской?

Вальковскій глянулъ злобнымъ взглядомъ на него и на говорившую съ нимъ даму, поднялся однако послушно съ мѣста и отправился исполнять порученіе.

— А у матушки вашей имѣніе тутъ неподалеку? сказалъ Ашанинъ, продолжая стоять на крыльцѣ съ пріѣзжею.

— Ахъ, нѣтъ! еще цѣлыхъ тридцать верстъ и отвратительной дороги...

— Ну, мужъ вашъ что? не давъ ей продолжать, спросилъ онъ опять.

Она искоса глянула на него и слегка приподняла плечи:

— Все то же, — въ клубѣ, въ Паркѣ, у Цыганъ, est-ce que je sais?

Онъ все внимательнѣе глядѣлъ на нее.

— А вы все такъ же милы, другъ мой! тихо пропустилъ онъ на бархатныхъ нотахъ своего голосоваго регистра.

Лицо молодой особы сложилось опять въ жалобно-забав-

ную гримаску; маленькіе, бѣлые, ровные зубы сверкнули промежъ раскрывшихся, заалѣвшихъ губъ.

— Стара стала, третій годъ замужемъ, не шутка! молвила она, улыбаясь.

— Опытъ пріобрѣли за то! проговорилъ онъ самымъ серіознымъ тономъ.

Она еще разъ подняла на него глаза, и страннымъ упрекомъ зазвучалъ ея голосъ:

— Для этого не нужно было и замужъ выходить. Вы чему не научите!

— Ахъ, Зиночка, для чего вы такія жестокія слова говорите! расхохотался на это откровеннѣйшимъ образомъ московскій Донъ-Жуанъ.

Она... она засмѣялась тоже...

Вальковскій вернулся къ нимъ съ отвѣтомъ, что „никого и никакихъ лошадей нѣтъ и не бывало“.

— Боже мой, какая скука! вскликнула молодая женщина,— каково мнѣ будетъ теперь ждать, быть можетъ, до ночи, въ этой saleté.

— Нечего дѣлать, пойдемте, предложилъ ей тутъ же Ашанинъ:—можетъ быть, найдемъ нумеръ почище!

— Юпочникъ проклятый, тьфу! чуть не громко вскрикнулъ имъ вслѣдъ „фанатикъ“, плюнулъ и отчаянно махнулъ рукой.

„Барабанщики“ все неотразимѣе „били зорю въ его желудкѣ“,—а Ашанинъ какъ ушелъ съ пріѣзжею дамой, такъ и пропалъ... Вальковскій отправился отыскивать его наверхъ, въ гостинницу, и не нашелъ. Онъ рѣшилъ, наконецъ, не ждать его и велѣлъ подавать себѣ „обѣдъ“, состоявшій изъ миски щей, какой-то котлеты, безпощадно посыпанной петрушкой, и двухъ бутылокъ пива, которыя „фанатикъ“, съ досады на пріятеля, выпилъ одну за другою.

Онъ кончалъ, когда явился, наконецъ, улизнувшій красавецъ, неся на лицѣ свое обычное, не то насмѣшливое, не то побѣдное выраженіе, давно и хорошо знакомое Вальковскому.

— А ты, уродина, смѣялся онъ, — такъ и не дождался меня?...

— А то какъ еще? буркнулъ тотъ: — околѣвать изъ-за тебя?...

— Ну, и прекрасно сдѣлалъ!... Принеси, братецъ, что-нибудь поѣсть! обратился Ашанинъ къ слугѣ.

Онъ торопливо принялся за поставленныя предъ нимъ все тѣ же щи.

— Съ кѣмъ это ты теперь въ прятки вздумалъ? все тѣмъ же звѣремъ прохрипѣлъ Вальковскій.

— А ты не знаешь?... Зиночка Кошанская бывшая, за Смарагдова вышла... не помнишь развѣ, три года назадъ, я тебѣ подробно разсказывалъ...

— Не мало твоихъ такихъ сказовъ было, обо всѣхъ не вспомнишь... А ты вотъ скажи, когда лошадей-то запрягать? Давно выкормили, седьмой часъ въ исходѣ. До Гундурова-то, сказываютъ, цѣлыхъ двадцать пять верстъ отсюда,—вѣдь засвѣтло не доѣдемъ.

Ашанинъ доѣлъ, вскочилъ.

— А ты погоди маленько, Ваня, голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ нѣжненькимъ, кошачьимъ, ласкательнымъ голосомъ, — доѣдемъ, непремѣнно доѣдемъ, прелесть моя. Ты только потерпи немножко, потерпи, Ваня,—я сейчасъ, сейчасъ!...

Вальковскій не успѣлъ открыть рта, какъ онъ уже исчезъ изъ комнаты.

Часы летѣли, лошади за „Зиночкой“ все не приходили. Ашанинъ все также продолжалъ играть съ нею „въ прятки“... Желчныя пятна успѣли за это время покрыть все угреватое лицо „фанатика“...

Глубокая ночь стояла уже на дворѣ, когда, наконецъ, ругательски ругаясь, полѣзъ онъ въ поданную имъ коляску вслѣдъ за Ашанинымъ, хохотавшимъ до-упаду отъ его гнѣва и отъ веселаго воспоминанія только-что пережитаго имъ новаго эпизода въ своей безконечной любовной эпопеѣ...

XXIX.

Es denkt der Mensch die freie That zu thun,—
Umsonst..

Schiller's *Wallenstein's Tod.*

Недѣли три послѣ представленія *Гамлета* въ Сицкомъ, въ одно прекрасное утро доложили князю Ларіону, что къ нему пріѣхалъ исправникъ „съ порученіемъ“ и проситъ дозволенія явиться.

— Проси, сказалъ князь, нахмурясь, вспомнивъ невольно объ этомъ представленіи и о той „презрѣнной дѣвчонкѣ“.

Толстый Елпидифоръ вошелъ съ видомъ серіознымъ и холоднымъ (выходъ его дочери замужъ за богатаго человѣка и завоеванное имъ личное расположеніе къ нему его прямаго начальства чрезвычайно подняли въ немъ чувство собственнаго достоинства), отвѣсилъ хозяину офиціальный поклонъ и, вынувъ изъ кармана письмо, запечатанное большою гербовою печатью, положилъ его на столъ предъ княземъ.

— Получилъ въ казенномъ пакетѣ—съ приказаніемъ лично доставить вашему сіятельству, проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ намѣренной сухости въ интонаціи (безъ того-молъ ты, конечно, меня у себя бы не видалъ!).

— Очень вамъ благодаренъ! еще суше отрѣзалъ князь.

Елпидифоръ поклонился еще разъ, обернулся со свойственною грузному тѣлу его прытностью и вышелъ тутъ же изъ комнаты.

Письмо было отъ *графа* и поразило князя Ларіона неожиданностью своего содержанія:

„Поздравляю тебя, *любезный Ларивонъ* (писалъ ему его

старый пріятель), *ѣсли* только *признаешь* что есть съ *чемъ* поздравлять? Получилъ *сейчасъ извѣщѣніе* изъ *Петербурха* что *назначаешься* ты *члѣномъ* Государственнаго Совѣта о *чомъ* выйдетъ указъ 1 іюля. Не знаю *будѣшь* ли доволенъ *конѣшно почотъ* а власти никакой и только непріятности *ѣсли* противъ министра *какова очень* спорить. Я ожидалъ что тебѣ дадутъ постъ настоящій а тутъ съ твоими способностями только болтать безъ толку или подписывать *сбольшинствомъ*. *Впрочѣмъ* это можетъ-быть только первый шагъ *кназначенію*. Онъ (то-есть, сильный человѣкъ, дядя Анисьева) *ничѣго* далѣе не пишетъ а только пишетъ *мне* сказать тебѣ *штобъ* ты былъ въ *Петербурхѣ* 1-го іюля потому *этово желаютъ* (послѣднее слово было подчеркнуто въ подлинникѣ). Ѣхать тебѣ полагаю надо. Потому иначе не хорошо. *Совѣтую* и надѣюсь когда чрезъ Москву *проѣдишь* увидаться съ тобою. Поклонись своимъ *што милая дѣтя* племянница твоя. Обнимаю тебя".

Князь Ларіонъ прочелъ письмо разъ и два, останавливаясь на каждой строчкѣ, но разбирая не ихъ, а то, что-то, что скрывалось за сообщаемою ему въ нихъ вѣстью. Лицо его становилось все раздраженнѣе и мрачнѣе; желчная усмѣшка кривила его тонкія губы, и огонь глубокаго внутренняго негодованія горѣлъ въ темной впадинѣ его глазъ.

„Впрочемъ это можетъ быть только первый шагъ къ назначенію", прочелъ онъ еще разъ и швырнулъ письмо на столъ презрительнымъ жестомъ.

„Утѣшить меня хочетъ, а и самъ не вѣритъ! Старикъ уменъ; чрезъ него шли ихъ предложенія, онъ долженъ понимать, какъ и я, что *назначенію* не бывать, пока я... О безстыдные интриганы, какъ ловко подвели мину!... Не удалось въ первый разъ, такъ теперь новое: надѣть на меня погремушки почета, чтобъ вызвать меня насильственно въ Петербургъ, а со мною ихъ, и тамъ... тамъ она склонится, думаютъ они, а меня будутъ водить все тою же перспективой портфеля, пока окажется, что и безъ меня обойтись можно... можно будетъ оставить меня навѣки въ моемъ государственномъ бездѣйствіи... Ловко, удивительно ловко!..."

И князь Ларіонъ, какъ бы нежданно для себя самого, засмѣялся вдругъ короткимъ и злымъ смѣхомъ.

— Но они *ея* не знаютъ... И меня не знаютъ! примолвилъ онъ, вставая и принимаясь шагать по своему огромному кабинету. Волненіе его все росло, и слова гнѣвно и обрывисто вырывались уже слышно изъ его устъ.—Я скажу... мнѣнія мои могутъ быть *пріятны* или *не пріятны*, но не уважать... они не могутъ меня... Я служилъ Россіи, государямъ моимъ вѣрно... и съ пользою... имя оставилъ! Они должны знать, понимать. Пусть тогда, какъ прежде... дѣло... А *такъ*—нѣтъ!... Дѣло, а не... а не „болтать безъ толку", повторилъ онъ выраженіе стараго своего друга.—А ея не видать имъ тамъ... не видать! вырвалось у него съ новою силой,—я оберегу ее... до конца... До *конца*! повторилъ онъ съ какимъ-то вдругъ страннымъ движеніемъ губъ, и съ не менѣе страннымъ выраженіемъ глазъ направилъ ихъ и остановилъ на одномъ изъ угловъ покоя. Тамъ стоялъ старинный шкафъ изъ чернаго дерева, драгоцѣнный обращикъ итальянской работы XVII-го вѣка, украшенный превосходными изображеніями плодовъ изъ pietra dura; князь хранилъ въ немъ свои деньги, семейные документы и бумаги.

Но онъ черезъ мигъ отвелъ отъ него глаза, подошелъ къ висѣвшему у стѣны шнурку колокольчика и позвонилъ.

— Сходи къ княжнѣ, приказалъ онъ вошедшему камердинеру,—и скажи, что мнѣ нужно переговорить съ нею, такъ не сойдетъ-ли она сюда сейчасъ, если не занята... А затѣмъ распорядись уложить мои чемоданы, и чтобъ лошади были подъ коляску часамъ къ восьми. Я ѣду сегодня въ Петербургъ.

Лицо камердинера все заходило отъ удивленія и любопытства, но, встрѣтясь глазами со строгимъ взглядомъ князя, онъ немедленно же поникъ ими долу и поспѣшно вышелъ исполнить данное ему приказаніе.

Не менѣе удивлена и нѣсколько встревожена была имъ Лина (она только-что вернулась къ себѣ съ прогулки), когда о немъ сообщено было ей. Она немедленно сошла къ дядѣ.

Онъ все такъ же ходилъ взадъ и впередъ мимо длиннаго

ряда оконъ своего кабинета, отъ времени до времени подымая голову, какъ бы невольно заглядываясь на сіявшую сквозь эти окна горячую краску лѣтняго дня. Онъ обернулся на шумъ ея шаговъ, неторопливо пошелъ къ ней навстрѣчу и, указывая ей на кресло у стола:

— Садись, сказалъ онъ,—и прочти! И онъ подвинулъ ей письмо графа.

— Княжна принялась читать, по-временамъ чуть-чуть улыбаясь примитивному правописанію „дядинаго пріятеля", или сжимая слегка брови, когда полнѣйшее отсутствіе запятыхъ въ его посланіи дѣлало на первый разъ читаемое не совсѣмъ понятнымъ. Но, дойдя до конца его, она внезапно поблѣднѣла: послѣдствія того, что сообщалось здѣсь, совершенно ясно выступали предъ ней.

— Это, значитъ, намъ надо въ Петербургъ переѣзжать, дядя? вскрикнула она.

— Значитъ! подтвердилъ онъ ироническимъ тономъ:—они на это очевидно разсчитываютъ, подчеркнулъ онъ.

Она пристально воззрилась на него:

— Вы полагаете, что это все... не договорила она.

— Все та же интрига, договорилъ за нее князь Ларіонъ:—я тебѣ тогда не говорилъ: мнѣ уже были сдѣланы предложенія, изъ которыхъ истекало, что меня можетъ ждать высокое положеніе, но что за это я долженъ заплатить содѣйствіемъ моимъ браку твоему съ этимъ... Анисьевымъ. Ихъ комбинація, презрительно молвилъ князь, — не увѣнчалась успѣхомъ; этотъ петербургскій Макіавель изъ кавалеристовъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, что ничѣмъ подобнымъ меня не возьмешь... Они это и придумали теперь (онъ кивнулъ на письмо), заставить меня жить въ Петербургѣ, зная, что твоя мать только объ этомъ и мечтаетъ, что она тотчасъ же перетащится туда за мною... что ты будешь у нихъ подъ руками, разсчитывая, что имъ тамъ будетъ легче купить насъ съ тобою. Тамъ у нихъ готовые, неотразимые, въ ихъ понятіяхъ, соблазны: свѣтъ, дворъ, обаянія власти, тщеславія... Предъ этимъ, увѣрены они, не выдержитъ никто, измѣнитъ всякое убѣжденіе, склонится самая гордая голова... Хочешь

ли испробовать все это на себѣ, Hélène? спросилъ онъ съ легкою усмѣшкой, между тѣмъ какъ глаза его съ какою-то безконечною любовью и тоской останавливались на мигъ на ея наклоненной золотистой головкѣ...

Она подняла ее и отвѣчала его улыбкѣ такою же тихою, невеселою усмѣшкой:

— Нѣтъ, дядя, не нужно,—я въ себѣ увѣрена.

— Я это зналъ заранѣе, сказалъ онъ,—и согласно съ этимъ и поступлю.

— Согласно съ моимъ желаніемъ? проговорила она съ замѣшательствомъ:—но, дядя, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ вы должны спросить себя, а не меня, какъ вамъ лучше поступить. Если служба ваша еще нужна, если вы опять можете приносить ту пользу, которую вы всегда приносили, основательно-ли было бы вамъ отказываться... изъ-за меня? Меня бы это постоянно мучило, дядя!...

Онъ улыбнулся еще разъ.

— Напрасно мучилась бы, другъ мой! Я въ этомъ случаѣ не могу похвалиться даже тѣмъ, что приношу тебѣ жертву. Служба моя, какъ оказывается изъ этого (онъ опять указалъ кивкомъ на письмо), никому не нужна,—меня просто намѣрены, въ виду личныхъ соображеній, посадить почетнымъ образомъ въ Hôtel des Invalides.

— А вы не на это годны, дядя, сказала княжна:—съ вашимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ...

— Ну, возразилъ онъ,—на что я годенъ теперь, право, трудно сказать (и странное движеніе еще разъ передернуло его губы), но, какъ ты видишь, далеко не всѣ раздѣляютъ твое лестное мнѣніе обо мнѣ, примолвилъ онъ, насилуя себя на веселый тонъ.—Такъ или иначе, молвилъ князь Ларіонъ по минутномъ молчаніи, надо отправляться *туда*, чтобъ остановить все это... если еще не поздно, или распорядиться en conséquence въ противномъ случаѣ. Я выѣду сегодня вечеромъ, чтобы попасть въ Москву завтра утромъ.

Онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ:

— Что у насъ сегодня? 26-е число! Hélène, *онъ* долженъ

былъ не сегодня, завтра быть у меня... Я лишаю тебя теперь моимъ отъѣздомъ случая увидѣть его. Прости меня, другъ мой!

И голосъ его зазвенѣлъ нотой, какой еще никогда не доводилось слышать въ немъ Линѣ. Она поднялась съ мѣста съ глазами, полными слезъ.

— Дядя, воскликнула она,—вы такъ добры, такъ благородны!... Я, вы знаете, не умѣю говорить, а вы, дядя, вы еще какъ будто сами отстраняли меня отъ себя въ послѣднее время... Я не смѣла подходить къ вамъ... Но теперь представляется случай, я хочу вамъ сказать... какъ я вамъ благодарна, какъ я чувствую все... Я узнаю въ васъ папа, моего милаго, незабвеннаго...

Онъ не далъ ей продолжать, подошелъ, взялъ ее обѣими руками за голову и прикоснулся губами къ ея матово-блѣдному лбу.

— Спасибо за это, Hélène! Научишься и отцомъ быть на краю гроба, примолвилъ онъ нежданно тономъ шутки.

— Это что же такое „на краю гроба?“ промолвила она, глядя на него тѣмъ не менѣе нѣсколько встревоженнымъ взглядомъ:—до этого еще далеко, дядя!

— Я сейчасъ и не собираюсь... Не умру, пока тебѣ нуженъ! отвѣтилъ онъ и уже громко разсмѣялся.—А о причинахъ моего отъѣзда,—тутъ же перемѣнилъ онъ разговоръ,—лучше чтобъ... Аглая Константиновна и этотъ перезрѣлый франтъ съ разбойничьей физіономіей (разумѣлся злополучный „бригантъ“ Зяблинъ) ничего не знали.

— А если maman спроситъ? молвила Лина.

— Спроситъ меня, я скажу: нужно, и только... Она къ моимъ короткимъ отвѣтамъ привыкла, какъ бы уронилъ князь;—а спроситъ тебя, ты скажешь: не знаю. Вѣдь и не знала бы, если-бъ я тебѣ не сказалъ?

— Это долго не можетъ остаться отъ нея скрыто, замѣтила княжна, — ей непремѣнно напишетъ про это графиня Анисьева, если, какъ вы говорите, все это ихъ „интрига“.

— По всей вѣроятности (онъ повелъ утвердительно головой)! Пусть чрезъ нее и знаетъ, а намъ съ тобой не для чего давать заранѣе разыграваться ея пылкому воображенію! до-

молвилъ князь Ларіонъ съ тою злою ироніей, которая неизмѣнно прорывалась у него каждый разъ, когда говорилъ онъ о своей невѣсткѣ, и которую не въ силахъ онъ былъ преодолѣть и теперь, не смотря на все его нежеланіе оскорблять дочернее чувство племянницы.

Лина только вздохнула.

XXX.

Аглая Константиновна такъ и привскочила, когда по окончаніи обѣда, вставая изъ-за стола, князь Ларіонъ, не глядя на нее, а какъ бы относясь ко всѣмъ тутъ бывшимъ, проговорилъ равнодушнымъ голосомъ и какъ о чемъ-то, не имѣющемъ ни для него, ни для другихъ никакого особеннаго значенія:

— Я думаю сегодня вечеромъ въ Петербургъ ѣхать.

— Въ Петербургъ! воскликнула она со мгновенно расширившимися зрачками своихъ круглыхъ глазъ, и даже губы ея вздрогнули отъ изумленія и любопытства: — et pourquoi cela, prince Larion? (со времени знаменитаго объясненіи своего съ нимъ она просто „Larion“ перестала его называть).

Онъ повелъ взглядомъ черезъ ея голову.

— А тамъ, вы, можетъ, слышали, Исакіевскій храмъ строится: такъ я взглянуть хочу.

— И какъ скоро думаете вы вернуться? спросила опять княгиня, не смотря на далеко не вызывавшій на новые вопросы сухой и насмѣшливый тонъ этого отвѣта.

— Не загощусь долго, не безпокойтесь! еще рѣзче отвѣтилъ онъ теперь и тутъ же вышелъ изъ комнаты.

Она поспѣшила, въ свою очередь, уйти къ себѣ на верхъ, пригласивъ взглядомъ Зяблина слѣдовать за ней.

— Oh, il y a quelque chose, il y a quelque chose! заголосила она, всплескивая руками, какъ только очутились они вдвоемъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ.

— Что такое? спросилъ „бригантъ“.

— Ce départ Ларіона Васильевича; il ment, говоря, что онъ на какой-то храмъ тамъ хочетъ смотрѣть, il a assez vu de ces vieux temples en Italie! Онъ нарочно, pour me piquer, такъ отвѣтилъ; тутъ, я увѣрена, совсѣмъ другое. Мнѣ Vittorio говорилъ предъ обѣдомъ, что у него былъ ce gros homme d'исправникъ, и я сейчасъ же подумала...

— Почта-съ! проговорилъ въ эту минуту Финогенъ, личный камердинеръ ея сіятельства, входя съ письмами и газетами на серебряномъ подносѣ.

— Une lettre de la comtesse! взвизгнула Аглая, узнавая знакомый почеркъ на одномъ изъ конвертовъ;—а теперь nous allons savoir, je suis sûre!

Она отослала слугу движеніемъ руки, торопливо сорвала обложку съ письма и погрузилась въ него глазами.

— C'est cela, c'est cela! крикнула она черезъ мигъ, мечась отъ радости и подпрыгивая на своемъ диванѣ, словно карась на сковородѣ,—я вамъ говорила!... Онъ назначенъ... Larion получилъ мѣсто! Читайте, lisez vous-même! восклицала она, протягивая Зяблину листокъ, исписанный крупною, почти мужскою рукой графини Анисьевой.

„Une nouvelle que je Vous communique en toute hâte et très confidentiellement, chère princesse (прочелъ онъ громко): Vôtre beau-frère doit être nommé pour le 1 Juillet membre du Conséil de l'Empire. C'est magnifique, n'est ce pas, et tout-à-fait exceptionnel, car le prince est en retraite et n'a jusque là exercé des fonctions de ministre que temporairement, sans jamais en avoir porté le titre effectif; mais mon excellent frère a levé toutes les difficultés. Je lui en suis pour ma part chaleureusement reconnaissante, car nous allons grâce à cela Vous posséder enfin ici, chère amie. Je saute de joie d'avance à l'idée de reprendre avec Vous nos bonnes conversations de Rome...“

— Не правда-ли, какъ она пишетъ délicieusement, cette chère comtesse? C'est un véritable génie pour la correspondance! голосила Аглая, взявъ обратно письмо изъ рукъ Зяблина и принимаясь снова за его чтеніе.—Дальше она мнѣ говоритъ про своего сына, какъ онъ влюбленъ въ Лину.

Pauvre jeune homme, онъ такой интересный!... Et tant d'esprit! Какъ онъ это хорошо устроилъ cette nomination Ларіона, n'est-ce pas?... Ну, я надѣюсь теперь, молвила она уже таинственно, подмигивая безстрастно слушавшему ее „бригантѵ“,— когда мы будемъ въ Петербургѣ, les choses iront tout-à-fait autrement, et Lina...

— Вы полагаете, что въ Петербургѣ она непремѣнно должна перемѣниться и полюбить графа Анисьева? протянулъ Зяблинъ своимъ глухимъ и тягучимъ голосомъ.

— Конечно, должна! самымъ убѣжденнымъ тономъ подтвердила она;—c'est un jeune homme qui a tout pour lui... И потомъ, главное, тамъ je serai soutenue, за меня будетъ la comtesse, и братъ ея qui est si puissant; у меня будетъ такимъ образомъ l'appui de la Cour, примолвила Аглая уже шопотомъ,—а тутъ я одна et tout-à-fait impuissante противъ Ларіона... А онъ будетъ тамъ занятъ службой, и ему некогда будетъ даже знать et commenter mes actions... Да онъ и не посмѣетъ là-bas, не посмѣетъ me faire des scènes affreuses, которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать мнѣ здѣсь! воскликнула она, окончательно торжествуя.

— Сколько мнѣ извѣстно, заговорилъ опять „бригантъ“, сопровождая, по привычкѣ, слова свои глубокимъ вздохомъ,— въ Государственномъ Совѣтѣ служба болѣе почетная, чѣмъ обременительная, и даже нѣкоторые его члены вовсе не засѣдаютъ и живутъ даже не въ Петербургѣ.

Аглая даже въ лицѣ перемѣнилась.

— Вы думаете, что Larion можетъ такъ устроить, чтобы не жить à Pétersbourg?...

— Ничего не могу думать, потому что не знаю, возразилъ онъ,—а только полагаю, что если другіе...

Она не дала ему кончить, раздула ноздри и ёрзнула по своему сидѣнью съ видомъ внезапной, охватившей мысль ея рѣшимости:

— Cela m'est égal! Если онъ не согласится жить въ Петербургѣ, я туда переселюсь и безъ него. Avec mon nom, ma fortune, у меня тамъ не послѣдній домъ будетъ, и, съ под-

держкой графини и ея брата, всѣ ко мнѣ пріѣдутъ, всѣ, même la Cour!...

— Князь—опекунъ и попечитель вашихъ дѣтей, замѣтилъ, насупливаясь, Зяблинъ.

— Братъ графини можетъ такъ устроить, что Ларіона смѣнятъ! фыркнула совсѣмъ ужь расходившаяся барыня.

„Бригантъ“ молчалъ.

— Вы рѣшились? спросилъ онъ затѣмъ.

— Что?

— Переѣхать въ Петербургъ во *всякомъ* случаѣ?

— Конечно! воскликнула она.—Я ни за что ужь другой зимы dans ce trou de Moscou не проведу.

Онъ вздохнулъ еще разъ, уже съ особою значительностью.

— Мнѣ очень жаль, пропустилъ онъ точно изъ желудка.

— Почему вамъ жаль, mon ami? пожелала она узнать, сентиментально и съ нѣкоторою тревогой воззрясь на него.— Развѣ вы также туда не переѣдете?

— Зачѣмъ? И онъ отвернулъ глаза къ окну.

— Зачѣмъ? повторила тономъ нѣжнаго упрека, впрягая въ него круглые зрачки свои, Аглая. — Такъ я ужь... je ne suis plus rien pour vous... Eugène?...

„Eugène“ вздохнулъ въ третій разъ.

— Я давно привыкъ къ битвамъ и обманамъ жизни, заговорилъ онъ, *разочарованно* улыбаясь и воскрешая въ лицѣ своемъ и складѣ рѣчи весь пошибъ своего былаго Печоринства, — давно знакомъ съ женскимъ сердцемъ и знаю, какъ ничего ему не стоитъ ставить въ вину другаго свою собственную измѣну... или прихоть, извините меня, княгиня?... Вы приглашаете меня слѣдовать за вами на берега Невы...

— Mais pourquoi n'y viendriez vous pas, mon ami!

Онъ остановилъ ее рукой.

— Я знаю этотъ городъ! И я когда-то былъ на этой сценѣ, въ этомъ вихрѣ, который зовется петербургскимъ свѣтомъ... И я не прошелъ тамъ незамѣченнымъ, смѣю сказать, мои успѣхи... Но къ чему упоминать объ этомъ? Я всегда другаго искалъ... Мнѣ скоро опостылѣли эти „образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски“... Я уѣхалъ въ

страну, гдѣ однѣ горы и жужжаніе вражьихъ пуль, уѣхалъ на Кавказъ... Судьба перенесла меня затѣмъ dans ce trou de Moscou", какъ вы презрительно выражаетесь, хотя именно тутъ, въ этой ямѣ, суждено было встрѣтиться нашимъ двумъ жизнямъ...

Никогда еще такъ много—но и внушительно же какъ за то!—не говорилъ „бригантъ", и Аглая Константиновна глядѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ; она гордилась счастливымъ выборомъ своего сердца...

— Comme vous parlez bien, mon ami! вздохнула она, устремляя глаза въ потолокъ.—Но вы можете tout aussi bien жить въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ! настаивала она на своемъ.

Горечь человѣка, познавшаго тщету земныхъ обольщеній, изобразилась вторично на лицѣ „бригата".

— Княгиня, началъ онъ опять и уже нѣсколько въ носъ,— я мечталъ о неразрывномъ союзѣ этихъ двухъ жизней нашихъ, о тихой пристани, гдѣ послѣ бурь сердце мое могло бы отогрѣться у сердца любящей женщины. А вы меня въ Петербургъ зовете, гдѣ одна суета тщеславія, гдѣ посреди вѣчнаго „шума мірскаго" такъ легко забыть преданное сердце друга...

— Забыть васъ, Eugène? визгнула въ отвѣтъ Аглая,—oh, jamais, mon ami, jamais!

— Мнѣ незачѣмъ въ вашъ Петербургъ, княгиня, язвительно заключилъ Зяблинъ,—для меня нѣтъ тамъ роли, нѣтъ положенія! Я отсталъ отъ всякихъ служебныхъ отличій... и, наконецъ, самыя средства мои... Онъ провелъ трагическимъ жестомъ рукой по лицу: — оставьте же меня одинокимъ въ моемъ углу допить до дна чашу страданій!...

И съ этими словами „бригантъ" поднялся со своего кресла и направился къ двери.

— Куда же это вы, mon ami, куда? крикнула ему вслѣдъ Аглая.

— Нѣтъ, ужь позвольте, отвѣтилъ онъ въ-полоборота, — разговоръ этотъ слишкомъ взволновалъ меня!...

И онъ исчезъ за портьерой.

Аглая Константиновна озабоченно закачала головой и задумалась.

— Il faudra payer ses dettes, а иначе я рискую de le perdre pour toujours! заключила она вслѣдъ за этимъ размышленіемъ и вздохнула уже такъ, что что-то опять крякнуло въ ея корсетѣ.—Только бы ужь не слишкомъ много было у него этихъ долговъ! тутъ же сказала себѣ разсчетливая барыня и съ новою озабоченностью на многодумномъ лицѣ принялась усиленно опахивать себя вѣеромъ.

А княжна Лина, простившись съ дядей (онъ уѣхалъ въ назначенный имъ часъ,) и вернувшись затѣмъ въ свою комнату, долго раздумывала, какимъ способомъ извѣстить скорѣе „Сашинскихъ друзей“ объ этомъ обстоятельствѣ. Послать кого-либо изъ людей съ письмомъ она, послѣ того, что говорилъ ей Ашанинъ по этому поводу, не рѣшалась,—а теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь, имѣя въ виду, что за отъѣздомъ князя Ларіона ничто уже не могло помѣшать ея матери принять мѣры къ недопущенію ея переписки съ Софьей Ивановной. Прибѣгать съ другой стороны къ тѣмъ „романическимъ“ средствамъ сообщенія, о которыхъ ей говорилъ другъ Гундурова, ей очень не хотѣлось: въ этомъ, въ ея понятіяхъ, было что-то не совсѣмъ честное, „не правдивое“, какъ выражалась она. Самого Ашанина она не ждала такъ скоро: онъ пріѣзжалъ уже третій разъ въ Сицкое, гдѣ княгиня принимала его все съ тою же любезностью, съ письмами изъ Сашина къ Линѣ, и былъ тутъ не далѣе какъ за два дня предъ этимъ; пройдетъ непремѣнно пять, шесть дней, пока онъ пріѣдетъ опять... А между тѣмъ *ихъ* надо было извѣстить какъ можно скорѣе объ отъѣздѣ князя Ларіона, чтобы Сергѣй не пріѣзжалъ понапрасну, и чтобы такой пріѣздъ его не подалъ повода ничего не знающей объ уговорѣ его съ княземъ Аглаѣ Константиновнѣ къ обвиненію его, пожалуй, въ дерзости или желаніи нанести ей непріятность... Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?

Лина колебалась очень долго... Боязнь подвергнуть гнѣву матери, державшей домъ свой на очень строгой ногѣ, того изъ слугъ, кого она послала бы съ письмомъ въ Сашино,

взяла верхъ наконецъ надъ другими ея соображеніями. Предъ тѣмъ, какъ отойти ко сну, она написала Софьѣ Ивановнѣ о случившемся, сообщивъ при этомъ изъ разговора своего съ дядей все, что̀ могло успокоить ея друзей, запечатала конвертъ, надписала адресъ и оставила письмо на своемъ письменномъ столѣ.

— Любопытно, что̀ изъ этого выйдетъ! невольно сказала она себѣ при этомъ.

На другой день, проснувшись (она долго не смыкала глазъ въ эту ночь), первая ея мысль была объ этомъ. Еще не одѣтая, въ утреннемъ пеньюарѣ, она поспѣшила изъ спальни своей въ кабинетъ, подошла къ столу, устремила взглядъ на мѣсто, на которомъ оставила наканунѣ письмо. Его тамъ уже не было.

— Что̀ это вы изволите искать, княжна? спросила ее горничная ея Глаша, идя за нею.

— Я тутъ, кажется, письмо одно оставила, отвѣтила Лина, глядя ей въ глаза.

Но Глаша такъ искренно и равнодушно проговорила на это: „Не знаю-съ, не видала“, глядя, въ свою очередь, съ нѣкоторымъ изумленіемъ на вопрошавшую ее „какъ-то странно“ княжну, что та тотчасъ же должна была притти къ заключенію, что молодая ея прислужница никоимъ образомъ не могла состоять на должности агента въ устроенной Ашанинымъ таинственной „почтѣ“ между Сицкимъ и Сашинымъ.

Въ ту же пору, черезъ сутки, княжна одѣвалась въ своей спальнѣ, когда Глаша, вышедшая за чѣмъ-то въ кабинетъ, вернулась оттуда съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ.

— Вотъ-съ вы вчера какое-то письмо искали, такъ не это-ли?

— Гдѣ ты его нашла? вскрикнула Лина.

— Да на столѣ же-съ. Не запримѣтили, должно быть, или сунули куда-нибудь предъ тѣмъ...

Княжна тревожно кинула на него глаза... Но это было не ея письмо, а уже отвѣтъ на него Софьи Ивановны Переверзиной.

— Удивительно! невольно сказала она себѣ, опять улыбаясь.

Она вѣроятно удивилась бы еще болѣе, если-бъ узнала, что почталіономъ для этой корреспонденціи служила горничная ея матери, та самая „Lucrèce“, Лукерья Ильинишна, которую Глаша называла „аспидомъ“ и „ехидною“, и весь домъ почиталъ „шпіонкой“ княгини и клевретомъ ненавидимаго за его взыскательность „Тальянца Виторія“, и которая, ревнуя пламенно о вящшемъ „продолженіи знакомства“ своего съ „жестокимъ“ московскимъ Донъ-Жуаномъ (почитавшимъ съ своей стороны священнѣйшимъ своимъ долгомъ каждый разъ, когда бывалъ въ Сашинѣ, посвящать извѣстное время на ѣду съ нею вишенъ въ пустынномъ гротѣ надъ рѣкой), каждое утро, подымаясь съ зарей, когда Лина и сама Глаша еще спали, прокрадывалась о-босу-ногу въ кабинетъ княжны „навѣдаться“ и „исполнить, буде есть что“...

XXXI.

Setz einen Spiegel in's Herz mir hinein
Und der Spiegel wird weisen: es ist nichts darin
Als Liebe und Treue und ehrlicher Sinn.
Volkslied.

Въ Сашинѣ полученное отъ княжны письмо произвело въ первую минуту очень тревожное впечатлѣніе. Гундуровъ, собиравшійся къ князю именно въ тотъ день, когда получено было оно, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Свиданіе съ Линой, по которому онъ томился съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все болѣе отлагалось такимъ образомъ вновь на неопредѣленное время, и къ этому присоединялся еще дамокловъ мечъ возможности переселенія всей семьи Шастуновыхъ въ Петербургъ, а „тамъ она пропала для меня навсегда!“ говорилъ себѣ съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца Сергѣй... Софья Ивановна старалась утѣшить его, успокоить, ссылаясь на сообщавшійся Линою разговоръ ея съ дядей, изъ котораго было очевидно, что онъ не желаетъ поступать обратно на службу, не хочетъ жить въ Петербургѣ. Но въ душѣ тетка Гундурова была сама далеко не спокойна. „Онъ былъ всегда честолюбивъ“, думала она о князѣ Ларіонѣ, „всегда былъ въ дѣлахъ, привыкъ ко власти; онъ разстался съ нею добровольно, но не можетъ не томиться теперь своимъ бездѣйствіемъ; онъ не доволенъ въ настоящую минуту, что его посадили въ Совѣтъ, а не сдѣлали министромъ, но вѣдь, быть можетъ, и сдѣлаютъ, — ясно, что о немъ вспомнили, что вернули ему милость, а самъ онъ пріѣдетъ въ Петер-

бургъ, соблазнится, останется"... Софья Ивановна не менѣе племянника волновалась мыслью о томъ, какой жестокій ударъ могъ быть нанесенъ его надеждамъ переѣздомъ Шастуновыхъ изъ Москвы. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Ѣхать и ему въ Петербургъ, поступить на службу (какое положеніе для молодаго человѣка въ Петербургѣ внѣ службы?), пойти по извѣстной колеѣ свѣтскаго чиновничества, отъ котораго она всю жизнь свою мечтала уберечь его?... Софья Ивановна воспитана была, провела всю свою молодость на невскихъ берегахъ; ей вѣдомъ былъ тотъ „нравственный воздухъ, которымъ живутъ тамъ люди", тотъ строй взглядовъ и понятій, что̀ царилъ тамъ неумолимымъ деспотомъ въ тѣ времена. Она знала, что „съ московскою, да еще студентскою", какъ она выражалась, „независимостью Сергѣя" онъ такъ же мало былъ способенъ помириться съ „казенщиной" петербургской канцеляріи, какъ и съ „казенностью" петербургскаго большаго свѣта, что онъ или обратитъ тамъ „откровенностью своихъ сужденій" вниманіе на себя — вещь весьма опасная въ ту пору, — или раздражится, вовсе не станетъ ѣздить въ то общество, гдѣ единственно представлялся бы ему шансъ встрѣчаться съ княжной Линой. Да и наконецъ, говорила себѣ Софья Ивановна, если-бъ онъ и подчинился всему этому, рѣшился терпѣливо вынести все, что̀ такъ противно было тамъ и природѣ его, и воспитанію, если-бъ онъ и обратился въ приличнаго молодаго человѣка „съ хорошимъ служебнымъ будущимъ", — насколько въ глазахъ этого свѣта прибавилось бы ему правъ отъ этого на руку одной изъ первыхъ по имени, богатству и красотѣ невѣстъ въ Россіи? Не такъ же ли все и вся завопило бы о неслыханной дерзости его „претензій", если бы чувство его къ княжнѣ стало тамъ извѣстно?... А сама она, Елена Михайловна, не подверглась-ли бы она пересудамъ и толкамъ самаго злобнаго свойства за „поощреніе этого чувства, за такой amour indigne d'elle", какъ сказали бы эти люди? „Не измаялась-ли бы она въ конецъ, сердечная, не истаяла-ли бы, милая, подъ гнетомъ неустанныхъ намековъ, уколовъ, упрековъ, среди этого неумолимаго безсердечія и пустоты?..."

Такъ разсуждала тетка Гундурова, и въ обнимавшей ее тревогѣ мысль о племянникѣ не отдѣлялась отъ мысли о княжнѣ; она сама не могла сказать себѣ теперь, кто изъ нихъ былъ дороже, былъ ближе ея душѣ... „Какъ она будетъ въ состояніи вынести все это“, озабочивало Софью Ивановну даже гораздо болѣе, чѣмъ то, какія послѣдствія „все это“ могло имѣть на жизнь, на всю судьбу Сергѣя.

Но у Софьи Ивановны, какъ и у глубоко родственной ей по душѣ княжны Лины, была одна великая внутренняя сила: она вѣрила! „Не унывай и борись до конца, а тамъ да будетъ воля Мудрѣйшаго насъ!“ Въ этихъ словахъ находила она неизмѣнно то „окрыляющее“, по выраженію ея, чувство, при которомъ бодрѣлъ ея духъ и яснѣлъ помыселъ въ самыя трудныя минуты жизни, и которое невольною властью своей подчиняло себя и всѣхъ ее окружавшихъ. (И счастливъ въ этой жизни тотъ, кому суждено испытать надъ собой „окрыляющее“ вліяніе такой вѣрящей, любящей и не клонящей головы своей подъ грозою женщины!)...

И теперь произошло то же самое. „Никто какъ Богъ!“ сказала себѣ Софья Ивановна послѣ долгаго передумыванья всякихъ тяжелыхъ мыслей и ни къ чему не приведшихъ соображеній, возбужденныхъ въ ней полученнымъ изъ Сицкаго извѣстіемъ. И она какъ-то вдругъ успокоилась и ободрилась, и вернувшуюся къ ней ясность духа сообщила и „ютившимся подъ ея материнскимъ крыломъ птенцамъ несмыслящимъ“, какъ называлъ въ шутку себя съ пріятелями Ашанинъ. Всѣмъ имъ, включая сюда и Гундурова, какъ бы вдругъ стало очевиднымъ, что не-изъ-чего приходить заранѣе въ отчаяніе, что тонъ письма княжны былъ гораздо болѣе успокоительнаго, чѣмъ устрашающаго свойства, и что сама она, наконецъ, не принадлежала къ числу тѣхъ созданій, чья зыбкая воля клонится по прихоти всякой перемѣны вѣтра: „ея не сломитъ никакому Петербургу!“ подумалось всѣмъ имъ.

Оба пріятеля Гундурова одинаково отъ всего сердца желали ему успѣха, хотя и руководились при этомъ не совсѣмъ одинаковыми побужденіями. Донельзя распущенный въ нравственномъ отношеніи, но искупавшій свои слабости дѣй-

ствительно „золотымъ“, какъ говорила Софья Ивановна, пылкимъ и великодушнымъ сердцемъ, Ашанинъ не имѣлъ ничего иного въ виду при этомъ, какъ счастіе друга, котораго онъ любилъ какъ брата и глубоко уважалъ, какъ человѣка. Искренній „фанатикъ“ театральнаго искусства, Вальковскій таилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ своею, весьма часто намѣренною, грубостью не мало, что̀ говорится, „хитростцы“ и практическаго разсче-а. Онъ любилъ Гундурова по-своему, за „охоту и талантъ“ его къ сценѣ, и въ бракѣ его съ дѣвушкой, имѣвшею принести мужу въ приданое такое огромное состояніе, какъ княжна, видѣлъ прежде всего ту выгоду, которую самъ онъ, Вальковскій, въ случаѣ такого приращенія земныхъ благъ у пріятеля, могъ извлечь для себя какъ по части устройства всякихъ будущихъ „театриковъ“, такъ и относительно грядущаго размѣра тѣхъ вспоможеній всякаго рода, которыми онъ искони привыкъ пользоваться со стороны обоихъ своихъ пансіонскихъ товарищей... На этомъ основаніи онъ гораздо болѣе Ашанина волновался заботой объ исполненіи желаній“ Гундурова и очень часто, самъ не подозрѣвая того, оскорблялъ нашего героя въ его чистомъ и благоговѣйномъ чувствѣ ко княжнѣ Линѣ.

— Послушай, братъ, говорилъ онъ ему озабоченно на другой день послѣ полученія ея письма въ Сашинѣ,—я всю ночь продумалъ о твоихъ обстоятельствахъ и пришелъ къ тому, что нечего намъ тутъ всѣмъ киснуть, когда настоящее дѣло дѣлать треба!

— Какое это такое „настоящее дѣло“? спрашивалъ Сергѣй.

— А такое, что колибъ эта лядащая фря, княгиня, захотѣла дочь силой въ Питеръ везти, такъ вѣдь и мы можемъ ей такой камуфлетъ подпустить... Я все сообразилъ подробно. На козлахъ ямщикомъ—я. Весь этотъ аллюръ ихній знаю я теперь до тонкости, то-есть въ самомъ настоящемъ видѣ изображу, не отличить! Володька—лакеемъ. Мы же и свидѣтели. Подкатываемъ ночью къ саду,—она тамъ ждетъ. Живо въ коляску, валяй въ Анцыферово,—село тутъ есть, двадцать верстъ, все это разузналъ я до ниточки, а въ селѣ-то попъ

Гаврило, пропоица и шельма изумительнѣйшая: за сто цѣлкашей козла съ козой обвѣнчать готовъ, говорятъ, а не то, что...

— Ты самъ не знаешь, что̀ говоришь, Вальковскій! вскрикнулъ, весь вспыхнувъ, Гундуровъ.

— Экая дубина, экая безобразина! расхохотался тутъ же бывшій Ашанинъ;—и вѣдь изъ того онъ это все изобрѣлъ въ дурацкой головѣ своей, чтобъ ему ямщикомъ-молодцомъ на козлахъ сидѣть, въ клюкъ свой кабаній соловьемъ свистать... А что̀, Ваня, „Маргоренька-то къ гусару ушла“? закончилъ онъ вопросомъ, которымъ преслѣдовалъ его съ утра до вечера, съ самаго дня встрѣчи ихъ въ городѣ.

Вальковскій, само собою, ругнулъ его, плюнулъ и отошелъ.

А вечеромъ сидѣли они опять всѣ трое за вечернимъ чаемъ у стола, за которымъ Софья Ивановна въ круглыхъ очкахъ на носу вязала какое-то одѣяло и восторгались *Ромео и Юліей*, въ появившемся въ ту пору въ одномъ изъ повременныхъ изданій переводѣ этой драмы на русскій языкъ. Такія чтенія Шекспира, начатыя по мысли тетки Гундурова, видѣвшей въ этомъ лучшее средство развлекать Сергѣя отъ муки и тревогъ его личныхъ помысловъ, соединяли каждый вечеръ Сашинское общество и часто заставляли засиживаться его далеко за полночь. Сама Софья Ивановна, сохранившая подъ сѣдыми волосами всю горячую впечатлительность молодости, увлекалась до слезъ геніальными красотами поэта и просила чтеца продолжать, забывая первая, что обычный часъ ея отхода ко сну давно отзвонилъ во всѣхъ комнатахъ дома. Гундуровъ, душевное состояніе котораго такъ близко подходило къ тому страстному возбужденію, которымъ исполнено все существо молодаго Веронца Шекспира, находилъ для передачи его рѣчей звуки, глубоко потрясавшіе его слушателей, и отъ которыхъ самъ онъ иной разъ пьянѣлъ и замиралъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, или растрогивался до рыданія въ горлѣ. Послѣ каждой нѣсколько значительной сцены начинались толки, комментаріи, споры. „Фанатикъ“ сжималъ кулаки и зубы, чтобы не ругнуться отъ избытка восхищенія въ при-

сутствіи импонировавшей ему Софьи Ивановны. Ашанинъ, неустанно тѣшившійся имъ и преслѣдовавшій его все тѣми же незлобивыми насмѣшками, всячески поджигалъ и вызывалъ его энтузіазмъ на какую нибудь забавную выходку.

— Да, говорилъ онъ однажды,—Ромео несомнѣнно первая изъ первыхъ молодыхъ ролей, какія только существуютъ на театрѣ!

— Первѣющая! подтвердилъ Вальковскій, сіяя непомѣрно раскрытыми глазами.

— Вотъ бы тебѣ попровать себя когда-нибудь на ней, Ваня? невиннѣйшимъ тономъ продолжалъ за этимъ красавецъ.

— Вѣдь ты не дашь, Володенька? возразилъ на это тотъ голосомъ, исполненнымъ такого страстнаго внутренняго желанія, униженной мольбы и страха за отказъ, что все кругомъ разразилось неудержимымъ хохотомъ.

— А вотъ вы, въ самомъ дѣлѣ, возьмите, прочтите намъ что-нибудь изъ роли Ромео, Иванъ Ильичъ, молвила Софья Ивановна, принимая тутъ же серьезный видъ и грозя пальцемъ Ашанину:—Владиміръ Петровичъ не одинъ здѣсь судья!

„Фанатикъ“ жадно потянулъ къ себѣ книгу, лежавшую предъ Гундуровымъ, остановившимся на первой сценѣ Ромео съ Лоренцо, и съ первыхъ же словъ загудѣлъ такимъ звѣремъ, что Ашининъ, ухватившись за бока, вскочилъ, выбѣжалъ въ гостиную и повалился тамъ на диванъ, надрываясь новымъ истерическимъ смѣхомъ. Гундуровъ уронилъ голову на столъ и залился тоже.

— Да, рѣшила Софья Ивановна, укалывая себя до боли спицей въ подбородокъ, чтобы не заразиться ихъ примѣромъ,—мнѣ кажется, дѣйствительно, Иванъ Ильичъ, что для васъ годятся роли... менѣе пламеннаго характера...

Вальковскій надулся, но только на этотъ вечеръ. Ему слишкомъ удобно жилось въ Сашинѣ, онъ слишкомъ хорошо тамъ ѣлъ, пилъ и спалъ, чтобы расходиться съ его гостепріимными хозяевами изъ-за какой-нибудь „рольки“, какъ выражался онъ своими обычными уменьшительными обозначеніями. Чтенія Шекспира продолжались попрежнему, и не-

удачная попытка „фанатика“ передать эту молодую „рольку“ не оставила малѣйшаго слѣда въ строѣ общаго добраго согласія, царствовавшаго въ тихой сѣни стараго Сашинскаго дома.

Такъ прошло болѣе недѣли. Съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе ждали теперь наши друзья новыхъ извѣстій изъ Сицкаго, отъ княжны. Но извѣстій не приходило...

XXXII.

Готовься съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ!
Баратынскій.

Волшебный лѣтній вечеръ лежалъ надъ заснувшими липами Сашина. Нарождавшійся мѣсяцъ индѣ сверкалъ тонкимъ серебрянымъ очеркомъ сквозь темную сѣть ихъ многолиственныхъ вѣтвей, и нѣжный запахъ политыхъ къ вечеру цвѣтовъ несся проницающими струями на низенькій балконъ дома, двумя-тремя ступеньками спускавшійся въ садъ. Свѣтъ высокой лампы и свѣчей въ стеклянныхъ колпакахъ, стоявшихъ на столѣ на этомъ балконѣ, добѣгалъ до разбитой подъ нимъ клумбы, и какъ бы вынырнувшая изъ ближайшаго ея куста большая бѣлая роза чуть дрожала на невидимомъ стеблѣ своемъ, вся облитая и вся будто зачарованная этимъ нежданнымъ и незнакомымъ ей свѣтомъ...

Кругомъ стола сидѣлъ „Сашинскій квартетъ“, какъ выражалась Софья Ивановна въ веселыя минуты. Они только-что отпили чай. Предъ Гундуровымъ лежалъ томъ Пушкина, открытый на *Каменномъ Гостѣ*, котораго собирался онъ читать вслухъ. Но онъ медлилъ приняться за книгу и глядѣлъ прищуренными глазами въ садъ, охваченный тишью и красотой ночи.

— Какъ хорошо! проговорилъ онъ, ни на кого не глядя.

„Что за ночь, за луна, когда“... вспомнилось Ашанину тутъ же одно изъ любимѣйшихъ его стихотвореній.

— Нѣтъ, вы посмотрите на эту розу, молвила въ свою

очередь Софья Ивановна,—какъ она выдѣляется изъ темноты и точно глядитъ на насъ!

— Я давно на нее любуюсь, сказалъ Ашанинъ,—точно глядитъ и стыдится,—прелесть!... Сережа, не напоминаетъ она тебѣ...

— Офелію? И Гундуровъ съ засверкавшимъ взглядомъ обернулся на него.

— Именно, именно! Вотъ что̀ называется симпатія душъ, засмѣялся красавецъ:—мнѣ это сейчасъ пришло въ голову! Она такъ...

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль, прерванный восклицаніемъ Софьи Ивановны:

— Кого это Богъ даетъ!

Всѣ разомъ примолкли. Изъ-за сада, мимо котораго шла дорога въ усадьбу, доносился звонъ колокольчика.

Гундуровъ вздрогнулъ отъ невольнаго нервнаго ощущенія. Колокольчикъ такъ живо напоминалъ ему пріѣздъ Анисьева въ Сицкое, трепетъ Лины, всю пережитую ими тогда муку.

— Кто это, въ самомъ дѣлѣ? пробормоталъ онъ.

— Ужь не за мною-ли начальство шлетъ? У меня вторая недѣля какъ отпускъ просроченъ, заявилъ со мгновеннымъ смущеніемъ Вальковскій.

Ашанинъ расхохотался:

— Станетъ оно еще давать себѣ трудъ посылать за тобой! Просто выключитъ, если къ сроку не явился.

„Не изъ Сицкаго-ли что̀?“ подумалось одновременно и Сергѣю, и его теткѣ; они переглянулись.

— Нѣтъ, тогда бы безъ колокольчика! сказала она громко въ отвѣтъ угаданному обоими ими вопросу и успокоенно улыбнулась ему.

Топотъ лошадей между тѣмъ уже явственно слышался на дворѣ. Кто-то подъѣзжалъ ко крыльцу.

— Исправникъ! доложилъ вслѣдъ за этимъ, выходя изъ комнатъ, старикъ Ѳедосей, камердинеръ Гундурова.

— Что̀ ему нужно? невольно вскрикнула Софья Ивановна.

— За мною, вѣрно за мною!... радостно возгласилъ „фа-

натикъ",—театрикъ, должно быть, устроивается, такъ онъ за мною, толстопузъ, прикатилъ!...

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся съ балкона.

— Они Сергѣя Михайловича спрашиваютъ! угрюмо пѣвучимъ голосомъ промолвилъ Ѳедосей, не трогавшійся съ мѣста.

— Меня?... Проси! сказалъ Сергѣй, взглянувъ на тетку.— Не попался-ли въ чемъ кто-нибудь изъ нашихъ крестьянъ? объяснилъ онъ.

— Сюда!... сюда проси! торопливо добавила Софья Ивановна...

Въ гостиной уже раздавался скрипъ сапоговъ входившихъ, и на балконѣ черезъ мигъ, слегка споткнувшись о его порогъ, но сейчасъ же оправившись и молодцовато выставивъ грудь впередъ, появился Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ во всей внушительности своей громоздкой фигуры и съ такою же внушительностью на неулыбавшемся и какъ бы чѣмъ-то чрезвычайно озабоченномъ лицѣ. Вальковскій шелъ за нимъ, опустивъ голову и поводя исподлобья кругомъ какъ бы нѣсколько сконфуженными глазами. Пріѣздъ „толстопуза", очевидно, не имѣлъ цѣлью театрикъ.

— Madame la générale! проговорилъ исправникъ, подходя къ хозяйкѣ и шаркая съ ловкостью бывалаго гвардейца.

— Здравствуйте, monsieur Акулинъ, проговорила Софья Ивановна, внимательно глядя на него:—не угодно-ли присѣсть? примолвила она черезъ мигъ, указывая на кресло.

Елпидифоръ отблагодарилъ поклономъ, тяжело опустился въ это кресло, протянулъ и перекинулъ одна на другую толстыя свои ноги и, уложивъ фуражку на колѣняхъ, а голову опустивъ на грудь, принялся съ намѣренною какъ бы неторопливостью стаскивать съ рукъ перчатки.

Софья Ивановна съ невольнымъ волненіемъ слѣдила за всѣми его движеніями.

— Да не угодно-ли вамъ чаю? спросила она, вспоминая свою обязанность хозяйки, и поставила чайникъ на конфорку еще не потухшаго самовара.

— Если позволите... полстаканчика... Некогда больше! примолвилъ онъ, подымая глаза и останавливая ихъ на ней.

— А развѣ вамъ еще куда-нибудь отъ насъ нужно? проговорила она, скрывая подъ равнодушнымъ тономъ вопроса серіозное безпокойство, которое начинало овладѣвать ею.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ исправникъ, принимая видъ человѣка, который обязанъ, но весьма неохотно исполняетъ это, объявить другому непріятную вѣсть:—я имѣю дѣльце... къ Сергѣю Михайловичу...

— Какое такое? спросилъ Гундуровъ, хмуря брови.

— Вотъ, если позволите на минуточку... къ вамъ въ кабинетъ, медлительно выговорилъ исправникъ, протягивая руку къ налитому ему хозяйкой стакану чая,—мы съ вами переговоримъ...

— Отчего же не здѣсь, не сейчасъ? сказала, выпрямляясь въ своемъ креслѣ, Софья Ивановна:—у Сергѣя нѣтъ никакихъ тайнъ... и никакихъ *долгъ*, подчеркнула она, — о которыхъ нельзя было бы говорить громко, при всѣхъ...

Елпидифоръ повелъ любезно головой внизъ.

— Отъ всей души готовъ вамъ вѣрить, madame la générale... тѣмъ болѣе, что мнѣ лично ничего не извѣстно... И даже повѣрьте (онъ счелъ нужнымъ вздохнуть), почитаю для себя возложенное на меня порученіе весьма тяжкимъ... Еще такъ недавно подвизались мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ, какъ собратья по искусству, въ *Гамлетѣ*... котораго передалъ онъ намъ съ такимъ совершенствомъ... И вдругъ, я такъ сказать, во всемъ атрибутѣ моихъ полицейскихъ обязанностей...

— Да говорите, сдѣлайте милость, перебила его тетка Гундунова,—какое у васъ порученіе?

Акулинъ чуточку помолчалъ, затѣмъ развелъ руками, упершись въ нее взглядомъ и выпустилъ словно изъ ружья:

— Извините меня, ваше превосходительство, я обязанъ доставить племянника вашего къ его сіятельству, графу, въ Москву.

У Софьи Ивановны сверкнули глаза и побѣлѣли губы; Ашанинъ вскочилъ съ мѣста, глядя на исправника, какъ будто не довѣрялъ ушамъ своимъ. Вальковскій какъ-то мгновенно исчезъ въ неосвѣщенной сторонѣ балкона.

— „Доставить"! повторилъ, весь вспыхнувъ, Сергѣй.—Что ему отъ меня нужно?

— Это ужь имъ извѣстно, отвѣтилъ исправникъ съ легкою улыбочкой, потягивая чай изъ своего стакана,—а я тутъ, какъ говорится, не что иное, какъ слѣпой исполнитель. Получилъ предписаніе-съ!

И онъ все такъ же медлительно откинулся спиной въ кресло, отстегнулъ двѣ пуговицы своего форменнаго сюртука и полѣзъ рукой подъ бортъ его въ карманъ (онъ видимо наслаждался производимою имъ тревогой: онъ зналъ, какъ нелестно было о немъ мнѣніе хозяевъ Сашина, и не могъ простить этого имъ).

— Самого меня, говорилъ онъ тѣмъ временемъ, — чрезвычайно это какъ разстроиваетъ. — Дочь мою единственную, какъ это можетъ вамъ извѣстно (онъ повелъ неопредѣленно глазами кругомъ), только что выдалъ за товарища же нашего по спектаклю, Никанора Ильича Ранцова. Третій день всего, какъ свадьбу сыграли, и я, признаюсь, надѣялся поотдохнуть у нихъ недѣльки двѣ, порадоваться на нихъ... Любо, вѣдь, дорого смотрѣть: не натѣшатся другъ другомъ, не нанѣжатся...

„Поздравляю ихъ обоихъ!" злобно подумалъ и чуть громко не отпустилъ Ашанинъ, на которомъ какъ бы невзначай остановились въ эту минуту глаза Акулина.

— И вдругъ это меня отрываютъ, продолжалъ расписывать тотъ,—и даже для исполненія такихъ непріятныхъ обязанностей... Вотъ-съ, не угодно-ли взглянуть? заключилъ онъ, дошарившись до нужнаго въ своемъ карманѣ и протягивая Гундурову сложенный вчетверо по-казенному листъ бумаги.

Сергѣй быстро пробѣжалъ его про себя и передалъ теткѣ.

— Я кандидатъ университета, а не... какъ тамъ сказано, сказалъ онъ только съ презрительною улыбкой.

Бумага гласила, что, по приказанію его сіятельства, исправникъ такой-то „имѣетъ извѣстить проживающаго во ввѣренномъ ему уѣздѣ неслужащаго дворянина, бывшаго студента Московскаго университета, Гундурова, явиться, для личнаго объясненія, къ его сіятельству, въ Москву, во вторникъ, 6-го іюля, въ $9^1/_2$ часовъ утра.

Софья Ивановна прочла тихо, затѣмъ вслухъ, останавливаясь черезъ слово: она старалась добраться того непонятнаго для нея смысла, который могъ заключаться въ словахъ: „для личнаго объясненія“. Какія нужны ему объясненія съ Сережей, о чемъ?...

Исправникъ привсталъ съ мѣста и потянулся къ ней черезъ столъ съ устремленнымъ впередъ указательнымъ пальцемъ:

— Собственноручную приписку извольте замѣтить... сбоку-съ, сбоку...

Она прочла прибавленныя на полѣ бумаги крупною рукой московскаго владыки два слова: „привезти самому.

Елпидифоръ опять опустился въ кресло и еще разъ вздохнулъ.

— „Самому“, это то-есть мнѣ... везти!...

— Ахъ ты шельмецъ этакой, шельмецъ! сказалъ себѣ Ашанинъ, чувствуя въ эту минуту неодолимое желаніе помять отвислыя жабры бывшаго Полонія.

— Во вторникъ, 6-го іюля, перечла Софья Ивановна. — Что у насъ сегодня? Понедѣльникъ, пятое... Это, значитъ, ему надо завтра утромъ быть въ Москвѣ?

— Такъ точно-съ, подтвердилъ Акулинъ, опираясь обѣими руками въ ручки кресла, чтобы подняться окончательно на ноги;—девяносто шесть верстъ, Сергѣй Михайловичъ, обратился онъ къ нашему герою, который молча, сжавъ неестественно губы, прислушивался къ этому чтенію и разговору, какъ-бы рѣшившись не принимать въ немъ никакого участія,— да проселкомъ до города, верстъ двѣнадцать: только къ утру доѣхать успѣемъ... Собираться бы вамъ надобно...

Всѣ примолкли на мигъ.

— Что же, Сережа... какъ ты думаешь? заговорила первая его тетка, подымая на него глаза.

Она пожала плечами.

— Собираться мнѣ не долго... Хоть сію минуту!...

— Ты когда думаешь... вернуться? не совсѣмъ твердо спросила она его опять.

— Да завтра-же объ эту пору, я полагаю.

— Весьма-бы желательно-съ, г[illegible]ь на это

исправникъ съ интонаціей голоса, злое намѣреніе которой не ускользнуло отъ Софьи Ивановны.

Багровыя пятна выступили у нея на лицѣ. Она взглянула на него такимъ негодующимъ взглядомъ, что Елпидифоръ смутился и кашлянулъ въ руку, чтобы скрыть это смущеніе,—и встала изъ-за стола.

— Вы мнѣ позволите васъ оставить одного, пока племянникъ мой будетъ укладываться. Пойдемъ, Сережа!

— И я съ вами! поспѣшно сказалъ Ашанинъ.

Они ушли втроемъ.

Вальковскій внезапно выскользнулъ изъ своего темнаго угла, подошелъ, озираясь, къ исправнику и шопотомъ проговорилъ:

— Не знаешь, братъ, для чего онъ требуется: дѣло въ самомъ дѣлѣ какое, или согрѣшилъ чѣмъ?

Тотъ глянулъ на него черезъ плечо.

— Слышалъ, сказано: „привести самому“,—значитъ, чтобы не утекъ. Не по головкѣ гладить, стало-быть! фыркнулъ онъ, доставая папироску изъ сигарочницы и наклоняясь съ нею къ одной изъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ.

„Фанатикъ“ опустилъ голову и словно съежился весь.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Сережа, говорила тѣмъ временемъ Софья Ивановна, ведя молодыхъ людей въ кабинетъ племянника,—не знаешь-ли ты за собою чего-нибудь, изъ-за чего могли бы тебѣ выйти непріятности?

Онъ засмѣялся даже.

— Что же могу я знать такого за собою, тетя? Все, что я дѣлалъ и дѣлаю, вамъ точно такъ же извѣстно, какъ и мнѣ самому.

— И почему вы думаете, заговорилъ съ живостью Ашанинъ,—что Сережу должны ждать какія-нибудь „непріятности“ отъ нашего воеводы московскаго? Я такъ совсѣмъ напротивъ того думаю. Князь Ларіонъ Васильевичъ въ Сицкомъ, при насъ же всѣхъ, такъ лестно и горячо рекомендовалъ ему Сережу и, вѣроятно, теперь проѣздомъ черезъ Москву повторилъ это ему, что старцу, я увѣренъ, пришла въ голову блестящая мысль пригласить Сережу къ себѣ на службу.

Онъ и вызываетъ его чрезъ исправника, какъ знающаго, гдѣ его найти.

— Такъ тàкъ было бы и сказано, я полагаю, возразила Софья Ивановна,—а то *привезти*, точно арестанта какого-то, преступника... Это просто оскорбительно!...

— А этотъ старецъ нашъ не понимаетъ, комическимъ тономъ объяснилъ Ашанинъ, — онъ по простотѣ: нужно ему кого-нибудь, ну и подавай его такъ или иначе. Вы на него не обижайтесь, генеральша: у пашей турецкихъ, говорятъ, еще простѣе обычай бываетъ!...

Софья Ивановна невольно усмѣхнулась, но глаза ея глядѣли все такъ же не весело и озабоченно.

— Этотъ исправникъ, сказала она,—со своими какими-то грозящими намеками...

— Ну, вотъ эту толстую шельму я охотно бы поколотилъ! воскликнулъ пріятель Гундурова.—Вѣдь вы понимаете, генеральша, что онъ рóвно ничего не знаетъ, для чего вызывается Сережа къ графу, и знать не можетъ. А строитъ онъ эти угрожающія хари въ отместку вамъ за то, что вы его къ себѣ въ домъ какъ знакомаго не пускали, а Сережа, когда мы въ Сицкомъ играли, ему, кромѣ репликъ, слова не сказалъ никогда. Такъ не тревожиться же вамъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за его рожи, воронья пугала!...

Ашанинъ говорилъ тономъ такого глубокаго убѣжденія, и то, что̀ онъ говорилъ, имѣло за собою притомъ такъ много правдоподобности, что Софья Ивановна въ эту минуту какъ-то вдругъ успокоилась. Она все время слѣдила за выраженіемъ лица Гундурова и осталась имъ довольна: ни малѣйшаго волненія, ниже суеты, а лишь та невольная брезгливость, съ какою смотрѣлъ бы порядочный человѣкъ, по ошибкѣ посаженный въ часть.

Онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и безсознательно перебиралъ пальцами по его сукну.

— Къ *нему* вѣдь во фракѣ явиться нужно, Сережа, сказала ему тетка,—не забудь взять!

— Возьму... И бѣлый галстукъ тоже нужно? спросилъ онъ, насмѣшливо и чуть-чуть надменно улыбаясь.

— Само собою... А что ты ему однако скажешь, Сережа? молвила черезъ мигъ Софья Ивановна,—если онъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ предложитъ служить у него?

— Поблагодарю за честь и—откажусь!.. „Пашамъ“ я не слуга! промолвилъ онъ, повторяя выраженіе Ашанина.

Она помолчала.

— Однако вотъ что, другъ мой, начала она затѣмъ:—даю тебѣ два дня сроку; если по истеченіи ихъ ты не вернешься въ Сашино, я поѣду въ Москву.

— Къ чему это, тетя? вскрикнулъ онъ.

— Я буду безпокоиться... у насъ всего ожидать можно...

— А позвольте мнѣ, милѣйшая моя генеральша, заговорилъ опять Ашанинъ все тѣмъ же обычнымъ ему, шутливымъ и веселымъ тономъ,—позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: я поѣду теперь съ Сережей въ Москву и, если бы что-нибудь дѣйствительно задержало его тамъ, даю вамъ честное слово, что черезъ два дня, то-есть послѣ-завтра, буду у васъ здѣсь съ извѣстіемъ.

— Отлично, Володя, спасибо! воскликнулъ, вставая съ мѣста, Гундуровъ.—Мнѣ совѣстно было просить тебя, а я только-что объ этомъ думалъ. Тетя будетъ спокойна, а меня ты избавишь отъ единственной непріятности во всемъ этомъ: ѣхать бокъ-о-бокъ цѣлую ночь съ этимъ господиномъ. Вы согласны, тетя?

— Хорошо, сказала она,—спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!... А вотъ и Ѳедосей! Собирай барина!...

— Слышалъ-съ, проговорилъ угрюмо старый слуга, дѣйствительно слышавшій весь разговоръ изъ сосѣдней съ кабинетомъ спальни Гундурова,—у меня готово..

— Такъ вели въ старую коляску разгонныхъ четверку сейчасъ же! приказалъ Сергѣй.

— Да и его возьми съ собою! молвила ему тетка.

— А то развѣ отпущу я ихъ однихъ! уже совсѣмъ сердито отрѣзалъ старикъ и даже дверью хлопнулъ, уходя.

Всѣ невольно улыбнулись.

— А теперь я васъ оставлю, сказалъ Ашанинъ: — пойду [illegible] надъ Епидифоромъ потѣшиться.

Онъ вернулся на балконъ, на которомъ Акулинъ, развалившись по-хозяйски въ креслѣ, пускалъ кольца дыма въ недвижный воздухъ, а „фанатикъ", опустивъ голову и сложивъ руки крестомъ на груди, шагалъ отъ перилъ до перилъ съ видомъ трагика, обдумывающаго свой монологъ пятаго дѣйствія.

— Что же вашъ пріятель! спросилъ исправникъ, оборачиваясь ко входившему:—пора ѣхать!

Ашанинъ развелъ широко руками, въ подраженіе тому, какъ разводилъ своими исправникъ въ разговорѣ съ Софьей Ивановной, и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ушелъ! Нѣту!

— Что-ѳ? не понялъ въ первую минуту тотъ.

— Вы спрашиваете про Гундурова?

— Про него!

— Я вамъ и говорю, нѣтъ его, ушелъ! повторяя то же движеніе руками, подтверждалъ шалунъ.

Вся прытость, вся юркость Елпидифора вернулись къ нему въ одно мгновеніе. Онъ привскочилъ съ кресла, съ легкостью резиннаго мячика, и кинулся къ молодому человѣку.

— Удралъ? прохрипѣлъ онъ, и безконечныя щеки его мгновенно поблѣднѣли и запрыгали,—верхомъ?... потому колесъ слышно не было...

— Нѣтъ, пѣшкомъ, отвѣчалъ Ашанинъ съ самою невозмутимою серьезностью.

— Такъ далеко еще не успѣлъ... Въ какую сторону?

— Недалеко, дѣйствительно:—въ сторону конюшни.

— За лошадью?

— За лошадьми; приказалъ запрягать подъ коляску, ѣхать къ графу, въ Москву.

— Эхъ, чтобъ васъ! махнулъ со злостью рукой исправникъ,—я вѣдь подумалъ и въ самомъ дѣлѣ!... И нашли чѣмъ шутить!...

— Я и не шучу,—вы спрашиваете, я даю отвѣты. Я не виноватъ, что вы ихъ толкуете по-своему, по-полицейски.

Акулинъ надулся.

— И къ чему это ему коляску еще свою! Я думалъ его въ своемъ тарантасѣ везти...

— Не имѣете права! возгласилъ Ашанинъ.

— Чего это?

— Можете подъ уголовную отвѣтственность попасть!

— Да что это вы мнѣ расписываете! фыркнулъ исправникъ, все сильнѣе гнѣваясь.

— Вамъ предписано „привести“ Гундурова къ графу для „личнаго объясненія“, значитъ привезти живаго, такъ какъ съ мертвымъ объясненія бываютъ обыкновенно нѣсколько затруднительны. Если же онъ бы съ вами сѣлъ рядомъ въ экипажъ, вы бы его, надо полагать, при Богомъ вамъ данномъ преизобиліи тѣлесномъ, на первой же колеѣ придавили до смерти. Во избѣжаніе чего мы и порѣшили съ нимъ оставить васъ ѣхать въ одиночествѣ, а самимъ ѣхать въ его колескѣ.

— Однако позвольте вамъ сказать, милостивый государь... началъ и не договорилъ уже весь красный отъ злости исправникъ.

— Что сказать? съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ спросилъ тотъ, укладывая локти на столъ и глядя ему прямо въ глаза своими большими черными глазами.

Взбѣшенный, но осторожный Елпидифоръ вспомнилъ вовремя, что этотъ черноглазый красавецъ, глядѣвшій на него такимъ вызывающимъ взглядомъ, былъ вхожъ „въ домъ его сіятельства“ и даже, какъ слышалъ онъ, пользовался особымъ расположеніемъ къ нему этого „дома“, и что потому размолвка съ нимъ была бы очевидно съ его стороны не разсчетомъ.

— На васъ, конечно, сердиться нельзя, Владиміръ Петровичъ, повернулъ онъ неожиданно на шутливый тонъ,—вы привыкли съ дамами къ веселому разговору...

— А вамъ какого же угодно? протянулъ Ашанинъ, продолжая глядѣть ему въ глаза.

Не извѣстно, что нашелъ бы отвѣтить исправникъ, но въ минуту „фанатикъ“, сосредоточенно прислушивавшійся трагически шагнулъ къ пріятелю.

— Это какъ же ты съ Гундуровымъ въ Москву собрался? А я?

— Что ты?

— Мнѣ что же оставаться-то здѣсь безъ васъ?...

— Мы вернемся завтра или послѣ-завтра утромъ.

— А если какъ не вернетесь? мрачно промычалъ Вальковскій.

Ашанинъ уперся ему въ лицо проницательнымъ взглядомъ.

— Ты глупъ, Иванъ Непомнящій, подчеркнулъ онъ:— если бы то, что ты предполагаешь, должно было случиться, тѣмъ менѣе, кажется, слѣдовало бы тебѣ думать удирать теперь изъ этого дома!

„Фанатикъ“ понялъ и, покраснѣвъ до ушей, быстро отошелъ отъ него и зашагалъ опять по балкону.

На порогѣ его показались хозяева.

— Лошади готовы; если вамъ угодно, можемъ ѣхать, какъ бы уронилъ Сергѣй, глядя черезъ голову исправника.—Ѳедосей твои вещи уложилъ, сказалъ онъ Ашанину.

— Спасибо!

Красавецъ отвелъ Софью Ивановну въ сторону.

— Вы извѣстите княжну? спросилъ онъ ее шопотомъ.

— Къ чему? выразила она:—это могло бы только ее встревожить, а вы надѣетесь, говорите, быть здѣсь послѣ-завтра съ Сережей... или безъ него, примолвила она чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ,—всегда успѣемъ.

— Вѣрно, генеральша, вѣрно! согласился Ашанинъ,— позвольте ручку поцѣловать на прощанье.

Со двора доносился грохотъ выѣхавшихъ экипажей.

Всѣ прошли туда черезъ садъ.

— Какъ вамъ удобнѣе наблюдать, чтобы мы отъ васъ какъ нибудь не „удрали“, Елпидифоръ Павлычъ? громко и со смѣхомъ спросилъ исправника Ашанинъ, выходя на дворъ;— намъ-ли ѣхать впередъ, или вамъ?

Въ толпѣ дворовыхъ, собравшихся у крыльца смотрѣть на неожиданный отъѣздъ молодаго барина, послышалось вызванное этими словами сочувственное и дружное хихиканье.

— Ахъ, сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно! отвѣтилъ съ досадой исправникъ (онъ чувствовалъ себя сильно не въ авантажѣ), направляясь къ поданному первымъ своему тарантасу.—Вашему превосходительству честь имѣю кланяться! сухо промолвилъ онъ, снимая на ходу фуражку предъ госпожой Переверзиной, и заковылялъ далѣе.

— Ну, Богъ съ тобою, Сережа! говорила она тѣмъ временемъ, остановившись съ племянникомъ въ темномъ углу у забора,—знаю, что вздоръ, а сердце не на мѣстѣ, такое ужь глупое оно у меня...

Она подняла руку и трижды осѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

Тройка исправника уже выѣзжала за ворота. Молодые люди поспѣшили къ своей коляскѣ.

— Ваня, будь умникъ, крикнулъ изъ нея Ашанинъ Вальковскому, безмолвно и угрюмо глядѣвшему на нихъ съ крыльца,—и отучись подбирать съ тарелки горошекъ ножомъ: вилкой гораздо удобнѣе...

Среди дворовыхъ пискнулъ чей-то новый сочувственный смѣхъ... „Фанатикъ“ плюнулъ и ушелъ въ домъ подъ топотъ тронувшихъ лошадей.

XXXIII.

Увѣшанная картинами угольная красная комната, предшествовавшая кабинету графа' и выходившая четырьмя окнами на Тверскую площадь, въ бойкую пору года полная обыкновенно народа, была теперь, по случаю лѣтняго времени и еще ранняго часа дня, почти пуста. Пріемъ просителей — для чего графъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ въ городъ изъ своей подмосковной,—былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. Въ красной комнатѣ поэтому въ ту минуту, когда вошелъ въ нее Гундуровъ, за которымъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ исправникъ Акулинъ, находились только дежурный чиновникъ канцеляріи, длинный и худой молодой человѣкъ, глядѣвшій въ окно съ видомъ смертельной скуки, и такой же дежурный военный чиновникъ особыхъ порученій, лысый майоръ Чесминъ *), растянувшійся съ ногами на покрытомъ чехломъ, по-лѣтнему, какъ и вся мебель, диванѣ.

Услыхавъ шумъ шаговъ, майоръ полуоткрылъ сонные глаза и спустилъ ноги съ дивана.

— А! Вы зачѣмъ къ намъ? лѣниво вымолвилъ онъ, узнавая нашего героя, съ которымъ встрѣчался въ одномъ знакомомъ имъ обоимъ домѣ въ Москвѣ.

— Вызвали! отвѣтилъ Гундуровъ съ невольнымъ пожатіемъ плечъ. (Онъ ѣхалъ всю ночь, только-что успѣлъ обмыться и переодѣться, и лицо его носило видимые слѣды безсонницы и утомленія).

---

*) См. *Типы прошлаго.*

— Вотъ какъ! зѣвнулъ Чесминъ, указывая ему мѣсто подлѣ себя на диванѣ; — а на что вы ему нужны? (майоръ никогда иначе какъ этимъ мѣстоимѣніемъ не обозначалъ своего начальника, съ которымъ состоялъ въ самыхъ оригинальныхъ, брюзгливо-нѣжныхъ отношеніяхъ).

— Это я у васъ хочу спросить, молвилъ, хмурясь, молодой человѣкъ: — живу я преспокойно у себя въ деревнѣ, пріѣзжаетъ вдругъ ко мнѣ вчера вечеромъ исправникъ...

— Вотъ эта туша, перебилъ его майоръ, кивая на Акулина, подошедшаго въ эту минуту къ длинному чиновнику, стоявшему у окна и затѣявшему съ нимъ шопотомъ какой-то разговоръ.

— Онъ самый.

— Слышалъ! Дочь, говорятъ, красавица и голосъ чудный... Въ любимчики за то попалъ (майоръ мигнулъ теперь по направленію кабинета графа); переводитъ онъ его сюда частнымъ приставомъ въ Городскую часть... все равно, что тысячу душъ подарилъ, примолвилъ онъ своимъ хрипящимъ и насмѣшливымъ голосомъ.—И про васъ слышалъ. Вы тамъ съ нашимъ Чижевскимъ у Шастуновыхъ на сценѣ отличались!... И княжна играла, да?... Божественная особа! прохрипѣлъ опять Чесминъ, вздыхая и сентиментально закатывая глаза подъ свой нескончаемый лобъ.

Гундуровъ отвернулся, чтобы не дать прочесть ему на своемъ лицѣ волненіе, вызванное въ немъ упоминаніемъ о княжнѣ.

— Не долго сегодня Ѳедоръ Петровичъ... проговорилъ въ эту минуту длинный чиновникъ, оборачиваясь отъ окна къ щелкнувшей замкомъ двери кабинета.

Дверь распахнулась и изъ нея вышелъ довольно высокаго роста мущина съ крестомъ на шеѣ и чрезвычайно привѣтливымъ и открытымъ лицомъ, управляющій графскою канцеляріей. Онъ передалъ вынесенную имъ кипу только-что доложенныхъ бумагъ поспѣшившему къ нему за ними чиновнику и быстрыми шагами подошелъ къ окну, у котораго въ почтительной позѣ, переминаясь на толстыхъ ногахъ, стоялъ Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ.

— Господинъ исправникъ *** уѣзда? съ учтивою улыбкой проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше—ство!

— Графъ васъ проситъ!

Исправникъ, прижавъ шпагу къ колѣнкѣ и вздрагивая всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, понесся на кончикахъ ногъ по направленію кабинета.

— Что онъ сегодня надолго пріѣхалъ, Ѳедоръ Петровичъ? спросилъ съ мѣста Чесминъ.

— Въ два часа, покончивъ съ просителями, уѣзжаетъ обратно въ Покровское, отвѣтилъ, подходя къ нему, правитель канцеляріи, повелъ, слегка поклонившись, на сидѣвшаго рядомъ Гундурова бѣглымъ и какъ бы сочувственнымъ взглядомъ, подалъ майору руку и вышелъ обычнымъ ему торопливымъ шагомъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ васъ, думаете, вызвалъ? захрипѣлъ опять Чесминъ, оставшись вдвоемъ съ Гундуровымъ.

— Говорю вамъ, не знаю...

— И я не знаю, а догадываюсь.

— Скажите пожалуйста, если такъ!

— Онъ вѣдь былъ у Шастуновыхъ, когда вы тамъ съ Чижевскимъ лицедѣйствовали?

— Былъ.

— Видѣлъ васъ на сценѣ?

— Да.

— Ну вотъ! У него тоже театръ въ его Покровскомъ. Прослышали его барыни про новый талантъ — мало у нихъ своихъ-то всякихъ ломакъ! промычалъ Чесминъ,—и загорѣлось видно, подавай молъ намъ его, да и только!... А онъ у насъ все, что хотятъ онѣ, то и...

Онъ не успѣлъ договорить, какъ изъ кабинета бочкомъ выползъ пространный Акулинъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, скользнулъ черезъ всю комнату съ гвардейскою ловкостью и, какъ бы робѣя и смущаясь, между тѣмъ какъ на губахъ его играла самая плутоватая улыбка, подошелъ къ Чесминну.

— Извините меня, началъ онъ, — если такъ..., не имѣя

чести быть вамъ знакомымъ... но его сіятельство приказали мнѣ звать... а кого именно—я не понялъ...

— Господина Гундурова? указалъ майоръ на молодаго человѣка,—такъ вы вѣдь его знаете!

— Нѣтъ-съ, Сергѣй Михайловичъ не подходитъ къ тому слову... промямлилъ Елпидифоръ.

— Къ какому слову? Какъ онъ вамъ сказалъ?

— А они сказали: „Пошли ко мнѣ плешандаса!“ объяснилъ исправникъ, стыдливо опуская глаза и закусывая въ то же время губу, чтобы не расхохотаться.

— Вѣдь вотъ—на̀ поди! буркнулъ майоръ, сердито подымаясь съ мѣста,—самъ до пятокъ лысъ, а тутъ же насчетъ другихъ прохаживается!...

И онъ, лѣниво разваливаясь на ходу, какъ дѣлалъ это самъ графъ, съ которымъ Чесминъ имѣлъ и этотъ пунктъ сходства, отправился къ нему въ кабинетъ.

— Здравствуй, плешандасъ! тѣмъ же словомъ привѣтствовалъ его изъ самой глубины длинной и довольно темной комнаты голосъ начальства.

Графъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, въ большихъ серебряныхъ очкахъ на носу, и перебиралъ бумаги.

— А вамъ очень нужно, затворяя за собою дверь и дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, отгрызся Чесминъ,—очень нужно обращать меня въ смѣшки предъ каждымъ встрѣчнымъ?

— Не сердись, майоръ! запѣлъ со смѣхомъ графъ, не оборачиваясь къ нему и продолжая искать въ своихъ бумагахъ.

— И откуда вы этакого слона добыли? Насилу къ вамъ въ двери влѣзъ!

— Слонъ, а распорядительный! Я такихъ люблю!... И на театрѣ пресмѣшно играетъ!...

— На что̀ я вамъ нуженъ? спросилъ Чесминъ за наставшимъ послѣ этихъ словъ молчаніемъ.

— Хотѣлъ спросить: у чьихъ ногъ лежишь теперь? (это была стереотипная шутка, которою старецъ допекалъ влюбчиваго майора чуть не каждый день).

— Только за этимъ и звали! фыркнулъ тотъ.

— За этимъ! продолжалъ смѣяться графъ. — Тамъ есть одинъ молодой человѣкъ?

— Есть... Гундуровъ?

— Да, Гундуровъ... Отца зналъ! Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Какъ ты, майоръ былъ, веселая голова!...

— Ну, а его, сына-то, вы зачѣмъ теперь къ себѣ вызвали?

— Мое дѣло, а не твое! запѣлъ опять „московскій воевода“.—Зови его сюда!

Чесминъ повернулся и вышелъ.

Нашему герою было не по себѣ: и усталость, и чувство человѣческаго достоинства оскорбленнаго безцеремонностью вызова его и „доставленія“ сюда, и перспектива объясняться съ этимъ московскимъ „пашой“ въ качествѣ актера, какъ предсказывалъ ему Чесминъ,—все это мутило его и раздражало... Съ угрюмымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица вошелъ онъ въ кабинетъ графа.

— Дверь за собой заприте! едва успѣвъ переступить порогъ его, услыхалъ онъ голосъ хозяина.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ назадъ, потянулъ незатворенную имъ при входѣ дверь...

— Подойдите, продолжалъ голосъ.

Онъ подошелъ къ самому столу.

Графъ засыпалъ пескомъ только-что подписанную имъ бумагу, излишекъ песку ссыпалъ обратно въ песочницу, снялъ очки, вложилъ ихъ аккуратно въ футляръ и только теперь, взглянувъ на молодаго человѣка, указалъ ему кивкомъ на стоявшій противъ него у стола стулъ:

— Садитесь!

Гундуровъ молча опустился на него.

— Ну, что же вы теперь дѣлаете? началъ „паша“, помолчавъ и уставившись на него.

„Какъ же я это ему объясню?“ сказалъ себѣ нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ Сергѣй.

— Я жилъ теперь у себя въ деревнѣ.... отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Хозяйствомъ занимаетесь?

„На что это все ему?“ продолжалъ думать молодой человѣкъ.

— Нѣтъ... я въ хозяйствѣ мало смыслю. У меня... тетушка, воспитавшая меня... и которая продолжаетъ управлять моимъ имѣніемъ.

— Какъ зовутъ?

— Меня... или тетушку? нѣсколько оторопѣло спросилъ Сергѣй.

— Вашу тетушку!

— Софья Ивановна Переверзина.

— Переверзина! Мужъ служилъ по интендантской части? Генералъ-майоръ? Онуфрій Петровичъ звали?

— Да-съ.

— Знаю! И ладони графа поднялись вверхъ:—добрый человѣкъ былъ, только слабый! Мошенники окрутили, подъ судъ попалъ. Хорошо, что умеръ, въ солдаты бы разжаловали!

„Къ чему это все, къ чему?“ спрашивалъ себя, ничего не понимая, Гундуровъ.

— Зачѣмъ не служите? услышалъ онъ новый ex abrupto вопросъ.

— Я готовилъ себя къ ученой карьерѣ, отвѣчалъ онъ,—имѣлъ въ виду занять каѳедру въ здѣшнемъ университетѣ и для этой цѣли думалъ съѣздить въ славянскія земли...

— Не пустили, знаю! прервалъ его голосъ,—все знаю! Сами виноваты! Зачѣмъ ѣздили въ Петербургъ? Должны были явиться ко мнѣ, какъ главному здѣшнему начальнику! Я бы отпустилъ.

— Я... очень жалѣю... въ такомъ случаѣ, пробормоталъ Сергѣй.

— Жалѣть поздно! А тамъ неосторожно себя вели, кричали, обратили на себя вниманіе!

— Я не кричалъ, сказалъ Гундуровъ,—а удивлялся и старался узнать тѣ поводы, которыми я могъ бы себѣ самому объяснить этотъ отказъ мнѣ въ паспортѣ за границу, когда

цѣль моей поѣздки была прямо и ясно прописана въ моемъ прошеніи...

— Нечего было удивляться и прописывать нечего было! прервалъ его опять голосъ,—сами виноваты!... И до сихъ поръ не унялись, всякій вздоръ мелете!...

Герой нашъ вспыхнулъ весь и отъ рѣзкости выраженія, и отъ неожиданности самаго обвиненія.

— Позвольте узнать... ваше сіятельство, неловко какъ-то примолвилъ онъ, вспомнивъ, что надо было хоть разъ употребить этотъ титулъ въ разговорѣ съ „воеводой“,—что же я говорилъ такого вздорнаго?

Ладони поднялись.

— Императора Петра Перваго браните! Пьяницѣ мужику, говорите, надо волю дать! О Славянахъ какихъ-то болтаете!

Сергѣя покоробило опять, но, глядя на добродушное лицо сидѣвшаго противъ него старца, онъ не могъ не сознавать внутреннимъ чувствомъ, что въ словахъ его не было никакого обиднаго намѣренія, и что все это очевидно говорилось имъ такъ потому, что онъ иначе говорить не умѣлъ. Гундурову и досадно было, и смѣяться хотѣлось... „Но какъ же объяснить ему цѣлую теорію, цѣлую историческую школу?“ думалъ онъ.

— Мы, сказалъ онъ безсознательно, разумѣя именно всю ту „школу“, къ которой принадлежалъ онъ (и противъ которой, объяснялъ онъ себѣ, московскій правитель почиталъ почему-то нужнымъ ратовать въ его лицѣ,)—Петра Перваго не бранимъ, а упрекаемъ его въ томъ, что онъ все русское незаслуженно подавилъ, а все иностранное не въ мѣру возвысилъ.

— И иностранцы есть хорошіе и полезные слуги! пропѣлъ графъ;—князь Барклай-де-Толли Нѣмецъ былъ, и его дураки у насъ измѣнникомъ считали, и я самъ видѣлъ, что почтенный человѣкъ плакалъ отъ этого! А онъ лучше каждаго Русскаго служилъ государству, и съ нашими войсками въ Парижъ вошелъ!

Сергѣй могъ только смолкнуть на этотъ неожиданный аргументъ...

— И опять вы про мужиковъ, продолжалъ, не останавливаясь, пѣть свой акаѳистъ графъ,—что ихъ надо отпустить на волю. Вы хотите разбойниковъ наплодить, Россію вверхъ дномъ поставить!

— Не разбойниковъ, а вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Россіи и ея государя чаемъ мы видѣть въ освобожденномъ русскомъ народѣ, отвѣтилъ нѣсколько рѣзко задѣтый за живое Гундуровъ,—и, какъ извѣстно, примолвилъ онъ, приводя доводъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ имѣть наиболѣе вѣса въ глазахъ его собесѣдника,—мысль эта существуетъ у самого правительства, и оно уже два раза пыталось...

— Знаю! перебилъ его графъ, вознося горѣ свои ладони;—и что было бы хорошаго? Одинъ вредъ! Потому распустить легко, а потомъ и остановить нельзя.

— Мы полагаемъ напротивъ, графъ...

— Что вы мнѣ говорите „мы“! вскрикнулъ вдругъ тотъ, раздосадованный недостаточною почтительностью тона, съ которымъ объяснялся съ нимъ молодой человѣкъ,—я про васъ говорю, а не про другихъ! Все отъ того, что нечего вамъ дѣлать! Отъ того и болтаете пустяки!... Я получилъ изъ Петербурга... сказать вамъ, чтобъ вы опредѣлились на службу! неожиданно заключилъ онъ.

„Насильно заставляютъ, значитъ!“ воскликнулъ мысленно Гундуровъ, и все лицо его вспыхнуло вновь.

— О васъ уже писано оренбургскому генералъ-губернатору! запѣлъ опять старецъ, не давъ ему времени произнести слова,—вы, я знаю, хорошо учились, можете быть тамъ полезны!

— Въ Оренбургъ! Что же это, ссылка!...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Громовой ударъ, павшій у его ногъ, не поразилъ бы его такъ, какъ эта „невозможная“ вѣсть.

— За что же это, графъ? Что я сдѣлалъ?... Вѣдь это насиліе! Я никогда не готовилъ себя къ административной службѣ, я посвятилъ себя ученымъ занятіямъ...

— Можете заниматься и тамъ! возразилъ невозмутимо старецъ;—а вы дворянинъ, должны служить!

— Противъ воли, противъ призванія? Кто имѣетъ право дѣлать это съ неповиннымъ ни въ чемъ человѣкомъ?... Это гибель всѣхъ надеждъ моихъ, всего моего будущаго!...

Ладони вознеслись еще разъ.

— Не правда! Будущее все отъ васъ зависитъ! Василій Алексѣичъ *) умный человѣкъ, любитъ образованныхъ! Можете у него карьеру сдѣлать!

— Но я не хочу карьеры, я ѣхать не согласенъ! вскрикнулъ Гундуровъ, безсильный сдержать негодованіе свое и волненіе.

— О согласіи вашемъ не спрашиваютъ! Я васъ отправлю съ жандармомъ!

Сергѣй глянулъ на него во всѣ глаза, глянулъ на этого „пашу“, сидѣвшаго передъ нимъ въ наглухо застегнутомъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ мясистыми подбородкомъ и щеками, подпертыми высокимъ чернымъ галстукомъ, и все такъ же добродушно выпяченною впередъ нижнею губой, словно смѣявшеюся надъ строгостью, напущенною ея кладѣльцемъ на всѣ остальныя черты его широкаго, оголеннаго лица, и понялъ, что протестовать, что возражать было бы безполезно, что цѣлый міръ лежалъ между его понятіями и тѣмъ строемъ воззрѣній, среди которыхъ взросъ, дѣйствовалъ и благодушествовалъ этотъ старецъ, такъ жестоко располагавшій теперь его судьбой, и что, поступая съ нимъ такъ, старецъ этотъ поступалъ безъ малѣйшей злобы, какъ и безо всякой тѣни сомнѣнія въ законности своего права и правильности своего рѣшенія.

„Что же съ этимъ подѣлаешь!“ подумалъ несчастный. Онъ стиснулъ зубы и смолкъ.

Графъ остался видимо очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ грозою его словъ. Онъ уже почти ласково взглянулъ на молодаго человѣка.

— Вы не должны огорчаться на то, что для вашей же

*) Перовскій, тогдашній генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края.

пользы дѣлается! Послѹжите, вернетесь назадъ,—все будетъ позабыто! Я первый готовъ буду тогда оказать вамъ содѣйствіе!

„Что позабыто, что я сдѣлалъ!“ говорилъ себѣ Сергѣй, все такъ же не понимая, какъ могъ пасть на него этотъ ударъ.

— Гдѣ вы остановились здѣсь? спрашивалъ его между тѣмъ „московскій воевода“.

— Въ собственномъ домѣ, въ Денежномъ переулкѣ.

Графъ взялъ со стола карандашъ и записалъ на бумажкѣ.

— Даю вамъ три дня на сборы. А потомъ отправляйтесь съ Богомъ! пропѣлъ онъ,—о васъ въ Оренбургъ уже писано, я вамъ сказалъ. Я велю полиціи наблюсти, чтобы вы черезъ три дня выѣхали!

Гундуровъ поднялъ глаза.

— Я говорилъ вамъ, графъ, что у меня тетушка; она меня воспитала замѣсто матери... Я не могу не повидаться съ нею; она осталась въ деревнѣ... позвольте мнѣ (какъ странно, обидно зазвучало въ его ушахъ это произнесенное имъ сейчасъ слово „позвольте“) съѣздить къ ней!

— Совсѣмъ не нужно вамъ самимъ! Тетушка ваша можетъ сюда пріѣхать; напишите ей!

— Но на это пройдетъ двое сутокъ, пока она получитъ извѣщеніе, пока пріѣдетъ! Я не успѣю переговорить...

— Въ сутки можно обо всемъ переговорить, пропѣлъ графъ, не допускавшій, чтобы могло найтись какое-либо возраженіе тому, что въ головѣ его было уже разъ рѣшено и подписано.

Гундуровъ хотѣлъ что-то сказать, но старецъ не далъ ему на это времени. Онъ всталъ и поклонился.

— Я вамъ все сказалъ. Прощайте!... Поѣзжайте на Нижній! Тамъ теперь по Волгѣ пароходы внизъ ходятъ! уже совсѣмъ добродушно говорилъ онъ черезъ мигъ, идя къ двери вслѣдъ за уходившимъ героемъ нашимъ.

— Акулинъ! крикнулъ онъ, высовывая лысину свою въ красную гостиную.

Исправникъ, стоявшій тамъ въ ожиданіи у окна, понесся стремглавъ на этотъ зовъ.

— О какихъ это государственныхъ тайнахъ толковали вы съ нимъ такъ долго? прохрипѣлъ Чесминъ, подымаясь съ дивана на встрѣчу Гундурову.

Тотъ остановился, взглянулъ растерянно на вопрошавшаго и проговорилъ, мгновенно блеснувъ глазами:

— Меня ссылаютъ!...

— Куда? И брови майора отъ удивленія приподнялись чуть не поверхъ лба.

— Въ Оренбургъ на службу...

— За что!

Гундуровъ руками развелъ.

— Ничего не понялъ!... Про мои славянофильскія мнѣнія говорилъ... про то, что я будто „кричалъ“, когда мнѣ отказали въ Петербургѣ въ заграничномъ паспортѣ... Но послѣ этого отказа я цѣлые полгода прожилъ тамъ, и никто ко мнѣ не придирался, а мнѣнія мои тѣ же самыя, которыя съ дозволенія цензуры печаются въ *Москвитянинѣ* въ *Бесѣдѣ*... Словомъ, придрались, чтобы сдѣлать со мною нѣчто, совершенно не возможное, не слыханное!

— И не то совсѣмъ! промычалъ майоръ, внимательно выслушавъ и глядя на него изподлобья,—онъ у насъ въ этомъ отношеніи либералъ, за такой вздоръ не преслѣдуетъ... Не отсюда это вышло! пояснилъ Чесминъ, кивая на кабинетъ.

— Онъ мнѣ говорилъ, что получилъ что-то изъ Петербурга, вспомнилъ Сергѣй.

— Ну вотъ!... Тамъ и ищите! произнесъ многозначительно „плешандасъ“.

— Но отчего же, разсуждалъ Гундуровъ,—меня тамъ не думали преслѣдовать, а теперь здѣсь...

— А зачѣмъ вы Гамлета такъ хорошо играете! помолчавъ и подымая на него еще разъ глаза, пропустилъ вполголоса тотъ.—А впрочемъ знаете что, примолвилъ онъ, подумавъ,—разсчетъ плохой: долго васъ тамъ держать нельзя, а вернетесь вы—герой!

— А пока—изгнанникъ! выговорилъ съ неудержимою горечью Сергѣй.

— Счастливецъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь... Повѣрьте, я понимаю! отвѣтилъ Чесминъ съ глубокимъ вздохомъ и, повалившись снова на диванъ, воздѣлъ нѣжно очи свои къ потолку.

„Изгнанникъ“ поглядѣлъ на него съ невольнымъ изумленіемъ, но, охваченный вновь сознаніемъ „павшаго на него удара“, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, забывъ и проститься съ чувствительнымъ и милѣйшимъ майоромъ.

XXXIV.

Будетъ буря,—мы поспоримъ.
И помужествуемъ съ ней.
Языковъ.

Nunc animis opus, nunc pectore firmo.
Virg.

Ашанинъ, пріѣхавшій съ Гундуровымъ въ домъ московскаго правителя и ожидавшій въ швейцарской окончанія его „объясненія", выскочилъ оттуда въ сѣни, увидавъ быстро проходившаго по нимъ ко крыльцу пріятеля.

— Ну, что? съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ онъ... И самъ весь перемѣнился въ лицѣ, взглядѣвшись въ лицо его...

— Потомъ, потомъ! глухо только проговорилъ тотъ,—поѣдемъ скорѣе!

Они садились на извощика, какъ изъ дверей дома выбѣжалъ, весь запыхавшись, толстый Елпидифоръ и кинулся къ нимъ.

— Позвольте узнать, Сергѣй Михайлычъ, куда вы намѣреваетесь ѣхать въ настоящую минуту?

— А вамъ это очень любопытно? иронически вскрикнулъ въ отвѣтъ Ашанинъ.

— Я не изъ любопытства, а по долгу-съ, позвольте вамъ замѣтить! отрѣзалъ ему на это въ свою очередь Акулинъ.

— Я къ себѣ домой, сказалъ, насколько могъ хладнокровнѣе, Гундуровъ,—а гдѣ, это вы знаете, такъ какъ доѣзжали туда сегодня утромъ вслѣдъ за нами. Трогай, любезный! молвилъ онъ извощику.

Онъ молчалъ во все время пути. Молчалъ и его пріятель, какъ ни ныли въ немъ безпокойство и любопытство; онъ понималъ, что вышло что-то очень серьезное, о чемъ не объясняться же тутъ, за спиной извощика.

Они пріѣхали, вошли въ гостиную. Гундуровъ какъ бы безсильно опустился въ большое кресло у окна и оставался такъ съ минуту недвижимъ, но поднялъ затѣмъ вдругъ голову и, сказавъ: „а теперь слушай!“ передалъ все Ашанину.

Тотъ слушалъ, попеременно то блѣднѣя, то краснѣя, сверкая своими большими черными глазами и прерывая разсказъ восклицаніями глубокаго негодованія, вырывавшимися у него противъ воли изъ горла:

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое, вѣдь этому повѣрить нельзя! Нашъ старецъ совсѣмъ съ ума спятилъ!

Гундуровъ закончилъ разговоромъ своимъ съ Чесминымъ.

— Ну вотъ! Это такъ! вскликнулъ тутъ же красавецъ,— это изъ Петербурга идетъ, несомнѣнно! А паша нашъ только... Послушай, Сережа, перебилъ онъ себя,—вѣдь это отпарировать можно, передѣлать! Надъ нимъ барыни его всевластны; я сейчасъ поскачу къ нимъ въ Покровское, подыму ихъ, возмущу, разскажу, какой ты актеръ превосходный, а тебя ссылать хотятъ... Какъ подымутся онѣ на него ополченіемъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, остановилъ его Сергѣй, — къ барынямъ его ѣхать я тебя не уполномочиваю, а коли ты не усталъ, поѣзжай, не теряя времени, въ Сашино извѣстить обо всемъ и привезти сюда тетушку. Самому мнѣ туда ѣхать, какъ видишь, не позволяютъ... а черезъ три дня мнѣ надо выѣхать... въ Оренбургъ...

— Да, да, ты правъ, Софью Ивановну прежде всего надо! Я сейчасъ въ путь!... Сережа, а княжна!... вырвалось у Ашанина.

Гундуровъ безъ словъ закрылъ себѣ лицо руками...

— Ахъ ты мой бѣдный, бѣдный! воскликнулъ Ашанинъ съ полными слезъ глазами. — Да это не можетъ быть, я не вѣрю, все это устроится! прервалъ онъ себя еще разъ. — Вѣдь вотъ, какъ нарочно, князя Ларіона нѣтъ! Онъ бы ужь конечно нашелъ средство помѣшать этому. Отсутствіемъ его

видимо и воспользовались... Но теперь некогда объ этомъ говорить... И онъ выбѣжалъ въ переднюю.

Черезъ часъ времени онъ скакалъ въ коляскѣ Гундурова по Московско-Курскому шоссе, давая по рублю на водку ямщикамъ, которые и мчали его „по-курьерски“ въ волнахъ удушающей пыли палящаго лѣтняго дня.

Онъ въ осьмомъ часу вечера былъ уже въ Сашинѣ.

— Вы одни! Что случилось? было первымъ словомъ Софьи Ивановны, вышедшей на крыльцо при первомъ донесшемся до нея звукѣ его колокольчика.

— Пойдемте къ вамъ, я вамъ все разскажу, отвѣтилъ онъ.

Она увела его къ себѣ въ комнату, заперла дверь и спокойно промолвила, сдерживая нервную дрожь, которая всю пронимала ее:

— Говорите! Что съ Сережей?

— Нѣчто, противъ чего надо скорѣе дѣйствовать...

Она выслушала его разсказъ все такъ же спокойно, вперивъ въ него неподвижно глаза и ни единымъ мускуломъ лица своего не изобличая того, что происходило въ душѣ ея. Особенность характера Софьи Ивановны сказывалась здѣсь еще разъ: она волновалась, пока неслышная еще гроза только чуялась ею въ воздухѣ, — „но громъ ударилъ“, и она снова обрѣтала всю свою твердость, всю силу духа для борьбы съ „несчастіемъ“...

— Какъ онъ это принялъ? спросила она, когда Ашанинъ кончилъ.

— Онъ бодръ... пока... Раненые, говорятъ, въ первую минуту никогда не чувствуютъ всей боли своей раны, промолвилъ печально пріятель Гундурова.

— Не даромъ говорило мнѣ предчувствіе, проговорила тихо Софья Ивановна,—какъ только пріѣхалъ этотъ исправникъ... Вы казались мнѣ тогда правы, объясняя это просто и въ добромъ смыслѣ, и я все время старалась себя успокоить... Но я тогда же говорила, я знала,—у насъ все возможно... Ссылка Сережи — это басня Волка и Ягненка. Привязались теперь къ тому, что онъ въ Петербургѣ, послѣ отказа ему въ пас-

портѣ, могъ сказать неосторожнаго... рѣзкаго, пожалуй; онъ горячъ, не спорю, но принимать противъ него такія мѣры...

Она встала вдругъ съ кресла.

— Но все это пустыя слова! Надо ѣхать!

— Я предложилъ Сережѣ... началъ и не кончилъ Ашанинъ.

— Что предлагали?

Онъ передалъ о намѣреніи своемъ ѣхать въ подмосковную графа, „ополчить“ на него его „барынь“ и добиться чрезъ нихъ отмѣны его распоряженія относительно Гундурова.

Софья Ивановна вся покраснѣла даже.

— Сережа не согласился, надѣюсь?

— Нѣтъ!

— И вамъ, конечно, сказала она, — могла притти эта мысль лишь сгоряча, въ первую минуту, въ добромъ желаніи помочь Сережѣ... Но не этими путями, Владиміръ Петровичъ, не этими! Сергѣй виноватъ, или не виноватъ. Въ первомъ случаѣ—пусть несетъ онъ наказаніе, во второмъ—съ нимъ поступать такъ нельзя! Ему не протекція, а оправданіе нужно!... Я его воспитала, знаю съ пеленъ,—онъ не рабъ, но и не революціонеръ; онъ вѣрноподданный своего Государя и сынъ родины своей!... Не въ *его* подмосковную, а въ Петербургъ надо ѣхать... И я поѣду; меня тамъ еще помнятъ, я найду доступъ... если бы нужно было, я кинусь къ ногамъ самого Государя!...

Ашанинъ схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Вы всегда и тысячу разъ правы, милая генеральша! Само собою, что этотъ путь безо всякаго сравненія достойнѣе и васъ, и Сережи... Но это потребуетъ времени; вы, надѣюсь, выхлопочете, что его вернутъ оттуда, а ѣхать ему туда все-таки надо. У меня же, дѣйствительно, въ первую минуту одна только мысль была: добиться, чтобы нашъ старецъ тутъ-же отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобы Сережа не уѣзжалъ вовсе... Потому что ссылка его произведетъ потрясающее дѣйствіе на княжну, на Елену Михайловну... А я, признаюсь вамъ, столько же о ней, сколько о немъ думалъ въ ту минуту!

Софья Ивановна, въ свою очередь, схватила руку молодаго человѣка.

— А я теперь болѣе еще о ней думаю, чѣмъ о немъ!... Если бы не она, я бы также негодовала на поступокъ съ Сергѣемъ, но помирилась бы легко съ самимъ фактомъ отъѣзда его на службу въ Оренбургъ. Разъ каѳедра для него вещь невозможная въ настоящее время, пусть онъ ужь лучше постарается принести посильную помощь тамъ, на окраинѣ Россіи, гдѣ образованные люди нужны, и гдѣ онъ самъ можетъ многому научиться среди живой и новой дѣятельности... Но она, милая моя, дорогая, для нея этотъ отъѣздъ его — гибель! Она изноетъ, исчахнетъ по немъ, мучась еще притомъ мыслью, что онъ страдаетъ изъ-за нея, потому, что ей... точно также, какъ мнѣ, невольно должна притти въ голову мысль, что ссылка Сережи — дѣло людей, имѣющихъ интересъ удалить его отъ нея многими тысячами верстъ...

— И она будетъ права такъ же, какъ и вы! вскликнулъ Ашанинъ: — Чесминъ, котораго вы знаете, прямо говорилъ Сережѣ, что все это затѣяно не въ кабинетѣ графа, а въ Петербургѣ!

Софья Ивановна помолчала.

— Гадко объ этомъ думать, сказала она затѣмъ съ брезгливымъ движеніемъ губъ,—да и не для чего пока!... Теперь надо прежде всего написать Еленѣ Михайловнѣ, предварить ее и успокоить, а затѣмъ спѣшить въ Москву... и далѣе. Пошлите мнѣ мою горничную Машу, Владиміръ Петровичъ!...

Ашанинъ вышелъ исполнить порученіе. Въ гостиной онъ наткнулся на „фанатика“, который, со скрещенными на груди руками и страшно взъерошивъ ворохъ волосъ своихъ на головѣ, прохаживался по комнатѣ съ совершенно растерзанною физіономіей. Увидавъ пріятеля, онъ остановился на-ходу, обернулся и пропустилъ, какъ изъ подземелья:

— Ну что, по-моему вышло?

— Что это „по-твоему“?

— Сережу-то въ узилище ввергли?

Ашанинъ, невольно засмѣявшись этому библейскому вы-

раженію, прошелъ мимо него, не отвѣчая, отыскалъ горничную Софьи Ивановны и, отправивъ ее къ барынѣ, вернулся въ гостиную, по которой Вальковскій продолжалъ расхаживать со своимъ растерзаннымъ видомъ провинціальнаго трагика.

— Пойдемъ-ка въ садъ, сказалъ онъ ему,—коли хочешь узнать обо всемъ.

Они усѣлись тамъ на скамьѣ.

„Фанатикъ“ слушалъ, и все мрачнѣе становилась его физіономія. Его недавнія розовыя мечты разлетались, какъ дымъ, уносились, какъ „тѣнь, бѣгущая отъ дыма“. Гундуровъ, этотъ пріятель, котораго онъ и любилъ по-своему, и на блестящую женитьбу котораго онъ такъ разсчитывалъ для устройства будущихъ „театриковъ“ и своимъ собственныхъ благъ,—этотъ пріятель оказывался теперь опальнымъ лицомъ, ссыльнымъ, не только не имѣющимъ уже болѣе возможности „поддержать товарища при случаѣ“, но и уносящимъ съ собою лучшія упованія Вальковскаго на эти чаявшіеся имъ въ будущемъ театрики, „потому теперь тю-тю“, съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ, „на первыя драматическія роли некого рѣшительно поставить!“

— Оренбургъ, вѣдь это къ Азіи ближе, а, чортъ ихъ возьми? вопросительно промычалъ онъ, когда договорилъ Ашанинъ.

— Къ Азіи точно! подтвердилъ тотъ съ новою невольною усмѣшкой.

— Это, значитъ, то самое мѣсто, откуда „въ три года ни до какого государства не доѣдешь“, куда „воронъ костей не заноситъ“?...

— Да въ этомъ родѣ...

— Это въ тартарары, значитъ, упрячутъ бѣднягу? продолжалъ живописать Вальковскій.

Красавецъ не отвѣчалъ.

— Ну, а съ княжной-то что же? началъ опять тотъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— А съ княжной, молвилъ Ашанинъ, быстро поднявъ свою опустившуюся было подъ вліяніемъ невеселаго разговора

кудрявую голову,—то, что ты ей завтра отвезешь письмо отъ Софьи Ивановны.

— Я!... А ты же самъ что?

— Я не успѣю; мы съ Софьей Ивановной сейчасъ въ Москву ѣдемъ.

— А я-то когда же туда уѣду? вскликнулъ Вальковскій.

— Когда исполнишь порученіе въ Сицкомъ... Я пріѣду за тобой сюда опять, какъ только съ Сережей простимся. Мнѣ необходимо повидать княжну, узнать, какъ это все будетъ ею принято, какъ она рѣшитъ... Но я могу пріѣхать никакъ не раньше, какъ черезъ три дня, а ее надо извѣстить по возможности скорѣе, чтобъ объ отъѣздѣ Гундурова не дошло ранѣе изъ Москвы въ Сицкое въ такомъ видѣ, что она страшно перепугаться можетъ. Ты поэтому долженъ непремѣнно ѣхать туда завтра утромъ.

— Да, вѣдь, у тебя же, ты говорилъ, „почта“ устроена...

— Есть, только вѣрнѣе будетъ, если ты лично передашь письмо княжнѣ, и притомъ для меня важно то, что, когда я пріѣду сюда, я буду имѣть возможность узнать сейчасъ черезъ тебя, какое впечатлѣніе произвела на нее эта вѣсть и что затѣмъ слѣдовало... Но слушай, Ваня, добавилъ Ашанинъ:—ты долженъ вести себя тамъ крайне умно. Во-первыхъ, какъ пріѣдешь, не спрашивай сразу о княжнѣ, а вели о себѣ доложить княгинѣ. Она тебя, по всей вѣроятности, приметъ, но долго не продержитъ,—разговоровъ у тебя для нея интересныхъ нѣту: она тебя, надо полагать, сама скоро отошлетъ къ дочери, а нѣтъ, такъ ты ее спроси, можно-ли тебѣ засвидѣтельствовать почтеніе княжнѣ, простись и уходи. Если-бъ она тебя спросила: откуда вы къ намъ пріѣхали? ты отвѣчай, какъ я ей всегда отвѣчалъ на это: живу-молъ въ окрестностяхъ, у знакомыхъ. Понялъ?

— Да ужь не расписывай, самъ знаю, какъ говорить! промычалъ „фанатикъ“ недовольнымъ тономъ.

Ашанинъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ продолжать:

— Когда же ты будешь съ княжной наединѣ, сдѣлай ты мнѣ милость, никакихъ твоихъ собственныхъ заключеній о происшедшемъ ей не передавай и перепуганныхъ твоихъ

рожъ передъ нею не строй, а просто-напросто вытащи письмо изъ кармана и отдай ей, сказавъ, что велѣно передать, и ни полслова болѣе! Если же она тебя начнетъ спрашивать о какихъ-нибудь подробностяхъ, говори, что я буду въ Сицкомъ черезъ два дня и все объясню ей лично, а что ты ничего не знаешь, кромѣ того, что Софья Ивановна и я уѣхали въ Москву, и что оба мы нисколько не теряемъ духа и надѣемся на добрый конецъ...

— Ну, извѣстно, что же мнѣ больше-то говорить ей, пробурчалъ еще разъ Вальковскій, одобрительно качнувъ головой.

— Еще вотъ, послѣднее, — надо все предвидѣть! Въ случаѣ, если бы какъ-нибудь ты не добился увидаться съ княжной наединѣ и не могъ ей такимъ образомъ передать письма, надо тебѣ будетъ прибѣгнуть къ содѣйствію моей „почты“... Живя въ Сицкомъ, молвилъ красавецъ, чуточку помолчавъ,—ты вѣрно видалъ и знаешь съ лица старшую горничную княгини Аглаи Константиновны!

— Лукерьюшку... Лукерью Ильинишну, поправился „фанатикъ“, и угреватое лицо его осклабилось широкою и самодовольною улыбкой,—знаю!

— А-а! протянулъ Ашанинъ, пристально глядя ему въ глаза, и покатился со смѣху.—Ваня, ты удивительно хорошъ бываешь, когда заходитъ рѣчь о твоихъ побѣдахъ! Точно самооблизывающійся кабанъ какой-то!... Такъ ты „Лукерьюшку“ знаешь!... Гдѣ же познался ты ее, Ловеласъ ты этакой непроходимый? Въ гротѣ надъ рѣкой, что-ли?

— Нѣтъ, въ театрикъ она ко мнѣ хаживала, вечеркомъ, на сцену, когда я тамъ устраивалъ, отвѣчалъ Вальковскій, пофыркивая отъ пріятнаго воспоминанія.

— Вишни ѣсть съ дружкомъ?

— Гдѣ же! вишни тогда еще не поспѣли! Малину носила она мнѣ... Очень я эту ягоду люблю!... пресерьезно объяснилъ „фанатикъ“.

Ашанинъ долго не могъ притти въ себя отъ пронявшаго его новаго хохота.

— Ну, такъ вотъ, сказалъ наконецъ онъ, — постарайся,

если бы не удалось тебѣ лично передать княжнѣ письмо, пригласить опять „Лукерьюшку“ на малину въ укромное мѣстечко и передай его ей отъ меня,—она доставитъ...

— Владиміръ Петровичъ! раздался съ балкона голосъ Софьи Ивановны.

Онъ поспѣшилъ къ ней.

Она увела его опять въ свою комнату.

— Вотъ что я пишу княжнѣ, сказала она:—какъ вы находите? „Вслѣдствіе недоразумѣнія, которое, я надѣюсь, скоро разъяснятся, племянникъ мой обязанъ уѣхать изъ Москвы на нѣкоторое время. Я сама уѣзжаю изъ деревни въ Москву и вѣроятно въ Петербургъ. Полагаю вернуться дней черезъ десять и тогда напишу вамъ подробно, дорогая моя Елена Михайловна. Не повѣрите, какъ хотѣлось бы увидать самое васъ, обнять и обо многомъ, многомъ переговорить. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни повернули обстоятельства, я молюсь о васъ ежедневно и нахожу душевное успокоеніе въ томъ, что если Отецъ нашъ небесный посылаетъ намъ испытанія, то Онъ же во благости своей даетъ намъ и силу переносить ихъ и часто уготовляетъ намъ неожиданный и счастливый послѣдствіями своими исходъ изъ такихъ даже обстоятельствъ, которыя по слѣпотѣ нашей принимаются нами за конечную гибель. Знаю, что и вы также чувствуете и вѣрите. Потерпимъ же, милая княжна, храня себя паче всего отъ уныніе и ропота и надѣясь на Него, всевѣчнаго Покровителя, Утѣшителя и Устроителя нашего. Прижимаю васъ мысленно къ сердцу и остаюсь до могилы горячо васъ любящая С. Переверзина“.

— Прекрасно, милая генеральша! сказалъ прочтя Ашанинъ, — только прибавьте къ этому, что я черезъ три дня буду въ Сицкомъ и сообщу ей устно все, что вы не почитаете нужнымъ или возможнымъ передать ей въ настоящую минуту письменно.

— Это хорошая мысль, спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!

Софья Ивановна приписала, запечатала письмо и протянула ему.

— Какъ вы его отправите, какъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, его отвезетъ завтра Вальковскій и вручитъ самой княжнѣ.

Она чуть-чуть нахмурилась и закачала головой.

— Боюсь, чтобъ онъ бѣдную Елену Михайловну не напугалъ своимъ похороннымъ выраженіемъ, сказала она, осторожно озираясь: — онъ на меня этимъ съ утра самаго тоску нагналъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ, усмѣхнувшись, Ашанинъ,—ему на этотъ счетъ даны мною строжайшія инструкціи: просто отдать ей письмо въ руки и при этомъ никакихъ объясненій и никакихъ рожъ.

Черезъ часъ послѣ этого сборы Софьи Ивановны были кончены, чемоданы ея уложены, и сама она въ дорожныхъ плащѣ и шляпѣ выходила на балконъ, по пути къ садовой калиткѣ, у которой стояла запряженная четверкой коляска.

Она повела кругомъ себя послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ, и глаза ея остановились на пышной бѣлой розѣ въ клумбѣ подъ балкономъ, которая словно млѣла вся и трепетала подъ обливавшимъ ее багрянымъ лучемъ заходившаго солнца.

— Поглядите, сказала Ашанину тетка Гундурова.—Это та самая, которою такъ любовался *онъ* въ ту минуту, когда пріѣхалъ... за нимъ... этотъ исправникъ... Я ее отвезу ему,— ему ужь не видать въ этомъ году Сашинскихъ розъ...

Она потребовала ножницы, срѣзала цвѣтокъ, осторожно опустила его стебель въ какой-то флаконъ съ водой и, увязавъ кругомъ всего листъ газетной бумаги колпакомъ, отправилась съ *его* розой въ экипажъ въ сопровожденіи Ашанина.

XXXV.

На другой день утромъ они втроемъ съ Гундуровымъ пили чай въ его хорошенькомъ домикѣ, въ Денежномъ переулкѣ, въ Москвѣ.

Сергѣй почти не смыкалъ глазъ въ теченіе предшествовавшей ночи, но бодрился и всячески старался не обнаружить предъ теткой снѣдавшей душу его муки.

Онъ и жаждалъ, и боялся свиданія съ нею, боялся увидать ее испуганною, встревоженною, больною ото „всего этого", пожалуй.

Онъ ошибся. Софья Ивановна была спокойна, спокойнѣе, чѣмъ онъ, на видъ, говорила ровно, отчетливо, не торопясь... Только глаза ея какъ будто расширились и горѣли не совсѣмъ обычнымъ въ нихъ блескомъ, и рука чаще опускалась въ карманъ за табатеркой, чаще просыпала захваченную изъ нея щепоть табаку, не донося ее до назначенія.

— Что же, спрашивала она, помѣшивая ложечкой сахаръ въ своей чашкѣ,—онъ тебя такъ и отправитъ „съ жандармомъ", какъ грозилъ тебѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гундуровъ, насильно улыбаясь:—одумался, или уговорили, не знаю, только вчера, часу въ третьемъ, пріѣзжалъ ко мнѣ отъ него добрякъ этотъ Чесминъ сказать, что если я готовъ дать честное слово выѣхать въ положенный срокъ, а до того времени, замѣтьте, не ѣздить мнѣ къ себѣ въ деревню, то онъ мнѣ дозволитъ отправиться одному, безъ казеннаго провожатаго.

— И ты далъ слово?

— Далъ.

— Хорошо сдѣлалъ!...

— Чесминъ сказалъ мнѣ даже, продолжалъ Сергѣй,—что я могу „не торопиться пріѣздомъ къ мѣсту назначенія“, какъ выражался онъ, смѣясь... И при этомъ передалъ мнѣ странную фразу, примолвилъ, замолкнувъ предъ тѣмъ на мигъ, молодой человѣкъ.

— Какую? Софья Ивановна живо отвела глаза свои отъ чашки и устремила ихъ на племянника.

— „Скажи ему“, приказалъ онъ Чесмину сообщить мнѣ, „что попутешествовать по Россіи будетъ ему полезно“.

— То-есть, то самое, что̀ говорилъ тебѣ тогда въ первое наше время въ Сицкомъ князь Ларіонъ Васильевичъ! воскликнулъ Ашанинъ.

— Да... Оттого это и поразило меня, молвилъ раздумчиво, какъ бы про себя, его пріятель.

Всѣ какъ-то разомъ замолчали.

„Неужели это его штуки?“ сказалось мысленно Софьѣ Ивановнѣ, но она тутъ-же отогнала эту „нехорошую“ мысль и громко отвѣтила на нее себѣ самой:

— Не можетъ быть!...

— Что̀ „не можетъ быть“? повторилъ съ удивленіемъ Сергѣй.

Она слегка покраснѣла.

— Нѣтъ, я думала.... Развѣ князь Ларіонъ видѣлся съ нимъ проѣздомъ въ Петербургъ? поспѣшила она спросить тутъ-же.

— Нѣтъ; я нарочно узналъ у Чесмина: онъ говоритъ, что они не видѣлись, что графъ былъ у себя въ подмосковной, когда проѣхалъ князь черезъ Москву, а въ подмосковную онъ къ нему не заѣзжалъ. Чесминъ это навѣрное знаетъ, потому что самъ тамъ былъ въ это время.

— Онъ долженъ вернуться на дняхъ, мнѣ надо застать его въ Петербургѣ, не разъѣхаться съ нимъ, проговорила вдругъ Софья Ивановна, вся выпрямляясь въ своемъ креслѣ:— я сегодня же уѣду!

— Сегодня, тетя? невольно вырвалось у Гундурова.

— Да, молвила она рѣшительнымъ тономъ.—Лишнія сутки намъ утѣшенія не принесутъ; только пуще размаешься, а время дорого!... Я уѣду сегодня, а ты отправляйся завтра же, совѣтую, не ожидая даннаго тебѣ срока... Разлука наша долго не продолжится: я добьюсь, чтобы тебя вернули, добьюсь справедливости!... Если-жь нѣтъ, какъ продамъ хлѣбъ, пріѣду къ тебѣ осенью въ Оренбургъ. А пока, благо соизволили разрѣшить тебѣ „не спѣшить", остановись по пути во Владимірѣ у родныхъ нашихъ Паншиныхъ и жди отъ меня письма изъ Петербурга. А какъ осмотрюсь тамъ, повидаюсь съ кѣмъ нужно, сейчасъ же напишу тебѣ.

На этомъ было порѣшено. Изъ сарая выкатили на дворъ старый, объемистый дормезъ Софьи Ивановны, сохранившійся у нея еще отъ временъ мужа и оказавшійся прочнымъ и годнымъ для проѣзда въ Петербургъ и обратно. Племянника она отправила съ Ашанинымъ за подорожной, а сама принялась съ горничной перекладывать въ важи дормеза привезенныя въ чемоданахъ изъ Сашина бѣлье и платья. Ей, видимо, хотѣлось отвлечь себя этою внѣшнею возней отъ глодавшихъ ее внутренно тяжелыхъ и возмущенныхъ мыслей,—ей хотѣлось скорѣе уѣхать, скорѣе вступиться за нарушенныя права безвиннаго племянника, а до тѣхъ поръ ей было невыносимо больно видѣть его, оставаться съ нимъ, потому что она за себя не ручалась, потому что „не выдержу какъ-нибудь", говорила она себѣ „разольюсь слезами, доведу его до отчаянія, Боже сохрани!"...

Покончивъ со своими дорожными сборами, она перешла въ кабинетъ Сергѣя, пересмотрѣла весь его гардеробъ, составила съ помощью Ѳедосея реестръ вещамъ, предназначавшимся ему въ дорогу, передала старику, постоянному приходорасходчику своего молодаго барина, деньги, привезенныя ею на этотъ предметъ, и, не чувствуя наконецъ ногъ подъ собою отъ усталости, присѣла на минуту на диванъ и тутъ же мгновенно заснула послѣ сорока восьми часовъ мучительной безсонницы.

Отдыхъ этотъ—ее разбудилъ часамъ къ четыремъ звонъ колокольчика вернувшихся молодыхъ людей,—подкр[illegible] ее

тѣлесно, придалъ новую бодрость ея духу. Лошади, по ея инструкціи Ашанину, были заказаны въ шесть часовъ, и въ ожиданіи ихъ сѣли за обѣдъ, принесенный изъ какого-то ближайшаго трактира и оказавшійся очень плохимъ. Но никому и такъ ѣсть не хотѣлось, и Софья Ивановна была очень рада случаю взвалить вину за это насчетъ „поварихи, изъ-за красотъ которой", увѣряла она, „по всей вѣроятности Владиміръ Петровичъ Ашанинъ счелъ нужнымъ заказать ей, а не въ порядочномъ ресторанѣ, эти невозможныя брашна". Она все время старалась поддерживать этотъ шутливый тонъ, далеко не обычный ей, и отклонять всякіе зачатки разговора о томъ, что̀ единственно стояло теперь въ головѣ у нея и сердцѣ... На Сергѣѣ она старалась вовсе не останавливать взгляда, боясь прочесть въ его глазахъ то, что̀ нестерпимо ныло на днѣ ея собственной души. Тѣмъ прилежнѣе занималась она его пріятелемъ и приставала къ нему. Прозорливый Ашанинъ угадывалъ до тонкости двигавшія ее побужденія и помогалъ ей, вызывая все новыя шутки съ ея стороны всякими подходящими разсказами, признаніями и намеками... Гундуровъ, въ свою очередь, чтобъ не отстать отъ нихъ, наладилъ себя на притворное оживленіе. Этотъ прощальный обѣдъ близкихъ другъ къ другу лицъ, разлучавшихся Богъвѣсть на какое время, прошелъ почти весело.

Въ условленный часъ пришли лошади. Почтовая шестерка подкатила старый дормезъ подъ крыльцо дома. Софья Ивановна поспѣшила облечься въ дорожный плащъ свой и шляпу, затѣмъ сѣла. За нею сѣли остальные: Гундуровъ, Ашанинъ, горничная Маша, старикъ Ѳедосей. Посидѣли, молча и сосредоточенно, минуты съ три, встали, обернулись къ иконѣ въ углу, набожно крестясь и склоняя голову.

— Ну, прощай, Сережа! прервала всеобщее молчаніе Софья Ивановна, простирая руки къ нему.

Онъ кинулся къ ней.

— Мы васъ проводимъ до Тріумфальныхъ воротъ, сказалъ Ашанинъ.

— А и то! молвила она на это, прикасаясь вскользь гу-

бами ко лбу племянника, и торопливымъ шагомъ направилась къ сѣнямъ.

— Не сѣсть-ли мнѣ съ вами, тетя, до заставы, а Маша доѣхала бы съ Ашанинымъ? спросилъ Гундуровъ.

— Нѣтъ, что̀ тамъ опять пересаживаться! Поѣзжай съ Владиміромъ Петровичемъ! поспѣшила отвѣтить она, занося ногу на первую ступеньку своего безконечно высокаго экипажа.

Она избѣгала оставаться съ нимъ глазъ на глазъ, она попрежнему отводила взглядъ свой отъ него.

Только у Тріумфальныхъ воротъ, когда онъ, въ свою очередь, полѣзъ къ ней прощаться по безконечнымъ ступенькамъ стараго дормеза, она охватила его шею рукой, припала головой къ его плечу—и такъ и замерла...

Она отпустила его всего облитаго ея слезами и, наклоняясь къ нему въ открытыя дверцы, трижды перекрестила его сверху, шепча:

— Надѣйся на Бога и не унывай, а думай о насъ съ нею!

Это было первое и единственное слово, относившееся ко княжнѣ, произнесенное ею съ минуты пріѣзда ея изъ Сашина.

XXXVI.

Mais elle était du monde où les plus belles choses
Ont le pire destin...

Malherbe.

Вальковскій, оставшись одинъ въ Сашинѣ на положеніи хозяина, заказалъ себѣ прежде всего въ тотъ же вечеръ ужинъ съ поросенкомъ и варениками, которые онъ, вѣрный своему хохлацкому происхожденію, предпочиталъ всѣмъ тончайшимъ яствамъ на свѣтѣ, наѣлся по горло, залегъ спать и проснулся на слѣдующій день чуть-свѣтъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Совершивъ свои омовенія, онъ вздѣлъ на плечи оставленный Гундуровымъ старый бухарскій халатъ и въ этомъ костюмѣ, въ туфляхъ, обутыхъ на босую ногу, вышелъ во дворъ, къ не малому скандалу попавшейся ему на встрѣчу старой экономки Софьи Ивановны, привыкшей къ чинности домашняго обихода своихъ господъ, и которой онъ весьма величественно отдалъ приказаніе принести ему крынку молока.

— На то, батюшка, есть среди мужскаго пола, кому приносить вамъ... въ этомъ видѣ, а меня ужь, старуху, увольте! фыркнула она ему въ отвѣтъ, съ цѣломудреннымъ негодованіемъ отворачивая взоръ отъ зрѣлища нижняго бѣлья, откровенно выступавшаго наружу изъ-подъ развѣвавшихся полъ его халата, и поспѣшно отходя отъ него.

Вальковскій все также величественно запахнулъ халатъ и прошелъ въ конюшню, которую нашелъ запертою, а оттуда въ кучерскую избу, гдѣ засталъ всѣхъ спящими, за что,

разбудивъ виновныхъ, прочелъ имъ строгую нотацію и повелѣлъ, чтобы къ девяти часамъ „была у него готова, смотри! четверка караковыхъ подъ новую коляску, ѣхать въ Сицкое".

Вернувшись затѣмъ въ комнаты, „фанатикъ", чтобъ убить какъ-нибудь время до отъѣзда, закусилъ остатками вчерашняго поросенка, запилъ его огромнымъ кувшиномъ молока и перечелъ цѣлыя двѣ драмы изъ коллекціи театральныхъ піесъ, которую неизмѣнно возилъ съ собою въ чемоданѣ, куда бы онъ съ нимъ ни отправлялся.

Въ девять часовъ невступно сѣлъ онъ въ щегольскую „выѣздную" коляску Гундурова, развалился въ углу ея и, сказавъ себѣ мысленно: „а славно, чортъ его возьми, пропріетеромъ быть, въ собственномъ экипажѣ разъѣзжать!" велѣлъ „катить къ Шастуновымъ". Онъ разсчитывалъ попасть туда прямо къ часу перваго завтрака.

Но застоявшаяся въ конюшнѣ за послѣднее время добрая молодая четверка караковыхъ помчала его такъ рѣзво по гладко наѣзженной лѣтней дорогѣ, что большіе часы, высившіеся подъ угломъ фронтона Сицковскаго дома, только-что отзвонили половину десятаго, когда Вальковскій подъѣзжалъ подъ ворота.

По случаю отъѣзда князя Ларіона, официальный breakfast въ столовой былъ вовсе отмѣненъ распоряженіемъ Аглаи Константиновны: его замѣнилъ русскій, попросту, „чай", сервировавшійся въ ситцевомъ кабинетѣ ея внутреннихъ аппартаментовъ, и на который сходились утромъ, въ десятомъ часу, дѣти княгини и неизбѣжный другъ, наперсникъ и совѣтникъ ея, Зяблинъ.

Чай этотъ теперь только-что былъ отпитъ; князекъ со своимъ Англичаниномъ уже поднялись и ушли совершать свою обычную гигіеническую прогулку, а Лина собиралась послѣдовать ихъ примѣру, когда вошедшій Финогенъ громко возгласилъ у дверей:

— Иванъ Ильичъ Вальковскій!

— Кто такой? переспросила княгиня, въ числѣ другихъ прирожденныхъ ей духовныхъ даровъ имѣвшая необыкновенную способность перезабывать всѣ имена и фамиліи.

— Monsieur Вальковскій, maman, который устраивалъ у насъ театръ, молвила княжна Лина съ невольнымъ волненіемъ въ голосѣ: она знала по разсказамъ Ашанина, что „фанатикъ“ гостилъ въ Сашинѣ, и объяснила себѣ тотчасъ же его пріѣздъ въ Сицкое тѣмъ, что онъ привезъ къ ней оттуда извѣстія.

— Ah oui! возгласила Аглая Константиновна, глядя на Зяблина,—ce monsieur qui est si mal élevé et si glouton aux repas!... Проси! обернулась она, подумавъ и слегка нахмурясь, къ ожидавшему у дверей камердинеру.

„Фанатикъ“ вошелъ самоувѣренно и развязно („откатавъ“ въ полчаса времени пятнадцать верстъ на „своихъ“ лошадяхъ, въ щегольскомъ экипажѣ, высаживать его изъ котораго кинулось изъ сѣней этого „княжескаго дома“ съ полдюжины слугъ, Вальковскій чувствовалъ себя болѣе чѣмъ когда-нибудь независимымъ пропріетеромъ, которому, что̀ говорится, „чортъ не братъ“).

— Добраго утра, княгиня! сказалъ онъ, кланяясь ей и Линѣ, пожалъ руку Зяблину, и, не ожидая приглашенія хозяйки, которая на его привѣтствіе отвѣчала довольно сухимъ поклономъ, опустился въ стоявшее противъ нея кресло, улыбаясь и оглядывая съ видомъ знатока отянутыя стѣны ея кабинета, въ которой входилъ онъ въ первый разъ въ жизни, такъ какъ въ пору пребыванія его въ Сицкомъ она его въ святилище внутреннихъ своихъ аппартаментовъ не допускала.

— Прекрасный ситецъ у васъ, княгиня! проговорилъ онъ баскомъ и тономъ любезной снисходительности.

Аглая Константиновна съ нѣкоторымъ удивленіемъ повела взглядомъ на Зяблина, потомъ на дочь, какъ бы спрашивая ихъ, „что̀ это за жанръ?“ и проговорила, въ свою очередь, тономъ высокомѣрной насмѣшливости:

— Vous trouvez?

— Чего-съ? спросилъ Вальковскій.

„Il ne comprend pas même le français!“ съ глубокимъ презрѣніемъ сказала себѣ мысленно княгиня. И громко:

— Вамъ нравится мой ситецъ?

— Д-да, произнесъ все также снисходительно онъ, — со вкусомъ выбранъ... Вы гдѣ его покупали?

— Изъ Парижа выписала, коротко и раздувъ ноздри отвѣтила она.

— Только даромъ деньги кидать, отрѣзалъ на это пропріетеръ,—потому у насъ теперъ ситцы ничѣмъ не хуже, чѣмъ у Французовъ, дѣлаютъ...

И онъ тутъ-же, вспомнивъ о письмѣ, имѣвшемся у него въ карманѣ, обернулся въ сторону княжны, поднявъ неестественно брови ко лбу и глядя на нее такъ, какъ глядитъ актеръ на публику, готовясь сказать „въ сторону“ тайну, которая въ дѣйствительности должна быть услышана всѣми находящимися съ нимъ въ эту минуту на сценѣ.

Лина съ своей стороны тревожно глядѣла на него, чувствуя, что онъ непремѣнно, вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь неподходящее, вызоветъ ея мать на неприличную выходку, или скомпрометтируетъ „друзей“ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. „Онъ привезъ мнѣ письмо, навѣрно“, говорила она себѣ,—„но отчего онъ, а не Владиміръ Петровичъ? не случилось-ли чего-нибудь особеннаго?...“ И она чувствовала, что сердце ея начинаетъ биться учащеннымъ болѣзненнымъ біеніемъ... „Его надо скорѣе увести отсюда“, думала она,— „но какъ?...“

Она опустила глаза, чтобы заставить его, по крайней мѣрѣ, отвести отъ нея эти „такъ неловко и безполезно“ выпученные глаза его.

Онъ ихъ отвелъ дѣйствительно и перевелъ на княгиню.

— А вы ужь чай отпили? спросилъ онъ ее.

— Да... А вы еще нѣтъ? небрежно промолвила она, подставляя нехотя остывшій чайникъ подъ кранъ стоявшаго предъ нею серебрянаго англійскаго „чайнаго котла“.

— Я, признаться вамъ, молвилъ на это игриво Вальковскій,—поросеночкомъ сегодня хоть уже и закусилъ, только давно этому, а теперь, послѣ дороги, чашечку съ бутербродцемъ (онъ кивнулъ на стоявшую на столѣ тарелку съ сандвичами) пропустить не вреднымъ считаю.

— А гдѣ же это ужь вы успѣли поросеночка „пропустить“? спросилъ подсмѣиваясь Зяблинъ.

— Да у себя, въ Сашинѣ, сорвалось съ устъ „фанатика“.

— Сашино, attendez donc! возгласила, неожиданно, вспомнивъ вдругъ, княгиня!—je crois savoir ce que c'est!... Это имѣніе этой генеральши... de cette madame Pereverzine, n'est ce pas?...

— Д-да, Гундуровское, то-есть, племянника... пробормоталъ онъ, почувствовавъ вдругъ, что „лѣзетъ въ болото“.

— А вы тамъ теперь, у нихъ, живете? протянула Аглая Константиновна, такъ и уставившись на него круглыми и грозными, показалось ему, глазами.

Вальковскій обозвалъ себя мысленно „дурнемъ“, пришелъ въ конфузъ и, разсчитывая „поправиться“, поспѣшилъ возразить:

— Я тамъ совершенно одинъ теперь... А *Левъ Гурычъ Синичкинъ* такъ у насъ и провалился, княгиня? заговорилъ онъ тутъ же, въ надеждѣ „покончить съ тѣмъ разговоромъ“.

Зяблинъ, угадывая его смущеніе и боясь съ своей стороны продолженія бесѣды на тему Сашина въ виду находившейся тутъ княжны, тотчасъ же отозвался на этотъ вопросъ:

— Да, очень жаль, что тогда болѣзнь княгини помѣшала: вы были превосходны въ этой роли... А ваша водевильная дочка, засмѣялся онъ слегка, — Ольга Елпидифоровна Акулина, замужъ успѣла выйти съ тѣхъ поръ?

— Какъ же, какъ же, окрутили! хихикнулъ Вальковскій.

— Une personne bien impertinente! фыркнула, услыхавъ непріятное для нея имя барышни, хозяйка.

— Это, то-есть, вы насчетъ ея бойкости? продолжалъ смѣяться онъ, предовольный тѣмъ, что рѣчь перешла на этотъ предметъ: — что̀ говорить, юнкеръ въ юпкѣ! Только ужь и умна, бестія!...

Аглая Константиновна изобразила на лицѣ презрительную гримасу, продолжая все также глядѣть на него недовольными и подозрительными глазами. Она, обыкновенно ничего не замѣчавшая и не предвидѣвшая, озарилась теперь вдругъ какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ: неосторожно выпущенное

Вальковскимъ слово о его пребываніи въ Сашинѣ приводило ее къ убѣжденію, что его пріѣздъ теперь былъ подсылъ со стороны этой „ужасной madame Pereverzine“ и ея племянника, что они задумали, „qu'ils fomentent quelque affreuse intrigue“ противъ нея, съ цѣлью поддержать Лину въ ея непослушаніи матери, „de sa mère qui l'a mise au monde“... Аглая Константиновна была настроена на подозрѣніе во вражескомъ умыслѣ всѣхъ и каждаго противъ задушевныхъ плановъ своихъ и разсчетовъ. Не далѣе какъ наканунѣ получила она изъ Петербурга письмо отъ друга своего, графини Анисьевой, въ которомъ сообщались „des choses incroyables“ насчетъ деверя ея, князя Ларіона. „Mon excellent frère, говорилось въ этомъ письмѣ, n'y comprend rien. Le prince a été reçu ici avec une grâce, une attention, dirais je, toute particulière, mais il y semble plus qu'indifférent et sous prétexte de maladie prétend tout haut se voir obligé de décliner l'honneur de siéger au Conseil“... Quant à nos projets, говорилось въ заключеніе, il s'y déclare tout-à-fait hostile, ainsi qu'il l'annonce très péremptoirement à mon frère. Je ne Vous en dis pas davantage“... Съ другой стороны, „бригантъ“, которому она „дала понять“, что если онъ согласится переѣхать за нею въ Петербургъ, „une main amie pourra racheter tous ses векселя“, принялъ этотъ великодушный намекъ очень холодно и отвѣтилъ, что „это не дастъ ему въ Петербургѣ того общественнаго положенія, которымъ онъ всегда пользовался въ Москвѣ и надѣется пользоваться, пока душевныя страданія не сократятъ его дней“... А теперь этотъ „подсылъ“ изъ Сашина „de ce monsieur si mal élevé!“ О, надо отъ него все вывѣдать, все!...

— Вы говорите, что вы тамъ одни, въ этой деревнѣ? огорошила она вновь „фанатика“, возвращаясь этимъ вопросомъ къ предмету бесѣды, отъ котораго онъ думалъ было счастливо „улизнуть“.

— Одинъ совершенно! повторилъ онъ, стараясь не глядѣть на „допрощицу“.

— А гдѣ же сами они, les maîtres de la maison?

— То-есть, это кто-съ?

— Эта madame Pereverzine и ея племянникъ? фыркнула презрительно Аглая.

— Въ Москву уѣхали.

— Въ Москву? C'est très drôle! промолвила недовѣрчивымъ тономъ княгиня; даже—невѣроятно!...

— Да что-жъ, я вамъ лгать что-ли буду, княгиня? огрызся Вальковскій.

Она свысока усмѣхнулась:

— Je ne dis pas cela, а только удивляюсь: кто же посреди лѣта изъ деревни въ городъ уѣзжаетъ?

— Поѣдешь и лѣтомъ, коли надобность! сказалъ онъ, не находя другаго возраженія.

— Какая же „надобность“!

„Ишь допекаетъ-то какъ!“ подумалъ Вальковскій и вдругъ озлился, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда чувствовалъ онъ себя припертымъ къ стѣнѣ.

— Вызвали, ну и поѣхали! крикнулъ онъ почти.

Но она продолжала „допекать“ его: къ ея подозрѣніямъ примѣшивалась теперь еще бо́льшая доля женскаго, назойливаго, неотступнаго любопытства.

— Вызвали? повторила она:—что же такое? Какія-нибудь дѣла?

Онъ помялся на мѣстѣ, не отвѣчая и сердито изподлобья озираясь.

Но она хотѣла знать непремѣнно, во что бы ни стало.

— Un procès, или что-нибудь другое?

— Не „просе“, — графъ! буркнулъ онъ со злости:—„на вотъ, молъ, отвяжись“! и невольно покосился въ сторону Лины.

Она сидѣла, ни жива, ни мертва, съ широко раскрытыми вѣками недвижныхъ, словно застывшихъ, глазъ.

— C'est très drôle! вскликнула еще разъ Аглая Константиновна:—графъ „вызвалъ“ къ себѣ madame Pereverzine?

— Да не ея же, его! визгнулъ, уже весь красный отъ досады, „фанатикъ“.

— Его?... Вы, то-есть, говорите про ея племянника... de

се monsieur Hamlet? пояснила она съ злорадною усмѣшкой:— для чего же его вызвали?

Вальковскій не выдержалъ и, окончательно выходя изъ себя, лопнулъ, что̀ говорится, во всю:

— Ну, исторія тамъ какая-то вышла, неосторожность, чортъ ихъ тамъ знаетъ!... а только его, бѣднягу, въ Оренбургъ ссылаютъ, коли желаете знать! прохрипѣлъ онъ, словно давясь и глядя на нее глазами озлобленнаго волка.

— Княжна, что̀ съ вами? крикнулъ вдругъ Зяблинъ, съ перепуганнымъ лицомъ вскакивая съ мѣста.

Лина, ухватившись рукой за сердце, безъ вопля, безъ слова, валилась съ кресла своего на полъ.

XXXVII.

Въ Москвѣ, въ тотъ же день раннимъ утромъ, Ашанинъ съ дрожащими на рѣсницахъ слезами прощался съ Гундуровымъ на крыльцѣ его дома, къ которому уже подана была его совсѣмъ снаряженная въ путь коляска.

— Ты сейчасъ же, сейчасъ отсюда въ Сицкое? говорилъ ему герой нашъ.

— Будь покоенъ, ни минуты не помедлю. Лошади мои сейчасъ придутъ сюда... Если-бъ я могъ предвидѣть, что ты цѣлыми сутками ранѣе уѣдешь, я бы не поручилъ Вальковскому отвезти письмо Софьи Ивановны княжнѣ, а самъ успѣлъ бы это сдѣлать прежде, чѣмъ какіе-либо слухи могли дойти къ нимъ отсюда.

— Ты ее увидишь, вырвалось чуть не стономъ изъ груди Сергѣя,—скажи ей, что я все выдержу, все вынесу, безъ ропота, безъ... какъ сказалъ ей... Она пойм... Дыханіе его сперлось, онъ былъ не въ силахъ продолжать.

— Знаю, голубчикъ, знаю, что ей сказать!... А ты живи себѣ спокойно во Владимірѣ и жди дня черезъ два-три письма отъ меня. Если бы что-нибудь особенное приключилось, я самъ къ тебѣ туда буду.

— Смотри же! вскрикнулъ Гундуровъ,—а иначе, ссылай они меня потомъ хоть въ Камчатку, я прискачу оттуда въ Сицкое... О, Боже мой, хоть бы издали, мелькомъ, взглянуть мнѣ на нее!...

— Увидишь, скоро, я увѣренъ въ этомъ! твердилъ, успокоивая его, Ашанинъ...

Они еще разъ обнялись, поцѣловались... Гундуровъ сѣлъ въ коляску рядомъ со старикомъ Ѳедосеемъ. Экипажъ тронулъ.

— Стой, стой! раздался крикъ съ дрожекъ, въѣзжавшихъ въ эту минуту на встрѣчу имъ во дворъ. Ямщикъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, осадилъ свою четверку.

— Позвольте узнать, куда это вы изволите отправляться? прохрипѣлъ, юрко соскакивая съ дрожекъ и подбѣгая къ колескѣ, слонообразный исправникъ Акулинъ.

Гундуровъ отвернулся.

— Покажи ему подорожную, Ѳедосей! сказалъ онъ.

Елпидифоръ, разобиженный этимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ старика-слуги свѣже-бѣлый еще казенный листъ и полугромко принялся читать:

... Въ городъ Оренбургъ, съ будущимъ, подъ собственный экипажъ...—Но его сіятельству графу угодно было дать вамъ дозволеніе пробыть три дня въ Москвѣ? смущенно проговорилъ онъ.

— А если мнѣ не угодно воспользоваться этимъ дозволеніемъ, сказалъ Сергѣй,—а угодно не завтра выѣхать, а сегодня?... Или вы, можетъ быть, почитаете себя въ правѣ заставить меня оставаться здѣсь лишнія сутки?...

Исправника передернуло; онъ, не отвѣчая, отвелъ глаза отъ молодаго человѣка.

— Такъ ужь позвольте мнѣ отправляться съ Богомъ, сказалъ тотъ тѣмъ-же презрительнымъ тономъ.—Трогай, ямщикъ!... Прощай, Ашанинъ! обернулся онъ къ нему послѣднимъ кивкомъ, уже выѣзжая за ворота дома.

— Прощай, Сережа, до свиданія, до скораго! крикнулъ въ отвѣтъ, подчеркивая, красавецъ.

Онъ стоялъ на крыльцѣ въ трехъ шагахъ отъ Акулина и глядѣлъ на него своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: „ну, что взялъ, старый шельмецъ?...“

Тотъ, какъ бы мгновенно сообразивъ что-то, шагнулъ къ нему.

— Такъ, повѣрите, не пріятны подобныя порученія, заго-

ворилъ онъ вдругъ, — и даже совсѣмъ къ прямымъ обязанностямъ моимъ не относящіяся... Сами понимаете, что я могу имѣть противъ Сергѣя Михайлыча, а между тѣмъ и онъ и вы, Владиміръ Петровичъ, какъ мнѣ кажется, почитаете, что тутъ съ моей стороны какъ будто что-нибудь...

— А, вотъ и лошади мои пришли! вскрикнулъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

На дворъ въѣзжала тройка подъ почтовою телѣгой.

— Заворачивай, братъ, заворачивай, да сѣна спроси тутъ у дворника побольше. А я сейчасъ готовъ!

Онъ побѣжалъ въ домъ и тутъ же вернулся со своимъ дорожнымъ чемоданомъ и кожаною подушкой.

Акулинъ не трогался съ мѣста: ему видимо хотѣлось довести свое объясненіе до конца.

Но пріятель Гундурова, въ свою очередь, никакъ не хотѣлъ доставить ему этого удовольствія. Онъ принялся возиться съ убивкой сѣна подъ сидѣнье, потребовалъ веревку для устройства себѣ переплета, уложилъ подушку, сунулъ чемоданъ подъ мѣсто ямщика и, когда все это было кончено, живо вскочилъ въ телѣгу и, усѣвшись, огорошилъ Елпидифора слѣдующимъ нежданнымъ вопросомъ:

— Такъ такъ и прикажете сказать графу? Я къ нему въ Покровское ѣду.

— Что это „сказать“? вскрикнулъ растерянно исправникъ.

— Что вы находите очень „не пріятными“ порученія, которыя онъ возлагаетъ на васъ?

Акулинъ, мгновенно поблѣднѣвъ, подбѣжалъ къ его телѣгѣ.

— Да что вы это, Владиміръ Петровичъ, Богъ съ вами! Да развѣ это можно говорить! перепуганнымъ шопотомъ пробормоталъ онъ.

— Почему же? засмѣялся Ашанинъ:

Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ!
Не ссорься, а поссорившись будь твердъ!...

— Да что это вы мнѣ говорите? Къ чему? прервалъ его съ отчаяніемъ въ голосѣ Елпидифоръ.

— А вы ужь и забыли? Да это изъ вашей же роли Полонія, — напутственная его рѣчь Лаерту. Вы еще такъ прелестны были въ этомъ мѣстѣ... Вотъ увижу Чижевскаго въ Покровскомъ, вѣроятно... припомнимъ вмѣстѣ... Прощайте, Елпидифоръ Павлычъ!...

— Но, Владиміръ Петровичъ, позвольте вамъ сказать...

— Некогда, Полоній Павлычъ, некогда, спѣшу!

И, несказанно тѣшась перепугомъ, изображавшимся на всѣхъ чертахъ толстаго представителя благочинія, красавецъ съ громкимъ смѣхомъ выѣхалъ за ворота.

Къ обѣду, то-есть часу въ пятомъ въ началѣ, онъ былъ въ городѣ, знакомомъ уже нашему читателю, черезъ который лежала ему прямая дорога въ Сицкое, гдѣ онъ разчитывалъ застать еще Вальковскаго („не уѣдетъ же онъ отъ хорошаго обѣда“, говорилъ себѣ Ашанинъ,) и, переговоривъ съ княжной Линой, уѣхать къ вечеру съ „фанатикомъ“ на Гундуровскихъ лошадяхъ въ Сашино.

Но едва успѣлъ онъ подъѣхать ко крыльцу станціи, какъ со скамьи у этого крыльца поднялся съ поклономъ по его адресу степеннаго вида мущина въ лѣтнемъ армякѣ и поярковой шляпѣ, въ которомъ онъ узналъ хорошо ему знакомаго кучера Гундурова.

— Ты какъ здѣсь, Павелъ? вскрикнулъ онъ, изумившись, выскакивая изъ телѣги.

— Съ лошадьми, отвѣчалъ пѣвучимъ и какъ бы недовольнымъ тономъ тотъ.

— Съ какими лошадьми?

— Да съ молодыми, съ нашими... Господина Вальковскаго привезъ, примолвилъ онъ уже видимо хмурясь.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтути... Уѣхали! Почтовыхъ взяли.

— Куда?

— А тутъ верстъ за двадцать, Шатилово село есть...

— Ничего не понимаю! вскрикнулъ еще разъ Ашанинъ,— откуда вы сюда пріѣхали?

— А мы, значитъ, перво-наперво въ княжое, въ Сицкое выѣхали...

— Ну?...

— А оттелева—и съ полчаса тамъ не пробыли,—выскочили они опять, сѣли, велѣли сюда въ городъ гнать... во всю, тоись, мочь, не жалѣючи... Лошади, сами знаете, молодыя, по пятому году, долго-ль испортить? Не годится такъ дѣлать господину! Я имъ, хоша и гнѣваться, знамо, стали на меня за это, не хорошо, говорю, баринъ, не ваши лошади, а я въ отвѣтѣ завсегда долженъ быть, потому господа мои уѣхали, а я завсегда тутъ... Такъ и не согласенъ я сталъ съ ними дальше ѣхать, въ село въ это самое, потому зарѣзать лошадей надо...

— Да зачѣмъ ему въ это село? нетерпѣливо прервалъ красавецъ резонера возницу.

— За дохтуромъ, стало быть, поскакали, потому онъ туда, слышно, съ вечера еще уѣхалъ...

— За докторомъ? повторилъ Ашанинъ. У него похолодѣли руки. Онъ какъ-то разомъ, чутьемъ угадалъ, что докторъ понадобился для Лины, и что въ этомъ виноватъ „фанатикъ", а болѣе всего онъ самъ, отправившій въ Сицкое этого „волка безобразнаго".

— Это тамъ въ княжемъ... заболѣлъ кто-нибудь, проговорилъ онъ невѣрнымъ, словно соскакивающимъ съ мѣста языкомъ и не рѣшаясь поднять глазъ.

Павелъ принялъ тотъ дипломатическій видъ, на который были такъ падки пожилые дворовые старыхъ временъ.

— Я опять вамъ, баринъ, про этотъ самый предметъ въ точности объяснить не могу, потому, сами знаете, наше дѣло — на козлахъ сиди да вожжами орудуй... А только такъ понять, что барышня... княжна, тоись, тамошняя, договорилъ онъ уже шопотомъ.

— И доктора нѣтъ... Онъ поѣхалъ за нимъ? растерянно спрашивалъ Ашанинъ, проклиная мысленно и себя, и Вальковскаго и замирая отъ тревоги.

По площади, на углу которой стояла станція, шелъ въ это время сѣдой, но бодро выступавшій старичекъ въ форменной съ синимъ бархатнымъ околышемъ фуражкѣ и съ суковатою палкой въ рукѣ. Онъ направлялся къ сосѣдней

улицѣ, но, проходя мимо станціи, поднялъ глаза и, замѣтивъ разговаривавшихъ, остановился вдругъ, приподнялъ свободную руку къ глазамъ отъ солнца, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и пошелъ прямо на Ашанина.

— Извините меня, имѣлъ несчастіе позабыть фамилію вашу, вы изволили участвовать въ представленіи *Гамлета* на домашнемъ спектаклѣ у княгини Шастуновой... и даже именно исполняли роль Горація?

— Такъ точно, молвилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Тутъ сейчасъ былъ одинъ изъ вашихъ товарищей по спектаклю...

— Вальковскій? Ради Бога, скажите, не видѣли-ли вы его?

— Я потому именно осмѣлился подойти къ вамъ, не имѣя чести быть вамъ знакомымъ, заговорилъ торопливо старичекъ:— товарищъ вашъ заѣзжалъ ко мнѣ, такъ какъ мы имѣли случай встрѣчаться съ нимъ въ пору его кратковременнаго пребыванія въ нашемъ городѣ, заѣзжалъ справляться насчетъ доктора Ферапонтова...

— Княжна заболѣла! не далъ ему договорить Ашанинъ.

Старичекъ поднялъ глаза къ небу.

— Вамъ это, быть можетъ, покажется удивительнымъ и, такъ сказать, даже невѣроятнымъ, только повѣрьте, что я, совершенно незнакомый въ вашемъ обществѣ индивидуй, пораженъ былъ этою вѣстью такъ, что съ той минуты просто, что̀ говорится, мѣста себѣ не нахожу... Я имѣлъ счастіе видѣть княжну въ роли Офеліи и послѣ того обмѣняться съ нею нѣсколькими словами...

— Вы господинъ Юшковъ, смотритель здѣшняго училища? вскликнулъ красавецъ,—мнѣ о васъ недавно говорила княжна, она васъ помнитъ, интересуется вами...

— Небесное созданіе эта дѣвушка! перебилъ его въ свою очередь Юшковъ;—отъ того такъ и страшно за нее: физическая оболочка-то у этихъ созданій очень не надежна всегда бываетъ...

— Да что̀ случилось съ нею? разскажите мнѣ, ради Бога!

— Ничего обстоятельнаго отъ вашего товарища добиться

я не могъ; самъ онъ очень былъ разстроенъ и напуганъ. Прибѣжалъ онъ ко мнѣ спросить, куда уѣхалъ Ферапонтовъ, такъ какъ у того на квартирѣ ни до какого отвѣта добиться онъ не могъ, а только указали на меня, потому что докторъ у меня, дѣйствительно, засидѣвшись вчера вечеромъ поздно, остался ночевать, а утромъ за нимъ прислали изъ Шатилова лошадей къ больному ѣхать. Я это господину Вальковскому такъ и передалъ, а онъ успѣлъ мнѣ только сообщить, что Офелія наша безподобная вдругъ, посреди разговора, лишилась чувствъ и въ теченіе того времени, пока былъ тамъ вашъ товарищъ, никакими средствами въ сознаніе приведена быть не могла. Матушка ея и всѣ домашніе потеряли голову, суетня пошла, стонъ по всему дому, а пользы никакой... Наконецъ надоумило ужь кого-то за докторомъ послать. Онъ и поскакалъ, и вотъ когда-то еще найдетъ...

— Вѣдь пожалуй до ночи не успѣетъ привезти... И никого другаго здѣсь нѣтъ? спрашивалъ съ отчаяніемъ Аніанинъ.

— Одинъ врачъ на весь городъ! молвилъ, пожимая плечами, смотритель.—Не знаю, догадались-ли они, примолвилъ онъ въ раздумьи,—руки и ноги ей въ теплую воду поставить? Такой продолжительный обморокъ очевидно анемію сердца или мозга обозначаетъ... Компрессы холодной воды на сердце были бы также полезны, полагаю...

— А вы разумѣете нѣсколько по части медицины?

— Три года медицинскимъ студентомъ былъ, отвѣтилъ Юшковъ,—только запаху кадаверовъ, признаюсь, никогда переносить не могъ, такъ перешелъ на филологію.

— Послушайте, вскрикнулъ молодой человѣкъ, схватывая его за руку,—поѣдемте сейчасъ въ Сицкое! Вы можете принести ей хоть какую-нибудь помощь...

У старичка блеснули глаза.

— Сказать вамъ по истинѣ, самъ я объ этомъ думалъ, что все же могу, вспомнивъ старую науку, кое-какими указаніями послужить до пріѣзда доктора... да не рѣшался. Съ барами съ этими, знаете, не ровенъ часъ, какъ это еще ими принято быть можетъ!...

— Я беру все на себя, скажу, что привезъ васъ, угово-

рилъ... Ѣдемте!... Павелъ, обратился Ашанинъ къ молча стоявшему тутъ же и внимавшему кучеру Гундурова, — лошади у тебя отдохнули, кормлены? Можешь сейчасъ же запречь и ѣхать? А за Вальковскимъ и докторомъ сейчасъ же вышлемъ экипажъ изъ Сицкаго.

— Сею минутой готово будетъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣтилъ тотъ, съ видимымъ сочувствіемъ и разумѣніемъ правильности принятаго теперь „господами“ рѣшенія, и побѣжалъ къ своимъ лошадямъ.

— А вы захватите съ собою бѣлья, сказалъ старику смотрителю предвидчивый Ашанинъ, — придется намъ, можетъ быть, ночевать тамъ...

— Вы полагаете? молвилъ Юшковъ, какъ бы нѣсколько испугавшись этой перспективы ночевать въ „барскихъ хоромахъ“, какъ выражался онъ мысленно.

— Конечно, если докторъ, задержанный своимъ больнымъ не пріѣдетъ ранѣе, чѣмъ завтра утромъ.

— Это точно... Такъ я сейчасъ, живу тутъ по близости, заберу узелокъ и сюда... Офелія-то наша, Офелія божественная, не дай Господи! бормоталъ про себя старикъ, громко вздыхая и сбѣгая со ступенекъ съ торопливостью двадцатилѣтняго юноши.

XXXVIII.

Два дня спустя послѣ того, что̀ сейчасъ передано нами читателю, въ кабинетъ къ графу, пріѣхавшему въ Москву изъ своего Покровскаго по случаю какого-то празднества, въ девятомъ часу утра входилъ только-что вернувшійся изъ Петербурга князь Ларіонъ Шастуновъ.

— Здравствуй, здравствуй, Ларивонъ, очень радъ тебя видѣть! заголосилъ старецъ, быстро идя ему навстрѣчу изъ глубины комнаты;—давно-ли пріѣхалъ?

— Сейчасъ, и...

Графъ не далъ ему продолжать.

— Ну, садись, разсказывай! Когда проѣзжалъ, не заѣхалъ ко мнѣ, ничего про тебя не знаю! Что̀-жь, какъ ты тамъ былъ принятъ?

— Очень милостиво и...

Графъ, поднявъ свои ладони, прервалъ его опять:

— Знаю, писалъ мнѣ (все тотъ же петербургскій сильный другъ графа), что даже обрадовались искренно видѣть тебя, но что ты все отпрашивался, „въ лѣсъ глядишь“, не хочешь въ Петербургѣ жить, отъ нездоровья будто бы?

— Все это совершенно справедливо, молвилъ поспѣшно князь Ларіонъ съ видомъ человѣка, которому хочется скорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго и скучнаго для него разговора,— приняли прекрасно, но серіознаго дѣла очевидно дать мнѣ намѣрены не были, а „болтать безъ толку“, какъ вы совершенно основательно выразились въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, не представляетъ для меня заманчивой перспективы.

— Способныхъ людей надо на дѣло настоящее употреблять! пропѣлъ на это аквилистомъ старецъ;—какъ же ты устроилъ? Будешь ѣздить въ Совѣтъ?

— Тамъ вакантъ теперь, что же ѣздить! молвилъ на это его собесѣдникъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ интотаціи.

— Осенью начнется опять.

— До осени еще долга пѣсня! проговорилъ сквозь зубы князь Ларіонъ,—но Петербургъ меня болѣе не увидитъ... если только вы, подчеркнулъ онъ, пристально и съ какимъ-то укоромъ въ глазахъ воззрившись въ лицо стараго своего пріятеля,—если вы не заставите меня сегодня же уѣхать туда обратно.

— Я? воскликнулъ въ величайшемъ изумленіи графъ,—что это ты говоришь?

— Вотъ что...

Князь вдругъ примолкъ, провелъ рукой по глазамъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе сосредоточиться внутренно, и началъ затѣмъ, медленно и вѣско роняя слова свои одно за другимъ:

— На полдорогѣ изъ Петербурга встрѣтился я на станціи съ хорошою знакомой моею, теткой того молодаго человѣка, Гундурова, котораго я вамъ представилъ, когда вы у насъ были въ Сицкомъ...

— Знаю, запѣлъ графъ,—вдова покойнаго Онуфрія Петровича Переверзина, который подъ судомъ умеръ въ тысяча восемьсотъ...

Князь продолжалъ, не слушая его:

— Она ѣхала въ Петербургъ для того, чтобы кинуться къ ногамъ Государя, просить за „безвинно“, говоритъ она, сосланнаго вами въ Оренбургъ племянника ея. Я не повѣрилъ, чтобы вы могли это сдѣлать безъ настоящихъ, уважительныхъ на то причинъ, и просилъ ее не подымать дѣла прежде, чѣмъ я не повидаюсь съ вами. Мы порѣшили, что она доѣдетъ до Петербурга, но ни къ чему не приступитъ прежде, чѣмъ получитъ отъ меня обстоятельное объ этомъ письмо. Я съ своей стороны далъ ей слово вернуться тотчасъ же на содѣйствіе ей въ Петербургъ, если ссылка Гундурова рѣшена

тамъ, а не здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ. Я едва успѣлъ пріѣхать, переодѣться и, какъ видите, прямо къ вамъ... Предваряю васъ, что имѣю самыя серьезныя причины интересоваться этимъ молодымъ человѣкомъ, и прошу васъ именемъ нашей почти сорокалѣтней пріязни сказать мнѣ всю истину. За что онъ сосланъ?

— Онъ всякій вздоръ болталъ, возразилъ старецъ.

— Да кто вамъ сказалъ, откуда вы это знаете?

— Я тебѣ покажу, на бумагѣ...

И графъ, отомкнувъ ключомъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, въ которомъ хранились „конфиденціальныя“ бумаги и письма, отыскалъ въ кипѣ одно изъ нихъ и передалъ его сидѣвшему противъ него князю Ларіону.

— Вотъ что *онъ* (все тотъ же сильный человѣкъ) пишетъ мнѣ *за нумеромъ*!

Въ письмѣ сообщались всѣ тѣ пункты виновности Гундурова, которые въ разговорѣ съ нимъ пересчиталъ ему „московскій воевода“; напиралось въ особенности на „высказываемыя Гундуровымъ мнѣнія о необходимости будто бы освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей надъ ними власти“, — мнѣнія, „распространеніе которыхъ могло бы повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія“. Въ заключеніе письма говорилось слѣдующее: „Признавая необходимымъ о такомъ вредномъ направленіи неслужащаго дворянина Сергѣя Гундурова поставить ваше сіятельство къ извѣстность, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что его неосторожныя и запальчивыя рѣчи могутъ быть отнесены столько же къ его еще очень молодымъ лѣтамъ, сколько къ праздности, въ которой онъ проводитъ жизнь со времени его выхода изъ мѣста ученія, полагаю на ваше усмотрѣніе: не признаетъ-ли ваше сіятельство полезнымъ склонить кандидата Гундурова на поступленіе на службу въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ, при полученномъ имъ въ Московскомъ университетѣ прекрасномъ образованіи, о чемъ правительству извѣстно, могъ бы принести несомнѣнную пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ отдаленіи отъ центровъ опасныхъ умственныхъ увлеченій, нашелъ бы возможность достичь большей зрѣлости въ образѣ мыслей и

приготовить изъ себя впослѣдствіи вполнѣ способнаго, благонадежнаго и опытнаго чиновника? На случай, если бы мѣра сія признана была вашимъ сіятельствомъ сообразною необходимости, присемъ препровождается надлежащее для сего письмо къ Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору".

Князь Ларіонъ, съ изборождившими весь лобъ его морщинами, недвижно и сосредоточенно дочелъ это письмо до конца.

— Любезный графъ, сказалъ онъ затѣмъ, подымая на него невольно сверкнувшіе глаза,—что же вы дѣйствительно убѣдили, „склонили" этого молодаго человѣка ѣхать въ Оренбургъ?

— Да, самымъ наивнымъ образомъ подтвердилъ тотъ,—я ему сказалъ, чтобъ онъ ѣхалъ; онъ и отправился.

— Вы поняли, что этого именно требовало отъ васъ это письмо? молвилъ князь съ едва скрываемою желчною ироніей, передавая ему черезъ столъ „конфиденціальный" документъ;— а знаете, что изъ этого выйдетъ? Тетка Гундурова далеко не дюжинная женщина, это натура энергическая и настойчивая. Ее притомъ въ Петербургѣ знаютъ, помнятъ: она была одна изъ любимыхъ воспитанницъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Смольномъ Монастырѣ, у нея много въ свѣтѣ старыхъ подругъ и связей... Она своего добьется, дойдетъ, будетъ жаловаться...

Ладони графа вознеслись горѣ.

— Пусть жалуется!

— Да, но вслѣдствіе этой жалобы пожелаютъ узнать сущность дѣла. Писавшій вамъ это сообщеніе откажется отъ всякой личной отвѣтственности за послѣдовавшее, скажетъ, что онъ все передалъ на ваше усмотрѣніе, что вы распоряжались, какъ знали, и, говоря съ полною откровенностью, какъ я тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ привыкъ говорить съ вами, вы, человѣкъ и добрый, и умный, окажетесь тутъ разомъ и жестокимъ, и—обойденнымъ...

— Что такое? Объясни, говори откровенно! запѣлъ старецъ, видимо пораженный и смущенный внутренно этими словами.

— Объясненіе не долго, сказалъ князь; — услать Гундурова подальше потребовалось въ надеждѣ облегчить этому Анисьеву, котораго вы знаете, путь къ рукѣ, или вѣрнѣе къ приданому моей племянницы. А обдѣлали это такъ, что въ случаѣ чего отвѣтчикомъ за это являетесь вы и „произволъ“ вашъ, и никто больше.

Графъ внимательно выслушалъ и затѣмъ, слегка перегнувшись черезъ столъ, зорко глянулъ въ глаза пріятелю.

— Да вѣдь и тебѣ же это „требовалось“, молвилъ онъ,— и признаюсь, для тебя я это больше и сдѣлалъ: когда я былъ у васъ въ деревнѣ, ты меня просилъ, чтобъ ему выхлопотать паспортъ за границу, а что пока ты ему совѣтовалъ проѣхаться по Россіи? Я его и отправилъ, пусть поѣздитъ... Думалъ, ты будешь радъ!

Князь Ларіонъ смутился, въ свою очередь, теперь.

— Да, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,— я дѣйствительно думалъ тогда... тогда это еще не было слишкомъ поздно... и не этимъ насильственнымъ путемъ во всякомъ случаѣ... А теперь... Я прямо долженъ сказать вамъ, любезный графъ, племянница моя любитъ этого молодаго человѣка, и если вѣсть о случившемся дойдетъ... или дошла уже, можетъ быть, до нея, произведетъ на нее самое потрясающее впечатлѣніе. Съ ея не сильнымъ здоровьемъ всего можно бояться въ этихъ случаяхъ... Вы не хотѣли бы быть ея палачомъ, не правда-ли? вскрикнулъ князь со свойственною ему страстностью, и глаза его загорѣлись мгновеннымъ, лихорадочнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ? Милое дитя! Я не зналъ! протянулъ, раскидывая длани свои вѣеромъ, его старый пріятель, сочувственно глядя на него.

— Вы его сослали въ силу этого письма... Но вы могли и не дѣлать этого, могли ограничиться наставленіемъ, если ужь въ самомъ дѣлѣ „мнѣнія“ этого молодаго человѣка кажутся имъ такими „опасными“, примолвилъ князь съ новою ироническою усмѣшкой,—а мнѣнія эти, долженъ я вамъ сказать, между прочимъ, составляютъ ученіе цѣлой у насъ школы такъ называемыхъ „славянофиловъ“...

— Знаю! возгласилъ графъ.

— Совершенно благонадежной въ политическомъ отношеніи, продолжалъ князь Ларіонъ, — которая съ дозволеніемъ цензуры печатаетъ эти мнѣнія и имѣетъ даже для этого здѣсь, въ Москвѣ, два весьма почтенные журнала.

— Я всѣхъ этихъ глупостей не читаю! объявилъ старецъ.

— Да, съ невольной усмѣшкой возразилъ князь, — но вы согласитесь, что совершенно не основательно было бы подвергать человѣка наказанію за то, что онъ выражаетъ устно то самое, что безнаказанно и съ согласія правительства говорится печатно?

— Я противъ него ничего не имѣю, объяснилъ графъ, при чемъ его нижняя губа съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ выпятилась впередъ, — я для его же пользы думалъ сдѣлать, я не зналъ, что у васъ дѣло такъ стоитъ!... И что же невѣстка твоя, согласна она?

— Разумѣется, нѣтъ! Князь дернулъ плечомъ.

— Она не умная! засмѣялся старецъ.

— Скажите: непроходимая! вскрикнувъ князь Ларіонъ:— не будь тутъ я, она давно вогнала бы въ гробъ несчастную дочь моего брата!... Послушайте, почтенный другъ мой, вамъ нужно поправить эту... ошибку, поправить, какъ можно скорѣе! примолвилъ онъ настоятельно, замѣтивъ какъ бы какое-то колебаніе въ выраженіи лица графа.

— Надо подождать! сказалъ тотъ, — я уже написалъ въ Петербургъ, что онъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія.

— Такъ что же такое, развѣ это можетъ васъ стѣснять? Онъ выѣхалъ, а вы его вернули. Вамъ предоставлено поступить „по вашему усмотрѣнію“; я полагаю, что вы такъ и поступили, а не по командѣ изъ Петербурга, добавилъ старый дипломатъ, давно и хорошо разумѣвшій слабыя струнки пріятеля.

Графъ гордо поднялъ вверхъ голову и руки.

— Никто не можетъ мнѣ командовать, окромя моего Государя!... Хорошо, я пошлю, чтобъ онъ вернулся! рѣшилъ онъ тутъ же.

Онъ быстро всталъ съ мѣста, направляясь къ двери своею

раскачивавшеюся походкой и, просунувъ въ нее голову, кликнулъ дежурнаго чиновника:

— Ѳедоръ Петровичъ здѣсь?

— Здѣсь, съ бумагами, ваше—ство! доложилъ тотъ.

— Просить ко мнѣ!

Управляющій канцеляріей вошелъ съ портфелемъ и учтивымъ поклономъ по адресу князя.

— Скажите, когда отправлено письмо объ этомъ Гундуровѣ, вы знаете? спросилъ его „московскій воевода".

— Оно не отправлено, ваше сіятельство, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—вы его изволили удержать у себя, желали послать вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ къ...

— Точно! забылъ! пропѣлъ графъ:—началъ писать къ нему и не успѣлъ! Осталось, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня, въ Покровскомъ... Ну, твое счастіе! обратился онъ, смѣясь и подмигивая, къ князю Ларіону.—А вы, Ѳедоръ Петровичъ, пошлите сейчасъ казака за этимъ толстякомъ, котораго я назначилъ въ Городскую часть частнымъ приставомъ... Исправникъ вашъ бывшій, еще у васъ на театрѣ такъ хорошо игралъ, и дочь хорошенькая! пояснилъ онъ, обернувшись еще разъ къ князю.

— Онъ у меня въ канцеляріи теперь, доложилъ Ѳедоръ Петровичъ,—ему какая-то справка тамъ оказалась нужна.

— Пошлите скорѣй ко мнѣ!

Черезъ пять минутъ еле дышавшій отъ усердія, съ которымъ несся онъ на коротенькихъ ножкахъ своихъ изъ канцеляріи черезъ дворъ и по лѣстницѣ, Елпидифоръ Акулинъ предсталъ предъ очи начальства, почтительно остановившись у дверей.

— Здравствуй, толстякъ! Въ должность вступилъ?

— Нѣтъ еще, ваше—ство, завтра, надѣюсь, совсѣмъ.

— Нѣтъ, пропѣлъ графъ,—и не завтра! Пузо свое порастрясти еще тебѣ надо! Сейчасъ поѣзжай!...

— Куда прикажете, ваше—ство?

— Догнать Гундурова, ты знаешь, котораго ты привозилъ ко мнѣ. Когда онъ, бишь, уѣхалъ?

— Третій день, ваше—ство.

— Ну, еще не очень далеко, стало-быть! Я ему позволилъ не спѣшить... Догони и скажи, что я его простилъ, что онъ можетъ ѣхать себѣ домой, въ деревню!

— Слушаю, ваше—ство.

— Сейчасъ отправляйся!... А что дочь?

— Замужъ вышла, ваше—ство...

— Вотъ какъ! За кого?

Князь Ларіонъ поднялся съ мѣста.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, любезный графъ, и поблагодарить васъ, промолвилъ онъ тише и какъ бы нехотя и взялся за шляпу.

— Зачѣмъ спѣшить? молвилъ графъ;—мнѣ еще время! А въ одиннадцать часовъ ѣду въ Воспитательный Домъ; князь Сергѣй Михайлычъ Голицынъ пригласилъ туда на молебствіе.

— Нѣтъ, я спѣшу, домой скорѣе хочется... Я вамъ говорю, что имѣю основанія безпокоиться... не договорилъ князь.

— Да, да, знаю! Ничего, пустяки! Милое дитя! голосилъ старецъ, обнимая пріятеля и провожая его до дверей.—Когда ко мнѣ въ Покровское будешь?

— Постараюсь быть непремѣнно, непремѣнно, машинально повторилъ князь Ларіонъ, нисколько не думая исполнить обѣщаніе и отвѣчая разсѣяннымъ головнымъ кивкомъ на низкіе поклоны прижавшагося къ окну, чтобы дать ему свободно пройти въ дверь, и какъ-то непріятно дышавшаго при этомъ всею громоздкою фигурой своею Елпидифора.

XXXIX.

Князь Ларіонъ остановился въ гостиницѣ Дрезденъ, въ двухъ шагахъ отъ казеннаго дома, въ которомъ жилъ графъ. Переходя отъ него черезъ площадь, онъ замѣтилъ, что къ крыльцу гостиницы подъѣхали дрожки съ какимъ-то сидѣвшимъ въ нихъ молодымъ человѣкомъ въ сѣрой шляпѣ на кудрявыхъ черныхъ волосахъ, обликъ котораго показался ему знакомымъ. Обмѣнявшись какими-то словами со стоявшимъ на крыльцѣ швейцаромъ, молодой человѣкъ быстро обернулъ голову, увидалъ князя и, спрыгнувъ съ дрожекъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Князь узналъ Ашанина.

— Я къ вамъ, ваше сіятельство, началъ тотъ какимъ-то смущеннымъ, показалось князю, голосомъ, — я сейчасъ былъ у васъ на дому и засталъ вашего камердинера; онъ сказалъ мнѣ, что вы остановились здѣсь... Я изъ Сицкаго...

— Что тамъ? поспѣшно спросилъ князь Ларіонъ, глядя на него тревожнымъ взглядомъ.

— Вы теперь къ себѣ? молвилъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

— Да.

— Такъ позвольте зайти къ вамъ; я вамъ все разскажу...

— Пойдемте!...

— Не добрыя вѣсти, а? съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ, проговорилъ князь, едва вошли они въ его нумеръ.

— Богъ дастъ, ничего не будетъ, молвилъ молодой человѣкъ,—она пришла въ себя...

— Она, Hélène? прервалъ его князь Ларіонъ, воззрясь ему прямо въ лицо.

— Да...

— Она узнала, что... вашего пріятеля отправили въ Оренбургъ?

— Именно!...

— Я сейчасъ отъ графа. Гундурова послано вернуть обратно. Все это кончилось ничѣмъ... Но что случилось, разсказывайте! Я встрѣтился на дорогѣ съ Софьей Ивановной Переверзиной. Она передала мнѣ, что писала къ Hélène, и письмо вы послали съ пріятелемъ вашимъ, господиномъ Вальковскимъ?

— И этого я простить себѣ не могу, князь! вскликнулъ Ашанинъ, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову:—я полагалъ лучше сдѣлать, вышло не въ примѣръ хуже. Его княгиня Аглая Константиновна принялась допрашивать, онъ не съумѣлъ найтись, сконфузился и бухнулъ объ этомъ прямо при княжнѣ...

— Какъ это было и что произошло затѣмъ? обрывисто спрашивалъ князь Ларіонъ.

Ашанинъ передалъ ему все, что онъ зналъ объ этомъ по разсказу очевидца происшествія, Зяблина. Княжна упала въ обморокъ, изъ котораго ни одно изъ употребленныхъ затѣмъ домашнихъ средствъ не могло ее вывести. Она лежала съ судорожно сжатыми конечностями, полуоткрытые глаза глядѣли недвижно, какъ у восковыхъ фигуръ, и только учащенное, но чрезвычайно слабое біеніе сердца свидѣтельствовало, что жизнь еще не совсѣмъ ее покинула. Въ этомъ каталептическомъ состояніи застали ее Ашанинъ и привезенный имъ съ собою старикъ-смотритель, прискакавшіе въ Сицкое въ седьмомъ часу вечера, то-есть, восемь часовъ послѣ перваго момента обморока. Въ домѣ всѣ потеряли голову. Вальковскій ускакалъ за докторомъ. Княгиня, въ ожиданіи его, лежала пластомъ у себя на диванѣ и голосила во все горло: „ma fille est morte, je n'ai plus de fille“, не умѣя ничего придумать лучшаго и приличнѣйшаго въ эту минуту. Въ ладъ барынѣ шелъ вой и стонъ женской дворни съ верху до низа дома... Юшковъ, импровизованный докторъ, велѣлъ принести теплой воды и льду: въ воду погру-

зили руки и ноги княжны, а ледъ приложили въ пузырѣ къ темени. Минутъ черезъ двадцать конечности отошли, а вскорѣ затѣмъ княжна пришла въ себя. Она открыла глаза, но весьма долго какъ-бы никого не узнавала и глядѣла на всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ. На вопросы матери она не отвѣчала и повидимому не понимала ихъ... Ее до того времени успѣли только, поднявъ съ полу, перенести на ближайшій диванъ ситцеваго кабинета княгини, подложивъ ей подушку подъ голову и распустивъ шнуровку ея корсета. Ей было видимо неловко на этомъ короткомъ и узкомъ диванѣ. Княгиня отдала приказаніе принести сверху ея кровать съ постелью, говоря при этомъ, что желаетъ, „чтобы дочь ея осталась тутъ, поближе къ ней“... Больная вдругъ застонала, и на лицѣ ея изобразилось страданіе, но говорить была она еще не въ состояніи. Когда же принесена была кровать, и ее уложили на нее, она черезъ силу прошептала: „домой, до...“ „Тебѣ будетъ лучше здѣсь, chère enfant“, старалась ее увѣрить мать,—„я за тобой ходить буду“. Она чуть-чуть задвигала головой, и слезы закапали изъ ея глазъ. Старикъ смотритель замѣтилъ шопотомъ Аглаѣ Константиновнѣ, что „желанія и даже прихоти больныхъ должны быть вообще исполняемы“, и что въ настоящемъ случаѣ было бы даже и весьма опасно противорѣчить имъ. Онъ подошелъ къ княжнѣ и, наклонившись къ ней, спросилъ, желаетъ-ли она, чтобы перенесли ее въ ея спальню. Она чуть-чуть улыбнулась, приподнявъ на него глаза съ удивленнымъ и довольнымъ видомъ, и поспѣшно проговорила: „да, да!“ Княгиня замѣтно поморщилась, но должна была согласиться. Княжну, какъ была она въ кровати, перенесли въ ея спальню. Тамъ горничная ея Глаша съ помощью „Lucrèce“ переодѣли ее и уложили „на ночь“... Но она спать не хотѣла или не могла и долго металась съ боку на бокъ. Затѣмъ притихла и, укладываясь щекой на руку, тихо, но внятно проговорила: „Гдѣ ста-ри-чекъ?“ Ее сначала не поняли, но Аглая Константиновна догадась наконецъ и, выйдя изъ ея спальни, обратилась съ досадливо-высокомѣрною улыбкой къ Юшкову, усѣвшемуся съ Ашанинымъ въ кабинетѣ княжны, сказавъ

ему: „Она васъ кажется требуетъ!“ послѣ чего, не возвращаясь уже къ дочери, сошла въ свои апартаменты, приказавъ, чтобы „въ случаѣ она будетъ нужна, прислать ей сказать“. Она, очевидно, забывъ, какъ за часъ предъ этимъ ревѣла, что „ma fille est morte“, дулась теперь на больную и на этого „старичка“, котораго потребовала дочь, „когда она тутъ, sa mère qui l'a mise au monde“, и на Ашанина, привезшаго его, и, заставъ въ своемъ ситцевомъ кабинетѣ ожидавшаго ее тамъ Зяблина, фыркнула: „Je ne sais pas vraiment ce que c'est que ce vieux drôle que monsieur Ашанинъ nous a colloqué!...

А княжна видимо обрадовалась „старичку“. Она указала ему взглядомъ стулъ противъ нея. Онъ подвинулъ его и сѣлъ. Она, не перемѣняя положенія, долго глядѣла на него съ легкою улыбкой на блѣдныхъ губахъ и наконецъ проговорила: „я васъ узнала... вы... добрый!“—„Постарайтесь заснуть, милая княжна!“ сказалъ онъ въ отвѣтъ. Она послушно закрыла глаза и принялась дремать. Но вѣки ея то-и-дѣло раскрывались, и она каждый разъ устремляла на него взоръ, полный какой-то тревоги, какъ бы боясь, чтобъ онъ не ушелъ, не пересталъ охранять ее... Онъ такъ и просидѣлъ всю ночь у ея изголовья. Посылать за княгиней не оказалось нужнымъ, а сама она сочла безполезнымъ приходить навѣдываться: „не присылаютъ, значитъ, я не надобна!“ разсуждала она весьма логично и весьма гнѣвно... На зарѣ княжна наконецъ уснула спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

На другой день только, часу въ девятомъ утра, пріѣхали Вальковскій съ докторомъ Ферапонтовымъ.

Длинный, несуразный, изъ барсуковъ, похожій на Донъ-Базиліо, уѣздный врачъ произвелъ на княжну своимъ *фатальнымъ* видомъ и не совсѣмъ чисто вымытыми руками, которыми ощупывалъ онъ ей пульсъ, довольно отталкивающее впечатлѣніе (она послѣ подкрѣпившаго ее сна находилась въ полномъ сознаніи и говорила безъ труда), къ великому горю старика-смотрителя, котораго потребовала опять къ себѣ, какъ только покончила съ утреннимъ умываньемъ и туалетомъ. Онъ страдалъ и за нее, и за пріятеля своего, Ферапонтова,

извѣстнаго ему за недурнаго практиканта и добраго, хотя неотесаннаго человѣка. Тотъ съ своей стороны, произведя діагнозъ княжны по всѣмъ правиламъ тогдашнихъ медицинскихъ пріемовъ и способовъ опредѣленія, какъ бы смутился вдругъ и долго безмолвно глядѣлъ на нее, насупившись и сопя сквозь не въ мѣру расширившіяся ноздри. Юшковъ, въ свою очередь, глядѣлъ на него во всѣ глаза, въ страхѣ за возможность какого-нибудь „неловкаго" слова. Но докторъ никакого слова не произнесъ. Заговорила сама больная.

— Мнѣ сегодня хорошо, усталость одна, но я бы хотѣла встать, сѣсть въ кресло... Можно докторъ?

— Если чувствуете себя въ силахъ, почему же?...

— Такъ я встану? (Ей хотѣлось, чтобъ онъ скорѣе ушелъ отъ нея).

— Какъ угодно!

Онъ вышелъ въ кабинетъ съ Юшковымъ, и все также, молча, закачалъ головой. У старика задвоилось въ глазахъ... Въ то же время явилась сюда княгиня со всякими вопросами, вздохами и неестественнымъ ворочаньемъ круглыхъ глазъ, нисколько впрочемъ не точившихъ тѣхъ слезъ, которыя она, повидимому, ожидала отъ нихъ теперь. Докторъ отвѣчалъ неопредѣленными и немногосложными фразами... Онъ сказалъ, что вчерашнее каталептическое состояніе княжны свидѣтельствуетъ очевидно объ *анеміи мозга* (княгиня, услыхавъ этотъ невѣдомый ей научный терминъ захлопала глазами пуще прежняго, но ей и въ голову не пришло спросить, что̀ именно долженъ былъ означать онъ,) и что вмѣстѣ съ тѣмъ по общимъ указаніямъ организма слѣдуетъ предполагать извѣстное пораженіе въ полости сердца.

— Ah, mon Dieu, вскрикнула на это княгиня,—мнѣ уже объ этомъ говорилъ докторъ Чипріяни въ Ниццѣ qu'elle a un défaut au coeur, но я думала, что это у нея совсѣмъ прошло... И это очень опасно, докторъ? возгласила она такъ громко, что Юшковъ кинулся притворять дверь спальни, испугавшись, что больная могла услышать эти слова.

— Конечно-съ, отвѣтилъ помолчавъ Ферапонтовъ,—если бы такіе припадки возобновились... Тутъ необходимо постоян-

ное наблюденіе врача... притомъ главное условіе—полное душевное спокойствіе больной; въ этихъ случахъ психія играетъ весьма существенную роль...

Княгиня еще разъ не поняла и спросила:

— А лѣкарство вы ей дадите?

— Успокоительную микстурку прописать можно-съ.

Онъ подошелъ къ письменному столу Лины прописать рецептъ.

— А, впрочемъ, молвилъ онъ, расчеркиваясь,—осмѣлился бы предложить вашему сіятельству адресоваться въ Москву съ приглашеніемъ къ себѣ спеціальнаго врача для пользованія княжны, такъ какъ я уже выразилъ вамъ о необходимости постояннаго наблюденія; я же его принять на себя не могу, въ виду обязанностей моихъ по больницѣ въ городѣ...

— Ah, mon Dieu, я сегодня же пошлю, сегодня же! заголосила Аглая Константиновна и поплыла сообщать объ этомъ дочери.

— А... Василій Григорьевичъ, поспѣшно проговорила на это, вспоминая вдругъ имя и отчество старика-смотрителя, Лина,—онъ останется?

— На что̀ онъ тебѣ, chère enfant? нѣжнымъ голосомъ молвила ей маменька;—вѣдь онъ не докторъ!

— Мнѣ... лучше, когда онъ тутъ, тихо сказала княжна.

Аглая Константиновна повела плечомъ.

— Caprice de malade!... И вернулась опять въ кабинетъ, гдѣ Ферапонтовъ съ фуражкой въ рукѣ, готовясь уѣхать, переговаривался вполголоса съ Юшковымъ.

— Она вотъ *ихъ* все проситъ! сказала она доктору, кивая на смотрителя.

— Василія Григорьевича? улыбнулся тотъ,—что̀ же, это хорошо-съ! Онъ наше дѣло маракуетъ не хуже другаго иного, только что степени надлежащей не имѣетъ... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству.

Вальковскій, все время поджидавшій его выхода въ аппартаментѣ Зяблина (куда забился онъ тотчасъ по пріѣздѣ, во избѣжаніе Ашанина, съ которымъ страшно боялся встрѣчи, предвидя всѣ тѣ упреки, которыми тотъ не преминулъ бы

осыпать его), выскочилъ на дворъ, едва заслышалъ скрипъ колесъ подаваемаго тарантаса доктора.

Онъ кинулся къ сидѣвшему уже въ немъ Ферапонтову

— И я съ вами, погодите!

Въ то же время изъ сѣней выскочила полногрудая Lucrèce и, быстро сбѣжавъ по ступенькамъ крыльца, передала доктору незапечатанный бумажный конвертецъ.

— Отъ ея сіятельства княгини.

— Здравствуйте, Лукерья Ильинишна! молвилъ, скаля зубы по ея адресу, „фанатикъ“, влѣзавшій къ своему попутчику въ тарантасъ.

Она даже не взглянула на него и, проговоривъ сухо: „здравствуйте-съ!“ обернулась и побѣжала въ домъ.

Лошади тронули. Докторъ, державшій въ опущенной на колѣни рукѣ переданный ему пакетецъ, полюбопытствовалъ, какъ только выѣхали они за ограду, узнать о количествѣ содержимаго въ немъ и, опустивъ надъ нимъ глаза, осторожно вытащилъ изъ него на половину двѣ красныя бумажки, которыя тотчасъ же и сунулъ обратно.

— Мзда приличная, а? тутъ же полюбопытствовалъ узнать „фанатикъ“, подмѣтившій это движеніе и успѣвшій уже сойтись съ Ферапонтовымъ на самую короткую дружескую ногу.

— Извѣстно, люди богатые, могутъ! промычалъ тотъ,—а только я все же предпочелъ отклонить дальнѣйшее полученіе таковой, добавилъ онъ съ выраженіемъ грубоватой бурсацкой иронiи.

— Что такъ?

Докторъ помолчалъ.

— Баре большіе! Съ ними и говорить-то какъ не знаешь... Да и субъектъ очень ужь нѣжный, принимать на свою отвѣтственность тоже штука опасная можетъ быть! какъ бы неохотно пояснилъ онъ наконецъ.

Вальковскій глубоко вздохнулъ. Онъ по-своему искренно любилъ княжну и желалъ ей всякаго блага, что не мѣшало ему уѣзжать теперь въ Москву изъ боязни отвѣтственности предъ Ашанинымъ за то, что чуть не уморилъ ее на мѣстѣ, и изъ желанія поскорѣе отдѣлаться отъ самой мысли о ней

въ затѣяхъ какого-либо новаго „театрика“, хоть бы въ Замоскворѣчьи, у того же знакомаго ему купца Телятникова, у котораго устраивалъ таковые „за полтораста цѣлкашей“. Таковы люди!...

А Лину между тѣмъ, чувствовавшую себя еще слишкомъ слабою, чтобы подняться на ноги, перекатили въ большомъ креслѣ изъ спальни въ кабинетъ, къ открытому въ садъ окну, куда она просила подвезти ее, и гдѣ вскорѣ очутилась одна со старикомъ-смотрителемъ (Аглая Константиновна, никогда, а теперь тѣмъ менѣе не умѣвшая находить предметы разговора съ дочерью, и которую къ тому же давно ждали и чай, и Зяблинъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ, отправилась туда почти тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ доктора.)

— Вамъ не тяжело оставаться со мной, скажите? начала дѣвушка;—а я, примолвила она, не ожидая отвѣта,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всегда оставались тутъ, со мною...

Онъ поднялъ на нее свои большіе голубые глаза... Они мгновенно подернулись влажнымъ туманомъ, и онъ, въ перепугѣ, чтобы не испугалась она, отвернулся, смущенный и безмолвный.

Лина провела рукой по лицу.

— Какъ удивительно Богъ все устроиваетъ... Мы съ вами разъ только видѣлись и говорили, а между тѣмъ если бы меня вчера, когда я совсѣмъ пришла въ себя послѣ этого обморока, если бы меня спросили, чье лицо было бы мнѣ всего пріятнѣе видѣть подлѣ себя, я бы, кажется, прямо указала на васъ... И вдругъ именно вы! Скажите, какимъ чудомъ вы здѣсь?

Онъ ей разсказалъ свою встрѣчу въ городѣ сначала съ Вальковскимъ, отъ котораго узналъ о случившемся съ нею, потомъ съ Ашанинымъ, предложившимъ ему ѣхать съ нимъ въ Сицкое, на что онъ согласился, зная, что Ферапонтовъ можетъ пріѣхать не скоро, и полагая, что онъ, имѣя кое-какія медицинскія свѣдѣнія, могъ на первыхъ порахъ оказать ей нѣкоторую помощь.

— Да, сказала она, тихо улыбаясь,—и привели меня въ чувство... Помните, когда мы съ вами познакомились, вы мнѣ сказали, что, если вы мнѣ будете нужны, вы всегда явитесь...

И вотъ явились! И больше никого не надобно, промолвила она страннымъ тономъ.

Юшковъ недоумѣло поглядѣлъ на нее.

— Maman хочетъ посылать въ Москву за докторомъ, продолжала она черезъ мигъ.

— Да.

— Онъ мнѣ не поможетъ.

— Почему вы думаете, княжна?

Она поглядѣла вдаль, въ садъ, съ его зелеными вершинами, по которымъ играли золотые лучи солнца, обернулась затѣмъ къ нему какъ бы для отвѣта... но не отвѣтила, а спросила:

— Владиміръ Петровичъ... Ашанинъ здѣсь? Или я во снѣ видѣла вчера?

— Здѣсь, подтвердилъ старикъ,—онъ тутъ рядомъ въ комнатѣ до утра пробылъ, пока вы не заснули и я отъ васъ не ушелъ.

— И онъ добрый... очень добрый, прошептала Лина и примолкла... Какая-то глубокая, внутренняя тоска выразилась вдругъ въ чертахъ ея лица.

— Василій Григорьевичъ, неожиданно проговорила она,— знаете что, я дурная! Мнѣ надобно, я хочу его видѣть... и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь...

Онъ понялъ (наканунѣ, ѣдучи въ Сицкое, Ашанинъ счелъ нужнымъ объяснить ему причину обморока княжны,) и поспѣшилъ возразить:

— Напрасно вы боитесь, Елена Михайловна; я полагаю, что онъ васъ скорѣе успокоить можетъ, чѣмъ причинить лишнюю тревогу.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Да?... Скажите, вы знаете? протянула она, многозначительно глядя ему въ глаза.

— О... объ Офеліи и Гамлетѣ? сказалъ онъ съ улыбкой послѣ легкаго колебанія.

— Да!... Я не скрываю... ни отъ кого! молвила она, медленно закачавъ головой и все также не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Вы божественное существо, Елена Михайловна! востор-

женно всклинкулъ старый идеалистъ, изъ глазъ котораго на этотъ разъ уже прямо брызнули слезы.

— Не надобно этого говорить, грѣхъ! усмѣхнулась и она теперь.—Такъ вы думаете я могу повидаться съ нимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ?...

— Я полагаю, княжна, если только вы не станете волноваться; для васъ это вредно!...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣдь знаю, что мнѣ нужны силы... чтобы дождаться его, добавила она съ какимъ-то опять загадочнымъ выраженіемъ.

Юшковъ ушелъ за Ашанинымъ, который, уснувъ на зарѣ весь одѣтый на диванѣ въ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны, только-что проснулся въ эту минуту и приводилъ кое-какъ въ порядокъ свое измятое платье и спутавшіеся во время сна волосы.

Входя ко княжнѣ, онъ наладилъ черты свои на такое спокойное, чуть не веселое выраженіе, что одинъ видъ его произвелъ на нее благотворное впечатлѣніе. Она протянула ему съ кресла свою тонкую, прозрачную бѣлую руку.

— Спасибо вамъ! Вы оба такіе хорошіе, она повела глазами на старика Юшкова;—я васъ измучила обоихъ...

— Мы отъ этого не растаемъ, княжна, возразилъ Ашанинъ, широко улыбаясь,—и я за тревожно проведенную изъза васъ ночь вознагражу себя съ избыткомъ удовольствіемъ оттрепать самымъ наиположительнымъ образомъ этого болвана Вальковскаго, напугавшаго васъ такъ дурацки, а затѣмъ и самого себя, за то, что возымѣлъ несчастную мысль послать его сюда.

И, не давъ ей времени сказать слова, онъ поспѣшно принялся передавать ей о письмѣ къ ней Софьи Ивановны, съ которымъ посланъ былъ въ Сицкое „фанатикъ“ (смотритель было всталъ, съ намѣреніемъ отойти въ другую сторону комнаты, оставя ихъ говорить вдвоемъ, но княжна удержала его на мѣстѣ, сказавъ: „у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ говорила!“), о томъ, что Гундуровъ отправленъ графомъ въ Оренбургъ вовсе не „въ ссылку“, а *на службу*, и то вслѣдствіе очевиднаго какого-то недоразумѣнія, для разъясненія кото-

раго Софья Ивановна поѣхала въ Петербургъ, гдѣ она увидится съ княземъ Ларіономъ, и что нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ скоромъ, скоромъ времени Сережа будетъ возвращенъ къ себѣ, въ деревню, и пріѣдетъ въ Сицкое, къ князю.

Лина слушала его молча, опершись щекой объ руку и пристально глядя ему въ лицо своими, какимъ-то таинственнымъ пламенемъ вдругъ загорѣвшимися, васильковыми глазами.

— Да, медленно вымолвила она,—я *знаю*, что я его еще увижу...

Ашанинъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ, отъ выраженія этого взгляда...

Она все такъ же тихо продолжала:

— Дядя долженъ пріѣхать завтра или послѣ-завтра въ Москву; я отъ него третьяго дня письмо получила.

— Боже мой, неужели они разъѣхались съ Софьей Ивановной? вскликнулъ, вскакивая съ мѣста, Ашанинъ.—Я сейчасъ же поскачу въ Москву: надо предварить князя, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, повидался съ графомъ прежде, чѣмъ сюда вернуться...

— Поѣзжайте, это хорошо, сказала княжна,—и зайдите къ maman. Она хочетъ выписать мнѣ оттуда доктора, такъ выберите мнѣ, пожалуйста, такого, чтобы былъ добрый и не мучилъ меня лѣкарствами...

— Непремѣнно, княжна!...

Онъ подошелъ проститься съ нею.

Она подала ему руку, которую Ашанинъ наклонился поцѣловать.

Она не дала ему коснуться ея губами и, сжимая его руку, проговорила дрожащимъ голосомъ, подымая на него глаза:

— А *онъ*, что онъ, скажите мнѣ?

— Онъ бодръ, онъ вѣритъ въ васъ, княжна, и онъ ни въ чемъ не виновенъ, отвѣчалъ другъ Гундурова;—онъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что это лишь временное испытаніе...

Она удержала вздохъ, просившійся у нея изъ груди, и улыбнулась черезъ силу...

Ашанинъ побѣжалъ къ княгинѣ, засталъ ее за чаемъ, въ компаніи неизбѣжнаго „бригата“. Предложенію его привезти изъ Москвы доктора она очень обрадовалась.

— Sans cela ce bon monsieur Зяблинъ voulait, en vrai ami, y aller lui-même, объяснила она съ нѣжнымъ взглядомъ по адресу „vrai ami“.—Привезите monsieur Овера! прибавила она величественно къ этому.

— Это будетъ довольно трудно, княгиня; Оверъ такъ занятъ, и такой большой баринъ.

— Je veux absolument que ce soit lui! Je le payerai ce qu'il voudra. Я конечно ничего не пожалѣю quand il s'agit de sauver ma fille. Поѣзжайте, cher monsieur Ашанинъ, и скажите Vittorio, чтобы вамъ заложили коляску...

XL.

— Когда вы пріѣхали? спросилъ князь Ларіонъ, когда Ашанинъ передалъ ему въ общихъ чертахъ все, что̀ могло быть ему лично извѣстно изъ того, что̀ мы, по нашему праву повѣствователя, имѣли возможность представить читателю въ подробномъ изложеніи.

— Вчера вечеромъ.

— У Овера были?

— Былъ. Онъ уже легъ спать, но я настоялъ, чтобы ему было передано о моемъ порученіи. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что сегодня у него какая-то серіозная операція, и что онъ рѣшительно ѣхать не можетъ.

Князь поднялся съ мѣста.

— Я его уговорю. Застану-ли я его теперь дома, какъ вы думаете?

— Нѣтъ, вспомнилъ Ашанинъ:—мнѣ сказали у него, что операцію онъ дѣлаетъ въ десятомъ часу въ Екатерининской больницѣ. Онъ долженъ быть тамъ теперь.

— Хотите вы поѣхать со мною?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, князь!

Операція была благополучно окончена, и Александръ Ивановичъ Оверъ, московская знаменитость тѣхъ временъ, въ вицмундирѣ, застегнутомъ на двѣ пуговицы, въ темномъ паричкѣ съ хохолкомъ на правомъ боку, и съ высоко и тѣсно повязаннымъ черным галстукомъ, на который твердо опиралось его еще замѣчательно красивое, оголенное, съ живыми, внимательными черными глазами, лицо, стоялъ въ сѣняхъ

Екатерининской больницы, торопливо передавая своему ассистенту послѣднія инструкціи относительно оперированнаго субъекта, въ ожиданіи своей выѣзжавшей со двора кареты, когда въ эти сѣни вошли князь Ларіонъ Шастуновъ и его молодой спутникъ.

— Какъ я радъ, что застаю еще васъ здѣсь, Александръ Ивановичъ! молвилъ князь, поспѣшно подходя къ нему и подавая ему руку (они были лично знакомы, и знаменитый практикантъ пользовалъ князя зимой отъ какого-то подагрическаго припадка).

— И я радъ видѣть васъ, князь, отвѣтилъ тотъ, — хотя заранѣе могу сказать, примолвилъ онъ, съ улыбкой глядя на Ашанина,—что вы намѣрены потребовать отъ меня того, что я въ настоящую минуту не нахожу никакой возможности исполнить.

— И все-таки исполните, быстро возразилъ князь Ларіонъ,—когда я вамъ скажу, что я твердо рѣшился не отставать отъ васъ, обратиться въ вашу тѣнь, ждать васъ у всѣхъ дверей, мѣшать вамъ ѣсть, пить, спать, пока вы не поѣдете со мною!

Не смотря на полушуточную форму этихъ словъ, Оверъ былъ пораженъ глубокою страстностью настоянія, сквозившаго сквозь нихъ. Онъ понялъ, что дѣйствительно этотъ человѣкъ отъ него не отстанетъ. Онъ провелъ машинально рукой по хохолку своего парика и пристально взглянулъ на князя.

— Развѣ ваша невѣстка такъ больна? спросилъ онъ.

— Кто вамъ говоритъ про мою невѣстку! вскрикнулъ, весь даже покраснѣвъ, князь Ларіонъ, — дѣло идетъ о моей племянницѣ, которую вы видѣли, о которой я говорилъ вамъ зимой...

— Oh, pardon, cher prince, pardon! — Я не понялъ! Я ужь совсѣмъ засыпалъ вчера, когда мнѣ пришли сказать, что они (онъ указалъ на Ашанина, котораго зналъ, какъ знала его вся Москва,) пріѣхали приглашать меня. Не разслышалъ, я, или мнѣ перевралъ человѣкъ, но понялъ я такъ, что зоветъ *княгиня* Шастунова, то-есть, для себя. Что съ

жетъ случиться—грибковъ развѣ обкушалась... Изъ-за этого скакать, оставляя серіозно больныхъ паціентовъ... А вы говорите княжна, племянница ваша?... Une adorable créature! вырвалось при этомъ изъ устъ Овера, принадлежавшаго къ числу горячихъ поклонниковъ женской красоты.—Да, я помню, вы мнѣ говорили: она страдаетъ сердцемъ? Что же было съ нею теперь?

— Я вамъ все это разскажу подробно дорогой, а до тѣхъ поръ примите мое честное слово, что случай серіозный... вопросъ о жизни и смерти быть можетъ... Голосъ князя Ларіона болѣзненно задрожалъ.

Оверъ сочувственно повелъ на него своими живыми темными глазами.

— Далеко это ѣхать къ вамъ? молвилъ онъ помолчавъ.

— Къ ночи вы будете дома въ Москвѣ.

— Я живу на дачѣ въ Кунцовѣ; думалъ, признаюсь вамъ, поотдохнуть сегодня in's Grüne... Но дѣлать нечего: для такого прелестнаго созданія, какъ ваша племянница, готовъ пожертвовать этимъ днемъ... Когда-жь ѣхать?

— Сейчасъ же, если можете!

— Нѣтъ! Мнѣ еще надо отсюда къ одному тяжелому больному... Черезъ часъ, если хотите, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—надо же и домой заѣхать... Я пріѣду къ вамъ. Все тамъ же, на Покровкѣ?

— Нѣтъ, я только что изъ Петербурга и остановился въ Дрезденѣ, расчитывая сейчасъ же ѣхать въ деревню.

— Тѣмъ лучше, мнѣ туда ближе.

— Такъ я буду ждать васъ навѣрное?

— Навѣрное!

Они подали руки другъ другу и разъѣхались.

— А теперь вотъ что, сказалъ князь Ашанину, садясь въ коляску: — я сейчасъ напишу Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной въ Петербургъ, а вы потрудитесь свезти это письмо на почту и немедленно отправить его туда эстафетой. Она ждетъ его и несомнѣнно тотчасъ же вернется, когда получитъ... За вашимъ пріятелемъ Гундуровымъ графъ уже распорядился послать этого толстяка, исправника нашего бывшаго. Онъ

въ настоящую минуту ускакалъ даже, вѣроятно. Но весьма было бы важно знать, гдѣ онъ его можетъ нагнать, и когда, слѣдовательно, можно разсчитывать, что Сергѣй Михайловичъ будетъ въ своемъ Сашинѣ... Разъ уже вы принимаете такое живое участіе... во всемъ этомъ дѣлѣ, вамъ необходимо было бы слѣдить за минутой его возвращенія и...

— Я лучше сдѣлаю, князь, перервалъ его Ашанинъ, — я самъ поскачу къ нему. Онъ во Владимірѣ и ждетъ письма отъ меня именно объ этомъ... о княжнѣ... Я передамъ ему все и привезу... Черезъ два дня мы будемъ съ нимъ въ Сашинѣ. Мнѣ теперь фельдъегерская служба ни по чемъ! добавилъ онъ съ невольною вспышкой обычной своей веселости.

Князь кивнулъ одобрительно головой.

— Это хорошо, но вы должны дать мнѣ честное слово, что вы не допустите пріятеля вашего пріѣхать въ Сицкое ранѣе, чѣмъ вы, или онъ, извѣстите меня о возвращеніи его въ Сашино и не получите отъ меня разрѣшенія пріѣзжать... Вы понимаете, что... для Hélène каждое волненіе, каждая неожиданность могутъ имѣть...

Голосъ его оборвался.

— Даю вамъ въ этомъ за него честное слово, князь! молвилъ глубоко тронутый молодой человѣкъ; — моего вамъ не нужно.

Они вернулись въ гостиницу.

Князь Ларіонъ потребовалъ свой портфель и усѣлся за письмо къ Софьѣ Ивановнѣ. Онъ запечаталъ его и передалъ Ашанину вмѣстѣ съ деньгами на эстафету.

— До свиданія, сказалъ онъ и какъ бы черезъ силу примолвилъ:—дай Богъ при лучшихъ обстоятельствахъ!...

Ашанинъ поспѣшилъ уйти.

— Извощикъ! крикнулъ онъ, выбѣгая на крыльцо и вытаскивая на-ходу изъ кармана бумажникъ, чтобъ уложить въ него письмо и деньги князя. — А у самого-то сколько у меня осталось? пришло ему въ эту минуту въ голову.

Онъ развернулъ бумажникъ: въ немъ оказывались одна трехрублевая и двѣ рублевыя бумажки.

„Съ этимъ до Владиміра не доскачешь!“ сказалъ онъ себѣ, вытягивая губы кружечкомъ.

Онъ на мигъ задумался и тутъ же разсмѣялся этому думанью:

— На Кузнецкій Мостъ! закомандовалъ онъ, садясь на извощика.

На Кузнецкомъ Мосту онъ велѣлъ остановиться у входа въ знакомый ему магазинъ золотыхъ издѣлій. Онъ вошелъ въ него и направился къ конторкѣ, за которою хозяинъ записывалъ что-то въ свою книгу.

— Можете-ли вы дать мнѣ двадцать пять рублей на два дня подъ залогъ вотъ этого? сказалъ онъ ему, отстегивая отъ жилетной пуговицы часовую цѣпочку и передавая ее съ часами чрезъ рѣшетку.

Ювелиръ, у котораго нашъ Донъ-Жуанъ пріобрѣталъ не разъ всякіе колечки и браслетцы для своихъ Эльвиръ и Церлинъ, повелъ на него глазами, улыбнулся и, приподнявъ доску своей конторки, вынулъ оттуда сѣренькую и протянулъ ему.

— Извольте-съ, а часики ужь при себѣ оставьте, пригодятся.

— Ну и спасибо вамъ! расхохотался красавецъ, пожалъ ему руку и, выбѣжавъ изъ магазина, вскочилъ на своего извощика.

— Въ почтамтъ, и полтинникъ на водку, если хорошо поѣдешь!

Черезъ часъ онъ скакалъ въ перекладной по дорогѣ къ Троицѣ. Фельдъегерская служба дѣйствительно была для него теперь обычнымъ дѣломъ...

XLI.

Аглая Константиновна выскочила даже самолично на лѣстницу, когда въ началѣ восьмаго послѣ обѣда пришли ей сказать, что пріѣхалъ ея деверь, а съ нимъ и „господинъ докторъ Оверъ“. Она была польщена тѣмъ, что эта первая „célébrité médicale de Moscou“ поспѣшила прискакать къ ней въ деревню по первому ея зову, и положила по этому „être très aimable pour lui“... Но болѣе всего подмывало ее любопытство поскорѣе взглянуть на князя Ларіона и, если не изъ его устъ, то „à l'expression de sa figure“ надѣялась она узнать „съ чѣмъ“ пріѣхалъ онъ изъ Петербурга, какое окончательное рѣшеніе принялъ онъ „relativement à sa position là-bas“.

Ничего, разумѣется, не прочла она относительно всего этого на его строгомъ, блѣдномъ и страшно осунувшемся, показалось только ей, лицѣ. Князь сухо поклонился ей и даже не спросилъ о здоровьѣ Лины (онъ почиталъ совершенно безполезнымъ обращаться къ ней съ такимъ вопросомъ), а, указывая на своего спутника, сказалъ первымъ словомъ:

— Мы съ Москвы ничего не ѣли, и Александръ Ивановичъ, я увѣренъ, умираетъ съ голода. Дадите-ли вы ему скорѣе пообѣдать?

Vittorio, выбѣжавшій въ сѣни встрѣчать пріѣхавшихъ, поспѣшилъ отвѣтить, что князя ждутъ второй день и обѣдъ будетъ „servi à la minute“.

Княгиня повела сама пожелавшаго привести себя нѣсколько въ порядокъ, послѣ дороги, Овера въ одну изъ ком-

нать для гостей въ бельэтажѣ, разсказывая ему по пути о „fâcheux accident“, случившемся съ ея дочерью, но болѣе всего о томъ, какую „secousse“ произвелъ этотъ „accident“ на ея собственную персону, на ея „système nerveux“, причемъ объявила, что она была всегда „d'une nature de sensitive“, которую вѣроятно и „имѣла несчастіе передать дочери“.

Умные глаза доктора такъ и запрыгали отъ проняшаго его внутренняго смѣха. Онъ глянулъ искоса на эту расплывшуюся бабищу, сентиментально ворочавшую своими глупыми круглыми зрачками и, обернувъ парикъ, проговорилъ насколько могъ серіозно:

— Я бы этого никогда не подумалъ, въ виду вашей цвѣтущей наружности, княгиня... А впрочемъ les apparences sont trompeuses,—même pour un médecin, примолвилъ онъ тутъ же съ любезностью бывалаго свѣтскаго практиканта.

Князь Ларіонъ между тѣмъ прямо поднялся въ верхній этажъ.

Лина, которую Глаша прибѣжала извѣстить о его пріѣздѣ, выслала ее просить скорѣе къ себѣ старика-смотрителя, котораго все также продолжала не отпускать отъ себя, и который съ своей стороны съ чувствомъ какого-то болѣзненнаго блаженства въ душѣ исправлялъ при ней должность сидѣлки. Онъ все утро сегодня провелъ за чтеніемъ ей *Ундины*, къ великому обоихъ ихъ наслажденію.

Князь не видалъ его никогда до этой минуты, но, взглянувъ въ лицо стараго романтика,—въ это доброе, открытое лицо съ ворохомъ сѣдыхъ волосъ, разлетавшихся во всѣ стороны, и большими юношескими глазами, въ которыхъ говорила какая-то совершенно дѣтская чистота и впечатлительность,—онъ сразу понялъ то внутреннее душевное родство, которое должно было сказаться этому простому старику и этой дѣвушкѣ, такъ далеко поставленнымъ другъ отъ друга на общественной лѣстницѣ, съ первой же минуты знакомства ихъ другъ съ другомъ. То, что для Аглаи Константиновны могло само собою быть объясняемымъ единственно какъ „caprice de malade“, принимало совсѣмъ иное значеніе въ глазахъ князя Ларіона: онъ прозрѣвалъ за этимъ ту тоскливую потребность

страждущаго существа въ другомъ, близкомъ ему по духу существѣ, въ которомъ увѣрено было бы оно найти необходимыя ему въ эту минуту нѣжность, опору, покровительство... Больная Лина, говорилъ себѣ князь, инстинктивно ограждала себя опорой и нѣжностью этого старика „съ улицы“ отъ тупаго и назойливаго безсердечія родной матери...

— Племянница моя очень полюбила васъ, я слышалъ, сказалъ онъ, пожимая Юшкову руку.—Я очень радъ этому... Не говорю *благодарю,* потому что за такія вещи не благодарятъ...

— За что благодарность, ваше сіятельство! возразилъ тотъ восторженнымъ и дрожащимъ голосомъ,—за то, что допустили послужить ангелу небесному!...

— Такъ можно къ ней теперь? спросилъ князь.

— Пожалуйте, проситъ васъ.

Она встала со своего кресла и пошла навстрѣчу дядѣ, какъ только его увидѣла. Онъ поспѣшилъ къ ней, обнялъ ея голову обѣими руками, прильнулъ губами къ ея золотистымъ волосамъ...

— Садись, садись! поспѣшно заговорилъ онъ, отводя ее опять на мѣсто,—ты еще слаба...

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, я гораздо лучше себя чувствую сегодня.

Онъ сѣлъ противъ нея, уткнувшись руками въ колѣни, съ невыразимымъ восхищеніемъ и мучительною тоской воззрясь въ черты ея лица. Никогда еще такою красотой не исполнены были эти черты... но это была какая-то никогда еще имъ невиданная, пугавшая его красота.

Онъ чрезмѣрнымъ усиліемъ заставилъ себя улыбнуться, заставилъ голосъ свой зазвучать ровнымъ, обычнымъ ему звукомъ:

— И болѣть совсѣмъ не нужно было, началъ онъ: — я тебѣ привезъ очень хорошія вѣсти.

— Да, дядя?... Я была увѣрена! промолвила она тутъ же.

— Ты была увѣрена, что я не допущу несправедливости, что *это* могло случиться только въ моемъ отсутствіи? спросилъ онъ въ объясненіе себѣ ея восклицанія.

— Да... и *такъ*, отвѣчала она, слегка сжимая брови и какъ бы спрашивая теперь себя сама, откуда могло явиться у нея это убѣжденіе.

— „И такъ"? повторилъ онъ, вызывая новую улыбку на свои уста; — такъ отчего же ты такъ испугалась, лишилась чувствъ?

— Нѣтъ, это послѣ... со мною сдѣлалось, молвила Лина.

— Что „послѣ"?

— Я право не умѣю вамъ это объяснить, дядя (она въ свою очередь теперь старалась улыбнуться):—будто что-то раскрывается предо мною, говоритъ впередъ... Такъ странно... И она провела себѣ рукою по лицу.

—А если такъ, поспѣшилъ заговорить опять князь Ларіонъ,—заговорить свою тревогу, — то подсказываетъ-ли тебѣ это что-то, что испытанія твои близятся къ концу?...

Внезапный румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

— Что хотите вы сказать, дядя?

— А то, что послѣ того, что было съ тобою теперь, Аглая Константиновна сама поймете, надѣюсь, что вещи не могутъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они стояли до сихъ поръ, что дальнѣйшее ея упорство было бы преступленіемъ... Это скажетъ ей и Оверъ, котораго она выписала для тебя; я всю дорогу стилировалъ его въ этомъ смыслѣ... Повторяю, испытанія твои кончены! Все оказалось фальшивою тревогой. За Сергѣемъ Михайловичемъ послано въ догонку; никакой ссылки нѣтъ и не будетъ; онъ во Владимірѣ, и господинъ Ашанинъ, поскакавшій съ своей стороны за нимъ, обѣщалъ привезти его домой въ Сашино послѣ-завтра. Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной я сегодня же отправилъ въ Петербургъ эстафету! мы встрѣтились съ нею на дорогѣ и условились: она тотчасъ же выѣдетъ, получивъ мое письмо. Чрезъ нѣсколько дней ты ихъ увидишь здѣсь... увидишь *его* на правахъ жениха твоего, Hélène, примолвилъ князь невольно дрогнувшимъ голосомъ.

Она откинулась вдругъ въ спинку своего кресла и поднесла руку къ глазамъ.

— О, если бы это раньше, раньше! вырвалось у нея мучительнымъ стономъ.

— Hélène, другъ мой, что съ тобою? вскрикнулъ онъ, помертвѣвъ.

Она не отвѣчала, но изъ-подъ этой тонкой, прозрачной руки, прикрывавшей глаза ея, потокъ слезъ двойнымъ ручьемъ покатился и закапалъ на легкія сборки корсажа ея лѣтняго платья.

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, безсильный сказать слово.

А Лина какъ-то вдругъ собралась, совладала съ собою, отерла глаза платкомъ и, глядя на него уже съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ, схватила его руку:

— Дядя, милый, простите!... Я еще слаба, нервна... я печалю васъ, когда мнѣ слѣдуетъ такъ благодарить васъ... Вы говорите, вы привезли доктора, поспѣшно промолвила она,— я очень рада, дядя, пусть онъ вылѣчитъ меня скорѣе, скорѣе, если можетъ...

XLII.

Пообѣдавъ наскоро въ обществѣ князя Ларіона, который отъ обнимавшаго его внутренняго волненія едва прикасался къ подаваемымъ имъ блюдамъ, знаменитый московскій врачъ просилъ провести его къ княжнѣ.

— Я желалъ бы, чтобы вы мнѣ позволили остаться наединѣ съ больною, сказалъ онъ Аглаѣ Константиновнѣ, которая почитала теперь нужнымъ не отставать отъ него и свидѣтельствовать ему своими охами и сентиментальнымъ ворочаньемъ глазъ о своей нѣжности къ дочери и тревогѣ за нее: — присутствіе домашнихъ всегда невольно отвлекаетъ и врача, и паціента, и мѣшаетъ имъ сосредоточиться настолько, насколько это требуется въ данномъ случаѣ.

— Vous êtes un prince de la science, comme on dit, monsieur Auvert, отпустила Аглая, любезно усмѣхаясь,—et puis vous êtes un homme si comme il faut; il ne peut y avoir rien de mauvais que vous restiez seul avec ma fille.

Оверъ слегка закусилъ губу и обмѣнялся съ княземъ Ларіономъ быстрымъ, говорящимъ взглядомъ.

— Пойдемте, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему тотъ, вставая.

— Вотъ, Hèlène, кто поможетъ тебѣ обрадовать всѣхъ, кто тебя любитъ, скорѣйшимъ исцѣленіемъ, молвилъ онъ, вводя его въ комнату племянницы: — ты Александра Ивановича не разъ видѣла у меня зимой, и страшнымъ онъ тебѣ вѣроятно не покажется.

— Non, non, воскликнулъ Оверъ, смѣясь,—je me flatte de

n'avoir jamais fait l'effet d'un Croquemitaine à mes belles malades... Что это съ вами случилось, милая княжна? заговорилъ онъ, садясь противъ нея и беря ее за руку, — не надо себя такъ дурно вести!... Онъ какъ бы беззаботно улыбался, зорко въ то же время глядя на нее и собирая въ мысли всѣ болѣзненныя подробности, улавливаемыя имъ въ ея наружности.

Она тоже чуть не весело улыбнулась и все между тѣмъ угадывала, все понимала.

— Я дурная, я знаю, говорила она,—и совсѣмъ не такъ веду себя, какъ слѣдуетъ...

— Александръ Ивановичъ хорошенько побранитъ тебя за это, и, чтобы не мѣшать ему, я ухожу, въ свою очередь, тономъ шутки сказалъ князь, выходя за двери кабинета съ какимъ-то невыносимо ноющимъ чувствомъ тоски и чуть не злости на ту никого не обманывавшую комедію, которую разыгрывали они сейчасъ всѣ трое.

Онъ прошелъ въ бывшую комнату Надежды Ѳедоровны, куда ранѣе его удалился старикъ-смотритель, и сидѣлъ теперь у окна, воззрясь въ даль, въ садъ, залитый въ эту минуту багрянцемъ вечерней зари, и такъ всецѣло погруженный въ это зрѣлище, что и не замѣтилъ, не слыхалъ шаговъ входившаго князя. Онъ вполголоса бормоталъ что-то про себя.

Князь Ларіонъ опустился на стулъ въ глубинѣ комнаты, машинально прислушиваясь. Старикъ читалъ старинные стихи Жуковскаго:

— Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна цвѣтетъ!
Для тебя иная
Тамъ, въ долинѣ рая,
Снова жизнь блеснетъ...

— „*Тамъ!*“ громко повторилъ князь Ларіонъ въ порывѣ неудержимаго раздраженія; — что мы знаемъ объ этомъ! Мы знаемъ только, что *здѣсь* отъ насъ уходитъ безвозвратно неповинная жизнь...

Старикъ быстро обернулся на звукъ этого голоса... Юношескіе глаза его загорѣлись какимъ-то вдохновеннымъ пламенемъ. Онъ вытянулъ руку, указывая на пламенѣвшее въ огняхъ заката небо:

— Какъ это вѣчное солнце угасаетъ здѣсь, чтобы загорѣться лучезарно надъ другимъ міромъ... И не какимъ нибудь отцомъ церкви сдѣлано это превосходное сравненіе: „великій язычникъ“ Гёте *) нашелъ его, ваше сіятѣльство!...

Онъ вдругъ разомъ смутился и замолкъ, отвернувшись лицомъ къ раскрытому окну... Смутился словно за нимъ и князь, нахмурился и опустилъ голову... Оба они безсознательно, противъ воли, вымолвили громко то, чего внутренно допустить никто еще изъ нихъ не хотѣлъ, противъ чего возмущались они оба душой, какъ бы противъ какого-то неслыханнаго, невозможнаго, недопустимаго насилія... Обоимъ имъ словно страшно стало отъ этихъ, Богъ вѣсть какъ, вырвавшихся у нихъ словъ.

Такъ просидѣли они долго, молча и не глядя другъ на друга, пока не раздались въ корридорѣ шаги выходившаго отъ княжны Овера.

Князь поспѣшно всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— Зайдемте сюда, Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ, вводя его въ ту же комнату Надежды Ѳеодоровны.—Ну что? примолвилъ онъ съ усиліемъ.

Тотъ вскинулъ на него на мигъ свои проницательные глаза.

— Прямой опасности въ настоящую минуту я не вижу, началъ онъ, помолчавъ,—въ особенности, если никакого повода къ новой коммоціи не будетъ ей дано извнѣ, моральными опять-таки причинами... Но въ полости сердца не ладно,

---

*) Подлинныя слова Гёте передаются въ извѣстныхъ разговорахъ съ Эккерманомъ такъ:

„Unser Geist ist ein Wesen ganz unstörbarer Natur; es ist ein fortwirkendes von Ewigkeit zu Ewigkeit. Es ist der Sonne ähnlich, die blos unsern irdishcen Augen unterzugehen scheint, die aber nie untergeht, sondern unaufhörlich vorleuchtet“.

не ладно! повторилъ онъ, хмурясь,—скрывать отъ себя этого нельзя...

— И ваша медицина не имѣетъ противъ этого средствъ? невольнымъ упрекомъ зазвучалъ голосъ князя Ларіона.

Опытный и умный московскій практикантъ только плечомъ дернулъ:

— Eh, mon cher priche, la chirurgie c'est quelque chose,— la mèdecine ce n'est rien!... *) Надежды въ настоящемъ случаѣ надо возлагать не на насъ, эскулаповъ, а на молодость паціентки... Молодость—необыкновенный врачъ и производитъ иногда совершенно невѣроятныя цѣленія. Молодость и счастіе, добавилъ онъ, — отсутствіе душевныхъ заботъ, страданій...

— Вы, надѣюсь, не забудете это сказать моей невѣсткѣ? молвилъ князь Ларіонъ.

— Непремѣнно, непремѣнно и сейчасъ же!... Онъ направился къ двери.

— А насчетъ гигіены княжны не будетъ никакихъ предписаній? вскинувшись съ мѣста за уходившимъ, спросилъ смотритель, жадно прислушивавшійся все время къ разговору.

Оверъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Господинъ Юшковъ, поспѣшилъ назвать его князь Ларіонъ,—о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ.

— Ахъ, да, и княжна сейчасъ тоже говорила мнѣ... Вы привели ее въ чувство и внушаете ей большое довѣріе. Это очень хорошо и всегда полезно больному...

Онъ взялъ старика подъ руку и повелъ его по корридору, сообщая ему о томъ, что̀ предписано было имъ Линѣ.

Отпустивъ его съ этимъ къ ней, Оверъ обратился къ князю.

— У нея какая-то удивительная, необыкновенная красота, у вашей племянницы... La beauté d'une inspirée, сказалъ онъ въ объясненіе своей мысли.

---

*) Слова, слышанныя лично отъ покойнаго Овера пишущимъ эти строки.

— Это меня пугаетъ, глухо проговорилъ князь Ларіонъ,— у нея какія-то прозрѣнія, что-то въ родѣ галлюцинацій...

— Въ этихъ болѣзняхъ явленіе это довольно обычно, сказалъ Оверъ:—нервная система дѣлается особенно воспріимчивою, чуткою и...,

— Да, это я такъ и понялъ, перебилъ его князь, видимо обрадованный этимъ объясненіемъ.—Я еще одного боюсь, Александръ Иванычъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ опять:— перваго свиданія ея съ молодымъ человѣкомъ... Не произведетъ-ли это опять на нее коммоціи, какъ вы говорите?

— Вы предварили ее, что она его увидитъ?

— Да, я ей сказалъ.

— Хорошо сдѣлали... А когда онъ пріѣдетъ, надо будетъ опять приготовить ее къ этому, дать ей время освоиться съ мыслью, что она его увидитъ сейчасъ. Я надѣюсь, что сойдетъ совершенно благополучно... Сколько мнѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, счастіе никого не убивало! засмѣялся онъ въ заключеніе, спускаясь по лѣстницѣ съ княземъ въ бельэтажъ.

Аглая Константиновна ждала ихъ въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ. Зяблинъ, увидѣвъ входившихъ, тотчасъ же исчезъ (онъ постоянно, когда только могъ, избѣгалъ находиться въ обществѣ князя Ларіона).

— Eh bien, cher docteur? заголосила она, идя навстрѣчу Оверу.

— Eh bien, princesse, началъ онъ съ-оника,—ваша дочь страдаетъ серьезно сердцемъ, а чтобъ избѣжать могущихъ произойти отъ этого... весьма печальныхъ послѣдствій, надо прежде всего устранить тѣ моральныя причины, которыя вызвали, напримѣръ, ея третьягодняшній припадокъ... Я не имѣю права вмѣшиваться въ семейныя дѣла и тайны, но почитаю своимъ долгомъ медика предупредить васъ, что исцѣленія княжны можно ожидать единственно тогда, quand elle se sentira moralement satisfaite et heureuse, примолвилъ онъ для большаго эффекта на нее по-французски.

Аглая растерянно захлопала глазами.

— Mais, mon Dieu! cher docteur, je ne pense qu'à son bonheur! слезливо пролепетала она, испуганно косясь въ то

же время на князя Ларіона, безмолвно стоявшаго противъ нея и глядѣвшаго на нее неотступнымъ, прожигавшимъ ее взглядомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, княгиня, возразилъ Оверъ со всею свойственною ему свѣтскою любезностью,—какъ и не сомнѣваюсь въ томъ, что вы для счастія вашей дочери желаете того же самого, чего и она желаетъ... Въ противномъ случаѣ, повторяю, ни за что поручиться нельзя!

— Mais il faut la traiter contre son mal, cher monsieur Auvert! испуганно вскрикнула на это умная маменька;—я знаю, что вы сами не можете à cette distance, mais je vous supplie прислать намъ изъ Москвы хорошаго доктора, который все время былъ бы при ней... Je ne me fie pas du tout à ce vieux monsieur, котораго Богъ знаетъ откуда взяли, et dont ma fille s'est engouée...

Глупость этой женщины начинала раздражать Овера.

— Объ этомъ мы уже уговорились съ княземъ, beau-frère'омъ вашимъ, перебилъ онъ ее:—завтра же я вамъ вышлю изъ Москвы одного изъ моихъ ассистентовъ, даровитаго и уже опытнаго молодаго человѣка... Но я долженъ вамъ сказать еще разъ, княгиня, что ни онъ, ни я, никакой врачъ въ мірѣ не въ силахъ принести ей пользы, если прежде всего не будутъ отстранены тѣ моральные поводы, которые привели дочь вашу къ настоящему ея состоянію... Еще такой обморокъ—и ничто уже, пожалуй, не будетъ въ состояніи вернуть ее къ жизни, предваряю васъ! Если ея домашнимъ угодно принять на себя отвѣтственность за такой исходъ дѣла, воля ихъ, но медицина во всякомъ случаѣ умываетъ себѣ въ этомъ руки!...

Онъ сухо поклонился ей и обратился ко князю Ларіону:

— А за симъ полвольте, любезный князь, напомнить вамъ ваше обѣщаніе отпустить меня, какъ только минуетъ во мнѣ надобность... Я бы хотѣлъ хоть къ раннему утру завтра вернуться въ Москву, чтобы не опоздать къ пріему больныхъ...

— Я велѣлъ уже запрягать, отвѣтилъ тотъ,—пойдемте ко мнѣ пока.

Оверъ еще разъ поклонился княгинѣ,—которая была до того поражена тѣмъ, что выслушала отъ него, что не въ состояніи была вымолвить слова и только руку протянула ему съ мѣста на прощанье, между тѣмъ какъ отъ испытаннаго ею ужаса крупныя капли испарины выступили изо всѣхъ поръ ея жирнаго и тупаго лица,—и вышелъ съ княземъ Ларіономъ.

Аглая долго не могла притти въ себя. Въ первый разъ сознавала она себя притиснутою къ стѣнѣ, лишенною всѣхъ тѣхъ средствъ обойти, солгать, обмануть, которыми орудовала она до сихъ поръ въ борьбѣ ея съ чувствомъ дочери и авторитетомъ ненавистнаго ей деверя, и надѣялась въ будущемъ достигнуть „полнаго исполненія желаній“.... Этотъ московскій „prince de la science“, котораго „всѣ тамъ знаютъ“ и который „будетъ всѣмъ тамъ объ этомъ разсказывать“,—онъ прямо сказалъ ей теперь, что за всякія „печальныя послѣдствія“, которыя могутъ быть съ Линой, „отвѣтственность должна лежать на ея домашнихъ...“ „Домашніе—c'est moi, разсуждала Аглая,—parceque Larion et Lina ne font qu'un!...“ Она конечно жалѣла о болѣзни дочери и боялась за нее, но слово „отвѣтственность“ болѣе всего пугало ее. „On dira des horreurs de moi en cas d'accident, que Dieu nous en préserve!“ съ ужасомъ повторяла она мысленно. Да, но тогда „la comtesse, le jeune comte qui a tout pour lui, l'oncle premier favori, la Cour où Lina serait si bien,“—всѣ эти завѣтные планы ея и лучшія мечты, все это надо было забыть, вычеркнуть, признать покончеными, погибшимъ навсегда. Вмѣсто Петербурга, съ его дворомъ и грандмондомъ, „ce trou de Moscou;“ вмѣсто „jeune comte,“—„un petit monsieur de rien du tout;“ вмѣсто того, чтобы попасть въ министерши un jour, дочери ея предстоитъ сдѣлаться „Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!“ О, позоръ! о, горе неисходное!... Сердце благородной дочери цѣловальника Раскаталова обливалось кровью, думая объ этомъ.

„Que faire, mon Dieu, que faire?“ повторяла она себѣ, мечась по дивану своего ситцеваго кабинета и не находя себѣ на немъ мѣста. Если бы только она могла надѣяться,

что Лина скоро выздоровѣетъ... Но нѣтъ, „prince de la science ей прямо сказалъ, что выздоровленіе Лины зависитъ отъ удовлетворенія ея желаній, „c'est à dire de son mariage avec ce petit monsieur," перевела это на реальный языкъ свой Аглая. А впрочемъ, осѣнила ее вдругъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей, съ обращиками которыхъ не разъ уже встрѣчался читатель въ теченіе этого длиннаго повѣствованія,— „si ce monsieur Auvert exagérait... et mentait même, pour faire plaisir à mon cher beau-frère?"...

И вслѣдъ за счастливою мыслью уже цѣлый планъ дѣйствій начиналъ созидаться въ многодумной головѣ ея. Она прежде всего „привлечетъ на свою сторону" того доктора, котораго Оверъ долженъ прислать имъ изъ Москвы; она „обѣщаетъ ему mille roubles", чтобъ онъ сказалъ ей только „le vraie vérité" насчетъ здоровья Лины; дастъ ему „еще другія mille," если онъ обѣщаетъ вылѣчить ее независимо отъ всѣхъ тѣхъ „causes morales dont parle ce monsieur Auvert въ угоду князю Ларіону"... Что̀ касается этого „petit monsieur", въ котораго Лина „a eu malheur влюбиться", то она про него ни слова не будетъ говорить „pour ne pas aggraver l'état de la malade". Но вѣдь онъ сосланъ въ дальнія страны, „откуда его скоро не выпустятъ", и потому бояться его въ настоящую минуту нечего, а пока онъ еще вернется, Лина успѣетъ выздоровѣть „et deviendra plus raisonnable, надо надѣяться"...

Остановившись на такомъ мудромъ соображеніи, Аглая облегчила себя вздохомъ полною грудью и, отложивъ вѣеръ, которымъ все время лихорадочно обмахивала свое вспотѣвшее лицо, схватила со стола колокольчикъ и зазвонила.

— Попросить сейчасъ ко мнѣ Евгенія Вла... обратилась она было къ показавшемуся въ дверяхъ камердинеру и не договорила.

— А я васъ осмѣлюсь попросить отложить это на полчаса! молвилъ, входя на эти слова, князь Ларіонъ

Финогенъ тотчасъ же исчезъ. Аглая Константиновна ёрзнула пугливо на своемъ диванѣ, предчувствуя „une scène affreuse"...

Князь остановился предъ нею.

— Вы слышали, что̀ сказалъ докторъ, тихо и медленно проговорилъ онъ.

— Да, Larion, certainement, я слышала...

— И что̀ же полагаете вы теперь дѣлать?

— Mon Dieu, Larion, залепетала она,—я право не знаю... но я думаю qu'il exagère beaucoup, и особенно quant aux causes du mal. Вы помните, что у Лины были такіе же припадки въ Ниццѣ...

— Вызванные совершенно однородными причинами, досказалъ князь Ларіонъ:—то-есть, такими же „моральными“ страданіями, тоской по умершемъ отцѣ... Впрочемъ, если вамъ не достаточно авторитета Овера, никто вамъ не мѣшаетъ выписать сюда на консультацію хоть цѣлый медицинскій факультетъ изъ Москвы. Я же вполнѣ довѣряю его словамъ, и стоитъ только взглянуть на Hélène, чтобъ убѣдиться, насколько они вѣрны. А такъ какъ вы слышали, какими средствами можно способствовать ея исцѣленію, то, предваряю васъ, я и сообщилъ Hélène, что она черезъ нѣсколько дней увидится съ молодымъ человѣкомъ... котораго она любитъ, какъ-бы съ нѣкоторымъ усиліемъ договорилъ онъ.

Аглая такъ и вспрыгнула.

— Mais il est exilé, ce jeune homme! визгнула она, расширивъ вопросительно и растерянно зрачки, устремленные на деверя.

Онъ усмѣхнулся презрительно и желчно.

— Да, вы на это надѣялись, кажется, и ваши петербургскіе друзья устроили эту штуку такъ, что невиннаго человѣка чуть было, въ самомъ дѣлѣ, не отправили въ Азію... Но мы все же не Турція, слава Богу, и произволу есть мѣра! Гундурова послали воротить, и онъ будетъ у себя завтра или послѣ-завтра... И благо, что этимъ кончилось! вскрикнулъ раздраженнымъ голосомъ князь Ларіонъ: — потому иначе я твердо положилъ вернуться тотчасъ же въ Петербургъ и поднять тамъ такую исторію, отъ которой имъ не сдобровать бы, какъ они ни почитаютъ себя сильными!...

Аглая, усиленно и трепетно дыша, такъ и прижалась въ уголъ своего дивана.

„Il est revenu plus fort que jamais en Cour, Larion!“ объяснила она себѣ тотчасъ же мысленно владычный и рѣшительный тонъ этой выходки.

Князь прошелся раза два по комнатѣ и, подходя опять къ ней, заговорилъ уже болѣе спокойно, но съ тою же рѣшительностью выраженія:

— Вы видите изъ этого, что вамъ предстоитъ теперь одно изъ двухъ: или согласиться на желанія вашей дочери, или принять на себя окончательно отвѣтственность за... за ея смерть. Выбирайте!

Нѣжная маменька замахала неистово руками, кинулась лицомъ внизъ въ свои подушки и зарыдала во всю глотку:

— Дѣлайте, что̀ хотите! Je suis la plus malheureuse des mères!...

Князь Ларіонъ глянулъ на нее съ невыразимою ненавистью:

— Вотъ какъ разъ для васъ время теперь посылать за вашимъ утѣшителемъ! словно выронилъ онъ изъ устъ, повернулся и вышелъ.

XLIII.

Прошло двое сутокъ. Князь Ларіонъ только-что вернулся со своей утренней прогулки, когда ему доложили о пріѣздѣ Ашанина.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, идя ему навстрѣчу; — вы изъ Владиміра? Когда пріѣхали?

— Сегодня въ ночь.

— Въ Сашино?

— Да!

— Что... вашъ пріятель?...

Молодой человѣкъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ поднялъ глаза на вопрошавшаго:

— Онъ здѣсь, князь, проговорилъ онъ вполголоса.

— Какъ здѣсь?... Вы дали мнѣ честное слово за него, что онъ не явится сюда прежде, чѣмъ не получитъ на то моего дозволенія?

— Онъ и не явился, живо возразилъ Ашанинъ: — но вы сами поймете, какъ невыносимо было бы для него, зная, что было съ княжной, ожидать въ Сашинѣ, пока я привезу ему извѣстіе о ней отсюда. Онъ пріѣхалъ со мною, чтобъ узнать скорѣе...

— Гдѣ же онъ? перебилъ его князь.

— Я его выпустилъ на селѣ, откуда онъ долженъ былъ пройти въ садъ и тамъ ждать меня въ гротѣ надъ рѣкою, гдѣ его никто не увидитъ.

Князь Ларіонъ чуть-чуть усмѣхнулся.

— Въ надеждѣ, что я положу гнѣвъ на милость, сказалъ

онъ,—и найду возможнымъ дозволить ему сегодня же увидаться съ Hélène?

— О, князь, вскликнулъ пріятель Гундурова, — какъ онъ счастливъ былъ бы!... На него смотрѣть больно: онъ не спитъ, не ѣстъ вотъ уже пятый день...

Князь Ларіонъ повелъ на него мелькомъ своими впалыми глазами; губы его сложились въ какую-то болѣзненную, горькую улыбку. „Меня этимъ не удивишь!“ словно говорила она.

— А что княжна, какъ? участливо спрашивалъ между тѣмъ Ашанинъ.

— Ей какъ будто лучше... По наружности и совсѣмъ лучше; она ходитъ, даже выходитъ... Вчера она довольно долго гуляла по саду...

— А *духомъ* какъ? спросилъ Ашанинъ, понижая безсознательно голосъ.

— Бодра... или силится казаться такою, — князь Ларіонъ вздохнулъ;—ждетъ! примолвилъ онъ черезъ мигъ.

— Его... Гундурова?

Князь не отвѣчалъ на этотъ вопросъ и, сжавъ брови, глянулъ въ сторону.

— Препятствія со стороны Аглаи Константиновны, кажется, отстранены, сказалъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Какое счастіе! радостно вырвалось изъ устъ Ашанина, и онъ, сіяя благороднымъ взглядомъ, глянулъ на своего собесѣдника.

Тотъ еще разъ не отвѣтилъ ему и принялся, все такъ же щурясь на сторону, за обычное ему хожденіе вдоль оконъ своего обширнаго кабинета.

Молодой человѣкъ машинально слѣдилъ за нимъ глазами, нетерпѣливо ожидая продолженія разговора.

Князь остановился посреди комнаты и поднялъ глаза къ потолку, какъ бы разглядывая на немъ что-то или прислушиваясь.

— Она встала и одѣта, молвилъ онъ, — у нея заходили (кабинетъ и спальня княжны приходились какъ разъ надъ

библіотекой, служившею ему кабинетомъ). Я схожу къ ней, а вы погодите меня здѣсь! обрывисто прибавилъ онъ, направляясь къ дверямъ маленькой лѣстницы, которая изъ его покоевъ вела прямо въ ту часть верхняго этажа, гдѣ находились комнаты княжны.

Выйдя на эту лѣстницу, онъ услышалъ шумъ шаговъ кого-то, спускавшагося по ней съ верхняго этажа. Князь Ларіонъ, прищурившись, поднялъ глаза.

Крѣпко прильнувъ къ желѣзнымъ периламъ одною рукой, а другою придерживая на груди полы своей рясы, сходилъ тщедушнаго вида, маленькій, съ рѣденькими волосами на головѣ и такою же жидкою бородой, священникъ... За нимъ шелъ старикъ-смотритель, очевидно провожая его.

Князь былъ такъ пораженъ, что не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ остановился на ступенькѣ съ широко-испуганно-открытыми глазами.

Священникъ, низко кланяясь и косясь на него такими же испуганными отъ робости глазами, торопливо проскользнулъ мимо него внизъ.

— Что это? остановилъ этимъ вырвавшимся у него восклицаніемъ князь Ларіонъ сходившаго вслѣдъ Юшкова.

— Отецъ Іоаннъ... прихода здѣшняго, пробормоталъ тотъ нетвердо.

— Для чего онъ?...

— Княжна пожелала, молвилъ онъ еще тише.

Князь Ларіонъ схватилъ его за руку.

— Пойдемте! безсознательно проговорилъ онъ, увлекая его съ собою по ступенькамъ.—Что съ ней, дурно? молвилъ онъ, останавливаясь на верхней площадкѣ и осиливая первый порывъ тревоги.

— Нѣтъ, князь, не замѣтно... не видать... А только пожелала, объяснялъ старикъ: — рано утромъ сегодня, шестаго въ началѣ, послала ко мнѣ горничную разбудить меня, что княжнѣ, молъ, очень нужно видѣть... Я, само собою, поспѣшилъ... Она, совсѣмъ одѣтая, ожидаетъ меня, извиняется, — просто даже больно слушать такія извиненія, ваше сіятельство, потому что для нея, кажется, готовъ бы всю душу...

Только говоритъ она мнѣ, что вотъ Успенскій постъ насталъ, что она говѣть собиралась, а тутъ съ ней этотъ припадокъ случился, и слаба стала, въ церковь не въ силахъ ѣздить, а только что очень хотѣлось бы ей Святыхъ Тайнъ пріобщиться. И проситъ меня сейчасъ же за отцомъ Іоанномъ сходить,—но только, говоритъ, чтобы никто этого не зналъ, потому что если дойдетъ до дяди и maman. они перепугаются, пойдутъ разспросы... А мнѣ, говоритъ, хуже отъ этого будетъ!... И даже прибавила: „а мнѣ силъ нужно сегодня и чтобы спокойна я была духомъ“...

Онъ оборвалъ вдругъ и со внезапнымъ смущеніемъ поднялъ глаза на князя, какъ бы только теперь сообразивъ все, что̀ было тревожнаго въ переданномъ имъ.

Князь Ларіонъ съ подрагивавшими судорожно губами уставился на него въ свою очередь.

Прошло довольно долгое молчаніе.

— Что̀ же теперь къ ней можно? спросилъ наконецъ князь.

— Можно, ваше сіятельство. Мы какъ уходили отъ княжны съ отцомъ Іоанномъ, такъ къ ней, я видѣлъ, по корридору докторъ шелъ...

— Такъ пойдемте...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ, только ужь позвольте просить васъ, говорилъ, запинаясь и двигаясь за нимъ, смотритель, — не показывать княжнѣ виду, что вы объ этомъ узнали. Она меня такъ объ этомъ просила и съ горничной своей взяла слово никому не говорить, и отца Іоанна провелъ я изъ сада по этой лѣстницѣ, такъ что никто не видалъ его...

— Будьте покойны!...

Лина сидѣла за чайнымъ столомъ съ докторомъ Рудневымъ, бѣлокурымъ, еще молодымъ человѣкомъ, съ открытымъ, симпатичнымъ лицомъ (онъ только наканунѣ утромъ пріѣхалъ изъ Москвы), и разсказывала ему что-то.

— А вотъ и дядя! вскликнула она, увидавъ входящаго князя;—здраствуйте, oncle; вы, кажется, у меня еще никогда чаю не пили? Позвольте предложить вамъ какъ хозяйка...

На лицѣ ея игралъ румянецъ, лазоревые глаза горѣли какими-то искристыми брызгами.

— Ты очень оживлена, Hélène. Какъ вы находите ее сегодня? обратился къ доктору князь Ларіонъ, стараясь придать голосу своему самую ровную, спокойную интонацію.

— Ничего, улыбнулся тотъ,—княжна очень крѣпко, хотя и не долго спала, говоритъ. Пульсъ—позвольте ручку, княжна! — нѣсколько сильнѣе противъ вчерашняго, но вчера онъ былъ слабѣе противъ нормальнаго, такъ что въ этомъ надо видѣть хорошій признакъ...

— Да, мнѣ сегодня хорошо, очень хорошо! молвила поспѣшно Лина, глядя на дядю неотступнымъ и проницающимъ взглядомъ, производившимъ на него жуткое, тяжелое впечатлѣніе.

Разговоръ какъ бы оборвался на этомъ словѣ. Смотритель и Рудневъ поспѣшили допить свои чашки, поклонились молодой хозяйкѣ и вышли.

Она ихъ не удерживала.

— Дядя, прошептала Лина, какъ только остались они вдвоемъ, перегибаясь къ нему черезъ столъ, — онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь?...

— Почему ты думаешь? спросилъ князь, невольно вздрогнувъ.

— Я чувствую... я вижу... Это у васъ на лицѣ написано, дядя! быстро промолвила она какъ бы въ объясненіе.

— Да, онъ пріѣхалъ, сказалъ онъ не сейчасъ.

— И здѣсь! настоятельно повторила Лина.

— Да... Но я его еще не видѣлъ, счелъ нужнымъ прибавить князь.

— Дядя!... проговорила она только.

Его что-то словно рѣзануло по сердцу, но онъ тотчасъ же осилилъ въ себѣ мгновенный отзвукъ чувства, представлявшагося ему теперь чѣмъ-то чуть не святотатственнымъ.

— Ты желаешь видѣть его, Hélène? съ тихою улыбкой сказалъ онъ.

Она только головой повела.

— Но довольно-ли ты сильна для этого, не произведетъ ли-это на тебя слишкомъ сильнаго впечатлѣнія?

— Я каждый день молила Бога объ этомъ, отвѣтила она съ какимъ-то сосредоточеннымъ движеніемъ бровей,— вы видите, я дожила... Я готова...

— Да, вспомнились князю Ларіону слова, сказанныя ему Оверомъ: „счастье еще никогда никого не убивало“.—Погоди же, молвилъ онъ громко,—господинъ Ашанинъ сидитъ у меня въ кабинетѣ, ты позволишь мнѣ послать за нимъ?

— Я буду очень рада, oncle, я его очень люблю!

— Гдѣ звонокъ къ твоей горничной?

Появившейся на этотъ звонокъ Глашѣ князь приказалъ сбѣгать къ нему въ покои и пригласить находившагося тамъ молодаго человѣка къ княжнѣ.

Ашанинъ вошелъ въ комнату, весь раскраснѣвшійся и запыхавшійся отъ смѣха, съ которымъ несся снизу по лѣстницѣ.

Она привѣтствовала его дружескою улыбкой.

— Ну, вотъ и вы, молвила она,—и все хорошо, не правда-ли?

— Все хорошо, Елена Михайловна, если только вамъ хорошо! отвѣчалъ онъ весело, подавая ей знакъ глазами, что онъ понялъ ее, понялъ все, и что „ихъ Сережа“ тутъ, и только ждетъ минуты войти въ эту самую дверь, въ которую онъ только-что вошелъ.

Она его поняла тоже, и на мигъ, показалось ему, въ глазахъ ея сказалось опять то загадочное, зловѣщее выраженіе, которое такъ пугало его въ нихъ на другой день послѣ ея обморока.

Но она тутъ же улыбнулась еще разъ и обернула голову въ сторону дяди, какъ бы ожидая теперь его слова.

Онъ обернулся въ свою очередь:

— Гдѣ же вашъ пріятель таится? спросилъ онъ молодаго человѣка, налаживая себя на шутливый тонъ.

— Въ гротѣ, надъ самой рѣкой, засмѣялся широко тотъ,— чтобъ отправиться въ нее головой внизъ, если вы не смилуетесь надъ нимъ, ваше сіятельство!

Князь Ларіонъ чуть-чуть повелъ бровями и взглянулъ на племянницу.

— Такъ пригласить его сюда, Hélène?

— Пригласите, дядя! пролепетала она съ загорѣвшимся взглядомъ.

XLIV.

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour...

A. Chénier.

Гундуровъ, шагая объ руку съ Ашанинымъ по пути отъ рѣки къ дому, испытывалъ ощущенія существа, у котораго въ одно и тоже и время выросли бы крылья за плечами и очутились бы пудовыя гири на ногахъ. Онъ хотѣлъ летѣть—и не могъ. Сердце рвалось къ безумной, безконечной радости и тутъ же замирало... „Препятствія со стороны княгини устранены“, сообщилъ ему сейчасъ Ашанинъ, но что-то колющее, язвительное, мертвящее словно винтило внутри его, словно шептало въ какомъ-то израненномъ углу его мозга, что отстранены они лишь потому, что „все равно“, что „счастія ему все-таки не видать“, что *она*... Дрожь пронимала его, въ глазахъ двоилось при этой страшной мысли, ноги подкашивались подъ его изнуреннымъ пятидневною безсонницей туловищемъ. Онъ алчно, судорожно ждалъ минуты свиданія съ нею, и боялся, и вздрагивалъ, и замедлялъ безсознательно шаги.

— Что же, ты, Сережа, говорилъ ему Ашанинъ, прижимая крѣпче локтемъ его локоть,—усталъ что-ли такъ, или испугался предъ входомъ въ рай?

— Очень она перемѣнилась, скажи? въ десятый разъ спрашивалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да нѣтъ же говорятъ тебѣ, нѣтъ! Сегодня ей даже значительно, замѣтно лучше. И совсѣмъ то лицо, тотъ худо-

жественный обликъ, какой былъ у нея, помнишь, въ третьемъ дѣйствіи *Гамлета*, въ сценѣ съ тобою, гдѣ была она такъ прелестна, примолвилъ Ашанинъ.

О, какой зудящей, до сихъ поръ не зажитой раны коснулся неосторожно красавецъ этимъ напоминаніемъ! Гундуровъ весь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ мгновенно набѣжали и также мгновенно исчезли краски.

— Нѣтъ, не можетъ быть, неужели все *оттуда* идетъ?... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! глухимъ и прерывающимся голосомъ вскрикнулъ онъ, увлекая теперь за собою пріятеля, который, занятый въ ту пору собственною эпопеей съ Ольгой Елпидифоровной, не владѣлъ достаточно вниманіемъ, чтобы вникнуть въ интимную драму, разыгрывавшуюся между Гундуровымъ и княжной въ упомянутой имъ сейчасъ сценѣ, и приписывалъ поэтому теперь вырвавшіяся у Сергѣя слова какому-то горячечному припадку.

— Не напугай ты княжну, ради Бога! говорилъ онъ ему, взбѣгая за нимъ на лѣстницу и пугаясь теперь въ свою очередь.

Гундуровъ остановился передохнуть въ корридорѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ комнаты Лины, и прислонился къ стѣнѣ, боясь упасть отъ усталости и волненія.

Дверь этой комнаты отворилась; изъ нея вышелъ князь Ларіонъ.

— Здравствуйте, Сергѣй Михайловичъ, очень радъ васъ видѣть, промолвилъ онъ, протягивая ему руку;—войдите, Hélène васъ ждетъ!

Онъ пропустилъ его мимо себя, затворилъ за нимъ дверь и, обращаясь къ Ашанину, стоявшему тутъ-же:

— Пойдемте покурить по сосѣдству, какъ бы уронилъ онъ, направляясь къ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны.

Гундуровъ переступилъ черезъ порогъ, усиленно сдерживая трепетъ, пронимавшій всѣ его члены, приказывая себѣ смотрѣть твердо и спокойно.

Его точно ослѣпило солнечнымъ лучомъ въ первую минуту. Онъ на мигъ прижмурилъ глаза, открылъ ихъ опять. Прямо предъ нимъ, привставъ съ кресла, словно готовясь

летѣть къ нему, стояла Лина, озаряя его всего блескомъ своихъ лазоревыхъ, жадно устремленныхъ на него глазъ, съ невыразимо счастливою улыбкой на заалѣвшихъ устахъ.

Всю жизнь свою потомъ не могъ онъ забыть этотъ взглядъ, эту улыбку.

— Вы... вы, наконецъ!... пролепетала она, опускаясь снова въ кресло.

Онъ кинулся къ ней...

Лицо ея сіяло... Она протянула ему руку.

Вся тревога, страхъ, все, что наполняло душу его суевѣрною, невыносимою мукой за мгновеніе предъ этимъ, все это разомъ исчезло, стаяло теперь, какъ пѣна „горныхъ рѣкъ вытекающихъ въ степь“, по выраженію поэта... *) Вериги спали; какъ птица небесная несся онъ теперь на вольныхъ крыльяхъ въ самую глубь лазури, въ голубыя поля надежды счастья, довѣрья.

Онъ схватилъ эту протянутую ему руку, нагнулся, глядя ей всѣми глазами въ глаза... и очутился у ногъ ея.

Что происходило у нея на душѣ? Кто это скажетъ? Но и она отдавалась, хотѣла отдаваться вся блаженству этой минуты. И она забыла въ эту минуту все, что тамъ, глубоко внутри ея, рокотало глухимъ, роковымъ звукомъ объ иномъ, близкомъ, ожидающемъ ее... Онъ смолкъ теперь: она заставила его смолкнуть, этотъ роковой, могильный голосъ. Она опять, какъ въ тѣ дни, предъ пріѣздомъ Анисьева, хотѣла жить, жить хотя бы только этотъ краткій мигъ, но исчерпавъ въ немъ все блаженство, какое лишь способна давать земная жизнь.

Она, въ свою очередь, не сводила съ него глазъ.

— Какъ вы блѣдны, худы!... Вы изстрадались изъ-за меня, бѣдный? тихо говорила она.

— А вы сами развѣ не... Онъ не осмѣлился договорить.

— Да, изъ-за васъ... и я! молвила она, какъ бы радуясь этому страданію *изъ-за него*.

Его охватила и понесла неотразимая волна.

---

*) Полонскій.

— Вы моя... навсегда? прошепталъ онъ, прижимаясь горячими губами къ ея тонкимъ, блѣднымъ пальцамъ.

— Да, ваша... Въ этой жизни, и въ вѣчной, такъ же тихо произнесла она, торопливо надъ его наклоненною головой отирая свободною рукой выступившія у нея внезапно слезы.— А что наша милая тетя? поспѣшила она тутъ же спросить, улыбаясь опять, заставляя опять смолкнуть зловѣщій голосъ, прорывавшійся изъ тайника ея души.

Онъ поднялся, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская руки ея изъ своей, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ. Они заговорили... То были тѣ слова, тѣ рѣчи, которыхъ „значенье темно иль ничтожно“, но выше и слаще которыхъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ.

Такъ прошло болѣе часа.

— Не довольно-ли на сегодня? молвилъ имъ князь Ларіонъ, входя въ комнату съ Ашаниным, съ которымъ они тѣмъ временемъ успѣли раза два обойти кругомъ сада.— Не правда-ли, Hélène? Ты рано встала сегодня, утомиться можешь...

Она и Гундуровъ взглянули на него какъ спросонья... Этотъ голосъ, дѣйствительно, будилъ ихъ ото сна, отъ того лучезарнаго сна молодой любви, который лишь разъ въ жизни снится на землѣ человѣку и проносится предъ нимъ, какъ мимолетный отблескъ, быть-можетъ, его первоначальной, небесной родины.

Ни Гундуровъ, ни Лина не отвѣчали на слова князя.

— И Сергѣю Михайловичу надо отдохнуть, настаивалъ князь между тѣмъ:—онъ нѣсколько ночей сряду не спалъ. Уѣзжайте къ себѣ, Сергѣй Михайловичъ, отдохните хорошенько и возвращайтесь завтра. Я предварю о вашемъ пріѣздѣ Аглаю Константиновну, значительнымъ тономъ добавилъ онъ.

Гундуровъ понялъ, что оставалось еще окончательно уломать княгиню, а что онъ пока допущенъ лишь контрабандой въ Сицкомъ. Онъ вздохнулъ, уныло взглянулъ на Лину и поникъ головой.

Лина страшно поблѣднѣла вдругъ. Она словно вся при-

ковалась неподвижными зрачками къ лицу Сергѣя. Мучительная борьба изображалась на ея собственномъ лицѣ. Мгновенная буря словно смела съ него разомъ теперь весь цвѣтъ, все обаяющее оживленіе жизни; выраженіе какой-то леденящей тоски и страха пробѣгало теперь въ этихъ тонкихъ, въ этихъ нѣжныхъ чертахъ... „За что, за что?“ словно вырывалось изъ глубины души ея наружу.

Но она превозмогла себя еще разъ. Вѣки ея опустились; она протянула руку и уронила ее опять.

— Да, такъ лучше, прошептала она чуть слышно: — уѣзжайте, отдохните... вамъ силы нужны...

Онъ безмолвно, растерянно глядѣлъ на нее... повелъ глазами въ сторону князя, встрѣтился съ его глазами, настойчиво требовавшими, чтобъ онъ уходилъ, уходилъ скорѣе.

— Прощайте, Елена Михайловна, до свиданія! пробормоталъ онъ, наклоняясь поцѣловать ей руку.

Она какимъ-то стыдливо-любовнымъ жестомъ занесла ему другую руку на плечо, прильнула блѣдными губами къ его лбу и, оторвавшись отъ него, проговорила надъ самымъ его ухомъ:

— Молитесь за меня... Я за васъ не перестану молиться...

Онъ испуганно, со страшнымъ біеніемъ сердца поднялъ на нее глаза.

Но она уже улыбалась своею обычною, тихою улыбкой.

— Да, вы измучились, вамъ отдохнуть надо. Уѣзжайте!

— Я привезу его вамъ завтра свѣжимъ, какъ роза, княжна, вмѣшался Ашанинъ, подходя и продѣвая руку подъ руку Гундурова.

— Завтра, да... завтра! повторила она черезъ силу. Губы ея дрожали.

— Ну, и довольно, Сережа, пойдемъ!

И Ашанинъ почти силой увлекъ пріятеля изъ комнаты.

Лина откинулась на спинку своего кресла и съ глухимъ рыданіемъ закрыла глаза себѣ платкомъ.

Князь Ларіонъ кинулся къ двери, за которою только-что вышли наши друзья, притворилъ ее и по[illegible]нулся къ ней.

— Тебѣ дурно, Hélène? Я говорилъ... мнѣ не нужно было, не нужно пускать его сюда!

— Нѣтъ, дядя, ничего, пройдетъ.

Она скоро успокоилась, отняла платокъ, повела на него мутными, какъ бы слипавшимися глазами.

— Тебѣ не хорошо... я сейчасъ доктора позову! вскликнулъ онъ.

— Не надо, мнѣ ничего... напротивъ... мнѣ только очень спать захотѣлось, дядя.

— Ступай, я пошлю тебѣ горничную...

— Нѣтъ, здѣсь хорошо, въ креслѣ, совсѣмъ уже соннымъ голосомъ говорила она.

— Такъ положить тебѣ, по крайней мѣрѣ, подушку подъ голову?

— Да, спасибо, oncle!

Она уложила руку на приставленную имъ къ углу кресла подушку, прижалась къ ней щекой и—тутъ же уснула.

Онъ опустился на близь стоявшій стулъ, уперся локтями въ колѣни и погрузился въ это спящее, прелестное лицо неотступными и помертвѣлыми отъ внутренней муки глазами.

XLV.

А Аглая Константиновна въ это время переживала свое послѣднее разочарованіе. Надежды, которыя она возлагала на прибывшаго изъ Москвы доктора, окончательно рушились. Пригласивъ его къ себѣ во внутренніе аппартаменты, она весьма пространно и весьма запутанно начала объяснять ему, что, по ея мнѣнію, болѣзнь дочери, которая страдала сердцемъ, когда онѣ еще жили въ Ниццѣ, нисколько не зависитъ отъ тѣхъ какихъ-то „моральныхъ причинъ“, которыми этотъ „monsieur Auvert veut bien объяснять ихъ теперь, и что, ей кажется, каждая болѣзнь должна быть лѣчима, какъ это слѣдуетъ, то-есть лѣкарствами и другими средствами, между тѣмъ какъ се monsieur Auvert никакихъ лѣкарствъ не предписалъ, а только говорилъ объ этихъ causes morales, которыя совсѣмъ не дѣло доктора, а принадлежатъ къ secrets de famille, въ которые постороннимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться“, а потому она проситъ его, Руднева, „сказать ей настоящую правду, можетъ-ли онъ взять на себя лѣчить Лину *просто*, безо всякихъ этихъ хитростей, которымъ она не вѣритъ, потому что знаетъ, откуда онѣ идутъ“ (тутъ разумѣлся, само собою, князь Ларіонъ, подговорившій или подкупившій, по ея понятіямъ, Овера изъ злости къ ней, Аглаѣ, съ цѣлью противодѣйствія ея планамъ относительно замужства ея дочери), и что за эту „правду“ она „съ большимъ удовольствіемъ готова ему дать mille roubles хоть сейчасъ же“. На это молодой врачъ, весь вспыхнувъ, весьма рѣшительно и рѣзко объявилъ ей, что то, чѣмъ страдаетъ княжна, не нарывъ на пальцѣ,

или жировая шишка, которые можно вылѣчить мазью или надрѣзомъ, что всякая внутренняя болѣзнь тѣсно связана съ условіями жизни больного, съ тѣми именно „моральными причинами“, о которыхъ говорилъ докторъ Оверъ, а тѣмъ болѣе такія страданія, какъ страданія сердца, чувствительнѣйшаго изъ нашихъ органовъ, находящіяся въ прямой зависимости отъ этихъ условій и причинъ. „Это извѣстно каждому профану“, заключилъ разгорячившись онъ,—„а потому я въ вашемъ предложеніи, княгиня, вижу не только обиду для себя, но и какое-то намѣреніе съ вашей стороны, въ обсужденіе котораго я не вхожу, но участвовать въ которомъ я не намѣренъ и предпочту лучше сегодня же покинуть вашъ домъ!“ Аглая страшно перепугалась и, облившись мгновенно слезами, принялась клясться и божиться, что она ничего другаго не имѣла въ виду, кромѣ „le bonheur de ma fille“, и готова все сдѣлать для этого, а потому умоляетъ доктора остаться и „лѣчить больную, какъ онъ знаетъ“. По его уходѣ она тотчасъ же послала за Евгеніемъ Владиміровичемъ для обычнаго совѣщанія. Но „бригантъ“ напугалъ ее еще болѣе, сказавъ ей, что докторъ весьма основательно могъ заключить изъ ея предложенія и разговора съ нимъ, что она довела свою дочь до серьезной болѣзни и теперь хочетъ скрыть это, подкупая его деньгами, и что это можетъ сдѣлаться тотчасъ же извѣстнымъ всей Москвѣ.

— Mais c'est affreux, affreux! завопила Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своемъ диванѣ. — Que faire, mon ami, que faire?...

— Доказать на дѣлѣ ему и всѣмъ, что это не правда, протянулъ Зяблинъ своимъ сдобнымъ голосомъ, — и воспользоваться представляющимся вамъ для этого случаемъ!

— Какимъ случаемъ, que voulez vous dire?

— Гундуровъ здѣсь, молвилъ „бригантъ“ съ нѣкоторою торжественностью.

Она привскочила другой разъ.

— Гунду... Déjà! Гдѣ онъ?...

— У княжны, къ которой привелъ его князь Ларіонъ Васильевичъ...

— Il l'a mené chez ma fille!...

— Вы дали ему на это полное право: вы сказали ему, чтобъ онъ дѣлалъ, „какъ хочетъ“.

— C'est donc fini, fini! заголосила Аглая, роняя отчаянно руки и разражаясь новыми слезами.

— Да что же это наконецъ, княгиня, вскликнулъ Зяблинъ, теряя всякое терпѣніе (а сколько его было у него съ этою умною женщиной, про то могло бы сказать одно небо!), — неужели вы еще надѣялись послѣ всего, что было, навязать вашей дочери этого петербургскаго... молодца! Пора, кажется, понять, что она умретъ скорѣе, чѣмъ выйти за него!

— Je dois donc accepter ce petit monsieur pour mon beau-fils! злобно вскрикнула Аглая.

— Если вы не хотите, чтобы съ вашею дочерью...

— Знаю, знаю! перебила она его съ желчнымъ хихиканьемъ, — и вы съ ними говорите заодно! Je n'ai personne pour me défendre!..

Зяблинъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства на разбойничьемъ лицѣ поднялся съ мѣста.

— Если вы такъ принимаете мои слова, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ удалиться...

Она отчаянно замахала руками.

— Ну bien, ну bien, зовите его сюда, зовите, et que cela finisse!...

„Бригантъ“ медленными шагами вышелъ изъ кабинета и черезъ пять минутъ вернулся. За нимъ шла Lucrèce, съ которою онъ встрѣтился на лѣстницѣ.

— Она говоритъ, что онъ уѣхалъ, промолвилъ онъ, кивая на полногрудую Церлину и опускаясь въ любимое свое кресло подлѣ дивана хозяйки.

— Господинъ Гундуровъ? Такъ точно, ваше сіятельство, залопотала немедля та,—уѣхали сейчасъ, я сама видѣла. Съ господиномъ Ашанинымъ изволили уѣхать...

— Что же это значитъ? вскликнула княгиня, изумленно разводя руками.

— Ничего этого я не могу знать, ваше сіятельство, возразила горничная, — потому что они... ни даже господинъ

Ашанинъ, недовольнымъ голосомъ примолвила она, — ни съ кѣмъ въ домѣ, кромѣ князя и княжны, не говорили...

Аглая, вся покраснѣвъ, обернулась къ „бригантy".

— On vient chez moi, dans ma maison, къ моей дочери отправляются, et l'on ne se donne même pas la peine de se présenter chez moi!... J'éspère que la princesse Lina voudra bien m'expliquer ce que cela veut dire!...

И она гнѣвно поднялась съ дивана, намѣреваясь тотчасъ же итти къ дочери съ требованіемъ этой „экспликаціи"...

— Княжна уснула, поспѣшила сказать понимавшая по-французски Lucrèce: — сейчасъ отъ нихъ вышли князь Ларіонъ Васильевичъ и наказывали Глашѣ, чтобы къ нимъ, кромѣ доктора, никого не пускать.

Княгиня опустилась снова на мѣсто.

— Весь домъ теперь у меня вверхъ дномъ поставили! фыркнула она, сердито махнувъ рукой и принимаясь тутъ же усиленно обмахивать себя вѣеромъ.

XLVI.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,—
Потухъ огонь на алтарѣ!...
Пушкинъ.

Часу въ шестомъ въ комнату, которую занималъ Василій Григорьевичъ Юшковъ въ верхнемъ этажѣ дома, постучала горничная княжны, Глаша. Онъ поспѣшилъ отворить дверь и вышелъ къ ней въ корридоръ.

— Я опять за вами, сказала она ему:—проснулись, просятъ васъ къ себѣ опять.

— Что, какъ ей?

— Ничего-съ... Сидятъ у окна, задумались очень, добавила со вздохомъ Глаша.

Лина такъ задумалась дѣйствительно, что не слышала, какъ онъ вошелъ къ ней, какъ приблизился къ самому ея креслу. Она глядѣла въ садъ пристальнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, словно уйдя всѣмъ существомъ своимъ въ эту тишь, и ширь, и свѣтъ сіявшей предъ нею подъ лучами солнца природы.

„Будто никогда не видѣла ея, или прощается съ нею навсегда“, пронеслось въ мысли старика, тревожно глядѣвшаго на нее. Ему стало жутко... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и присѣлъ къ окну рядомъ съ нею.

— Вы почивали до сихъ поръ, Елена Михайловна? тихо спросилъ онъ.

Она вздохнула всею грудью, медленно повер-

голову, по верху которой словно золотистымъ вѣнчикомъ бѣжала горячая полоска свѣта, и остановила на немъ глаза. Еще никогда не сіяли они такимъ глубокимъ... „уже не земнымъ“, показалось ему, блескомъ.

Она повела утвердительно головой внизъ.

— Я его опять видѣла, сказала она послѣ долгаго томительнаго для него молчанія.

— Кого, княжна? вскликнулъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Папа... Отца моего покойнаго, пояснила она.—Онъ мнѣ и ночью сегодня являлся... Онъ меня ждетъ.

— Ждетъ? повторилъ безсознательно Юшковъ.

— Да!... Я умру сегодня, промолвила она твердымъ голосомъ.

У него зазеленѣло въ глазахъ.

— Что вы, Елена Михайловна, что вы, Богъ съ вами!...

Все лицо ея озарилось улыбкой...

— Не страшно, нѣтъ!... Тамъ хорошо... гдѣ онъ... Не страшно, Василій Григорьевичъ, право!

— Княжна, придите въ себя, вы разстроены... Я позову сейчасъ доктора! бормоталъ вскакивая бѣдный Юшковъ, чувствуя, какъ ужасъ охватывалъ всѣ его члены, и силясь вырваться изъ-подъ его гнета...

Она протянула къ нему руку:

— На что? Только мучить меня!... Вы добрый, вы не захотите...

Онъ безсильно опустился снова въ кресло; большіе, зеленые круги забѣгали у него опять предъ глазами...

— Все равно, счастья бы не было, заговорила она, опять опуская голову и какъ бы отвѣчая на какой-то не сдѣланный имъ вопросъ:—maman никогда бы не простила... дядя Ларіонъ, онъ не пережилъ бы... я знаю!... Я бы все, за всѣхъ ихъ... мучилась... Счастья здѣсь нѣтъ! Его всѣ ищутъ... вотъ и графиня Воротынцева говорила мнѣ... и не найдутъ никогда... никогда! повторила она трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ;—здѣсь счастья нѣтъ... правда, Василій Григорьевичъ?

Онъ сложилъ руки, едва сдерживая стоявшее у него у горла рыданіе.

— Елена Михайловна, родимая, голубушка моя, не говорите такъ!...

Она улыбнулась ему опять нѣжною, ласкающею улыбкой.

— Вы добрый... Но вы сами знаете... Въ Богѣ въ одномъ...

Она не договорила и повернула опять голову къ саду, пламенѣвшему подъ лучами вечерняго солнца. Цѣлая гамма птичьихъ голосовъ неслась изъ-подъ его зеленыхъ кущей, разлеталась въ воздухѣ пѣвучими струями...

Она долго, чутко прислушивалась къ нимъ... Старикъ глядѣлъ на нее, едва дыша.

„Офелія, Офелія!“ повторялъ онъ мысленно, охваченный внезапно какимъ-то мучительнымъ восторгомъ.

— Василій Григорьевичъ, сказала она вдругъ, и на длинныхъ рѣсницахъ ея росинки слезъ сверкнули подъ косымъ лучомъ солнца,—скажите мнѣ, прошу васъ, эти стихи, вы знаете: Ich habe geliebt und gelebt, вы говорили ихъ мнѣ по-русски...

— Въ превосходнѣйшемъ переводѣ Жуковскаго, княжна! добавилъ невольно старый романтикъ.

— Да! Повторите ихъ мнѣ, прошу васъ.

Онъ опустилъ голову и началъ читать, медленно, благоговѣйно, со слезами въ горлѣ, со слезами въ глазахъ:

— Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла:
Мой другъ, я все земное совершила,—
Я на землѣ любила и жила...

— „Любила и жила“, повторила она чуть слышно, подымая руки и нажимая глаза обѣими ладонями... И не отнимая ихъ:— Василій Григорьевичъ, когда... когда все будетъ кончено... скажите ему, я не хотѣла, чтобъ онъ былъ тутъ... Онъ такъ измученъ былъ, я не хотѣла, чтобъ онъ видѣлъ... Ему жить надо! Онъ не забудетъ меня, я знаю... память моя убережетъ его отъ... Онъ вѣрить будетъ, вѣрить... до конца...

Она не докончила и откинулась въ спинку кресла...

Въ широко раскрывшуюся дверь входилъ князь Ларіонъ, въ сопровожденіи доктора Руднева.

Увидавъ его, старикъ смотритель быстро поднялся съ мѣста и устремилъ на него многозначительно глаза, указывая ими на Лину.

Князь Ларіонъ съ исковерканнымъ лицомъ бросился къ ея креслу.

— Что же это? былъ онъ только въ силахъ прошептать.

Рудневъ съ своей стороны ухватилъ ея руку, ища пульса.

— Докторъ, не мучьте... напрасно... проговорила она, болѣзненно сжимая брови.—Дядя, вы пришли... я рада... я...

Голосъ ея внезапно дрогнулъ и оборвался.

— Лина, другъ мой, тебѣ хуже! въ безумномъ отчаяніи лепеталъ князь Ларіонъ.—Я виноватъ, я дозволилъ... Онъ своимъ пріѣздомъ...

Она тоскливо закачала головой.

— Нѣтъ, вы не знаете... зачѣмъ говорить?... Какъ онъ страдать будетъ, бѣдный!...

Онъ слушалъ, содрагаясь, не смѣя дышать.

Она смолкла и схватилась вдругъ за сердце. Ея помутившіеся зрачки неестественно расширились, судорожно подкатываясь подъ трепетно бившіяся вѣки.

Рудневъ быстрымъ движеніемъ наклонился къ самому лицу ея.

Онъ внезапно отшатнулся съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ.

— Я... умираю... пронесся слабый, какъ сонный и счастливый вздохъ ребенка,—и тутъ же замеръ послѣдній звукъ ея голоса.

Князь Ларіонъ глухо вскрикнулъ, схватилъ ея холодѣющіе пальцы...

Старикъ-смотритель какимъ-то экстатическимъ движеніемъ вскинулъ глаза свои и руки вверхъ:

— Отлетѣла! вырвалось у него стономъ изъ груди.

Дверь широко распахнулась еще разъ, и съ раскинутымъ вѣеромъ въ одной рукѣ, съ распущеннымъ платкомъ въ другой, вплыла въ комнату Аглая Константиновна.

— Eh bien, Lina, le sommeil vous a-t-il fait du bien? Et moi je meurs de chaud et d'avoir monté cet escalier si raide! заголосила она еще съ порога, тяжело отдуваясь и никого не видя изъ-за прыгавшаго предъ лицомъ ея огромнаго опахала.

Молчаніе въ отвѣтъ. Эти три темныя мужскія фигуры, какою-то зловѣщею группой обступившія кресло ея дочери и застилавшія ее собою... Аглаѣ стало вдругъ страшно.

— Qu'est ce qu'il y a donc? крикнула она, подбѣгая и отталкивая наклонившагося еще разъ къ лицу Лины доктора.

Она глянула, увидала эти закатившіеся, уже неподвижные глаза...

— Ils m'ont tué ma fille, ils m'ont tué ma fille! визгнула она во всю силу своихъ легкихъ и повалилась навзничь въ истерическомъ припадкѣ.

XLVII.

Настала ночь... Она лежала на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ шандалахъ, вся бѣлая, въ бѣлой кисеѣ, усыпанная свѣжими цвѣтами, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ на распущенныхъ волосахъ, со сложенными на груди крестомъ руками... Такими на полотнахъ старыхъ мастеровъ пишутся непорочныя съ летящими встрѣчать ихъ съ неба дѣтскими головками ангеловъ на трепещущихъ свѣтлыхъ крылахъ... Она уснула—и небесныя видѣнія, казалось, видѣлись ей теперь; что-то безбрежное, глубокое, божественно-счастливое лежало на этомъ обликѣ, говорило въ складкѣ строго, таинственно улыбавшихся устъ. Такой улыбки, такого выраженія нѣтъ у живыхъ,—ихъ даетъ на грани земнаго бытія какъ бы мгновенное прозрѣніе иной, вѣчно сущей, безпредѣльной жизни...

Въ открытыя настежь окна покоя глядѣли съ темнаго неба сверкающія звѣзды; изъ сада лился волною ночной воздухъ, примѣшивая свою живительную свѣжесть къ проницающему запаху раскиданныхъ по ней цвѣтовъ... Она уснула и улыбалась небеснымъ видѣніямъ...

Старикъ-смотритель стоялъ у нея въ ногахъ, разбитый, съ подгибавшимися то-и-дѣло колѣнями, и глядѣлъ на нее неотступно сквозь влажную пелену, застилавшую ему глаза. Подлѣ него, на выдвинутомъ теперь изъ ея спальни prie-Dieu княжны лежала между двумя свѣчами книга въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застежками, Псалтирь ея, по которому онъ собирался теперь читать надъ нею... Но старый ро-

мантикъ медлилъ приступить къ этому чтенію, и дрожавшія уста его шептали строки, неустанно, неотразимо звенѣвшія теперь въ его ухѣ:

Мой другъ, я все земное совершила,—
Я на землѣ любила и жила...

Онъ былъ одинъ. Княгиня Аглая Константиновна, въ преизобиліи горя удалившаяся вслѣдъ за обморокомъ подъ сѣни своего ситцеваго кабинета, гдѣ долго лежала пластомъ на диванѣ, зарывшись головой въ подушкахъ, заснула теперь на немъ, какъ сурокъ. Всѣ обитатели дома, приходившіе поклониться усопшей, перебывали уже тутъ... Глаша, горничная ея, только-что вышла изъ комнаты, — и изъ-за стѣны, отдѣлявшей спальню княжны отъ бывшей комнаты Надежды Ѳедоровны, глухимъ и надрывающимъ стономъ доносилось до слуха старика ея нескончаемое, отчаянное рыданіе...

Онъ отеръ еще разъ глаза, подошелъ къ налою и, раскрывъ книгу, началъ медленнымъ, прерывающимся голосомъ: *„Блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни“*...

Кто-то притронулся до его локтя. Онъ вздрогнулъ и обернулся.

Подлѣ него стоялъ князь Ларіонъ, и старикъ вздрогнулъ еще разъ, взглянувъ ему въ лицо... Оно было страшно, страшно своимъ ледянымъ, мертвящимъ спокойствіемъ. Глаза словно ушли въ какую-то пещеру и горѣли оттуда ровнымъ, но прожигающимъ пламенемъ. „Я не жилецъ уже земной“, сказали съ перваго раза глаза эти Юшкову.

— Можете оставить меня одного здѣсь? сказалъ ему шопотомъ вошедшій; — не надолго, успѣете всегда начать... не договорилъ онъ.

Старикъ повелъ чуть-чуть головой и отошелъ отъ налоя.

— И еще, промолвилъ еле слышно князь, прикасаясь еще разъ рукой къ его рукѣ,—если можно, чтобы никто не входилъ сюда...

Юшковъ молча кивнулъ и вышелъ.

Князь Ларіонъ неслышно подошелъ къ изголовью покой-

ницы. Онъ низко наклонилъ надъ ней голову и жадно впился глазами въ недвижныя черты ея. Судороги поводили все лицо его.

Онъ долго, долго стоялъ такъ, съ наклоненною головой, не отрываясь отъ этого прелестнаго, отъ этого говорившаго теперь о какой-то чудной тайнѣ лица... Онъ стоялъ въ какомъ-то священномъ ужасѣ, пораженный его выраженіемъ, силясь проникнуть мыслью въ эту страшную загадку смерти.

— Вотъ ты какая теперь, произносилъ онъ, какъ въ бреду, несвязно и не раскрывая губъ,—вотъ какая!... Что ты видишь, что узнала? Вся твоя жизнь... да, теперь такъ ясно, — была только преддверіе... предлогъ къ *этому*... Для тебя земное, человѣческая любовь... ты сама обманывала себя здѣсь... къ иному неслась ты... тебя звало вотъ это... невѣдомое, чудное... и страшное... Hélène, гдѣ же ты?.... Что говоритъ этотъ счастливый и строгій ликъ твой... что обѣщаешь ты мнѣ оттуда?... Или это все то же одно: реакція мускуловъ, покой безчувствія... все то же,—тлѣнъ, прахъ, уничтоженіе!... Hélène—прахъ... О, если бы на мигъ только, на мигъ одинъ взглянуть опять въ твои синіе глаза!... О, какіе глаза это были! повторилъ онъ со страстнымъ, охватившимъ его мгновенно порывомъ.

Онъ выпрямился вдругъ всѣмъ своимъ высокимъ станомъ: изъ-за стѣны долетѣло до него глухое стенаніе Глаши.

— Кто тамъ рыдаетъ? Не онъ-ли успѣлъ узнать и тутъ теперь?... Онъ улыбнулся вдругъ, улыбнулся словно торжествующею, злою улыбкой: — Да, ты не возьмешь ее себѣ, не возьмешь!... Вы умѣли всѣ—и любовью вашей, и тупостью довезти ее до могилы... а сойду туда, лягу рядомъ съ нею—я!... А вы живите, живите!...

Онъ повелъ блуждающимъ взоромъ кругомъ себя... опустилъ его снова.

— Hélène, красота моя! вырвалось у него неудержимо изъ груди... И, припавъ головою къ головѣ усопшей, онъ приникъ горячечно пылавшими устами къ ея сомкнутымъ на вѣки глазамъ,—и такъ и замеръ...

— Князь, вамъ дурно? пробудилъ его чей-то дрожавшій голосъ и прикосновеніе чьей-то руки.

Это были голосъ и рука старика-смотрителя, поспѣшившаго войти въ комнату на вопль, донесшійся до него въ коридоръ.

— Я ухожу... довольно!... Можете начинать свое, пробормоталъ князь Ларіонъ, глядя на него растерянным и какъ бы внезапно потухшимъ взглядомъ.

Но онъ тутъ же оправился, наклонился въ послѣдній разъ надъ покойницей и, захвативъ изъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ бѣлую на тонкомъ стеблѣ лилію, быстро направился къ дверямъ.

— Докторъ еще не спитъ, князь, говорилъ выходя за нимъ въ коридоръ Юшковъ, — позволите-ли вы мнѣ послать его къ вамъ?...

— Очень прошу васъ этого не дѣлать, очень прошу, мнѣ никого не нужно! вскрикнулъ на это почти запальчиво князь Ларіонъ.— Благодарю васъ за доброе намѣреніе, примолвилъ онъ черезъ мигъ ласковымъ топомъ и стараясь улыбнуться, — но мнѣ, право, никого не нужно, а всего менѣе доктора; я всю жизнь проходилъ мимо этихъ господъ, говоря: nescio vos!... *).

Онъ кивнулъ ему, пошелъ... и вернулся.

— Благодарю васъ за нее; она одолжена была вамъ многими добрыми часами предъ смертью...

Старикъ схватился руками за голову и залился слезами.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, князь Ларіонъ опустился въ кресло у своего письменнаго стола, сжалъ виски обѣими ладонями и долго оставался такъ, недвижимъ, закрывъ глаза и какъ бы уйдя весь въ какую-то неизмѣримую глубь тоски и муки... Онъ вскинулъ затѣмъ голову, протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ.

Вошелъ его камердинеръ.

— Раздѣваться!... сказалъ онъ ему, направляясь въ свою спальню.

---

*) Я васъ не знаю.

Совершивъ свой обычный туалетъ предъ сномъ, князь какъ бы вспомнилъ.

— Рязанскій мой управитель долженъ былъ пріѣхать сегодня... началъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, онъ тутъ... Только я не смѣлъ доложить, пробормоталъ слуга,—по тому случаю, что какъ княжна...

— Да, да... Такъ ты скажи ему, что я приму его завтра, послѣ моей прогулки, въ восемь часовъ, чтобъ приходилъ со счетами...

— Слушаю-съ... Свѣчи въ библіотекѣ прикажете погасить? спросилъ помолчавъ слуга, видя, что баринъ его собирается спать ложиться въ тотъ же обычный ему часъ, и говоря себѣ не безъ нѣкотораго удивленія, что смерть племянницы нисколько, повидимому, не должна внести измѣненій въ его „аккуратный“ образъ жизни.

— Нѣтъ, сказалъ, какъ бы еще разъ вспомнивъ, князь Ларіонъ,—мнѣ написать нужно будетъ... Подай шлафрокъ и туфли!... Да принеси мнѣ туда графинъ воды холодной,—жарко!...

Онъ облекся въ длинный сюртукъ, служившій ему шлафрокомъ, перешелъ опять въ кабинетъ и отпустилъ камердинера...

Князь Ларіонъ долго прислушивался къ его удалявшимся шагамъ,—затѣмъ взялъ со стола связку ключей и свѣчу и направился съ ними въ уголъ библіотеки, къ стоявшему тамъ старинному флорентинскому шкафу изъ чернаго дерева, уже знакомому нашему читателю. Внутренность его представляла видъ портика, съ колонетками, оконными капителями и ступеньками изъ разноцвѣтнаго штучнаго дерева и слоновой кости, скрывавшими за собою многое множество всякихъ выдвигавшихся ящиковъ и ящичковъ. Растворивъ дверцы шкафа, князь прежде всего вынулъ изъ одного изъ нихъ хранившіяся тамъ бумаги, выбралъ какой-то, повидимому, денежный документъ,—и кинулъ остальное въ прежнее мѣсто. Задвинувъ ящикъ, онъ на мигъ задумался, какъ бы вспоминая, нагнулся, ища чего-то глазами, нашелъ и подавилъ невиди-

мую пружину. Одно изъ оконцевъ портика откинулось въ сторону, открывая потайное, темное углубленіе. Онъ опустилъ въ него пальцы и вытащилъ небольшой, гладкій хрустальный флаконъ, головка котораго тщательно обвязана была лоскуткомъ бѣлой лайки. Онъ какъ бы машинально поднесъ его къ свѣчѣ, поставленной имъ на откинутую доску шкафа, и сквозь толстыя стѣнки его отличилъ переливавшуюся въ немъ влагу.

Князь Ларіонъ закрылъ шкафъ, вернулся къ письменному столу, присѣлъ къ нему и, доставъ листъ почтовой бумаги, написалъ слѣдующія строки:

„Прошу Василія Григорьевича Юшкова принять, въ память *ея*, заключающееся въ семъ пакетѣ, для вспомоществованія бѣднымъ по своему полному усмотрѣнію, но имѣя преимущественно въ виду дѣтей недостаточныхъ родителей, желающихъ получить образованіе; имя же жертвователя сохранить навсегда въ тайнѣ".

Онъ подписался, сложилъ листъ, бѣгло взглянулъ на вынутый имъ изъ шкафа документъ (это былъ билетъ Опекунскаго Совѣта въ 25,000 рублей) и, вложивъ то и другое въ конвертъ, запечаталъ его, надписалъ имя старика-смотрителя и, выдвинувъ передній ящикъ стола, сунулъ пакетъ въ кипу сложенныхъ тамъ бумагъ.

Глаза его, поднявшись отъ задвинутаго имъ опять ящика, остановились внезапно на стоявшемъ на столѣ портретѣ... То была *живая* Лина, та Лина, которая упала ему головой на плечо въ Ниццѣ при первой встрѣчѣ его съ нею послѣ смерти князя Михайлы, когда онъ пріѣхалъ туда разбитый, истомленный трудами и разочарованіями своей петербургской дѣловой жизни. Она стояла въ ростъ, вдумчиво смотря впередъ своими лазоревыми глазами изъ-подъ темнаго капишона, накинутаго на золотистые волосы, съ букетомъ бѣлыхъ фіалокъ въ рукѣ... О, съ какою невыносимою болью воскресало теперь предъ нимъ то волшебное время!... Вся его была она въ тѣ дни,—не было у него совмѣстниковъ въ душѣ ея, предъ нимъ однимъ раскрывала сокровища свои эта свѣтлая душа, для него одного благоухала ея нѣжная, ея дѣвствен-

ная прелесть... А самъ онъ... Какъ примятая трава въ полѣ, расправляющая свои больные стебельки подъ врачующимъ вліяніемъ весеннихъ лучей, расцвѣтало подъ ея обаяніемъ усталое его существо въ тѣ блаженные дни. Покинутая имъ власть, Россія, враги, чаянія и недочеты его честолюбія, все, чѣмъ до тѣхъ поръ жила его мысль, полонъ былъ его умъ,— все это теперь какъ снѣгъ таяло подъ ея лучами, все это такъ скоро на его глаза не стало стоить этого букета бѣлыхъ фіалокъ, который тогда, въ Ниццѣ, ходилъ онъ каждое утро заказывать для нея у садовника... И вотъ... „Изъ праха твоего теперь выростутъ фіалки“, вспомнилось ему вдругъ смутно изъ словъ Лаерта надъ гробомъ Офеліи...

„Она для меня его сдѣлала, сюрпризомъ, ко дню моего рожденія,—я нашелъ его у себя въ комнатѣ, на столѣ, вернувшись съ прогулки“, вспоминалъ князь Ларіонъ, захвативъ себѣ голову обѣими руками и потухшими глазами глядя на портретъ... „Пусть же и исчезнетъ онъ вмѣстѣ со мною!“ вскликнулъ онъ, срываясь съ мѣста и простирая къ нему руку... „Нѣтъ“,—и онъ упалъ опять въ кресло,—„подозрѣніе... его не нужно... Пусть же хоть не этому тупому палачу— матери ея съ ея сынкомъ достанется онъ!“...

Онъ взялъ новый листъ бумаги:

„Въ случаѣ моей смерти, имѣющійся у меня акварельный, дѣланный въ Ниццѣ, въ 1849 году, портретъ племянницы моей, княжны Елены Михайловны Шастуновой, прошу передать, въ память обо мнѣ и какъ свидѣтельство искренняго моего уваженія, вдовѣ генералъ-майора, Софіи Ивановнѣ Переверзиной“,—написалъ онъ, помѣтилъ днемъ 4 іюня (днемъ объясненія своего съ Софьею Ивановной) и, вложивъ это въ обложку съ надписью: „Моимъ наслѣдникамъ“, запечаталъ гербовою своей печатью и заперъ въ тотъ же ящикъ письменнаго своего стола.

Онъ всталъ... „Пора кончить“! вымолвилъ онъ про себя, прищурился и пошелъ къ камину. Онъ взялъ съ него небольшой, изящной формы, на стройной, тонкой ножкѣ венеціанскаго стекла бокалъ, вдоль краевъ котораго бѣжала легкая гирлянда зеленыхъ листьевъ и розъ, и перенесъ осто-

рожно хрупкую вещицу на столикъ, стоявшій у открытаго окна, и на который поставленъ былъ его камердинеромъ принесенный по его приказанію графинъ съ водой и стаканъ на подносѣ... Князь Ларіонъ налилъ въ стаканъ, жадно отпилъ изъ него—во рту у него было невыносимо сухо,—и небольшое количество оставшейся въ немъ воды перелилъ въ бокалъ.

Онъ вздрогнулъ вдругъ, насторожилъ ухо... Сверху, сквозь открытыя окна, долетали до него изъ кабинета покойницы дрожавшіе, обрывавшіеся звуки голоса читавшаго надъ нею старика-смотрителя... „*Единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть пріемлетъ*“, явственно разслышалъ князь Ларіонъ..!

Онъ машинально кивнулъ, какъ бы въ подраженіе этихъ донесшихся до него словъ, вынулъ изъ кармана шлафрока добытый имъ изъ тайника шкафа флаконъ и, развязавъ обматывавшій его лоскутъ лайки (онъ тутъ же кинулъ его въ стоявшую подъ столомъ корзину съ рваной бумагой), осторожно вытащилъ стеклянную пробку и—вылилъ въ бокалъ до капли содержавшееся въ стклянкѣ...

„Теперь уничтожить это!“ молвилъ онъ, отвѣчая мысленно послѣдовательному ходу своего заранѣе и давно обдуманнаго плана. Онъ направился къ одному изъ баютовъ библіотеки, вынулъ изъ стоявшаго тамъ ящика съ англійскими ручными инструментами молотокъ и, подойдя затѣмъ къ камину, отставилъ стоявшій передъ нимъ экранъ, нагнулся, положилъ стклянку на плиты камина и принялся дробить ее молоткомъ. Онъ дѣлалъ это спокойно, не спѣша, съ тою „аккуратностью“, которая дѣйствительно входила въ привычки его западнаго воспитанія... и какъ бы находя теперь какое-то удовольствіе въ этой механической работѣ, оттягивавшей на нѣсколько мгновеній *то*, рѣшенное, послѣднее...

Обративъ флаконъ въ порошокъ, князь Ларіонъ выпрямился, раскидалъ его ногой по плитамъ, смѣшавъ съ разсѣяннымъ по нимъ пепломъ, поставилъ экранъ на прежнее мѣсто, а молотокъ положилъ въ тотъ же ящикъ съ инструментами и, заперевъ шкафъ на ключъ, вернулся къ столику у окна.

„Видимыхъ слѣдовъ нѣтъ, по наружнымъ признакамъ окажется—апоплексія... а добираться глубже ни для кого не будетъ интереса“... Онъ повелъ усталымъ взглядомъ по обширному покою, въ которомъ все говорило ему о его прошломъ, о завѣтахъ и преданіяхъ его рода, и горькая усмѣшка, какъ бы прощальнымъ привѣтомъ этимъ преданіямъ и идеаламъ прошлаго, скользнула по его губамъ.

„Со мною кончится... Не Шастуновы... Раскаталовы пойдутъ“, несвязно прошепталъ онъ, болѣзненно прижмуривая вѣки. Онъ взялъ со стола принесенную имъ отъ усопшей лилію и жадно наклонилъ къ ней лицо, какъ бы желая вычерпать изъ нея весь ея обаяющій запахъ.

„Какъ ты... цвѣла...“ не договорилъ онъ, выронилъ цвѣтокъ изъ руки и, протянувъ ее къ бокалу, поднялъ его и подошелъ съ нимъ къ самому окну.

Луна зашла... Сверкавшія звѣзды, словно миріады вопрошавшихъ глазъ, представилось ему на мигъ, глядѣли на него съ недостижимой высоты неба. Вѣковыя липы прадѣдовскаго сада склоняли надъ землею свои неподвижныя вѣтви, будто задумавшись о немъ и ожидая...

Онъ еще разъ болѣзненно моргнулъ вѣками.

„Какъ любила она эти звѣздныя ночи!“ пронеслось у него въ памяти.

„*Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится!*“ донеслось до него сверху.

„Сейчасъ узнаемъ!“ проговорилъ онъ, быстро поднося бокалъ къ губамъ—и, опорожнивъ разомъ, выкинулъ его разсчитаннымъ послѣднимъ движеніемъ далеко за окно.

Слабый звонъ тонкаго стекла, разлетѣвшагося въ мельчайшія дребезги на пескѣ аллеи, не успѣлъ еще замереть въ сонномъ воздухѣ, какъ бездыханное тѣло князя Ларіона, ударившись вискомъ о косякъ стѣны, опрокидывалось всею тяжестью своею на паркетъ...

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 015 016 707

PG
3467
.M327
1885
v.5

DATE DUE
STANFORD LIBRARIES
SPRING 1979
SEP 1 1987
I. L. L.

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305